

книга вторая, серия "Да начнется игра"

в любви и футболе ...

ДА НАЧНЕТСЯ ИГРА!

френдзона

Автор бестселлеров
кристиен каллихен

Книжный червь Переводы книг

Грей не дружит с женщинами. Он с ними спит. Так было до Айви.

Последнее, чего хочет звездный нападающий Грей Грейсон, так это ездить на ядовито-розовой машине дочери своего агента. Но ему нужна тачка, а девушка как раз учится за границей. Это парень и пытается объяснить дерзкой цыпочке, когда получает от нее гневное сообщение с угрозами нанесения ему увечий, если он случайно разобьет ее любимую машинку. Но прежде чем Грей успевает хоть глазом моргнуть, Айви Маккензи превращается в его лучшего друга по переписке.

Однако вскоре Айви возвращается домой, и все идет наперекосяк. Виной тому то, что мысли Грея сейчас сводятся лишь к одному — Айви.

Айви не занимается сексом с друзьями. Особенно с известными футболистами. Независимо от того, насколько один из них ее возбуждает...

Грей сводит Айви с ума. Он грубый, определенно запретный, секс на палочке. Однако у Айви есть четкое правило — никогда не связываться с клиентами отца. Правило, которого сейчас стало крайне сложно придерживаться, особенно учитывая, что Грей делает все возможное, желая соблазнить девушку. Так что очень скоро ее лучший друг превращается в самого неотразимого парня на Земле.

Что ж, Грею придется попотеть, используя все свои навыки флирта, чтобы выйти из френдзоны и заполучить сердце Айви. Да начнется игра.

4:13 утра Сообщение Грею Грейсону от незнакомого номера.

Неизвестный: Мистер Грейсон, мой отец сказал, что одолжил вам мою машину. Меня по правде не волнует, собираетесь ли вы подписывать контракт с ним или нет. Как дочь агента, могу сказать, что знаю футболистов и их методы. Так что давайте начистоту. Вы не будете делать ничего непотребного внутри моей машины, а иначе вам придется отвечать передо мной. Вы можете перепихнуться с любой из ваших женщин в кровати, а не в моем авто.

С уважением, Айви Маккензи.

GrayG: Эй, мисс Мак. Вы осознаете, что ваша машина Fiat 500 цвета розовой жвачки, верно? Даже если я мог бы вынести весь этот отвратный розовый цвет, то размер этого авто больше подойдет лилипутам. Так что не волнуйтесь, ничего непотребного (Непотребного? Серьезно? Мы что живем в 80-е годы?) не случится поблизости вашего авто. Я не готов к радикальной смене приемлемого для меня способа получения удовольствия.

И кстати, кровати переоценивают. Расширьте хоть немного свои горизонты.

IvyMac: Ты станешь меня учить, как использовать слово "непотребство"? Серьезно, мистер Лилипут? Я не знаю, давиться ли мне от смеха или впечатляться тому, что ты вообще знаешь, кто такие лилипуты.

Я промолчу насчет твоей фобии розового, однако скажу, что меня не волнует то, где ты проделываешь свои делишки. Если это где-то не в моей машине.

GrayG: Да, я читаю. Попридержи свой шок. Или, может быть, озноб. Думаю, твой интерес к моим делишкам вскоре возрастет.

IvyMac: Ок. Ладно. Я была хамкой. Конечно, ты же ты читаешь. Читай это: одна царапина на моей машине, и ты ее купишь.

GrayG: Это крайне соблазнительное предложение. То есть, кто бы не хотел купить такую машину? Предполагаю, ты принимаешь конфетки в качестве оплаты за нее?

IvyMac: Конечно, принимаю, Кексик. Но автомобиль не продается.

GrayG: Вижу, что ты распознала мою сладкую и вкусную от природы натуру. Подожди, пока попробуешь мою глазурь.

IvyMac: Эээ... Попридержи свою глазурь при себе!

GrayG: Эх. Так почему мы говорим об этом в 4 утра? Ты не спишь?

IvyMac: Прости. Я в Лондоне. Здесь не 4 утра. Эй, тебе не следует поспать? К слову, почему ты вообще отвечаешь на мои сообщения?;-)

GrayG: Я не знаю. Какая-то ранее незнакомая мне мазохистка захотела поспорить о своей девчачьей машинке?

IvyMac: Я всегда считала, что нападающие игроки любят боль.

GrayG: Нет, мы дарим людям боль, Мак. А еще у нас неотразимые задницы. Очевидно же.

IvyMac: Ладно, мне пора.

GrayG: Хорошо. Пока.

IvyMac: Пока.

GrayG: Увидимся.

GrayG: Или нет. Потому что ты в Лондоне.

IvyMac: Грей?

GrayG: Ага.

IvyMac: Иди спать.

GrayG: Хорошо. Споки-ноки. Или доброго утра. Или что там у тебя.

GrayG: Мак? Эй? Верно. Ты же ушла.

Через несколько часов...

GrayG: Мак? Как на счет 18 дюймовых хромированных дисков? Уверен, когда ты увидишь результат, то влюбишься в них.

IvyMac: Что? Да ты пиздишь, верно?!

GrayG: Нецензурная лексика, мисс Мак? Я в ужасе. Продолжите в таком духе, и мне придется прибегнуть ко всяким непотребствам.

IvyMac: Грей! Что за хрень ты творишь с моей машиной?!

GrayG: Ха! Попалась. Тебя надули. Признай это.

IvyMac: Ничего я не признаю! Ты разбудил меня, чтобы терроризировать и отомстить за то, что я разбудила тебя прошлым утром?

GrayG: Мак, сейчас же 8 вечера в Лондоне. Почему ты спишь?

IvyMac: Мне нужно вставать в 3:30 ночи. Я работаю помощницей у мамы в булочной.

GrayG: Выпечка и всякое дерьмо? О, боже, мне нужна минутка.

IvyMac: Не дерьмо, а разные сладости, большой парень.

GrayG: Ты сейчас со мной заигрываешь, Мак?

IvyMac: *закатывая глаза* Разве есть причины так думать, исходя из моего предыдущего смс?

GrayG: Думаю, что нет. Прости, что достаю тебя. Спокойной ночи, Мак.

IvyMac: Ты не достаешь меня. Я просто раздражена, потому что ненавижу вставать рано. Люди говорят, что я... вспыльчива. Но я не такая.

GrayG: Язвительная? Нет. Ты... дерзкая. Как соус в Биг Маке.

IvyMac: Если ты называешь меня соусом, то у тебя явно не все шарики на месте.

GrayG: Я знал это, ты флиртуешь со мной! Непотребства!!

IvyMac: Смешно. Придурок.

GrayG: Для тебя Кексик, а ты мой Специальный Соус. Иди спать, Мак. А я от нечего делать пойду на работу.

IvyMac: >:-Р

И на следующие утро...

IvyMac: Я гуляла сегодня по Джермин-Стрит. Краем глаза увидела парня в ярко-розовом костюме. И подумала купить тебе такой же, чтобы ты сочетался с машиной. Тогда ты мог бы быть в полном розовом обмундировании.

GrayG: Здорово! Но я уверен, что для меня такой костюм нужно шить на заказ. Удлиненный. И кстати, я ровняюсь налево. (*dress left* — термин, употребляемый для брюк

приталенного покроя, означающий, что мужчина укладывает свой член в левую штанину, таким образом, эта штанина шьется немного шире правой — прим. пер.)

IvyMac: Мне кажется, или ты и правда упоминаешь по одной из своих частей тела в каждом сообщении?

GrayG: Это ты упомянула мои шарики в прошлый раз.

IvyMac: Только потому, что хотела по ним врезать.

GrayG: Однако ты все же думала о них. Это самое главное;-)

IvyMac: Конечно, думала, Кексик. *похлопывает себя по лицу* продолжай мечтать свои мечты.

GrayG: Я знал это!!! Ты хочешь, чтобы я был с тобой плохим. Все нормально, все женщины хотят этого.

IvyMac: Верно.

Немного позже...

IvyMac: Кстати, а почему ты одолжил мою машину? Мне правда с трудом верится, что у тебя нет своей собственной. Или она в сервисе? Навеки вечные?

GrayG: Мой лучший друг (он наш квотербек) Дрю сломал ногу. Его машина на ручной коробке передач. А мой грузовик на автоматической. Так что я одолжил ему свою машину и позаимствовал... Розовый Кошмар.

IvyMac: Грей. Это очень мило с твоей стороны.

GrayG: Скажи, что я сладкий.

IvyMac: Ты и правда такой. Абсолютно сладкий.

GrayG: Сейчас ты меня смущаешь. Я солгал. Я — заостенелый подонок. Самый настоящий.

IvyMac: О, Кексик.

IvyMac: Грей?

IvyMac: Эй?

IvyMac: Ладно, ты бездушный душегуб. Счастлив?

GrayG: Да. Хотя я предпочел бы "губитель женских душ".

IvyMac: Как на счет сэра Ебаната?

GrayG: Ум-ора! Правда. Спокойной ночи, Специальный Соус.

IvyMac: Споки, агент ФБР.;-)

Спустя еще несколько сообщений...

GrayG: Мне скучно. Поговори со мной. Снова. Эх. Эх.

IvyMac: Суп должны признать лучшим изобретением всех времен и народов. Полноценный продукт питания в одной миске! Но в виде горячей жидкости.

GrayG: В виде горячей жидкости...? Гмм. Я почти уверен, что ты — девушка моей мечты, Айви Мак. Или кто-то сказал тебе, что суп — мое любимое блюдо?

IvyMac: Ты тоже любишь суп?!? Стукнемся же кулаками, любитель супа! Вуху!

GrayG: Вуху! И, детка, суп, который я готовлю — лучше всех тех, что тебе доводилось когда-либо пробовать.

IvyMac: Оооо, расскажи мне об этом, Грей. Прямо. Вот. Так.

GrayG: Выходи за меня, Мак.

IvyMac: Ладно, но только за суп.

Через несколько минут...

GrayG: Почему шесть боится семи?

IvyMac: Почему?

GrayG: Потому что семь "съела" девять. (*имеется в виду созвучность англ. слов eight — восемь и слова ate — съесть — прим. пер.*)

IvyMac: Ха! Как ты считаешь коров?

GrayG: И как же?

IvyMac: С короволятором (cowculator).

GrayG: Довольно неплохо. Думаю, ты должна выйти за меня прямо сейчас. Больше никому не нравятся мои шутки.

IvyMac: Приятно знать, что мой дурной вкус в шутках — полезная особенность.

GrayG: Это чертовски сексуально. Я практически стою по стойке смирно.

GrayG: Мак?

GrayG: Эй, я пошутил. Я не пытался на тебя дрончить, клянусь.

GrayG: Мак?!?

IvyMac: Я здесь. Прости! Я в метро. Потеряла с тобой связь в туннеле.

GrayG: Хорошо. Круто. Я волновался.

IvyMac: Не стоило. Я знаю, что ты просто был собой.

GrayG: Такой уж я, всегда шучу. Должен идти на тренировку. Напишу тебе, когда закончу.

Позже тем же днем...

IvyMac: Провела все утро, выпекая хлеб и думая о твоём имени.

GrayG: Моим имени? Конфетка, если ты будешь и дальше обо мне думать, то лучше сосредоточься на моей огромной... руке. У меня волшебные руки, малыш. Вещи, которые я могу сотворить этими руками просто уму непостижимы.

IvyMac: Типа поглаживать свои шары весь день?(слово *balls* здесь имеет двойной смысл — мячи в футболе и шары в смысле яйца — прим. пер.)

GrayG: >:-(

IvyMac: Эх. Эх. Твое имя интересней, чем способность управляться с шарами.

GrayG: Ха. Грей Грейсон — особый вид пытки, используемый по отношению к ребенку. Что скажешь на это? Моя мама читала *Дело о пеликанах* прямо перед моим рождением. Так что решила назвать меня в честь героя этой книги, Грея Грантама. И никто не смог уговорить ее передумать. Я привык ненавидеть свое имя. Но сейчас люблю его, потому что мама выбрала его с любовью.

IvyMac: Это клевое имя. В моей голове прыгают твои фанатки: Грей-Грейсон. Грей-Грейсон!

GrayG: Руки, Мак. Подумай о моих руках.

IvyMac: Грей-Грейсон сжимает шары в своих больших, сильных руках..!

IvyMac: Эй?

IvyMac: Эй?

IvyMac: Вредина.

И через несколько часов...

IvyMac: Я не могу уснуть. Поговори со мной.

GrayG: Почему ты не можешь уснуть?

IvyMac: Потому что, на фиг, девять тридцать. Мне приходится ложиться спать пораньше, так как нужно рано вставать. Я говорила, как ненавижу вставать рано?

GrayG: Кроме тех трех раз, что ты написала в одном из сообщений? Ага, совсем немного.;-) Я мысленно представляю себе игры, когда не могу уснуть.

IvyMac: Ага. Следует попробовать. Я впадаю в полудрем, всего лишь думая об этом. Спасибо, Кексик.

GrayG: Рад быть полезным, конфетка. Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

IvyMac: Ты скоро станешь человеком, к которому я буду обращаться в первую очередь. Если тебя это возбуждает, просто скажи мне. Я помогу уgomонить твой пыл.

GrayG: Что? Нет. Не пойми меня неправильно, но я в некотором роде пристрастился к твоим смскам.

IvyMac: Я тоже. Разговор с тобой похож на разговор с самой собой. Только лучше.

GrayG: Страшно, что ты меня так воспринимаешь.

GrayG: Я просто чувствую, что могу рассказать тебе что угодно.

IvyMac: И это правда. Именно так и поступают друзья.

GrayG: У меня раньше никогда не было девушки друга.

IvyMac: Что ж, я награждена почетным званием первой.

На следующее утро...

GrayG: Итак, друг мой, могу ли я все еще рассказывать неуместные, связанные с сексом шулки?

IvyMac: Конечно. Думай обо мне, как о еще одном парне. С вагиной.

GrayG: А. Вздрагиваю. Б. Спасибо, нет. С. Мне приснился сон о том, как ты сосеши мой 8==> Но когда посмотрел вниз, то обнаружил, что это не ты, а коза... ну, знаешь. А затем я проснулся, потому что так сильно орал, что свалился с кровати. И теперь я живу с ужасной боязнью коз.

IvyMac: Ржу не могу! Грею отсосала коза!

GrayG: >:-[

IvyMac: Шоу Коза-на-Грее! Хееее!*Пацталом*

GrayG: Ты отстойна, знаешь об этом?

IvyMac: Нет, это была коза! (*имеется в виду двойное значение слова suck — остой и сосать — прим. пер.*) *умираю* Как смешно. Держусь за живот!

GrayG: Смейся, Хохотушка.

IvyMac: Хорошо. Я уже в норме. Ах, Кексик, я рада, что мы друзья. Это много значит

для меня. С тобой я чувствую себя в безопасности. Словно могу быть собой и не переживать о том, что секс мешает нашему общению. Или что там у нас.

IvyMac: Я впала в эстаз. Не обращай на меня внимания.

GrayG: Конфетка, твоя дружба — гребанный дар. Никогда не сомневайся в этом.

Спустя еще несколько сообщений и несколько часов без...

GrayG: Итак, я сцепился с Дрю. Он обвинил меня в попытке трахнуть его девушку. Я бы, нахрен, НИКОГДА не стал такого делать. Что бы люди обо мне не думали, я бы скорее умер, чем сотворил такую херню.

IvyMac: Я бы никогда не поверила такому о тебе, Грей. Мне жаль, что тебе больно.:-)

GrayG: Мне не больно. А тебе было бы больно? То есть, как ты можешь знать наверняка? В некотором роде, как игрок, я конечно знаю об этом. Черт, возможно мне следует называть себя сэром Ебанатом.

IvyMac: Прекрати. Парень, который может запихнуть себя в розовую машинку и прокатиться на ней по городу ради услуги своему другу, не стал бы бить его ножом в спину. Игрок или нет, но ты хороший парень. И я единственная, у кого есть право называть тебя сэром Ебанатом! >:-[

IvyMac: Кстати, это нормально, если тебе больно. Мне было бы больно, если бы мой друг обвинил меня в подобном. Хочешь, я вернусь домой и надеру ему зад? Потому что у меня есть особые навыки в этом деле. Сумасшедшие навыки надирания задниц.

GrayG: Смешно. Но не стоит. Я знаю, Дрю на самом деле не имел этого в виду. Он прошел через многое из-за своего перелома ноги. Просто. Ладно, да, мне неприятно, что он отнесся так ко мне.

IvyMac: :-({{{{обнимашки}}}} }

GrayG: Айви, думаешь, странно, что я в некотором роде, хочу, чтобы ты была дома? Что я типа скучаю по тебе?

IvyMac: Нет. Я бы тоже хотела прямо сейчас быть там. Тоже скучаю по тебе.

IvyMac: Хорошо. Сейчас заеду в туннель. Напиши мне позже, Кексик.

GrayG: Напишу. Спасибо, что выслушала, Мак.

На следующий день...

GrayG: С Дрю все наладилось. Он извинился за то, что был мудаком. Сегодня мы вместе побросали мяч. До этого он какое-то время не притрагивался к нему, так что это прогресс.

IvyMac: Хорошо. Я так рада. Знаю, как важен он для тебя.

GrayG: Я собираюсь пойти к нему и его девушке Анне в гости. Она бы тебе понравилась. Такая же дерзкая. Но, знаешь, до *специального* соуса ей далеко.

IvyMac: Ты рискуешь своими яйцами, называя меня специальным соусом. Не думай, что я не сдержу свои угрозы, когда бы мы там не встретились.

GrayG: Ну вот, ты снова думаешь о моих шарах. Однажды мы направим твои порывы к ним в правильное русло.

IvyMac: Конечно, мы направим мои порывы, а затем ты сможешь похромать куда

подальше.

GrayG: Пустые угрозы, Мак. Ты знаешь, что не можешь ранить меня. Ты слишком сильно меня любишь.

IvyMac: Как скажешь, Кексик. Повеселись сегодня. Полезный совет для вечеринок: не упоминай о своих шарах <— 101-е основное правило вежливого поведения в обществе.

GrayG: Черт, и ты говоришь мне об этом только сейчас? Тема о моих шарах всегда была основной для моих разговоров по душам. О.о

IvyMac: Теперь ты в курсе, Грей.

GrayG: Что бы я делал без тебя?

IvyMac: Лучше не думай об этом, Кексик.

GrayG: Ага, сама идея слишком ужасна, чтобы ее осмысливать. Береги себя, Айви. Напишу тебе позже. Ты не будешь еще спать?

IvyMac: Нет. Не уж то ты думаешь, что я могу уснуть без твоих ночных сообщений.

GrayG: Скучаю по тебе.

IvyMac: Я тоже.

Спустя несколько дней и сообщений...



Если жизнь меня чему и научила, так это тому, что надо ценить то, что имеешь. Будете воспринимать что-либо как должное, и оно может исчезнуть, прежде чем вы осознали, что оно у вас было. Я извлек этот урок у своей мамы, хотя и жалею о каждом моменте, что упустил. В один день она испекла для меня яблочный торт и напомнила, чтобы я занимался после тренировки, а на следующий день загнала меня в клетку, сообщив, что больна раком. Черт, я помню каждое слово той беседы. Каждое чертово слово, вонзавшееся в мою плоть, словно коготь. Но особенно четко я помню, как она закончила свою речь: *Живи каждый день на полную, Грей. Цени жизнь во всем ее изобилии, пообещай мне это.*

И я пообещал. И все еще держу свое обещание. Наслаждаюсь моментом. Упиваюсь им. Впитываю жизнь и посылаю на хрен все остальное.

Все правда просто. Я хожу на вечеринки, потому что это весело. Наслаждаюсь женщинами, потому что люблю их. Люблю их сладкий запах, их мелодичный смех и мягкие

округлости. Я играю в футбол, потому что это самая прекрасная гребаная игра на Земле. И это дает мне множество преимуществ. Мне весело.

Вот только сейчас стало сложнее жить одним моментом. Я отвлекся, устремив свой взор в будущее. Оказывается, мне хочется, чтобы будущее настигло меня не так скоро. И все из-за Айви Маккензи.

Это странно. У меня есть друзья. Несколько парней из моей команды, с которыми я близок настолько, что брошусь за них и в огонь и в воду. Дрю? Он мне как брат. Так почему я чувствую эту напряженность в моей новой дружбе с Айви? Я не уверен. Мы начали переписываться всего около недели назад, но она уже стала важной частью моей жизни, очень яркой частью.

Возможно даже слишком яркой, потому что я скучаю по ней и хочу ее увидеть. Это правда, хоть и звучит как слабость. Я не хочу лежать на скамье и делать бесконечные повторы упражнений, от которых мои мышцы груди жгут, а руки ощущаются словно толстые тушки сырой говядины. Я хочу встретиться лицом к лицу с Мак, поговорить с ней по-настоящему, выпить с ней пива или потрепаться. Мак бы это понравилось; она — как один из парней, только лучше. Может, веселее? Я не знаю. Я просто знаю, что она мне нравится. Сильно.

Я бурчу, пот стекает по лбу и из уголков глаз, пока я стараюсь сосредоточиться на происходящем в данное мгновение. Но это сложно. Плиточный потолок размывается перед глазами, и я думаю о телефоне в моем кармане. Желание вынуть его и написать сообщение Мак такое сильное. Но ведь я должен тренироваться, а не валять дурака. Так что я снова поднимаю тяжелую штангу и выдыхаю. Дерьмо. Я сбился со счета. Неважно. Я знаю свой лимит.

И когда достигну его, то напишу Мак.

И словно мои мысли материальны, телефон гудит напротив моего бедра. Я колеблюсь, руки с весом висят у меня над головой, немного пошатываясь. Телефон снова гудит. Мак. С лязгом я опускаю штангу на место, а затем сажусь и сую руку в карман за телефоном. Однако, это не смс, а входящий звонок.

— Ага?

— Напомни мне поработать над твоими социальными навыками, Грейсон, — говорит резкий голос. — Нельзя так отвечать на телефонные звонки, когда футбольные агенты активно проверяют тебя.

Это Шон Маккензи, отец Айви и человек, которого я решил выбрать себе в агенты, как только закончится сезон.

Я провожу рукой по волосам, убирая влажные пряди со лба.

— Уверен, что они захотят меня независимо от моих манер общения по телефону, Биг Мак, — я тянусь за водой и пью залпом.

— Не будь таким самоуверенным на этот счет, малыш. Имидж — наше все.

Он, конечно же, прав. Потому что я и знаю, что этот парень — мой правильный выбор.

— Что стряслось? — спрашиваю я, вытирая рот о свое предплечье. Огромная ошибка — я потный, как свинья. Кривясь, я тянусь за полотенцем. — Или это один из тех случайных звонков по окучиванию клиентов, что вы тестируете на мне?

Маккензи смеется.

— Умник, — следует тишина, а затем. — Я хочу попросить тебя об услуге.

Удивляясь, я выдерживаю паузу и делаю еще несколько глотков воды.

— Валяйте.

— Это на счет Айви.

В мгновение все мое внимание сосредоточено на его словах. Я сажусь, а мое сердце начинает странно часто стучать.

— Что насчет Айви?

— Я знаю, что вы двое *переписываетесь*, — в последнем слове слышна усмешка, — и мы обсудим это детально чуть позже, Грейсон, — он не скрывает своего раздражения.

— Гм... — ага, остроумный ответ, но я не могу винить Маккензи за то, что он расстроен. Обычно отец имеет полное право хотеть, чтобы его дочь держалась от меня подальше. — Послушайте, Маккензи, мы с Айви друзья. Она как... — я смолкаю, это клише становится поперек горла, так как то, что я собирался произнести, неправда. Но Маккензи в любом случае заканчивает за меня эту фразу.

— Как сестра тебе. Ага, ага, я слышал тоже самое от Айви.

Слышал? Думаю, хорошо, что она рассматривает меня в роли брата. Я вонзаю свои пальцы в напряженные мышцы затылка.

— Верно, так это же хорошо? Потому что я...

— Я застрял в Нью-Йорке. Один из игроков был арестован за вождение в нетрезвом виде, чертов идиот, — он вздыхает. — В любом случае, Айви приезжает домой из Лондона и должна прибыть в аэропорт... Черт. Она, вероятно, уже там. У ее сестры грипп, иначе я бы отправил ее.

Я вскакиваю, отбрасывая бутылку с водой своим коленом.

— То есть Айви сидит в аэропорту, и никто не может ее встретить? После того как ее в течение гребаного года не было дома? — ладно, я перегибаю, но блин, Айви заслуживает, чтобы ее встретили дома. И что за чертовщина? Я писал ей вчера вечером. Она ничего не сказала о возвращении домой. Почему?

Игнорируя странную боль в груди, я бегу к раздевалке.

— Все верно, парень, — ворчит Маккензи, — ты не обязан влезать в это. Но не мог бы ты...

— Я уже еду. Какие авиалинии и ворота? Вы хоть это знаете?

Некорректно с моей стороны так говорить, но блин. О чем Маккензи думал? Как он вообще мог забыть о своей собственной дочери? А затем я отбрасываю напрочь все мысли о Маккензи. Ведь здесь Айви. *Она здесь*.

Я встречаюсь с ней, хотя абсолютно не готов к этому. Сердце стучит, как перед игрой, такой же адреналин мчится по венам. Я больше не думаю о будущем, все мои мысли об Айви. Встретить ее — вот, что сейчас важно.



Большинство людей ненавидят аэропорты. Но не я. Вы спешите, возитесь с багажом, возможно, боитесь полетов, вне сомнений раздражаетесь качеством сервиса авиалиний. И тем не менее, есть какая-то волнительная атмосфера в аэропорту. По крайней мере для путешественника. Потому что вы либо едете куда-то, либо откуда-то прибыли. Вот за это я и люблю аэропорты. Но мое реально самое любимое место в аэропорту это? Ворота прибытия международных рейсов.

Я люблю эти ворота. Люблю наблюдать за людьми, которые нервно ожидают своих любимых. Люблю смотреть, как светятся их лица, как люди кричат от радости и смеются или даже плачут, когда замечают того самого особенного человека. Матери, отцы, сестры, братья, друзья, любовники... Нескончаемый поток воссоединений.

Годы спустя после развода моих родителей я привыкла приезжать в аэропорт и просто сидеть на одном из потрескавшихся стульев, впитывать всю эту атмосферу. По крайней мере, здесь, я могу увидеть хорошую сторону любви.

И вот я снова в аэропорту, возле ворот прибытия. Только меня нужно встречать. А здесь никого нет, ни сестры, ни отца.

После того как я провела в самолете почти восемь часов, мои глаза ноют, а колени болят от постоянного давления о переднее сидение, но хуже всего то, что вероятно, я воняю. Об этом непросто говорить, но мои попутчики в некотором роде тоже воняют, так что в купе мы — одна большая движущаяся масса с затуманенным взглядом. Ну или мы ею были. Так как сейчас люди бросаются друг к другу с распростертыми объятиями. А я внимательно смотрю на толпу, ища знакомое лицо, и пытаюсь со всех сил не разочароваться, когда не вижу ни одного.

Слишком быстро становится ясно, что обо мне забыли. Толпа расходится и остаются только те, кто ждет следующую волну прошедших таможенно пассажиров.

Сжимая ручку своего огромного чемодана на колесах, я тащусь до первого свободного кресла и усаживаюсь поудобнее. Мой телефон разрядился и теперь смотрит на меня своим бесполезным черным экраном.

— Черт, — бормочу я, сильно моргая, прежде чем провести руками по лицу. Я хочу узнать, почему мой отец или сестра не здесь, но если начну размышлять над этим, то могу расплакаться. А я не стану здесь плакать.

Мне не следует удивляться. Быть дочерью Шона Маккензи означает постоянно ждать, пока он удовлетворит всех своих клиентов, решит их проблемы и заключит сделки, заполучив важные контракты. Учитывая, что мой отец — один из самых лучших спортивных агентов страны, у него почти никогда не остается времени на меня. Но подумайте, печально известный Биг Мак, как называют его в мире спорта, конечно же вспомнил бы о своей дочери. Или по крайней мере попросил бы мою сестру Фиону встретить меня.

Они просто опаздывают. Или застряли в пробке. Тебя не было дома в течение года. Они бы не пропустили встречу с тобой.

Через минуту я встану и пойду искать розетку, чтобы подзарядить свой телефон, а затем позвоню папе. Но прямо сейчас я не хочу двигаться. Просидев несколько часов, теперь я чувствую себя слишком слабой, чтобы сделать хоть что-то отличное от дальнейшего просиживания своей задницы. Хуже того, у меня нет телефона, чтобы имитировать занятость, сделать вид, что я сижу тут по собственному желанию. Я не могу листать странички на экране, проверяя ленту Facebook и притворяясь, что занята чем-то важным. Я не могу написать сообщение Грею, и это довольно иронично, учитывая мое решение не сообщать ему о моем приезде, желая устроить парню сюрприз. Что ж, я могу лишь сидеть в полной тишине, пока мир движется мимо меня.

Путешественники разбегаются в разных направлениях, кто-то ползет как черепаха, а кто-то спешит, последние обычно торопятся на встречу к семьям. Глядя на это все, на размеренный ритм их шагов, я почти впадаю в гипнотический транс. Возможно, потому и замечаю, как один единственный человек выбивается из этого ритма, прыгая на бешеной скорости по огромному коридору. Это парень. И по факту он бежит.

Я лениво наблюдаю за ним. Он на голову выше почти всех присутствующих в аэропорту. Даже с такого расстояния, я вижу его лицо над морем других движущихся людей. И хотя не могу различить его черт, очевидно, что парень взволнован. Он быстро лавирует между пассажиров, легко обгоняя их, что действительно впечатляюще для человека с его ростом.

Сейчас он ближе ко мне, достаточно близко, чтобы я могла разглядеть его широкую грудь и плечи. Достаточно близко, чтобы увидеть золотистый блеск его русских волос, пока он пробегает по освещенному солнцем участку зала аэропорта.

Вдруг мое дыхание становится более частым, а сердце так и норовит выпрыгнуть из груди. Мои губы складываются в улыбку, когда я поднимаюсь на ноги. Я хочу надеяться, хочу верить. Но он не смотрит на меня. Его напряженный и решительный взор направлен в сторону ворот прибытия.

Боже, то, как он движется — словно быстрая вода через гладкие камни. Люди останавливаются и смотрят ему вслед. А как иначе? Внушительное мускулистое тело с идеальными пропорциями и кожей, очевидно же, что парень спортсмен. И он великолепен. Сильная линия подбородка, выразительные черты лица, золотистая кожа и тронутые солнцем волосы.

Он пролетает мимо меня и останавливается у ограждения ворот прибытия. В течение минуты внимательно сканирует пространство слева и справа, его взгляд не заходит так далеко, чтобы встретиться с моим. А затем он наклоняется, упираясь руками о свои колени и ругается себе под нос. Он запыхался, но не расстроен. Это очевидно. И когда он вновь

матерится, то выпрямляется и начинает нервно вышагивать, словно слишком долго стоял на месте.

Что-то бормоча и хмурясь, парень идет по широкому кругу, раздраженно сжимая руками свою шею. Это движение делает невероятные вещи с его бицепсами, они бугрятся и выглядят еще более впечатляющими. Я сомневаюсь, что могла бы обернуть вокруг них свою ладонь. Хотя не прочь попытаться.

И все это время я стою тут, усмехаясь, как дура. Не могу сдержаться. Продолжаю усмехаться, когда его взгляд наконец-то сталкивается с моим.

Так как парень отвлечен, то его глаза почти не фокусируются на мне, но через мгновение он вздрагивает и замирает. В течение нескольких секунд мы просто смотрим друг на друга. Его мягкие губы приоткрываются, а руки медленно опускаются. В его голубых глазах появляется намек на то, что он узнал меня, а сверху на шее выступает румянец.

Энергия струится между нами, от чего волосы на моих руках встают дыбом. Дыхание перехватывает, а затем я начинаю часто дышать. Это радость, неотфильтрованная и чистая. И такая пьянящая, что я не понимаю, как с нею справиться.

И словно ощущая те же самые эмоции, щеки парня вздрагивают. Он делает ко мне один шаг, останавливается, наклоняет голову и смотрит на меня, словно что-то проверяя. Я широко улыбаюсь. Видя мою улыбку, он улыбается в ответ — неспешно и неуверенно.

— Мак? — и хотя он как минимум в двадцати шагах от меня, я читаю свое имя по его губам. И потом смеюсь, фыркая как полная идиотка.

— Грей.

Даже на таком расстоянии он слышит меня. А затем бросается вперед так быстро, что очертания его тела размываются. Раз, и я уже в объятиях твердых, как стена, мышц под покровом теплой кожи. Он сгребает меня в охапку и подхватывает на руки, словно я пушинка. И впервые за этот год я ощущаю себя изящной и маленькой. Грей пахнет солнцем и потом, и как бы это не звучало странно, домом. Я прижимаюсь носом к изгибу его теплой шеи, пока он крепко обнимает меня и смеется.

Мы никогда не прикасались к друг другу до этого момента, никогда не видели друг друга. И тем не менее, в нашем поведении нет ни капли смущения. Все ощущается идеально, мое сердце плавится, а тело льнет к его телу.

Рука Грея ложится на мой затылок, когда он притягивает меня ближе.

— Святое дерьмо, — говорит он, и его голос такой светлый и счастливый. Мы написали друг другу столько смсок, что я превысила свой месячный тарифный план, однако сейчас я впервые слышу его голос. — Это ты, Мак. Это правда ты.

А это правда Грей. Человек, с которым я беспрерывно переписывалась с момента отправки того самого первого смс. Так быстро он стал мне другом, необходимой частью моего дня. Моей странной зависимостью. Эта мысль оставляет смущение само по себе. Однако я не хочу, чтобы что-то менялось.

Трей



Я не могу поверить, что держу ее в объятиях. Айви Маккензи. Кроме Дрю, я никогда не сходилась с кем-то столь быстро. И теперь она здесь.

И, боже, как же хорошо ощущать ее рядом. На самом деле рядом. Мягкую и теплую. Она пахнет едой из самолета, несвежим кофе и путешествием. Не лучший из возможных запахов. Но под ним кроется какой-то намек на сладостный женский аромат, что-то вроде сахара и ванили. Я втягиваю его в свои легкие и ощущаю приступ тревоги, потому что он проникает до мозга моих костей, будоража моего маленького жадного ублюдка. Совсем не так я хочу думать о лучшей девушке в мой жизни. И если она заметит мою реакцию, то я буду выглядеть словно грязный подонок. Мне следует отпустить ее. Сделать шаг назад.

Но вдруг я начинаю сомневаться. Что, если сейчас все не так как раньше? Что, если теперь, когда мы оказались лицом к лицу, все станет неловким и некомфортным? Я никогда так близко не дружил с девушками. Никогда не хотел этого, если быть честным.

Часть меня не желает позволять Айви отойти, потому что тогда нам придется разговаривать, взглянуть друг другу в глаза. Другая часть меня просто хочет не выпускать ее из объятий, потому что быть с ней рядом чертовски приятно. Идеально. Но я не могу стоять так вечно. В конце концов она захочет, чтобы ее отпустили. Вот только прямо сейчас девушка цепляется за меня так же отчаянно. Ее длинные руки обернуты вокруг моей талии. Возможно, именно так проявляется нервозность Айви. Эта мысль придает мне храбрости, чтобы ослабить объятия и дать ей отстраниться.

Она не отходит далеко. Айви высокая. Удивительно высокая. Я не ожидал этого. Но мне нравится ее рост. Я сам ростом два метра, а масса моих мышц составляет около 70 кг, так что обычно девушки уступают мне в размере. Мне постоянно приходится нагибаться так низко, чтобы обнять их или получить поцелуй. А трахаться с ними? Я беспокоюсь, что могу сломать некоторых из них. Буквально.

Но Мак? Она должно быть почти метр и 80 сантиметров ростом. Ее макушка упирается мне в подбородок. А по конституции она не толстая, но и не худая как палка. Просто длинные ноги и округлые сладкие изгибы.

Черт. Я пожираю ее взглядом. Делая еще шаг назад, встречаюсь с ней глазами. Не могу сдержать улыбку. Я так офигительно счастлив ее видеть, что это немного пугает.

— Прости, что не узнал тебя сразу, — говорю я, все еще нервничая. — Ты выглядишь...

иначе, чем на фото, что стоит на столе твоего отца, — это единственное фото, на котором я ее видел.

Мак морщит свой маленький носик от отвращения.

— Боже, оно сделано, когда мне было пятнадцать?

— Уверен, что так, — я пытаюсь не засмеяться, но это удается с трудом, и Мак замечает сей факт.

Ее взгляд становится сердитым.

— Это ужасное фото. Я убью отца за то, что показывал его другим людям.

Я не виню ее. На том снимке она выглядит как круглолицый подросток со штанами на подтяжках. Я представлял ее исходя из того фото: пухлые щеки, торчащий носик и большие карие глаза.

Но реальность совсем иная. Ее глаза все еще большие и карие, но детский жирок исчез. У нее высокие и выразительные скулы, а линия челюсти четко очерчена. И нет, я не думал, что ее волосы будут такими же растрепанными и стянутыми в пучок на затылке. Или возможно, думал, однако, по факту они не растрепаны и не убраны назад.

Ее блестящие черные волосы обрезаны довольно коротко, на уровне плеч, а поверх красивых глаз проходит линия ровной челки. Меня привлекают длинноволосые девушки, волосы которых ниспадают волнами, но стрижка Мак похожа на ретро 60-х.

Что ж, я осознаю, что моя девочка горяча. Она не из разряда сексуальных кошечек — нет, скорее секси-малышка из соседнего дома, видя которую, вам неимоверно хочется узнать, что же скрывается у нее под футболкой.

Стоп. Что-то я не туда зашел. Я просто горжусь нею, вот и все. Мак однозначно не испытывает недостатка во внимании. Хмурясь, я нагибаюсь и хватаю ее багаж.

— Давай отвезем тебя домой.

Мы идем неспешным шагом, ее длинные ноги движутся в одном ритме с моими, и для меня это так необычно, что в результате я расслабляюсь и шагаю естественно, а не теми короткими шажками, что привык делать рядом с другими женщинами.

Кажется, я не могу перестать смотреть на нее. Это странно, но каждая ее черта, каждый изгиб совершенно новые для меня и одновременно с тем такие знакомые на каком-то глубинном уровне, что наталкивает меня на мысль о дружественных числах, для которых сумма делителей одного числа равна другому числу и наоборот.

Блядь, эта девушка уже превращает меня в эмоциональную размазню. Но я не чувствую себя от этого менее счастливым.

— Твой папа передавал свои извинения.

— Спорю, что так, — бормочет она, в ее словах слышны вскипающие боль и злость. И от этого я чувствую себя так хреново, что злюсь пуще прежнего на Биг Мака за то, что он стал причиной грусти в глазах этой девушки.

— Он застрял...

— Заботясь о проблемах клиента, — заканчивает она за меня, махая рукой. — Я знаю, — с ее уст срывается едва заметный вздох. — Я привыкла к этому, поверь мне.

Я верю. Хотя это не улучшает ситуацию, а еще сильнее разжигает мой гнев на ее отца.

— Я был бы здесь вовремя, но... — черт, я не хочу рассказывать ей о том, что получил звонок от ее отца менее получаса назад. Однако она понимает все и без моих слов, ее рот искривляется в ухмылке.

— Предполагаю, он попросил Фиону забрать меня. Вот только она не смогла, так что

папе пришлось умолять об этом тебя, — ее брови сходятся на переносице. — Ты не знаешь, какое оправдание у Фи на сей раз?

— Очевидно, что это рвотные массы, которые так и норовят вырваться из нее наружу. Твой отец сказал, что у нее грипп.

— О, — раздражение Мак заметно сходит на нет. — Бедная Фи.

Я не встречался с младшей сестрой Мак. Знаю лишь, что она учится в местном колледже для девочек, где я обычно цеплял телочек на своем первом и втором году обучения. Но я не стану рассказывать об этом Мак. Она уже и так считает меня "мужиком-шлюхой". Дурацкое выражение. Лично я предпочитаю "равноправный мастер в трахании". Но об этом я тоже не скажу Мак.

— Ты не возражаешь, правда? — спрашиваю я, когда мы выходим на улицу под солнечные лучи. Свежий воздух в сочетании с запахами самолетов и автобусов атакует мои легкие. — Не против того, что я тебя подброшу?

— Нет, — говорит она быстро, возможно слишком быстро. — С чего бы мне возражать? Я пожимаю плечами, обходя бизнесвумен, спешащую в терминал.

— Ты не сказала мне, что возвращаешься домой, — пока слова не слетают с моих уст, я до конца не понимаю, как сильно меня это раздражало.

Становится еще хуже, когда она кривится.

— Ага, я знаю... — опускает взгляд на свои красные чаксы, продолжая идти вперед. — Мне следовало сказать тебе. Я просто...

— Айви, — предупреждаю я, впервые произнося ее имя. Почему-то оно кажется странно интимным, и я не понимаю, как чувствую себя в связи с этим.

— Ладно, ладно, — продолжает она тараторить, — я поступила дерьмово. Я просто. Да, на фиг, — она смотрит на меня, и в этом взгляде какая-то непоколебимость, словно она готовит саму себя к следующим словам. — Я хотела, конечно, я хотела. Я планировала устроить тебе сюрприз завтра. Но, я не знаю, я слишком боялась. Что, если бы все стало...

— Неловко, — я улыбаюсь, и моя поступь становится легче, а голова светлее, особенно когда Айви улыбается в ответ, а ее щеки становятся румяными.

— Ты тоже волновался об этом?

— Ну, да. То есть, что, если бы я не понравился тебе, как человек? Мы были так близки... — я смолкаю, задыхаясь от собственного дискомфорта. И сейчас становится пиздец, как неловко. Блестяще.

Но Мак рушит эту неловкость, обнимая меня за талию и сильно сжимая в объятьях. И это прикосновение посылает тепло по моим венам, и я невольно лгну к ней.

— Я рада, что ты здесь, Грей, — ее пальцы прижимаются к моим бокам. — Правда рада.

Я только что официально познакомился с Айви Маккензи, но осознаю, что скучал по ней так сильно, словно мы не виделись несколько лет.

— Я тоже.



Даже несмотря на то, что машина моя, я прошу Грея сесть за руль. И, хоть он потрясен, парень не спешит так просто принять на себя эти мужские обязанности.

— Ты уверена? — он вертит ключи на кончике своего длинного пальца, словно ждет, что я их выхватю.

— Прямо сейчас я обязана убрать нас с дороги. Так что будьте моим шофером, сэр.

— Тогда ладно, — он открывает дверцу для меня и жестом руки приглашает присесть. — Ваша розовая колесница ждет, мадам.

Ах, мой маленький розовый Fiat. Я скучала по нему. Грей ненавидит эту машину, и я понимаю его. Он слишком большой для нее, и отодвинутое по максимуму назад сидение служит лишь дополнительным доказательством этого, хотя не думаю, что данный факт удерживал его от постоянного сражения с рулем и бормотания ругательств в ответ.

Несколько недель я пыталась представить Грея в этом авто. Ничто не сравнится с реальным положением вещей. Его сильные накачанные мышцы вздрагивают и бугрятся, когда парень, сутуля плечи и неуклюже поджимая ноги, забирается в машину. Руль выглядит довольно изящно под натиском его больших рук.

— О, это бесподобно, — говорю я, едва ли сдерживая хихиканье.

Грей поворачивается, чтобы сердито взглянуть на меня, но в его голубых глазах плещется веселье.

— Так вот почему ты хотела, чтобы я сел за руль?

— Отчасти. Ты просто выглядишь так мило, — я щипаю его за щеку.

Он шлепает меня по руке, испуская смешок.

— Маленькая паршивка. Клянусь богом, я найду способ отплатить тебе за это.

— Я в ужасе. Правда.

Вскоре мы выезжаем на шоссе. Несмотря на неудобное положение Грея, он ведет машину легко и плавно. Я могу представить его на футбольном поле, отточенные быстрые рефлексy в идеальном тандеме с его телом. Должно быть, это красивое зрелище. Я бы хотела увидеть репортаж с его игры, но избегала этого, боясь взглянуть даже на фото парня.

Какая-то часть меня не желала знать, как выглядит Грей Грейсон. Я могла бы начать слишком стесняться или восторгаться его талантом, если бы узнала о нем больше.

Немного приоткрываю окно, и прохладный, пахнувший асфальтом, воздух ударяет мне в лицо.

— Я скучала по запаху Америки.

Грей бросает на меня взгляд.

— У Америки есть запах?

— Ага. Не проси меня его описать, но он есть. У Англии тоже есть свой запах, — я прислоняю голову к подголовнику и наблюдаю за проносящимся мимо нас миром. — Машины ощущаются иначе при левостороннем движении. Знаешь, сколько времени мне понадобилось, чтобы просто понять в какую сторону смотреть, когда перехожу улицу? — я вздыхаю, осознавая, как ощущение дома просачивается во все мои клеточки. — Я любила находиться в Англии. Но сейчас, когда я здесь, понимаю, как сильно скучала по дому.

Предплечье Грея касается моего колена, когда парень тянется за своей iPhone станцией. Он возится с выбором песен, а затем откидывается на сидении. Песня Тома Пэтти *American Girl* заполняет пространство авто. Грей посылает мне наглую усмешку, и я отвечаю ему такой же.

— Лишь на половину американка, — говорю я. — Моя мама — британка.

Он смеется.

— Я заметил.

Пока звучит песня, мы молчим, просто едем и слушаем. Это одновременно и странно и совершенно нормально. Есть столько всего, что я хочу рассказать сейчас Грею, то, что не смогла вместить в смс. Но все это может подождать. Что-то в нем успокаивает меня так сильно, что я могу насладиться этим моментом.

— Можно я кое-что у тебя спрошу? — говорит он, когда заканчивается песня.

Я поджимаю губы.

— Когда кто-то говорит подобное, обычно это служит признаком того, что тебя собираются оскорбить.

Он смеется, и в уголках его глаз появляются складочки.

— Достаточно справедливо. И мой вопрос, вероятно, можно истолковать как оскорбительный.

— Ммм, — я стараюсь не улыбнуться. Но не могу с собой совладать, пока Грей везет нас по шоссе, а его присутствие дарит мне счастье. — Тогда валяй. Но будь осторожен, я кусаюсь, если меня спровоцировать.

— Обещаю, обещаю, — он сжимает руль так, что мышцы его накачанных предплечий становятся еще рельефнее. — Почему твой отец купил тебе эту машину? Не пойми меня неправильно, она отлично выполняет свои задачи. Но я не думаю, что вы друг другу подходите? — краска приливает к его щекам, пока взгляд Грея путешествует вдоль моих ног. — Твой рост шесть дюймов (*около 180*)?

Он не может не затронуть этот вопрос. Конечно же не может. Не думаю, что когда-то повстречаю парня, который не заметит моего роста. Но в ответ на его интерес я действую естественно.

— Эй, чтобы ты знал, у меня миниатюрный пятый размер ступни. (*Европейский 34,5 размер*)

Грей широко усмехается в ответ на мою шутку. Ему идет улыбка. Черты его лица лишь

подчеркивают линию губ. На щеках образуются такие впадинки, как ямочки, только продолговатые. Тем не менее, выглядит это просто неотразимо.

— Мило, — говорит он, уверенно перестраиваясь на другую полосу движения. — Так все же, маленькая мисс Пятый размер, почему у тебя эта клоунская машина?

Я вздыхаю и откидываюсь на сидение, пытаюсь поудобнее устроить свои ноги.

— Думаю, мой отец все еще видит во мне свою маленькую девочку. И по сравнению с ним, я маленькая.

— Черт, я тоже маленький по сравнению с твоим отцом, — говорит Грей легкомысленно. Он преувеличивает, но не сильно. Папа на несколько дюймов выше этого парня. До того, как отец стал агентом, он играл центром в NBA. Он мог бы стать тренером, но папе всегда больше нравилось заключать сделки, чем нервничать об исходе игры.

— Ладно, но розовая? Этот цвет не кажется твоим, — говорит Грей, бросая взгляд на мою одежду.

На мне обтягивающие джинсы, винтажная футболка с изображением группы *The Cure* и красные чаксы. Ага, я и розовый цвет — не очень совместимы.

— Ну, дело в том, что папа часто путает нас с Фионой. Например, на одно Рождество он подарил мне домик для Барби, о котором мечтала Фи, а ей набор "сделай инопланетянина своими руками", который хотела я, — я пожимаю плечами. — Та же история с машинами. Я застряла в этом чертовом розовом Fiat, в который едва ли могу втиснуться, а низенькая Фи утопает в черной Acura MDX.

— Дерьмо, — Грей качает головой. — Это отстойно, Мак.

— Единственное, что меня утешает, так это то, что Фи тоже обидно.

— А почему вы просто не поменяетесь машинами?

Браво, вопрос на миллион долларов. Я барабаню пальцами по оконному стеклу.

— Во-первых, он купил нам эти машины. Как много детей могут похвастаться подобным? Мы знаем, что в этом вопросе нам повезло. И в ответ было бы не круто ранить папины чувства. Несмотря на его промахи, он был бы оскорблен, осознав свою ошибку. Папа старается ради нас, ну, знаешь? Он просто... немного невежда, когда дело касается его дочерей.

Грей кивает, но грусть, которая присутствует в выражении его лица, говорит мне о том, что парень не имеет ни малейшего представления о жизни с такими родителями, как мои. До сегодняшнего дня мы не говорили с ним о семье. Я не упоминала об этом, потому что Грей планирует подписать контракт с моим отцом в роли его агента.

Не желая портить атмосферу нашего общего счастья, я улыбаюсь парню.

— К тому же, я уже привыкла к своей маленькой девчачьей машинке. И думаю... — я толкаю его руку локтем, — я никогда бы не увидела, как ты втискиваешься в нее, если бы папа сделал все правильно.

Грей смеется, а затем едва заметно кивает головой.

— О, да, конечно, это стоит всех мучений.

— Так и есть, малыш.

В его голубых глазах вспыхивают искорки веселья, когда парень бросает на меня мимолетный взгляд, прежде чем снова сфокусироваться на дороге.

— И возможно, мы бы никогда не встретились.

От этих слов между нами появляется нечто теплое и нежное. Может, я слишком сентиментальна, но сама мысль, что я могла бы не познакомиться с Греем, вызывает

желание расплакаться. Или может я просто очень устала.

Грей прокашливается.

— Куда мне тебя отвезти?

— Ресторан Сити.

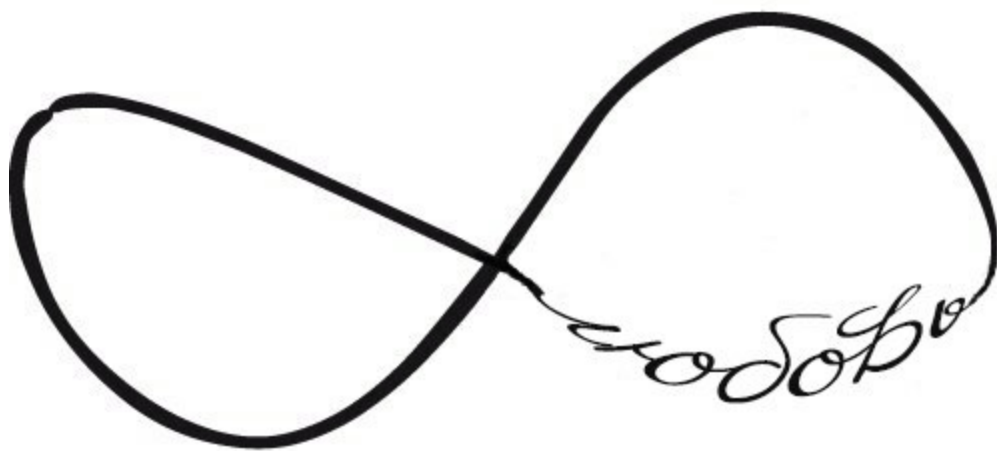
Когда от удивления парень приподнимает бровь, я бросаю на него почти убийственный взгляд.

— Ты не согласишься, как сильно я хочу порцию хрустящей жаренной курицы в панировке из сухариков.

— О, боже, она еще и ест, — говорит Грей, обращаясь к моей машине. — Да это же девушка моей мечты.

— Просто отвези меня в ресторан, Кексик.

— Легко, Специальный Соус, я добуду для тебя твою курочку, — он усмехается, открывая окно и прибавляя звук радио. Ветер развеивает наши волосы, пока музыка льется из динамиков машины. Счастье струится по моим венам, такое светлое и наполненное пузырьками, словно шампанское. Как же хорошо оказаться дома.



На момент окончания старшей школы я уже знала, куда хочу двигаться дальше. Мой взгляд был устремлен на колледж Сары Лоуренс, я жаждала влиться в студенческую жизнь. Данная перспектива так сильно меня взволновала, что пока все еще носили свои академические шапки и мантии, я паковала чемоданы. На протяжении всей учебы я была тише воды, ниже травы, грызла гранит науки и благодаря своим усилиям закончила учебу на год раньше.

Сейчас, когда я уже не студентка, то чувствую себя, словно загнанное в тупик животное. Друзья, которые у меня были, разбежались по четырем сторонам света, сделав следующий

шаг в своей жизни. Оказывается, довольно одиноко стать выпускником. Так одиноко, что я начинаю понимать, почему многие люди автоматом поступают в магистратуру, стремясь пережить это чувство единения и дружбы еще раз. Но в отличие от них мне сейчас нужен академический перерыв. К тому же теперь я уже не одинока. Я здесь с Греем, который, кажется, заполняет собой все пространство; вот прямо буквально, из-за своего роста и энергетики, кажется, что парень владеет своей собственной солнечной системой, вокруг которой вращается вихрь планет и звезд.

Прямо сейчас он удобно устроился на диванчике, закинув свою длинную руку на его спинку. Солнечный свет пронизывает его русые волосы, а легкая улыбка играет на его губах.

— Что? — спрашиваю я перед тем, как откусить еще один кусочек курицы. Невольно испускаю стон. Кажется, что я хотела хрустящей, золотистой, сочной и вкусной жареной курицы уже лет так сто. Короче говоря, это рай земной.

Грей улыбается до ушей.

— Просто мне нравится наблюдать, как ты поедаетшь эту курицу.

— Ты говоришь об этом, как о чем-то незаконном.

Он смеется.

— Что ж, в твоём исполнении это выглядит, как нечто незаконное.

Я собираюсь сказать ему отвалить, конечно, оставаясь при этом максимально милой, когда Грей закатывает рукава до локтей, и кое-что на внутренней стороне его предплечья отвлекает меня.

— Эй, что это? — я хватаю его запястье и аккуратно поворачиваю руку, чтобы разглядеть тату, украшающую его предплечье от кисти до места сгиба руки. Она состоит из математических символов, сделанных голубыми чернилами.

Грей немного напрягается, шумно вдыхая. А затем спокойно выдыхает и отвечает обыденным тоном.

— А, ты об этом, — он кивает в сторону моего пальца, кончиком которого я обвожу контуры символа на его запястье, — этот называется Тождество Эйлера, — его голубые глаза встречаются с моими. — Насколько ты сильна в математике?

Я кривлюсь.

— Ну, я проходила курс высшей математики, потому что он входил в список обязательных предметов. Но сдала я его лишь благодаря своей силе воли и краткосрочной памяти. Должно быть, ты разбираешься в этих штуках.

Грей понимающе улыбается.

— Ладно, тогда поясню тебе все в двух словах. Математики часто называют тождество Эйлера самым красивым математическим уравнением из-за его наглядной простоты, и потому что оно связывает пять фундаментальных констант, или полей, математики.

— Поверю тебе на слово, — я глажу пальцем вдоль уравнения перед тем, как перехожу к следующей татуировке в виде длинной последовательности чисел с дробями, буквами и еще кучей всего, что разом похоже на абракадабру. — А эта?

— А, это базовое доказательство формулы Эйлера, — он смотрит на меня, веселясь. — Я мог бы объяснить тебе его, но...

— Все в порядке, — говорю я быстро, на что Грей смеется. А я продолжаю медленно поглаживать место татуировки. Они выполнены на отлично, изящный подчёрк в какой-то степени кажется женским. И хотя доказательства и уравнения написаны вперемешку, вместе они выглядят как единое целое. — Я не знала, что ты увлекался математикой.

Его кожа покрывается мурашками, а золотистые волоски на руках встают дыбом, когда я дотрагиваюсь до локтя парня.

— Она просто легко мне дается, — говорит он, пожимая плечами. — Как и моей маме. Она бы могла посвятить себя любой математической области, будь то физика или машиностроение. Но мама любила историю и теоретический анализ, потому в конце концов стала историком в области математики. Эйлер был математиком и физиком восемнадцатого века, он был гением. Мама в некотором роде испытывала к нему слабость.

Я усмехаюсь.

— Это мило.

Грей наклоняется ближе ко мне. Наши головы почти соприкасаются, когда мы вместе смотрим на его тату. Его голос переходит на шепот и становится очень мягким.

— Она, гм... Она умерла.

Мое дыхание замедляется.

— Когда? — лишь идея о том, что он потерял маму, а меня не было с ним рядом, ощущается словно пуля в живот.

— Когда мне было шестнадцать. Рак груди, — кадык на его горле вздрагивает. — Она пережила столько боли, особенно в конце. Я сидел с ней все это время, держал за руку.

Его густые ресницы опускаются, скрывая от меня голубые глаза.

— Ей был нужен физический контакт. Боли были слишком много. Так что она держала меня за руку скорее ради отвлечения.

Широкая грудь Грей вздымается и опадает, пока он медленно дышит, пытаюсь взять себя в руки. Он с трудом сглатывает, и я опускаю ладонь на его руку, уверенно сжимая.

— Однажды я взял ручку и сказал ей прочитать мне лекцию. Она часто делала подобное для меня, делилась своим видением красоты математических теорем, доказательств, функций и уравнений, — он неуверенно смеется. — Они служили мне сказками на ночь.

Рука Грея сжимается в кулак, и мышцы его предплечья напрягаются.

— Она писала у меня на руке. Каждый раз. Я смывал это все, а она начинала заново. Эти татуировки. Это ее последние... Я попросил кое-кого вывести их чернилами. Чтобы сохранить.

— Они красивые, — я не думаю, просто поднимаю его руку и оставляю нежный поцелуй на мягкой коже.

Его предплечье напрягается еще сильнее, и я обнаруживаю, что Грей смотрит на меня широко открытыми глазами. В них мерцает боль с примесью тоски. Я чувствую эти же эмоции — эту потребность в ком-то, кто понимает, какой пустой может быть жизнь, если ты остался один в собственной вселенной.

Несколько секунд Грей не отрывает от меня глаз, а затем прочищает горло.

— Черт, Мак, ты доведешь меня до слез, как какого-то сопливого малыша, — он криво усмехается мне.

И я вторю его улыбке, отпуская руку Грея и откидываясь на свое сидение.

— Что ж, безумно сложная математика для тебя как раз плюнуть, а? Ты никогда не говорил мне, какой у тебя профилирующий предмет, — думаю, это не то, чего я ожидала.

Грей отводит глаза и откусывает супер-большой кусок курицы.

— Машиностроение и нанотехнологии, — бормочет он, пытаюсь прожевать еду.

А я давлюсь своим напитком.

— Святое дерьмо, — говорю я, когда снова могу дышать.

Грей просто пожимает плечами.

— Как, черт побери, у тебя хватило времени на двойную специализацию, да еще и на достижения в футболе?

Он немного съезжает на своем сидении.

— Я добавил нанотехнологии, чтобы все было интереснее.

— Потому что машиностроение тебе показалось слишком посредственным? — пишу я.

Он возится со своей салфеткой.

— Ага, ну... Как я и говорил, это легко мне дается. И я правда хотел узнать больше в области нанотехнологии. Знаешь, сколько крутого дерьма разрабатывают на этом поприще? Когда ты начинаешь понимать иерархические архитектуры наноструктур... — он внезапно замолкает, а его лицо немного краснеет, словно его самого пугает сказанное. Может, он и правда боится, но и любит.

— Ты мог бы поступить в университет Лиги Плюща, верно? — спрашиваю я.

— У этого университета самая лучшая программа для футболистов и очень достойное отделение физики, — отвечает он, пожимая плечами. — Ничего особого.

Я гляжу на него, совсем не понимая, зачем он пытается скрыть свой интеллект. Очевидно, парень думает, что я стану его судить; он хмурится, а его руки сжимаются в кулаки.

— Ты не спросишь, почему я рискую, играя в эту тупую спортивную игру, когда могу достичь большего?

— Я бы не стала о таком спрашивать. Я знаю, что в футбол играют не только дураки.

Он немного расслабляется. А затем проводит рукой по своим блестящим волосам.

— Прости. Я обидчив. Мне не нравится, когда ко мне проявляют чрезмерное внимание. То есть, я чертов номер 66. Я звездный игрок команды, выигравшей чемпионат. У меня и так достаточно всего и можно не заморачиваться о собственном IQ, — он смеется, но не весело. — В любом случае, я люблю футбол. Люблю математику и науку. А учась здесь, я могу заниматься всем разом. И если футбол не приведет меня к успеху, я знаю, что смогу построить хорошее будущее, работая в области нанотехнологий.

— Приумножение года, Кексик, — под столом я толкаю его ногу своей, и он расслабляется окончательно.

— Итак, что собираешь делать ты, Айви Мак, оказавшись дома?

Мы обсудили столько вещей, но ни разу не затрагивали тему планов на будущее. Почему-то и я, и Грей были больше сосредоточены на настоящем. Думаю, так проще было общаться друг с другом. Но сейчас, когда мы оказались лицом к лицу, и он спрашивает о моих планах, беспокойство словно опухоль нарастает в моем животе. Я продумала свою жизнь наперед, но прямо здесь и сейчас мне не хочется размышлять об этих намеченных планах.

Потому я вытираю руки о салфетку, а затем долго пью лимонад.

— Технически, я не дома. Знаешь, последний год я провела с мамой, обучаясь, как руководить одной из ее булочных? — моя мама — первоклассный пекарь. Она владеет и руководит тремя очень успешными булочными в разных районах Лондона, специализируясь на хлебе и тортах.

Грей кивает, а я делаю вдох, ощущая, как мои внутренности холодеют.

— Весной я вернусь в Лондон, чтобы взять на себя управление одной из ее магазинов в Ноттинг Хилле, — после пекарни в Челси, это ее самый прибыльный магазин. Позволит

мне ним руководить — большая ответственность и огромное проявление доверия.

В ответ на мои слова следует гробовая тишина. Грей хмурится, словно не расслышал меня, но потом его грудь приподнимается от вдоха, и он откашливается.

— Ты снова уедешь? Жить в Лондон?

— Ага.

Он поворачивается к окну, и солнечный свет падает на половину лица Грея, отчего некоторые линии его носа и скул становятся менее выразительными. Изгиб его нижней губы искажается, когда парень сжимает челюсти. А затем он снова поворачивается ко мне.

— Когда ты собираешься вернуться?

— В марте, — под столом мои пальцы сжимают жирную салфетку. — Я специализировалась в сфере бизнеса. Плюс, мне всегда нравилось печь. А тут все в одном. И таким образом я смогу быть больше времени с мамой. Она была так счастлива провести со мной весь прошлый год.

Грей кивает, не глядя на меня, и продолжает бросать кости от курицы в красную пластиковую мисочку перед ним.

— Это хорошо, Мак. Правда... хорошо, — кивая самому себе, он приподнимает голову. Его улыбка широкая и беззаботная. Может быть, она фальшивая. Я не знаю. Знаю лишь, что внутри меня появилось странное чувство утраты и вины. Но Грей не позволяет мне в нем погрязнуть.

— Что ж, у нас есть несколько отличных месяцев перед тем, как ты отправишься покорять мир выпечки. Чем ты собираешься заняться здесь?

Я позволяю себе расслабиться, откинувшись на спинку дивана.

— Собираюсь потусить с Фионой. Она ходит в колледж здесь, к тому же папа тоже сейчас живет тут. У него есть квартира в Нью-Йорке и дом в ЛА, но он всегда страдал чрезвычайной заботой о Фи и не доверяет ей жить своим собственным умом.

Грей хмурится и какое-то время молчит, прежде чем откусывает еще кусочек курицы.

— Но ты его не волнуешь?

— Нет, я как бумеранг, всегда возвращаюсь назад. А Фи хрупкая, — я пожимаю плечами. — Всегда было так. "Не волнуйтесь об Айви, она серьезная." "Защитите чувства Фи любой ценой, она сломается, если вы не будете ее беречь." Если честно, то это херня. У нас с Фи больше общего, чем отличий. Но наши родители видят нас именно так.

— Я понимаю, — говорит Грей. — Родители всегда так делают. Они видят нас такими, как им хочется. Короче говоря, очень упрощенно.

— Ты только что процитировал фразу из фильма *"Клуб Завтрак"*? — спрашиваю я, развеселившись.

— Поймала, — он усмехается, отчего мое внимание снова сосредотачивается на губах парня. Этот порочный рот с его сладкими, но в тоже время все еще мужественными, чертами. Даже когда Грей расслабляется, его губы продолжают улыбаться. — Так ты собираешься жить с Фионой?

— Ага. Фи живет в гостевом домике за домом нашего отца. Я остановлюсь у нее.

Грей отпивает свой напиток.

— Постой. У твоего отца дом, который может вместить кучу народу, но вы двое не хотите с ним жить?

— Фи отказывается жить с папой. Но ей по душе гостевой домик, так что... — я качаю головой. — Я знаю. Мы странные дурочки.

— Ты милая дурочка, — Грей протягивает руку и ерошит мои волосы. Его прикосновение такое теплое и знакомое, хоть и абсолютно новое для меня, ощущение. Я не могу не смотреть на него, начиная с того момента, как он забрал меня в аэропорту.

Наши взгляды встречаются, и он усмехается.

— Я знаю.

— Что ты знаешь? — мой голос становится странно нежным, от разливающегося внутри тепла и счастья.

Румянец заливает щеки Грея, когда он наклоняется вперед, опираясь предплечьями о стол. И я замечаю еще одну его особенность, его тело всегда подвижно.

— Ладно, это вероятно прозвучит как оскорбление, — говорит он, — но я не пытаюсь тебя оскорбить.

— Ты уже меня успокоил, — говорю я невозмутимо.

Он кривится, но не отступает.

— Когда мне было шестнадцать, я купил свою первую машину. Мой грузовик. Это был кусок дерьма 1983 года, Ford F100.

— Не очень в это верится, но продолжай.

Улыбка на его лице становится шире.

— Это была старая машина, но я мог представить себе, что однажды она снова будет на ходу.

— Она?

— Да, она. Ты следишь за историей, Мак?

— Прости, — я усмехаюсь. — Продолжай.

— Итак, я провел лето в доме Дрю, ремонтируя ее вместе с другом и его отцом. Джон Бэйлор был хорош в этом деле. Он присматривал за нами с Дрю, учил нас всему, что нам нужно было сделать, но не делал за нас всю работу. Так что мы восстановили двигатель, починили корпус, заменили кое-что в салоне. И в результате в один день грузовик был готов, — Грей как будто погрузился в свой собственный мир. — Боже, она была совершенна, блестящего черного цвета и с кремовым интерьером. Я просидел в своем грузовике весь день, просто глядя на линии ее дизайна, гладя руками кожу сидений. Я не мог перестать смотреть на нее, — его взгляд встречается с моим, и я понимаю, что неосознанно затаила дыхание. — Потому что мечта наконец претворилась в реальность.

Мое горло сжимается, и я с трудом сглатываю.

— Кексик...

Грей заливается насыщенно розовым румянцем и царапает ногтем край нашей корзинки с курицей.

— Сентиментально, я знаю. Но я думал об этом, — его взгляд на секунду встречается с моим. — Ты наконец-то здесь, и я не могу перестать смотреть на тебя.

И вдруг этого становится слишком много. Волнистые красные линии ретро стола из огнеупорного пластика размываются перед моим взором, когда я моргаю, глядя на столешницу.

— Дерьмо, — бормочет Грей. — Мне не следовало говорить этого. Это был комплимент, клянусь. Я возьму свои слова назад, если...

— Не смей, — восклицаю я, поднимая на него взгляд. — Это было самое милое признание, которое мне когда-либо говорили.

Его улыбка кривая и немного неуверенная.

— Тогда нам следует поработать над улучшениями результата этого рекорда.

Я знаю, он пытается придать ситуации легкости, но вероятно, сейчас Грей сожалеет, что рассказал мне эту историю. Я тоже в какой-то степени сожалею об этом, потому что своими словами он превратил меня в комок нервов. Глядя на прошлое этого невменяемого великолепного, милого и вдумчивого мужчины, который сейчас является моим другом, я ощущаю боль потери. С самого начала я отнесла его в категорию френдзоны, не желая развивать более глубокие чувства к парню, который, как я знаю, игрок, и дразнит меня, словно своего лучшего друга. И это было здорово, потому что я хотела дружить с Греем. Я дорожу этим.

Вот только сейчас я начала гадать, а может все-таки мое решение было ошибкой. Могли ли мы стать кем-то большим, чем просто друзьями, если бы я не провела эту линию на песке? Но "что если" сейчас не имеет значения; теперь мы друзья, и я не стану рисковать этим ради мечтаний о чем-то большем. К тому же, через несколько месяцев, я вернусь в Лондон, и между нами будет целый океан.

Улыбаясь Грею в ответ, я осторожно кладу руку на свою ноющую грудь и пытаюсь изгнать это чувство потери.



Заезжая на круговую аллею перед домом моего отца, Грей медленно присвистывает.

— Вот это дом.

Это — уродство. Один из новых особняков в стиле юга, который имитирует замок, но в то же время в его строительстве использовались кирпич и терракотовая мозаика, поэтому становится очевидным, дом новый и никогда не будет выглядеть аристократично. Знаю, мой отец расстраивается из-за того, что мы не хотим жить вместе с ним, но он редко бывает дома, и это место буквально отзывается эхом, когда вы заходите внутрь. Мы с Фи не теряем надежду, что отец сдастся и найдет себе какой-то милый таунхаус, более подходящий для нашей маленькой семьи.

Я поднимаю взгляд на дом.

— Иногда, когда я смотрю на это место, то чувствую себя словно огромная мушкетер.

Грей удивленно смеется.

— Почему?

— Я знаю, сколько людей убили бы за возможность здесь жить. А я не хочу этого. Ненавижу это место. И, не знаю... Я чувствую себя неблагодарной.

Он наклоняет голову, чтобы лучше разглядеть дом.

— Я не знаю, Мак. Дом есть дом. Этот кажется мне не особо домашним.

Я медленно качаю головой.

— Но я не должна жаловаться на это. Меня всю жизнь баловали. Я беру деньги у своих родителей, и мне не нужно обеспечивать себя самостоятельно. Каким человеком это меня делает?

— Моим другом, — он скрещивает руки на груди и напряженно смотрит на меня. — Так что не гони на себя. Черт, Мак, ты надорвала свой зад и закончила обучение на год раньше. Не похоже на то, чтобы ты таскалась по вечеринкам и спускала деньги на ветер. Знаешь, что меня расстраивает?

— Что? — спрашиваю я, немного улыбаясь, потому что он такой милый, когда сердится, а его брови движутся ближе к линии роста волос.

— Всю жизнь нам говорят усердно работать, стремиться к большему, делать все, что можем, чтобы наша жизнь была неординарной. Деньги, власть, слава, все хотят этого. Но тут приезжаешь ты и вдруг говоришь, что должна стыдиться и скромничать? — он качает головой. — К черту все это. Я говорю — живи своей жизнью на собственных условиях. Если кто-то станет судить тебя, основываясь на материальных вещах, то знай, это — их проблема.

Моя улыбка становится шире, и я поднимаю руку к его предплечью, где накачанные мышцы бугрятся под теплой кожей.

— Тогда так я и сделаю.

— Чертовски верно, — бормочет он все еще сердито. — И больше никаких дурных чувств из-за вещей, которые дают тебе любящие тебя люди.

— Ладно.

Он фыркает, не глядя на меня, и барабанит пальцами по розовому рулю.

— Тогда где тебя посадить?

— Подвези меня к открытой галерее возле гаража. Мы живем за ней.

Грей проезжает в глубину участка, и перед нами появляется маленький домик для гостей.

— Вот это дом, — говорю я. — Или по крайней мере его приближенный вариант.

Из-за оконных перегородок и остроконечной крыши он больше похож на домик лесника. У него высокий фундамент, а к парадному входу ведет лестница.

— Этот выглядит по-домашнему, — говорит Грей, и в его тоне слышится довольство.

Как только мы выходим из машины, Фи открывает передние двери. Ее кожа зеленоватого оттенка, но сестра широко улыбается.

— Так, так, так. Взгляните, что притащила кошка.

Из-за своей миниатюрности и гибкости, коротких светло-русых волос и больших зеленых глаз, моя сестра похожа на болтливую Тинкер Белл. И я чертовски по ней соскучилась.

— А вот и Фи-Фи, — кричу я, усмехаясь.

— Долговязая Айви, — она переминается с ноги на ногу, словно хочет сбежать по лестнице и наброситься на меня. Традиционно мы именно так и приветствуем друг друга — объятьями и поцелуями. Но очевидно Фи слишком больна для этого сейчас. Ее взгляд перемещается от меня к Грею. Я почти смеюсь, видя, как ее челюсть отвисает, а тело распрямляется.

— Фиона, это Грей Грейсон.

Грей, который прямо сейчас выгружает мой чемодан из багажника, поворачивается и улыбается ей.

— Привет. Я много о тебе слышал.

Фи откашливается.

— Аналогично. Хотя похоже, что моя сестра упустила некоторые существенные подробности. Я бы как следует поприветствовала тебя, но тебе, вероятно, лучше держаться от меня подальше в данный момент, — Фи кривится, словно она только осознала, что стоит в дверях, одетая в свой махровый розовый халат и тапочки в виде головы Спанч Боба. — На самом деле, — говорит она тихо, — я сейчас собираюсь прилечь. Увидимся позже, Айви.

Я ощущаю на себе сердитый взгляд, прежде чем Фи практически убегает в дом.

— Она унижена, — говорю я Грею, пока мы вместе направляемся к дому. — Фи хочет, чтобы парни видели ее лишь при полном параде.

— Она милая, как нераспустившийся бутон, — говорит Грей счастливо.

Я бы заволновалась, но он выглядит незаинтересованным в Фи, так что я скорее ощущаю облегчение. Я дружила с парнями, которые сохли по Фи. И это никогда не заканчивалось хорошо.

Дом представляет собой открытое пространство с гостиной в центре, по одну сторону от которой расположен обеденный стол, а по другую Г-образная кухня. Фи сменила здесь декор, с тех пор как я уехала. Сейчас стены коричнево-шоколадного цвета, а диваны обтянуты кремовыми чехлами из микрофибры. Между ними стоит журнальный столик из искусственно состаренного дерева, и на стене висит целый набор фото с городскими пейзажами, образуя собой нечто вроде рисунка решетки.

— Фи специализируется на дизайне интерьера, — говорю я Грею, ставя сумку на консоль в коридоре, которая выглядит так, словно когда-то служила шкафчиком в аптеке. — Думаю, она раскрутила папу на несколько долларов.

— Здесь мило, — его голубые глаза сканируют пространство. — Напоминает мне дом Дрю. Но знаешь, с более профессиональным оформлением.

— Я бы устроила тебе экскурсию, — говорю я, — но сперва должна убраться здесь.

Грей ставит сумки на пол.

— Ага, я не хочу доставлять твоей сестре еще больше дискомфорта. Потому, наверное, просто оставлю вас здесь.

В течение нескольких секунд мы смотрим друг на друга. Я не хочу, чтобы он уходил. Возможно, он тоже не хочет этого. Это странное ощущение, словно я потеряю Грея, как только он выйдет за двери. Довольно нелепо. Видимо потому я позволяю себе броситься к нему и обнять за шею, что есть мочи.

— Прости, — говорю я, уткнувшись в его плечо, потому что не хочу пока что отпускать парня. — Я просто так счастлива наконец-то быть с тобой.

И затем я осознаю, что он тоже обнимает меня в ответ. Его руки крепко сжимают мою талию, а тело льнет к моему. Грей целует меня в макушку.

— Я тоже, Айви Мак.

Я вынуждаю себя отступить, но перед этим поправляю его помятую рубашку.

— Я лучше пойду, проверю, как там Фи.

Уголки его губ морщатся, когда он приподнимает мой подбородок костяшками пальцев.

— Позвоню тебе позже, ладно? — Грей колеблется в течение нескольких секунд. А затем покидает мой дом, оставляя меня в тишине.

Но лишь пока Фи не решает издать жалобный тон.

— Я уже могу выходить?

Я смеюсь.

— Нет. Оставайся там, где ты есть. Я найду тебя.

— Я в твоей комнате. БлЮю на твою постель за то, что ты не предупредила меня, что привезешь домой такого сексуального парня, теперь ты уродина.

Наши комнаты расположены по разные стороны от гостиной, моя ближе к кухне. Я направляюсь туда, усмехаясь по дороге.

— Прости! Я и правда, поступила хреново.

— Конечно, конечно, — голос Фи становится четче, когда я вхожу в свою спальню.

Но от шока, замираю на месте. Потому что сестра изрядно потрудилась и в этой комнате.

— Фи... Вау.

— Сюрприз, — говорит она уставшим слабым голосом, не вставая с кровати.

Вся комната оформлена в кремовых тонах: стены, простая, но одновременно с тем шикарная, мебель, плюшевый ковер на полу из сосновой древесины. Я никогда не подумала бы о подобном оформлении, но теперь моя спальня кажется такой спокойной и безмятежной, что я мгновенно в нее влюбляюсь. Кровать с огромным белым балдахином — вообще, разрыв мозга. Поскольку Фи знает мой стиль, то старалась сделать комнату более классической, чем девчачьей, потому по форме кровать напоминает строгий куб. Белое постельное белье и куча подушек добавляют ей привлекательности.

— Как красиво, — говорю я сестре.

— Ну, я думала, что мы могли бы добавить сюда несколько цветных акцентов, если хочешь.

Я сбрасываю кеды и плюхаюсь на кровать возле Фи. Холодное пуховое одеяло принимает меня в свои воздушные объятия.

— Все идеально. Кажется, что я на облачке.

Фи издает тихий смешок и прикрывает глаза.

— Хорошо. Потому что я стремилась создать воздушную атмосферу облачка.

— Как ты? — я прикасаюсь к ее лбу и ощущаю липкость кожи сестры.

— Чувствую себя, как дерьмо на подошве ботинка. Не такой прием я для тебя планировала.

— Мы компенсируем это, когда тебе станет лучше, — поскольку она больна, я целую сестру в плечо, вместо щеки. — Скучала по тебе, Фи-Фи.

На это она поворачивается ко мне и улыбается.

— Я тоже по тебе скучала, Долговязая Айви, — но ее улыбка быстро выцветает, а лоб хмурится. — Но что за нах? Почему ты не сказала мне, какой великолепный Грей? Черт, я могла бы пересмотреть свой запрет на футболистов, — Фи трансформировала свое возмущение работой папы в ненависть ко всему, что связано со спортом.

— Честно? Я не знала. Мы не обменивались фото или чем-то в этом роде.

Она фыркает.

— Только ты могла подружиться с парнем, не зная, как он выглядит.

— Я и не хотела знать, — отмечаю я. — Не могу нормально объяснить, но если бы я знала, какой он внешне, то расстояние между нами стало реальным, из-за этого было бы сложнее мириться с разделяющими нас тремя тысячами миль, — признание вызывает у меня странное чувство уязвимости, и от этого я сворачиваюсь в калачик.

— Уверена, знай ты, что Грей такой красавчик, все было бы в разы сложнее, — соглашается Фи с моей точкой зрения. — То есть, только не говори, что увидев его впервые, ты не подумала "Секси-шмекси, Бэтмен!"

— Я была... удивлена, — скорее даже поражена. — Но это не значит, что я ожидала, что он урод или типа того, — и даже если бы Грей был не таким привлекательным, это не имело бы особого значения. У него в запасе есть харизма.

— Я почти что стала влажной, когда увидела его, — бормочет Фи. — Иисусе, он реально горяч. И охуенно огромен. Настоящая гора сексуальности, — она обмахивает лицо ладонями, имитируя движения веера. — Правда, Айв... Ты могла бы взобраться на него, как на Эверест, разбить лагерь возле его члена и обследовать окрестности по утрам.

— Фи! Ты остановишься? — мои щеки горят лишь от образа, которым сестра заразила

мой мозг.

— Почему это? Я глаголю истину. И спорю, ты со мной согласна, — она прищуривает покрасневшие глаза. — Не так ли, — это не вопрос.

Я прижимаю белую мягкую подушку к груди.

— Грей — мой друг. Я не думаю о нем в таком ключе.

— Друг, которого хочется трахнуть.

Я приподнимаюсь и поворачиваюсь, чтобы взглянуть на нее.

— Даже не думай об этом.

Выражение Фи останется неизменным.

— Я пошутила. Но кажется, кто-то уже метит свою территорию.

— Конечно, я помечаю свою территорию. Он невероятен. Один из немногих людей, с кем я с ходу сошлась. И я не собираюсь испортить все... *эмоциями*, — я раздраженно взмахиваю рукой, чуть не попадая Фи в голову.

Она уклоняется и передвигается ниже на моей кровати.

— Что-то мне подсказывает, что эмоции возникнут в любом случае. Но тебе не стоит волноваться на мой счет. У меня есть парень. Джейк. Он старшекурсник и красавчик.

— Он одевается в клетчатые рубашки и ездит на красном Porsche?

— Хах. Хотя у него имеется некое сходство с Джейком Райаном. Хмм... Теперь я гадаю, может ли он арендовать Porsche и ждать меня у входа в церковь, — Фи прикусывает нижнюю губу, как будто представляя себя актрисой фильма *Шестнадцать свечей*.

— Тогда тебе и правда пришлось бы ходить в церковь, — говорю я. — А это подвергло бы тебя риску быть пораженной ударом молнии.

— Кто бы говорил, — она обращает на меня пронизывающий взгляд. — Я брошу его еще за месяц до того, как ты будешь плясать на костях Грея. И я называю такой длительный промежуток времени лишь потому, что знаю, как ты упряма.

— Тебе разве не нужно вздремнуть?

— Я и так уже наспалась. В скором времени меня может стошнить, но я несомненно сообщу тебе об этом заранее.

Корча рожицы, я спускаю ноги с одной стороны кровати.

— Блестяще. Я собираюсь в душ, чтобы смыть с себя дух самолета.

Голос Фи следует за мной, когда я убегаю в святая святых моей ванной комнаты.

— Рада, что ты дома, Айв!

— А я рада быть дома, Фи, — кричу в ответ.

— Спорю, ты не станешь думать о той сексуальной скале в виде мужчины, пока будешь мыть свое женское местечко!

Я захлопываю дверь, а она злобно хихикает.



— Итак, — голос Дрю доносится ко мне сквозь шум ударов моего собственного сердца. — Расскажи мне об этой Айви.

Я бросаю взгляд на своего лучшего друга. Сейчас мы у него дома, потому что я наконец-то забираю свой грузовик. Анна одолжила машину с автоматической коробкой передач у своей мамы, поэтому им больше не нужна моя. Я немного протестовал, настаивая на том, что Дрю может на долгие оставить себе мой грузовик, но, по правде, я скучал по моей старой девочке. С другой стороны, Дрю...

Чертов хрен валяется на долбаном лежаке, попивая какой-то фруктовый напиток, который ему приготовила Анна, пока я надрываю зад, бегая между двумя конусами, расположенными в десяти ярдах друг от друга. Чертовы челночные тренировки. Мои бедра горят, а легкие пылают огнем. Но я по-прежнему двигаюсь быстро. Наклоняюсь, чтобы коснуться верхушки конуса, прежде чем броситься обратно к точке старта.

— Она не... "эта" Айви, — выдыхаю я. Наклон, прикосновение, разворот, спринт. — Да и что рассказывать? Она... — я касаюсь второго конуса. — Мой друг.

— Хммм... — Дрю втягивает напиток через соломинку — Иисусе, с его стакана торчит зонтик. Клянусь, он вставил его, чтобы свести меня с ума. Здесь около сорока градусов тепла (*4,5 градуса по Цельсию*), а мой друг ведет себя, словно мы где-то на пляже. — И тем не менее, ты буквально приклеен к своему телефону, словно он стал твоим вторым членом.

— Не вижу в этом проблемы, — фыркаю я. — Два члена, вдвое больше веселья.

Одним. Набором. Для. *Траха*. Больше.

Дрю наблюдает за мной тем своим взглядом, который словно пронизывает вас и видит больше, чем следует. В его глазах мерцают злые огоньки, от вида которых становится неловко.

— Ага, прости, но мне не очень нравится обсуждать твою фантазию о мультичленстве — и поверь мне, мы правда не должны об этом разговаривать — лучше расскажи мне о своей новой девушке.

Я пробегаю последний челнок и задыхаясь, хватаю бутылку Гаторейда, а затем хлещу его почти что залпом, так что липкие ручейки бегут по моему подбородку и капают на голую грудь. Пот вызывает раздражение слизистой глаз, и все мое тело болит, отчего я вздрагиваю. Думаете странно, что мне нравится это чувство, когда мое тело доходит до предела? Оно очень близко к другому чувству, которое испытываешь после секс марафона, в конце которого можно просто помахать рукой со словами: "Спасибо, детка, увидимся еще".

Дрю бросает мне полотенце, когда бутылка с напитком все еще прижата к моим губам. Я хватаю махровую ткань на лету, даже не глядя, а затем вытираю им лицо. Когда бросаю влажное полотенце обратно, Дрю поднимается на ноги, из-за гипса на его левой ноге, движения парня неуклюжие.

Хоть я никогда этого и не признаю, но его вид причиняет мне боль. Пока тот безжалостный убог не сломал его ногу, Дрю был нашим квотербеком стартового состава и верным капитаном команды. Травма положила конец его сезону игры. И так же сильно, как я ненавижу об этом думать, боюсь, без этого парня наша команда распадется. Мы были хорошо смазанной машиной, чертовски блестящей командой. А что сейчас? Следующая игра — чемпионат университетов, а наш боевой дух испарился.

Хуже того, я ненавижу видеть, как хромает Дрю, потому что знаю, насколько это мучительно для него самого. Но с недавних пор, кажется, что ему стало лучше. По большей части за это стоит благодарить его девушку, Анну. По утверждению Дрю, для некоторых ребят их любимые служат лекарством. Лично я считаю, что лучше всего помогает серьезная диета из секса с горячей девушкой, но что я знаю?

Это напоминает мне... Я швыряю в сторону свою пустую бутылку и бросаю на Дрю суровый взгляд.

— Айви — мой друг, и так уж вышло, что она девушка. Но не моя девушка. Есть огромная разница, сладкий мой персичек.

— Ха, — он хватается футбольный мяч с земли возле своего лежака. — Ты хоть осознаешь, что когда парню приходится устанавливать разницу между понятиями девушка и моя девушка, он обычно лжет самому себе.

Я фыркаю.

— Ты просто хочешь, чтобы я был таким же утонувшим по уши в любви болваном, как ты сам. И тогда ты не будешь выглядеть таким простофилей по сравнению со мной.

Он усмехается.

— Хорошая попытка, Грей-Грей. А сейчас вали уже.

Побежав трусцой в заднюю часть двора Дрю, я становлюсь в позицию, чтобы он мог бросить мне мяч. Я могу отправиться тренироваться на университетский стадион, но мне хочется побыть в компании Дрю, и чем чаще мне удастся привлечь друга к футболу, тем лучше для него.

— Она веселая, с ней легко. Мне нравится общаться с Айви, — я бросаюсь за мячом, поворачиваюсь и ловлю пас Дрю. Прижимая крепко мяч к своему боку, я снова разворачиваюсь и бегу обратно к старту, а затем передаю его другу. — И, нет, я не хочу ее трахнуть.

В основном это заявление правдиво. Мак, естественно, сексуальна, и нужно быть слепым, глухим и немым, чтобы не заметить этого. Но я не собираюсь даже допускать мысли о сексе с ней. Ни. За. Что. Это выставило бы меня как грязного, беспринципного ублюдка, а я не хочу быть таким с Мак.

Дрю крутит в ладонях мяч.

— Я и не спрашивал об этом.

Я ловлю еще один его пас, на сей раз мяч летит у меня над головой, так что я вынужден высоко подпрыгнуть, чтобы его перехватить.

— Ты подумал об этом.

Дрю немного смеется.

— Ага, ладно, я и правда подумал. Но только потому, что обычно ты хочешь трахнуть каждую девушку, которая появляется на горизонте.

— Ладно, хорошо, — признаюсь я, начиная еще один забег. — Ты поймал меня, я — бог секса, — продолжаю свою речь, пока Дрю фыркает от отвращения. — Правда? Если бы мы встретились до того, как начали переписываться, я бы попытался с ней замутить. Она забавная, умная и сексуальная. Кто бы не хотел такую? Черт, я не знаю, мужик. Она просто мне нравится. А я по-настоящему нравлюсь ей. Она — первый человек, с которым я хочу разговаривать. Каждый день.

Дрю наклоняет голову, его рот кривится, словно парень борется с улыбкой. Как же это меня раздражает.

— Гм, чувак, — говорит он, едва ли сдерживая смех. — Именно такие чувства я испытывал к Анне. С самого начала.

Я хмурюсь, крепко хватая мяч руками.

— Однако мы с Айви просто друзья.

Его молчание оглушительное. Я решаю не поддаваться желанию отстоять свою точку

зрения.

— Эти отношения очень важны для меня. Черт, она сказала мне прямо в лоб, что чувствует себя в безопасности со мной, потому что мы просто друзья. Я не собираюсь просрать это доверие, начав к ней подкатывать, — я хочу быть лучше этого. Ради нее.

Мой самый давний на свете друг смотрит на меня сейчас так, будто у меня на лбу выросли рога, а затем медленно моргает.

— Ты не достаточно быстро перехватываешь мяч, когда он летит с правой стороны, — говорит он. — Установи контроль над этой зоной.

Мудак. Но он прав, я не могу жаловаться.

— И это все? — спрашиваю я. — Больше никаких подшучиваний?

— Неа, — Дрю вращает мяч на кончике своего пальца, а затем перехватывает его ладонями. — Мне было просто любопытно.

Верно. Конечно. Я продолжаю бегать на короткие дистанции, перехватывая каждый мяч, который посылает мне Дрю, быстро работаю руками, крепко хватаю мяч и держу равновесие. Дрю ждет, пока я закончу и буду валиться с ног; свежий пот покрывает мою кожу и впитывается в пояс шорт.

— Я хочу с ней познакомиться.

Не знаю почему, но эта идея бросает меня в холодный пот.



Грей присылает мне пропуск, приглашая посмотреть на его тренировку. Из-за интенсивности подготовки к пост-сезону, тренер попросил закрыть стадион для посетителей, не желая, чтобы поклонники отвлекали его команду, пока те готовятся. Так что внутрь допущены всего несколько человек.

Поскольку сейчас у меня есть моя машина, я приезжаю на ней и паркуюсь на студенческой парковке. Кампус навевает на меня воспоминание о собственном университете. Я так сильно любила колледж, и потому мне сейчас так же сильно жаль, что я его оставила.

Команда уже в сборе, когда я прибываю на стадион. Сегодня холодный, морозный день, зимнее солнце слабо освещает поле и ту часть трибуны, где я сижу. Я сильнее кутаюсь в свое пальто, сжимаю в ладонях стаканчик с горячим шоколадом, который купила по дороге, и наблюдаю.

Даже несмотря на шлем, Грея легко узнать, он выше и худее коренастых нападающих, стоящих с ним плечом к плечу. На них надета простая защита и джерси в сочетании с беговыми шортами внизу. Я слежу за восемьдесят восьмым номером Грея, пока они делают перерыв и сбегаются в кучу, образуя круг.

Я люблю спорт. Он всегда был частью моей жизни. И футбол — не исключение. Я выросла, обедая по воскресеньям с победителями Зала Славы. У меня есть "дяди", выигравшие Супер Кубок, и я могу получить билеты на любой главный спортивный чемпионат. Это легко могло бы меня утомить. Но нет. Я все еще переживаю, наблюдая, как спортсмены показывают себя на высоком уровне.

Но сейчас совершенно очевидно, что команда Грея не в лучшей форме. Они пропускают пасы, демонстрируют плохое время, их оборона не на высоте, а движения несогласованные. Между игроками разгораются ссоры, их гнев бьет через край. Странно то, что если взглянуть на них по отдельности, то становится очевидным великолепие каждого игрока. Их талант ярко выражен. Однако, когда они должны сыграть одной командой, возникает проблема.

Кажется, главный тренер согласен здесь со мной. После очередной промашки его почти хватает удар. Я говорю *почти*, потому что он невозмутимый по своей натуре. Большинство на его месте стало бы уже кричать. Отвратительный координатор, например, его лицо багровеет, когда мужчина вопит на игроков, чтобы те вытянули "свои чертовы головы из задниц и, на хрен, собрались". Тренер защитной игры ограничивает свои возмущения непристойными ругательствами, которые в основном связаны со словом "блядь!". Но главный тренер просто срывает кепку с головы и хлопает ею по бедру, прежде чем направиться к боковой линии поля.

Звучит свисток, и игроки бегут к своим тренерам. Оставшееся время тренировки

проходит за бесконечными и изнурительными упражнениями.

Когда ребят наконец отпускают, они ползут с поля, низко опустив головы. Слишком молчаливы, и я переживаю за них. Медленно спускаюсь вниз со своего места на трибуне. На поле остался один игрок. Грей стягивает свою защиту и джерси одним махом, выскальзывая через одежду и бросая ее возле своего шлема на землю, при этом его лицо искажено выражением отвращения к самому себе.

— Привет, Кексик, — говорю я нежно, когда он плюхается на скамью.

— Это было немного дерьмово, не правда ли? — его обычной улыбки нет, вместо нее губы сжаты в ровную линию. — К черту это, мы сейчас так сильно лажаем.

— Это из-за Дрю? — потеря главного квотербека может привести команду в состояние разрухи. Из сообщений Грея я знаю, что Дрю был их капитаном и другом.

Грей проводит рукой по своим волосам. Он подстриг их, густая масса короче по бокам, а сверху торчит в стиле стрижки "канадка". Из-за своего сердитого выражения лица и прекрасных черт лица Грей сейчас напоминает мне Дэвида Бэкхема. Ну, если бы Бэкхем был огромным и у него был вкрадчивый, сексуальный голос.

— Думаю, мы испугались. Плюс, что-то происходит с Роландо. Однако я, черт возьми, узнаю, что именно.

— На какой позиции он играет?

— Принимающий игрок. Номер четыре.

— Ах, — я наблюдала за стройным парнем с длинными дредами. Роландо плохо играл, упускал подачи и дважды ввязался в драку с неосторожными защитниками, которые закрывали его.

— Ага, — говорит Грей, вздыхая, — "ах".

Его несчастное выражение лица вызывает боль у меня в груди. Но пока Роландо витал в облаках, Грей играл идеально. Сейчас я знаю, почему мой отец не хочет быть тренером. Большинство людей назвали бы Грея чудачком от природы, но я предпочитаю термин одаренный. Он смысленный, координированный и огромный. Неимоверно сильный; как только он ловит мяч, то ни за что не потеряет его, неважно, кто на него нападает, а его способности блокировки — убийственны. Он — тройная угроза команде соперника, потому что парень так же хорош в перехвате мяча в воздухе, с невероятной ловкостью и точностью.

Что бы ни случилось в течение сезона, Грей станет серьезным соперником для конкурентов во время отбора. Но сейчас я знаю, что от этого ему не легче.

— Вы обязательно вернете себе былой дух, — говорю я ему. — Каждому очевидно, что вы первоклассная команда. Вам просто нужно время, чтобы реорганизоваться.

— Но у нас его нет, — еще раз наклоняясь, Грей хватает бутылку с водой и делает несколько огромных глотков, отчего его кадык движется.

Молчание перенаправляет мое внимание на совсем другую область, а именно к тому, что парень сейчас сидит передо мной полуголый, прислонившись спиной к креслу. Почти все его стройное, блестящее от пота тело на виду, скрыта лишь та часть, что под парой шелковистых красных баскетбольных шорт, надетых поверх шорт для спортзала. И господи милостивый, он образцовый экземпляр мужского рода.

Мускулистые тела не должны меня смущать. Я повидала их сотнями. Однако Грей из другой лиги. Его тело такое безупречное и скульптурное, что парня можно использовать для уроков по анатомии. У него не просто сексуальная V на животе, его пресс так сильно очерчен, что напоминает броню, переходящую в узкие бедра.

И тогда как некоторые парни кажутся слишком громоздкими или жилистыми из-за своих мускулов, Грей представляет собой мое личное воплощение сказки о Златовласке, потому что он такой худой, но сильный, его мышцы рельефные, но одновременно с тем гладкие.

А эта золотистая, словно мед, кожа, светится на дневном солнце.

— Налюбовалась? — в голосе Грея слышно веселье. — Или мне следует просто прислать тебе снимок моего раскачивающегося тела?

Попалась.

В ужасе, я быстро переключаю внимание на его лицо, натыкаясь на самодовольную усмешку парня. Он выгибает брови, пока медленно покачивает одной ногой из стороны в сторону; движение столь откровенно сексуальное, если не знать о том факте, что Грей явно меня дразнит.

Мне требуется изрядно постараться, чтобы сохранить выражение своего лица нейтральным. Надеюсь, у меня выходит.

— У тебя нет волос на теле, — первая глупая идея, которая только приходит мне в голову.

Щеки Грея немного розовеют.

— Я не особо волосатый парень, это да. Хотя могу тебя заверить, что в некоторых ключевых местах у меня все же имеются волосы.

Мне следует закрыть тему. Но лучше уж дразниться, чем признать, что я не могу оторвать от него взгляда.

— Твои ноги выглядят более гладкими, чем мои, — даже при том, что они не покрыты волосами, все же нет ничего женственного в объемных накачанных сильных бедрах Грея.

Розовый румянец на его щеках становится почти красным.

— Ага, ладно, из-за нагрузок у меня бывают судороги в ногах, так что мне приходится часто ходить на массаж к физиотерапевту, — Грей откашливается и чешет подбородок. — Неимоверно больно, когда он тянет волоски так, что те...

— Ты побрил ноги для облегчения массажа, — я удовлетворенно широко усмехаюсь. Многие спортсмены делают так, но смущение Грея, в некотором роде, кажется милым.

Он хмурится, но затем кивает.

— Я сделал это один раз. А затем, знаешь ли, попытался отрастить волосы обратно. Но в результате возник пиздец какой зуд.

Я смеюсь.

— О, я знаю. Фиона однажды уговорила меня на полную Бразильскую...

Грей давится водой, которую отпивал в этот момент, и выплевывает ее, что-то бормоча. Его голубые глаза бросают на меня сердитый взгляд, пока парень вытирает рот о свое предплечье.

— Иисусе, Мак. Не говори мне такого. Я не могу вообразить тебя всю... — он взмахивает рукой в моем направлении, — голую там.

Я фыркаю под его негодующим взглядом.

— О, прошу. Я не голая там внизу...

— От этого не легче, — говорит он мрачно.

— Я пытаюсь сочувствовать тебе, ты — балда. Потому что мой зуд был еще той мукой, когда волосы начали отрастать. Но он даже и близко *не* стоял к боли от депиляции воском. Я была уверена, что та злая женщина оторвала мои дамские губки.

— Дамские губки? О, Христос, — его веселый смех эхом раздается по стадиону.

— Это не так уж весело, — протестую я, ударяя ладонями о бедра, пока пресс Грея сжимается от смеха — *arrrr*, как сексуально. — Это была самая худшая боль в моей жизни. А я ломала руку в двух местах.

Хрипя от смеха, Грей вытирает слезы с глаз и пытается утомонить свое веселье. В последний раз фыркая, он хватается за запястье и тянет на свои колени. Я приземляюсь с криком, пока он оборачивает вокруг меня свои руки, а затем крепко и сочно целует в щеку.

— Ты всегда помогаешь мне почувствовать себя лучше, Мак.

Игнорируя счастье в его глазах и то, как трепещет место поцелуя на моей щеке, я отклоняюсь от Грея и морщу нос.

— Великолепно. Рада, что мои прошлые травмы могут тебя развеселить.

— Думаю, мой мозг может быть травмирован твоими "дамскими губками", — отвечает Грей, хихикая, но выражение его лица остается довольным, а взгляд не отрывается от меня, словно весь мой вид дарит ему счастье. Эта мысль кажется сумасшествием, но довольно трудно иначе интерпретировать его реакцию. Не тогда, когда его взгляд путешествует по моему лицу, а губы складываются в нежную улыбку.

И я осознаю, что сижу прямо у него на коленях, на его крепких бедрах, которые напрягаются и изгибаются под моей попкой. Моя ладонь лежит поверх его плеча, его кожа гладкая, теплая и шелковистая. И мне так хочется ее погладить, провести пальцами вниз по плоской груди, возможно, обвести кружок вокруг впадины пупка.

Но в итоге я роняю руку на свои колени и откашливаюсь.

— "Дамские губки" скоро станут тусклым воспоминанием.

— Нет, — говорит он, хватая меня за бедро. — Это выжжено в моей голове.

— Тогда моя работа здесь окончена. А сейчас иди и прими душ, мистер Вонючка, а то замерзнешь до смерти, — но на самом деле покрытое потом тело Грея не кажется мне вонючим. Нет, скорее даже наоборот. Меня истязает огромное безумное желание уткнуться лицом в изгиб его шеи и вдохнуть этот запах Грея. Желание *невыносимо* сильное.

Он снова смеется, не отпуская меня, а наоборот притягивая ближе к своей груди. Иисусе, его тело так офигенно близко. Такое крепкое и твердое, что я хочу прижаться к нему изо всех сил, постараться облегчить эту резкую боль в груди. Его голос приятно грохочет возле моего уха.

— Прямо сейчас я вне угрозы замерзания, Специальный Соус. Поверь мне.

Даже не знаю, как это интерпретировать. Или что его слова делают со мной.

— Границы, Грей, — медленно отодвигаюсь назад, потому что сейчас я под угрозой сотворить что-то глупое, типа пустить слюни по этому парню. — Потные, жирные границы.

— Ага, ага, — говорит он, ослабляя объятия. — Я пойду. Только сперва кое-что сделаю.

В его глазах появляется блеск, и в зимнем освещении они светятся будто лазурит.

— Что же? — спрашиваю я, испытывая легкое головокружение от этого блеска.

— Это нарушает границы? — спрашивает он с ложной невинностью прямо перед тем, как затолкнуть мою голову под свою потную подмышку.



Я все еще улыбаюсь, когда выхожу из душа в раздевалку. Крики ужаса Мак были очаровательными. Она отлично боролась, но в конце концов ее лицо было влажным от моего пота. Что по сути отвратительно, но одновременно с тем доставляет мне странное удовольствие, на каком-то примитивном уровне. Я мог бы почувствовать себя плохо из-за этого, если бы не тот факт, что почти все время нашего сражения Мак смеялась. И ей удалось нанести мне пару хороших ударов.

— Что за самодовольное выражение, Грей-Грей? — спрашивает Декс, пока я натягиваю боксеры. Большой центральный нападающий слишком пронизателен, а я не готов оказаться под прицелом микроскопа.

— Да ничего.

Уже и Джонсон смотрит на меня.

— Угу. Сделаешь что-нибудь с тем засосом у тебя на груди? — он качает головой, отчего его длинные светлые волосы разлетаются вокруг плеч. — Черт, парень, только ты мог трахаться с девушкой на стадионе прямо после тренировки.

Я опускаю взгляд на свою грудь, замечая новый маленький синяк возле моего соска. Моя усмешка становится шире, и я тру это место.

— Это не то, что ты думаешь, мужик. Мак ущипнула меня, — ужасно болит, но это того стоило. — Мы просто тусовались вместе.

Все ребята замирают и смотрят на меня с различными вариациями неверия на их лицах.

— Вот как вы, детки, называете это в наши дни? — спрашивает Декс.

— Ага, она типа рассердилась, что я дал ей щелбан, — я застегиваю джинсы.

— Мак? — Диаз, обычно молчаливый огромный лайнмен родом из Пуэрто-Рико натягивает свои кроссовки. — Та высокая темноволосая конфетка, что наблюдала за нашей тренировкой? Ну та, что похожа на Строберри Филдс из *Кванта Милосердия*?

— Джемма Арнтон, — подсказывает Джонс. — Милая такая.

Думаю, в некотором род Мак похожа на нее. Особенно с этой прической. Вот только Мак привлекательнее.

— Ага. О, эй, — я окидываю взглядом всех парней. — Палмеры устраивают Ночь Восьмидесятых. Я сказал Мак, что мы пойдем, — я уже написал об этом Дрю. Он хочет познакомиться с Айви. Это его шанс.

В ответ следует тишина, и я удивленно поднимаю голову, понимая, что мои парни играют в игру "Грей, мы тебя не узнаем".

— Мы идем, — говорю я им уверенно. — Так что перестаньте дуться из-за тренировки и отвлекитесь, — парням нужно расслабиться, и по правде, нам нужно сблизиться или что-то в этом роде. Нам реально это нужно.

— Ладно, — бормочет Декс. — Но только потому, что ты повстречал девушку, которая стала твоим "корешем". Уверен, это можно считать это одним из семи признаков апокалипсиса.

— Точняк, — соглашается Диаз, фыркая.

— Она невероятна, — я натягиваю футболку, а затем смотрю на Роландо, который втирает лосьон в свой локоть так, словно пробует на роль в фильме *"Молчание ягнят"*. — Ты тоже идешь с нами, Ло.

Я не спрашиваю, однако он реагирует на мои слова, как на вопрос.

— Неа. Я сегодня не могу.

— Чепуха. Ты идешь.

Он не отвечает.

— Роландо Джамал Смит, не заставляй меня тащить твой зад.

Его глаза прищуриваются, но парень явно старается не засмеяться.

— Ты подражаешь моей маме, Джи?

— Черт, нет, — конечно, нет. — У меня нет ни малейшего желания ее оскорбить. Эта женщина печет пироги с бататом, как богиня.

Лондо усмехается.

— Чертовски верно.

— Кстати говоря, когда она передаст нам очередной пирог? Скажи ей, что я ее люблю, ладно?

— Маленький подлиза, — он бросает лосьон в сумку и вздыхает. — Ладно. Я пойду.

Усмехаясь, я даю ему щелбан, за что получаю шлепок по руке. Роландо бесцельно расхаживает кругами, все еще ворча что-то о грязных засранцах и белых мальчиках, но его шаг стал легче.

И только когда все ребята выходят на улицу, оставляя меня одеваться, я замечаю, как из душа выходит Кэл Альдер, наш новый квотербек. Он пробыл там все это время, и сейчас его движения замедленные, и я знаю почему. У меня бывали дерьмовые игры, после которых я сидел под струями душа, словно зомби, надеясь, что вода смывает позор поражения. Но это никогда не срабатывало.

А бедному ублюдку приходится сильно постараться, чтобы оправдать ожидания окружающих. Он второкурсник, которого вынудили играть в большую игру с командой, любящей своего старого квотербека. Чаще всего Дрю молчал во время игры, он просто знал без слов, куда бросить мяч или сделать пас, а мы знали, где его ловить. Чертовски странно, но такова правда. Мы были синхронны. С Кэлом все не так.

— Эй, Кэл.

Он вздрагивает, словно только сейчас заметил мое присутствие. Несмотря на онемелость его плеч, парень разворачивается ко мне лицом. Кэл совсем не похож на Дрю. Он не милый парниша. Он редко смеется и не разговаривает как профессор английского языка. По правде говоря, он скорее похож на громилу. Грубые черты лица, нос, который как минимум раз был сломан. А его глаза до чертиков пугающие. Травянисто-зеленые, обрамленные темными ресницами, когда он направляет их на вас, то кажется, что вот-вот парень прожжет вас взглядом-лазером.

Его выражение лица постоянно натянуто и напряжено, он выглядит так, будто я собираюсь выбить из парня все дерьмо.

— Эй.

— Мы собираемся сегодня вечером к Палмерам. Приходи, — опять же, я не спрашиваю. Кэл моргает от удивления, а затем его губы искривляет уставшее выражение.

— Спасибо, но я не...

— Послушай, мужик, я не завидую твоему положению прямо сейчас. Должно быть, это чертовски угнетает. Но я знаю, что квотербек, у которого есть связь с его командой, имеет преимущество.

Он прищуривает глаза.

— И ты думаешь, что если я выпью несколько бокалов пива с некоторыми моими коллегами по команде, то все наладится? Ага. Конечно.

— Я думаю, ты нужен нам, — говорю я честно. — А мы нужны тебе. Так что да, ты сделаешь то, что можешь, лишь бы выиграть. Подумай об этом и тащи свой зад сегодня к Палмерам.

Напряжение спадает с его плеч, когда парень вздыхает.

— Ладно, я приду.

— Твой энтузиазм воодушевляет меня, — бормочу я, хватая свою сумку. Но тут останавливаюсь и внимательно смотрю на Кэла. — Ты под наблюдением, и я буду ждать тебя у входа, новичок.

Он закатывает глаза и практически улыбается.

— Я в ужасе.

— Знаю. Мое оружие — устрашающая красота.

Кэл фыркает, пока я иду на выход. Я почти в дверях, когда он окликает меня.

— Грейсон, — я останавливаюсь и оборачиваюсь, когда Кэл кивает мне. — Спасибо.

Не то, чтобы я заслужил это. Однако киваю в ответ.

— купишь мне пиво, и мы в расчете.

Как только я выхожу за дверь, мои мысли переключаются на Мак, и я тру то место на груди, где она меня ущипнула. Сегодняшний вечер не может наступить слишком скоро.



— Куда ты сегодня вечером идешь, сладкий пирожок?

Охрипший голос Фи раздается над звуками музыки, заполняющей мою комнату. Я опускаю подводку бронзового цвета, которую накладывала поверх век, и смотрю на нее.

— К Палмерам.

Ее покрасневший носик морщится.

— В тот ночной клуб? Так нечестно.

Смеясь, я продолжаю подводить глаза в стиле женщины-кошки.

— Много раз там была?

— Да, но давно. Ненавижу болеть, — на этом она плюхается на мою кровать и драматично разваливается на куче подушек. Ее отекающие глаза прищуриваются, когда сестра смотрит на мою док станцию, играющую музыку с телефона.

— *SexyBack*? Seriously? — огромная усмешка расплывается на ее лице. — Все настолько серьезно?

Черт. Это мой глубоко зарытый, порочный секрет — когда моя внутренняя сексуальность пробуждается, я слушаю *SexyBack*. Предполагаю, моя похотливая жажда к Джастину Тимберлейку никогда не умрет.

Заливаясь румянцем, я выбираю помаду красного оттенка, чтобы нанести ее на губы под блеск.

— Вообще-то, включен случайный подбор песен.

Но Фи знает меня слишком хорошо. Она окидывает взглядом сверху донизу мою одежду и снова ухмыляется.

— Угу. Миленький топ.

На мне надета красная шелковая блуза с завязками. Спереди ткань достигает самого основания шеи, однако плечи и спина остаются обнажены. Лифчик без бретелек гарантирует, что мои груди не будут неконтролируемо раскачиваться, но топ определенно сексуален. К блузке я надела черные облегающие джинсы и ботинки на высоких каблуках, так что мой наряд еще и удобен. А поскольку Грей высокий, словно дерево, я могу обуть каблуки и не превосходить его в росте. В моем мире это, несомненно, бонус.

— Я не пойду в бар, выглядя при этом как ничтожество, — бормочу, убирая излишки помады с губ.

— К слову о сексуальности, — растягивая слова, говорит Фиона. — Та гора секса в виде мужчины заедет за тобой?

Я фыркаю в ответ на это прозвище, данное сестрой Грею.

— Нет. Мы встретимся на месте. Это не свидание, Фи.

Я решаю не упоминать, что забронировала нам кабинку в баре. Грей забрал свой грузовик у Дрю и обещал не только быть сегодня нашим трезвым водителем, но и отвезти

меня домой после гулянки. Он бы захватил меня по дороге в клуб, но уже пообещал заехать к нескольким своим друзьям, так что я отказалась от их компании. Я не хотела, чтобы Грей завозил меня домой по этой же причине, но он настаивал.

— Поверь мне, Мак, — сказал он, — ребята самостоятельно решат, как добраться домой.

Ага, подцепив кого-то на одну ночь. Глупо, что эта идея вообще меня беспокоит. Или то, что глядя на Грея, когда он говорил об этом, я подумала, что парень тоже мог бы найти девушку для интрижки на одну ночь. Привести ее к себе домой и...

Даже сейчас меня пробирает дрожь отвращения. Глупая дрожь. У меня нет ни грамма права расстраиваться. Черт, сам факт моего расстройств по этому поводу уже расстраивает.

Но я надела свои трусики большой девочки и высказала Грею предположение о том, что могу стать для него третьим лишним колесом.

На это мой друг возразил так, словно я была сумасшедшей, настаивая на том, что сегодняшняя ночь — наша. Так что я отпускаю все на самотек. Но в конце концов мне однажды придется увидеть, как Грей снимает женщин.

Хмурясь, я вынимаю свой телефон с док станции и опускаю его в свой маленький клатч. — Ты точно будешь в порядке? — спрашиваю я у Фионы, перед тем как уйду.

Она лениво взмахивает рукой.

— Мне немного лучше. А сейчас, распутница, иди и повеселись на полную с целой безумной футбольной командой горяченьких парней.

— Там будет не вся команда, — говорю я, улыбаясь. — Возможно, лишь половина всего состава. Скорее всего, даже три четверти.

Фи бросает в меня подушку, но та с глухим звуком падает не долетев до меня.

— Я так завидую. Ладно, иди и включи свою сексуальность на полную катушку. А еще будь умницей и вышли мне фото их рук! — Фи — отпетая любительница больших мужских бицепсов.

— Будет сделано, — я машу ей и шагаю на улицу.



Бар, в котором мы договорились встретиться с Греем, полон народа, к тому же сегодня здесь явно планируют вечер в стиле ретро. Хип-хоп восьмидесятых звучит из динамиков, когда я лавирую между толпой. На своих каблуках, я практически одного роста с Греем, а здесь это однозначно преимущество. Я легко замечаю парня над толпой народа, его темно-золотистые волосы сияют, словно маяк, пока он идет мне навстречу. Мне нравится, что несмотря на мои высокие каблуки, Грей все еще выше меня на несколько дюймов.

— Эй, — говорит он, когда мы достигаем друг друга. — Мы заняли кабинку в... — он смолкает на полуслове, внимательно разглядывая меня, губы приоткрываются, словно ему нужно отдышаться.

— Что? — мой голос такой низкий, из-за музыки его почти нереально расслышать, потому я наклоняюсь ближе. Достаточно близко, чтобы почувствовать жар его тела, ощутить

чистый аромат. Мыло и мужчина никогда не пахли для меня так хорошо.

На мгновение мы просто зависаем друг напротив друга. Словно магниты, оказавшиеся слишком близко и не знающие, врезаться ли им друг в друга или разъединиться. Станный маленький танец, от которого мы оба краснеем.

Грей откашливается и отклоняется назад, как будто не в силах вынести мою близость. Ну, ладненько, я же не воняю, верно? Хмурюсь, но его губы кривятся в улыбке.

— Ты выглядишь... миленько, Мак.

— Высокая похвала из твоих уст, Кексик, — мой сердитый взгляд становится еще суровее, и Грей смеется.

— Ладно, ты и *правда* выглядишь мило. Даже горячо, — снова, он смотрит на меня, на сей раз задерживая взгляд на моей блузке. — Невыносимо великолепно сексуально.

Румянец жаром заливает мое тело, сосредотачиваясь между ног, и мне приходится тоже откашляться. От этого неспешного прилива внезапной похоти моя походка становится неуверенной. Что за чертовщина? Это же просто Грей.

— Мне нравится наряжаться время от времени. Не делай такой шокированный вид.

— Я не шокирован, — Грей берет меня за локоть, едва к нему прикасаясь, и ведет в заднюю часть клуба. — Мне приятно.

— Приятно? — тупо переспрашиваю я. Он продолжает бросать в мою сторону косые взгляды, словно верит, что мой вид может измениться и не хочет этого.

Затем Грей просто качает головой и наклоняется так, что его губы задевают мое ухо. Его теплое дыхание и глубокий голос ласкают мою кожу.

— Мак, я здоровый мужчина с гетеросексуальными наклонностями. Мне всегда офигенно приятно смотреть на сексуальную девушку.

Поджимая губы, я решаю не комментировать это. Нелепо, но меня очень радует его восхищение. А еще оно приводит меня в замешательство, словно я выпила крепкого ликера, от которого голова пошла кругом. Она все еще немного кружится, когда мы подходим к большой круглой кабинке, занятой друзьями Грея.

Все они улыбаются мне, разглядывая с разной степенью интереса, словно ожидают возможности хорошенько присмотреться ко мне.

— Это Айви, — говорит Грей, кивая в мою сторону, когда начинает нас представлять. — А это Диаз, Роландо, Декс, Маршалл, Джонсон, Кэл, Дрю и Анна.

Анна, кучерявая рыжеволосая и единственная за этим столом девушка, широко улыбается. Она едва взмахивает рукой в знак приветствия.

— Привет, Айви. Мы много о тебе слышали.

Ясно. Чувствую себя новой зверушкой в зоопарке.

— Привет. Я тоже слыхала о вас немало, ребята, — я проскальзываю на свободное место возле Анны, пока парни здороваются со мной.

Все они огромные и вероятно напугали бы кого-то, кто не имел дела с футболистами. Однако для меня быть с ними — это как оказаться дома. Всю свою жизнь я была окружена разными мужчинами спортсменами, сильными ребятами, которые использовали свои тела, словно музыкант использует инструмент. Частенько они ведут себя словно мальчики-переростки, и неважно сколько им лет.

Грей занимает место напротив меня, опуская свои накачанные предплечья на стол. В течение секунды мы просто улыбаемся друг другу, и счастье растекается по моим венам, будто шампанское.

А затем Дрю наклоняется к нам.

— Я хотел бы поблагодарить тебя, Айви, что позволила Грею одолжить твое авто, — его тон кажется искренним, но в светло-карих глазах мерцает какой-то блеск.

— Я ему и не позволяла, — разъясняю я, даже зная, что не обязана. Но мне хочется подколоть Грея, хотя бы немного. — По правде, я даже расстроилась и типа хотела надрать ему зад.

— Она может говорить все, что угодно, но по факту, Айви любит меня, — убеждает всех Грей.

— Ты же не причинил вреда моей машинке, — говорю я, — так что я смиростивилась к тебе, это да.

Грей подмигивает мне, и я смеюсь.

Блеск в глазах Дрю становится более ярким.

— Грей никогда бы не повредил ту машину. То есть, он так круто выглядел за ее рулем.

Ребята смеются. А Грей говорит, сквозь притворный кашель.

— Мудак.

Дрю игнорирует это и откидывается на диване, смеясь. Парень до нелепого красив, благодаря точенным чертам лица, светло-каштановым волосам и необыкновенным глазам. Грей и Дрю сидят бок о бок, и из-за своей мускулистой фигуры, занимающей добрую часть кабинки бара, они выглядят, словно сошедшие со страниц комикса супергерои.

Замечая, что я наблюдаю за ними, парни в один голос говорят:

— Что?

Улыбаясь, я качаю головой.

— Да, ничего. Просто вы похожи на Тора и Капитана Америку, попивающих пиво за одним столом.

Они одновременно краснеют. Что, в некотором роде, даже мило.

— Ха! — восклицает Анна, указывая на меня. Ее щеки приподнимаются от широкой усмешки. — У меня тоже были мысли, что Дрю похож на Капитана Америку.

Дрю вздрагивает.

— Правда?

Грей фыркает.

— Чувак, меня сравнили с Тором. Так что я по-любому выигрываю.

— А что, вашу мать, есть у Тора? Маленький молоточек? — Дрю взмахивает рукой, словно бы говоря *"я вас умоляю"*.

Но Грей ухмыляется.

— По крайней мере он не прячется за щитом, словно слабак. Тор — бог. Этим все сказано.

— Надоедливый божок с чрезмерно раздутым эго, — вставляет Дрю.

— Ты говоришь, Капитан Америка не надоел всем? Чувак. Он даже не разбирается в современной культуре. Этот парень словно бой скаут сороковых годов.

В течение мгновения Грей и Дрю смотрят друг на друга. А затем Дрю первым не выдерживает и смеется.

— Туше *(в борьбе — прикосновение борца обеими лопатками к ковру, знаменующее его поражение — прим. пер.)*.

— И Тор царствует и побеждает в битве! — Грей вскидывает руки, как во время тачдауна.

Все парни стонут. Кто-то бросает скомканную салфетку в Грея, но тот лишь аккуратно отбивает ее.

— Они всегда такие? — спрашиваю я у других ребят.

— Всегда, — бормочет Анна, но вместе с тем смеется.

Декс, огромный парень с густой бородой, пожимает плечами.

— Иногда бывает, они дают друг другу подзатыльники.

— Потихе там, Брюс Баннер.

Декс закатывает глаза на слова Грея.

— Так ты не согласен с этой оценкой, Кексик? — спрашиваю я, усмехаясь.

И тут же Грей стонет громко и протяжно, а его друзья начинают ахать от шока. И лишь теперь я осознаю свою ошибку. Вот, блин. Мне следовало предвидеть это. Дайте футболисту новое прозвище, и его друзья съедят это в одну секунду.

— Айви, — произносит Грей. Но уже слишком поздно — его друзья готовы к атаке.

— Кексик? — спрашивает Роландо, сексуальный худой парень с дредами, что сидит посреди круглой кабинки. Его улыбка ослепляет. — О, черт, нет, я не вынесу этого.

С еще одним стоном Грей утыкается лицом в свои широкие ладони.

— Гламурный Кексик. Звучит здорово.

— Потому что он сладкий, розовый и вот еще — таааакой симпатяга.

Глядя сквозь пальцы, глаза Грея обещают ребятам возмездие. Потому я кривлюсь, посылая ему лучший из своих мне-так-жаль-что-я-разрушила-твою-жизнь взгляд.

— Я отчетливо помню, как Грей заявлял, что у него сентиментальная чувствительная сердцевина, — отмечает Дрю, хитро улыбаясь.

— Вот-вот, пудинг мой сладенький, — обращается Анна к Дрю, — тебе не следует бросать в него камни. Вы все здесь в некотором роде внутри сентиментальны, — она заговорщицки подмигивает мне, пока Дрю откидывается на сиденье, сверля нас сердитым взглядом, а другие парни смеются.

— Удар ниже пояса, Джонс.

— О, ты все равно меня любишь, Бэйлор, — дерзко отвечает она.

Выражение лица Дрю свидетельствует о том, что Анна права.

Однако Грея пока что не собираются так просто оставить в покое. Роландо разваливается на диванчике.

— Итак, Айви, кроме обнимашек с Кексиком, ты еще чем-то занимаешься здесь, может, ходишь в местный университет?

— Нет, я выпустилась прошлой весной из университета Сары Лоуренс. Затем я провела лето и осень с мамой в Лондоне. А в марте снова вернусь к ней, чтобы управлять одной из ее пекарен.

Брови Роландо немного приподнимаются, и кажется, он изо всех сил старается не взглянуть на Грея.

— Это круто. Вот только я не понимаю, как вы, пекари, так рано встаете. Это бы меня убило.

— Фактически, так оно и есть, — ненавижу эту часть жизни. Ненавижу ложиться спать раньше 9 вечера и скучать по регулярной социальной жизни, во имя выпечки и вкусняшек терпеть этот отстой. Я упиваюсь вечерним времяпровождением и утренним сном допоздна.

— Лучше уж привыкай к такому хреновому расписанию, Мак, — говорит Грей, совершенно непринужденно, однако его черты лица напрягаются вокруг рта. — Это станет

твоей жизнью.

Я пожимаю плечами, игнорируя его комментарий и испытывая неприятное чувство внутри живота.

— Думаю, могло бы быть и хуже.

— Но сейчас-то ты здесь со своим отцом? — спрашивает у меня Дрю.

— С супер агентом, — вставляет Джонсон.

— Ну, как-то так, — усмехаюсь я. — Но я необъективна.

Все ребята смеются. А затем Маршал наклоняется над столом, от веса его большого тела стол поскрипывает.

— Эй, если он зарабатывает бабло, расставляя подписи, то уверен, этот парень реально супер крут.

Но я качаю головой.

— Хороший агент не занимается согласованием контрактов. Это берут на себя парни из фонда заработной платы игроков. Его задача состоит скорее в планировании жизни.

— Ты говоришь, как инвестиционный менеджер, который приходил в дом моих родителей, когда отца прихватил сердечный приступ, — говорит Декс, смеясь.

— Но так оно и есть, правда. Никто из вас не будет играть вечно. Это факт. Подготовьтесь к будущему, наполните свой банковский счет по максимуму, решите, что будете делать и как жить после окончания своей первой карьеры, — никто из них не выглядит особо довольным, размышляя над моими словами. Спортсменам нравится думать о сегодняшнем дне, когда они чувствуют себя непобедимыми. Это помогает им быть в форме. Но агент думает не так. — Работа агента заключается в вашей защите, чтобы однажды вы не закончили свою карьеру нищевродом. Потому что все вы знаете, однажды этот день настанет.

— Она права, — говорит Дрю.

— Так как бы ты защитила своих клиентов, Мак? — Грей кажется искреннее любопытствует.

— Что? Я? Я не агент.

— Если бы ты им была, — подсказывает он.

— Ну, возьмем к примеру Дрю. Я бы порекомендовала ему стать голосом тренера, выражая мнение команды перед СМИ, потому что он реально хорошо выглядит на ТВ. Если он хотел бы этого, то однажды мог бы работать на ESPN, надевая широкий пурпурный галстук и зарабатывая не кислые деньги.

Все они смеются, но Дрю кивает.

— Ага, это было бы очень круто.

— А что насчет тебя, — я смотрю на Грея и начинаю хохотать. — Ты не хочешь мне довериться, а?

Улыбка Грея меняется, когда он упирает предплечья о стол.

— Порази меня, Мак?

— Jockey, Under Armour, все, что угодно, лишь бы показать это тело в действии (*Jockey, Under Armour* — марки известного мужского нижнего белья).

Он сильно краснеет, а парни ревут.

— На самом деле это касается всех вас, — говорю я им.

— Черт да, так и есть. Миру нужно лицезреть эти кубики пресса, — Роландо задирает свою футболку, открывая нам вид на невероятно тугие мышцы живота.

— Красиво, — честно говорю я ему.

Роландо подмигивает мне.

— Ты в теме.

— Почему Дрю получил место в офисе, а я стал лицом нижнего белья? — протестует Грей, пока его друзья смеются.

— Честно? Не думаю, что ты не смог бы долго неподвижно сидеть на одном месте, — я нежно улыбаюсь ему. — Ты и правда хотел бы быть офисным работником, хотел бы следовать определенному сценарию? Потому что это именно то, чем занимаются эти парни.

Грей наклоняет голову и смотрит на меня. Довольное выражение лица смягчает его черты.

— Нет, не думаю, что я бы вынес такое, — его голос звучит негромко, но я четко слышу его поверх звуков музыки. — Ты могла бы стать агентом, Айви.

— Что? Нет, — неприятный ком образуется у меня в груди. — Это... Они... — я качаю головой. — Это дело моего папы, не мое, — я не могу сказать этим парням, что всегда презирала папину работу и то, как это его поглощает и как сломало нашу семью. По правде, то, с какой силой эта ярость распространяется по моему телу, вызывает шок. Я и не осознавала этого до данного момента, что буквально душит меня.

Когда тянусь к пиву и делаю большой глоток напитка, у меня дрожит рука.

— Я бы подписал контракт с тобой, — говорит Дрю, заставляя меня откинуться на диване, производя глухой звук.

— Ага, — говорит Декс. — Я тоже. Ты заботилась бы о своих спортсменах. А это важнее всего.

— Опыт и авторитет в этой отрасли тоже имеют значение, — угнетенно говорю я. Но сама идея о том, чтобы помочь этим ребятам, привлекает меня, потому что я знаю, как должно быть было бы здорово гарантировать их безопасность. Нервничая, я встаю на ноги. — Люблю эту песню, — говорю я, не обращаясь ни к кому в частности. — Кто пойдет со мной танцевать?

Парни вмиг становятся похожи на оленей, пойманных в свете фар. Так что мне требуется секундочка, чтобы сосредоточиться и понять, что же за песня сейчас звучит. В результате я сильно прикусываю губу. Игрет песня Мадонны *Material Girl*. Мне нужно постараться, чтобы продолжить выглядеть невозмутимо. Придется полюбить ночь восьмидесятых.

— Гм-гм, — говорит Джонсон, неистово трясая головой. — Это девчачья песня.

Дрю указывает на свою ногу.

— Мне нельзя ее напрягать. Предписания доктора.

Анна фыркает и закатывает глаза, а затем выныривает из нашей кабинки.

— Давай потанцуем, Айви.

— Типа мы встречаемся друг с другом, — говорю я ей.

— Ага, — Грей откидывается на спинку сидения, словно боится, что мы вытянем его с собой. — Возможно, я подойду к вам на следующей песне.

Анна пожимает плечами и хватается меня за руку. Я следую, абсолютно счастливая потерять саму себя на танцполе.



— А она мне нравится, — говорит Декс, когда девочки уходят.

— Она замечательная, правда? — я наблюдаю, как длинные ноги Мак вышагивают по танцполу. Топ, который надет на ней сегодня, заканчивается на уровне талии, открывая полоску шелковистой кожи ее узкой поясницы. Я никогда не пялился на спины девчонок, но сейчас от этого вида мне хочется броситься за ней, провести ладонью по этому гладкому изгибу, сверху-вниз, но вместо этого я глубоко вдыхаю и отбрасываю настырные мысли.

Джонсон поворачивается ко мне.

— Ты собираешься подписать контракт с ее отцом, серьезно?

— Он клевый. И я точно знаю, что он хорош, учитывая ход мыслей Айви насчет работы агента, — она светилась, когда говорила об этом деле. Однако мне не нравится то, как Мак сбежала из-за стола. Мое предложение, чтобы она стала агентом, очевидно, расстроило ее, и я не представляю почему.

Сейчас я не могу спросить ее, так что переключаю внимание на другое, повышая голос так, чтобы он был слышен несмотря на громкую музыку.

— Эй, новобранец, — говорю я Кэлу, который вел себя сегодня очень тихо, — мы с Дрю собираемся потренироваться в бросках завтра утром. Присоединяйся.

Дрю кивает. Я говорил с ним об этом, и он согласился помочь Кэлу. Хитрость, чтобы уговорить Кэла принять помощь.

Мой новый квотербек бросает взгляд то на меня, то на Дрю и хмурится. Но до того, как он успеет запротестовать, Дрю нападает на парня.

— Послушай, мужик, я бы хотел поддерживать свою форму. И круто было бы поработать над этим с другим квотербеком.

Кэл не глуп, слава Богу, но он пожимает плечами, очевидно не желая спорить прямо сейчас.

— Конечно.

Кажись, он собирается сказать что-то еще, но тут с уст Роландо срывается сдавленный звук. Это нечто между смехом и выражением ужаса.

— Гм, Джи-мен, — он снова издает этот звук, пока взгляд парня устремлен на танцпол. — Твоя девушка...

Все ребята поворачиваются, и выражения их лиц отражают эмоции Лондо. Дрю морщится и бормочет "черт" с такой интонацией, словно стал свидетелем чего-то ужасного.

Я резко разворачиваюсь, мои кулаки сжаты, готовы выбить дерьмо из любого, кто бы не докучал Айви. Но вместо этого я замираю. Добрый всемогущий боженька. Моя челюсть отвисает до пола.

— Что она...? — Декс качает головой, пребывая в состоянии полнейшего смущения.

Да и я могу лишь глядеть, онемев от шока. Потому что Айви танцует. По крайней мере, я так думаю. Ее длинные ноги и руки движутся, не попадая в ритм, а бедра вертятся невольно. Это похоже на конвульсию всего ее тела. И люди вокруг сторонятся. Вероятно, боясь, что им могут попасть в голову, и скажу вам, не зря.

Мои губы вздрагивают. За моей спиной Роландо наклоняется ближе.

— Мужик... Это какой-то впечатляюще хреновый танец.

Я оглядываюсь на него через плечо, а затем хватаю пиво Айви и делаю огромный глоток. Опуская стакан на стол, я встаю.

— Джентльмены, мужчина должен сделать то, что он должен, — глубоко вдыхая, я направляюсь на танцпол спасти свою девочку.



Грей — ужасный танцор. Я бы не поверила ему, если бы не увидела все воочию. Когда он присоединяется ко мне на танцполе, я счастливо визжу. Но потом он начинает двигаться. И это не очень хорошо.

Его так трясет, словно парня хватил некий детский приступ ярости. Все настолько плохо, что маленький круг людей вокруг нас с Анной становится еще шире. И это неудивительно, у Грея очень длинные конечности. Анна, которая до этого типа улыбалась, когда я с ней танцевала, сейчас смотрит на Грея широко открытыми шокированными глазами. Ее взгляд скользит от меня к тому зрелищу, что он устроил, а затем на ее лице растягивается широкая ослепительная усмешка, словно его безумие веселит ее.

Опять же, парень старается изо всех сил, и в итоге я тоже не могу удержаться от улыбки в ответ на его энтузиазм. Учитывая его прекрасную координацию на поле, я ожидала, что Грей будет неплох и в танцах, но мы не можем быть хороши во всем.

Мы танцуем втроем еще одну песню. Бит пульсирует вокруг нас, и к концу композиции все ребята оказываются вместе с нами. Даже Дрю притягивает Анну поближе, и они как бы обнимаются и раскачиваются вместе. Остальные ребята присоединяются ко мне и Грею, формируя стену вокруг нас. Они танцуют лучше Грейсона, но, кажется, не находят ничего постыдного в представлении своего собрата. Как и положено хорошим друзьям, они просто кивают ему с различными вариантами веселья на лицах и затем танцуют.

И знаете, это весело. Роландо пытается научить меня несколькими движениями, располагая руки на моих бедрах и ведя меня в танце, но мне трудно не отставать от него. Грей пододвигается ближе, занимая место передо мной и его безумные движения прекращаются, переходя в нечто сродни движениям Роландо.

Вместе, они приближаются ко мне сзади и спереди, контролируя наш танец. Мы не настолько близко друг к другу, чтобы наши тела терлись друг о друга, но и этого достаточно, чтобы я смеялась и начала задыхаться. Все ребята танцуют со мной, каждый из них показывает мне различные движения. Но я всегда заканчиваю танцевать с Греем, который движется лучше, чем в начале, но ему явно не удастся довести до совершенства свою технику. Думаю, может быть он слишком сильно старается, потому что я замечаю проблески успехов в этой области.

Когда песня заканчивается, Грей наклоняется ближе, и я ощущаю чистый запах пота, исходящий от его кожи.

— Сейчас ты не хочешь присесть?

— Ни за что, — восклицаю я в ответ, пока начинается новая песня. — Я люблю танцевать!

Он кривится — бедный парень, вероятно, ненавидит танцевать, зная, что делает это столь хреново, но затем он пододвигается ко мне ближе.

— Значит, так мы и сделаем.

И так мы танцуем, прерываясь лишь на то, чтобы выпить пива. В результате, ночь превращается в размытое пятно, со смеющимся и танцующим со мной Греем в самом ее центре. И это блестяще.



Моя жизнь основана на моделях поведения. Так было всегда и, вероятно, так будет и в будущем. Сейчас у меня новая модель: футбол, обучение, Мак, сон. И я правда не хочу, чтобы это изменилось.

Когда я не занимаюсь и не на тренировке, то разыскиваю Мак и направляюсь туда, где она в этот момент. Сейчас рядом с ней я чувствую себя, словно дома. Мне нравится тишина и тот факт, что не нужно орать словно какой-то идиот, чтобы она смыла воду в чертовом туалете или не оставляла свое белье, разбросанным по дивану, как это делают другие мои друзья парни. Но в основном мы просто тусуемся вместе с ней, пока Фиона не заявится домой, всегда усмехаясь мне так, словно знает что-то, чего не знаю я, к тому же она называет меня "горой сексуального мяса в виде мужчины."

Когда Фи назвала меня так впервые, Мак сильно покраснела. Это было мило.

Но сейчас мы одни, валяемся на диване, поедая пиццу и просматривая студенческий матч игры в хоккей. Моя кровожадная Мак одобрительно кричит в ответ на происходящее по ТВ, когда какой-то парень по имени Логан размазывает другого игрока по борту.

Приступ зависти атакует меня. Должно быть, прикольно вот так летать по льду. Но я не выдерживаю и фыркаю, когда Мак восклицает "Отличный обманный маневр!" и размахивает своей пиццей будто хоккейной клюшкой.

Глядя на это, мне в голову приходит мысль, что всего месяц назад я бы высмеял свою же задницу, если бы кто-то сказал мне, что я предпочту остаться дома без перспектив на секс тому, чтобы пойти и перепехнуться с какой-то девчонкой.

Однако дела обстоят так, что сейчас я хочу всего лишь сидеть здесь с Мак, закинув руку на ее хрупкие плечи и прижимая ее тело ближе к моему боку. Ну и еще у меня есть безумное желание провести пальцем вдоль ее ровного носика, а затем обвести сердцееобразную линию ее верхней губы. Ее губы и правда похожи на бутон розы. Я слышал это выражение ранее, но не знал, что оно означает до сегодняшнего дня. Губы Мак идеальны, насыщенно розовые и полные, даже в расслабленном состоянии кажется, что она посылает вам воздушный поцелуй. И это немного сводит меня с ума.

А еще то, как она морщит нос каждый раз, когда смеется. А это бывает довольно часто.

Все это раздражает меня. Что, блин, со мной не так? Неужели я настолько озабоченный, что не могу просто дружить с девушкой, не испытывая желания попробовать что-то сверх? Я хочу, чтобы эта дружба сработала, хочу быть кем-то большим, чем парнем ведомым желаниями своего члена.

Раздражаясь на собственную реакцию, я откидываюсь на диване и скрещиваю руки на груди.

— У тебя есть какие-то видео-игры?

Мак бросает корку от пиццы поверх коробки — и я хватаю ее, не желая, чтобы такая хорошая корочка пропадала даром. Она ухмыляется в ответ на это, но не комментирует, просто отвечает на мой вопрос.

— Неа. Видео-игры — реально не мое.

— Да ну. Ты небось избегаешь их, потому что остойно играешь, — я так не думаю, мне просто весело ее провоцировать.

Как и ожидалось, Мак садится ровнее и сердито смотрит.

— Я отлично играю в видео-игры. Но только тогда, когда сама решаю в них сыграть.

— Когда сама решаешь в них сыграть? — смеюсь я. — Ты так формально говоришь, что сам твой тон свидетельствует об ошибочности заявления, юный джедай.

Она разворачивается на месте так, что ее колени упираются в мое бедро.

— Ты называешь меня лгуньей? — румянец окрашивает ее щеки, а темные глаза девушки светятся.

Боже, как же она красива. Настолько красива, что это вызывает боль в моем сердце. Я хочу притянуть ее к себе на колени, усадить и целовать этот маленький сексуальный рот, пока не буду в состоянии даже пошевелить своими губами. Поскольку я не могу этого сделать, то одариваю ее лучшим из своих высокомерных взглядов.

— Здесь нечего стыдиться. У тебя просто нет необходимых конкурентоспособных рефлексов.

— У меня рефлекс кошки.

Я фыркаю, понимая, что сейчас развеселил самого себя.

— Если ты имеешь в виду Гарфилда, тогда ладно.

Диванная подушка летит мне в лицо. Я отбиваюсь и оказываюсь с Айви нос к носу. В ее глазах горит вызов.

— Лучше беги, Грейсон, потому что через пять секунд ты окажешься зажат в углу и будешь просить пощады.

Черт, да, пожалуйста. Заставь меня тебя умолять. Возьми мой твердый член и оттрахай его, пока я не начну кричать. Потому, осознавая всю серьезность опасности, что грозит мне во время борьбы с Мак, я спрыгиваю с дивана и отступаю, словно все это для меня шутка.

— Валяй, Маккензи.



Знаю, Грей меня дразнит. И это работает. Он собирается одолеть меня. Так что я встаю на ноги и поднимаю вверх кулаки.

— Первый удар добавляет бонусных очков.

— Ты такая милая, когда бредишь, Мак, — рукой он делает жест по типу "иди же сюда".

Такой самодовольный...

— Это что-то типа Atari Pong! (старая игра для аркадных игровых автоматов)

Грей останавливается посреди выпада, его челюсть отвисает, когда парень раздражается хохотом.

— Предполагалось, что это будет чем-то типа *Donkey Kong* (еще одна старая аркадная игра с гориллой Донки в главной роли)

— Ты говоришь, что ты хочешь. Я говорю, что хочу я, — я замахиваюсь, но он избегает удара, и мой кулак разрезает воздух. Черт возьми.

В уголках его голубых глаз образуются морщинки.

— Ладно, но почему "Atari" Pong? Почему не просто "что-то типа понга?"

— Мне нравятся дескрипторы.

Он разражается смехом. И этого достаточно, чтобы я могла нанести ему удар с боку его большой головы.

— Есть!

Это быстро закрывает парню рот. Прищуривая глаза, Грей приближается ко мне.

— Давай же, Специальный Соус.

— О, Кексик, ты уже труп.

Мы танцуем вокруг друг друга, делая выпады и приседания. Когда его рука игриво бьет по моей макушке, я поворачиваюсь и пригибаюсь.

— Вот так, — говорю я, делая один из лучших своих выпадов в духе Али, двигая ногами в замысловатой комбинации, — бойся моего гнева. Присесть и махнуть. Присесть и махнуть.

На сей раз Грей смеется до упаду, его лицо краснеет, а глаза слезятся. Он пытается сосредоточиться, но из-за смеха практически складывается пополам. В результате его защита слева становится ни к черту. Но к сожалению, я тоже смеюсь, и этот коварный мальчишка продолжает наносить легкие удары по моей макушке.

— Получи, — говорит он, щипая меня за нос.

— Ты... ой! — я приседаю и едва избегаю его маневра.

Грей безумно кудахчет, злобно ликуя.

— О да, детка, я владею этим приемом, словно *Патронус*.

Слова повисают между нами, будто зловоние, когда наши взгляды встречаются, и мы оба замираем.

— Ты, — ахаю я, хотя вместе с тем все еще смеюсь, — такой болван.

— Это был первоклассно, и ты... — он фыркает, — знаешь это.

— Бол-ван.

Я даже не вижу движения Грея, настолько он молниеносен. В одно мгновение я распинаюсь тут о своем призрении, а в следующее — его мускулистые руки сжимаются вокруг моей талии, и он валит меня. Грей контролирует наше падение, принимая на себя удар и тем самым защищая меня от болезненного шлепка об пол. Приземляясь, наши конечности сплетаются, и мы все еще смеемся.

— Глупенькая, — он широко усмехается. — Ты пала жертвой одной из наиболее распространенных ошибок.

Сдавшись, я прислоняюсь головой к его твердому рельефному бицепсу, улыбаюсь и цитирую ему в ответ *Принцессу-невесту*.

— Никогда не вмешивайся в сухопутную войну в Азии?

Медленно Грей качает головой, и его золотистые волосы спадают поверх лба.

— Неа.

— Никогда не иди против сицилийца, когда идет война не на жизнь, а на смерть? — я легонько дергаю его за локон волос. Грей наблюдает за тем, как я это делаю, но его улыбка все еще не сходит с лица. Скорее даже становится шире, когда парень наклоняется ближе ко

мне.

Мы дышим одним воздухом. И тут я внезапно осознаю, что Грей буквально окружает меня. Его массивная, словно стена, грудь прижимается к моей. Его крепкое накачанное бедро расположено поверх моих ног.

Он такой теплый, сильный и полон жизни. А еще Грей не движется, просто внимательно смотрит на мои губы, как будто не видел их прежде. Нежный жар его дыхания щекочет мои ноздри, а его губы так близко, что почти касаются моих. На мгновение мы просто делим друг с другом воздух, и в моей голове становится светло, а тело ощущается более тяжелым и расслабленным.

Моя температура поднимается. Я хочу сократить эту дистанцию между нами. Хочу узнать, каков он на вкус.

— Грей, — бормочу я, страх и потребность вызывают у меня панику.

— Ммм? — спрашивает он, сонно глядя на меня.

А затем своим бедром я чувствую, как его длинный член становится твердым и жестким. Дрожь проносится через мое тело.

— Что...? — я делаю короткий вдох, и наши губы почти соприкасаются.

Грей прочищает горло. Он так напрягается, что его грудь вибрирует.

— Какая самая распространенная ошибка? — спрашиваю я невнятно.

Его длинные ресницы медленно и потрясающе красиво опускаются вниз.

— Я не знаю, — шепчет он. — Я забыл, к чему сказал это.

Наши глаза встречаются, его такие насыщенно истинно голубые, что я не могу прямо сейчас нормально думать. Мне следует прекратить все это, сбросить напряжение, собраться, на фиг, с мыслями. Но Грей рядом — это так приятно, его грудь напротив моей вызывает боль в сосках.

Он вздрагивает и закрывает глаза, словно тоже не может сосредоточиться. Будто подумывает наклонить голову и коснуться своими прекрасными губами моих.

— Что, черт побери, ты делаешь, Грейсон? — восклицает резкий голос моего отца.

Этот звук похож на шум выстрела. Грей схватывается с такой скоростью, что в результате я резко и шумно вдыхаю. В следующее мгновение он хватает меня за запястье и быстро ставит на ноги так быстро, что я чуть ли не взлетаю. Иисусе, а его сила впечатляет.

— Ой, — я бросаю на него взгляд, потирая запястье.

Грей краснеет.

— Прости. Ты в порядке?

— Ага, — но я даже не смотрю на свое запястье.

Мой отец стоит в дверях, его брови сошлись на переносице, а глаза прищурены. Он в костюме, хотя тот немного помят, словно папа приехал сюда сразу с аэропорта. Я забыла, что он приедет домой сегодня.

— Эй, пап, — черт. То, что он увидел, войдя сюда, должно быть, выглядело не очень хорошо.

— Айви, — в его тоне слышно раздражение. Раздраженный папа воспринимает все медленно и основательно. Но прямо перед тем, как он нанесет свой удар, Грей сует руки в карманы, словно это поможет ему выглядеть более невинно. Я хочу закатить глаза. Мы не виноваты. Но Грей даже не смотрит на меня.

— Маккензи. Привет.

Папа приподнимает одну бровь.

— Что скажешь насчет твоего лежания верхом на моей дочери, Грейсон?

— Гм...

Чудно, Грей. Реально чудно.

— Папа, перестань играть в слишком заботливого отца.

— Я не играю. Я и есть твой слишком заботливый отец, Айви.

Я проталкиваюсь мимо них обоих и направляюсь на кухню.

— Хочешь пива?

Папа хрюкает.

— Можно бутылочку.

Наконец-то Грей обретает свой голос.

— Что ж, вы только что вернулись в город?

— Да. И кажется, на мгновение раньше положенного, — папа сверлит взглядом дыру во лбу Грея. — Мы еще поговорим об этом, Грейсон.

— Ага, конечно, — Грей видимо не распознает папин тон я-планирую-прочитать-тебе-адскую-лекцию, но я-то его знаю.

— Сейчас же мне нужно кое-что обсудить с Айви.

Здорово. Намек на то, что эта никому ненужная лекция постигнет и меня.

— Верно, — кивает Грей. — Я в любом случае собирался уходить.

Я готова запротестовать, но Грей медленно подходит к своему пальто, при этом не отрывая взгляд от моего папы, словно тот может напасть на него, как только парень повернется спиной. Я почти что снова закатываю глаза, вот только не уверена, что папа реально не станет нападать на Грея.

— Увидимся завтра, Мак, — Грейсон бросает на меня взгляд, и я отлично понимаю его мысли и без слов. *Не спорь с ним. Просто покончи с этим.*

Со мной все будет в порядке, — отвечаю я собственным взглядом. По крайней мере, пока с Греем все хорошо и он не здесь.



Я ожидаю первого удара. Но вместо этого папа решает затронуть мое слабое место.

— Выглядишь хорошо, малышка, — он посылает мне намек на улыбку. Папа явно расстроен, но пытается хорошо сыграть. — Рад, что ты здесь.

Он не говорит *"рад, что ты дома"*. И никогда так не говорил. А я никогда этого не замечала, до сегодняшнего дня. Это бьет меня под дых; у меня есть место, где остановиться, но нет дома. Наша семья слишком часто переезжала, чтобы иметь дом.

Вынуждая себя улыбнуться, я даю отцу стандартный ответ.

— Рада быть здесь.

Папа дергает себя за ухо.

— Послушай, мне жаль, что я не успел тебя встретить...

— Все нормально, — перебиваю я. Не хочу слышать его оправдания. И поскольку я скучала по нему, не хочу сейчас ссориться. Быстро я становлюсь на носочки и целую его в щеку. — И ты тоже выглядишь хорошо.

Папа похлопывает меня по плечу и целует в макушку. Редко кто способен подарить мне ощущение, что я маленькая. Папа — именно такой человек. Его рост почти семь футов, а его руки в разведенном состоянии составляют 86 дюймов, так что мой отец был грозным противником на поле. Из-за своего размера, длинных конечностей и костлявости он выглядит немного сродни пугалу-переростку.

Я отступаю от него.

— К тому же, Грей забрал меня, и я была рада его увидеть.

Возможно, я и *хочу* немного поссориться, потому что папа начинает сердито смотреть на меня.

— У Грея Грейсона потенциал стать суперзвездой, — его голос звучит негромко, и мне приходится прислушиваться. Это один из инструментов отца, с его помощью он вынуждает своего оппонента сфокусироваться на нем и предоставить ему весь контроль.

Вот так и лопается наш мыльный пузырь мира и покоя.

— Он уже суперзвезда, папа, — я хватаю пиво из холодильника и передаю его отцу с немного большей силой, чем того требует данное действие.

Отец просто смотрит на меня с высоты своего гигантского роста. Его волосы сейчас более седые, чем каштановые. Но брови у него все еще темные, и от этого его взгляд кажется более пронзительным. Я гадаю, а может он красит их специально ради такого эффекта.

— Ты знаешь, что я имел в виду, Айви, — он не пьет свое пиво. Просто хмурится. — Я близок к подписанию с ним контракта.

— Он — мой друг.

— Это маленькое представление только что не выглядело со стороны, как дружба.

Моя грудь напрягается, когда я плюхаюсь на стул.

— Мы валяли дурака, и к тому же мне 22 года. Мне и правда не нужно читать нотации.

Папа тоже садится, только делает это более приличным способом. Ставя свое нетронутое пиво на стол, он сцепляет ладони и наклоняется вперед.

— Нет, дорогая, я думаю, нужны. Ты права. Этот молодой человек — суперзвезда. С репутацией.

Внутри моей груди начинает покалывать жар, и все что я могу сейчас сделать, так это фыркнуть словно ребенок.

— Я все знаю о его репутации. Она не имеет для меня значения.

— А должна, если ты собираешься в него влюбиться, — прежде чем могу опротестовать это, папа наклоняется вперед и пронизывает меня взглядом. — Такие парни... Черт, Айви, моя карьера агента построена на них. Ты же знаешь на что похожа их жизнь. За каждым поворотом их ждут женщины, готовые на что-угодно — *что-угодно* — чего бы они не пожелали. Эти ребята будут трахаться от игры к игре и наслаждаться собой, не заботясь, что могут кого-то ранить.

— Эти ребята такие же как ты, — восклицаю я, не подумав. Сразу же я прихожу в ужас от сказанной грубой реплики моему отцу.

Папа замирает и отводит взгляд.

— Ага, Айви. Они такие же как я. Я любил твою мать всем своим сердцем. И постоянно ей изменял. Даже не считая это изменой, если говорить по правде. Я рассматривал это, как должное составляющее моего звездного статуса.

Содрогаясь, я тоже отвожу взгляд, не желая видеть его, когда папа говорит о причиненной моей матери боли.

Возможно, он знает это, потому что смягчает свой тон.

— Я сожалею о том, каким мужчиной был. Но это лишь подтверждает жизненные реалии. Ты хоть себе представляешь, со сколькими женами и девушками мне приходилось разбираться из-за того, что мои парни сделали что-то глупое с какой-то молодой сексуальной цыпочкой? Со слишком многими, Айви. Я видел глубинную боль в глазах этих женщин и их решительность просто игнорировать эти неосторожные поступки партнеров и...

— Ладно, папа, — почти кричу я. — Я поняла. Я знаю, — моя челюсть сжимается, и я поворачиваюсь к нему, мне становится сложно говорить. — Я тоже жила этой жизнью. Но я отказываюсь оценивать Грея по чужим поступкам.

Папа делает глубокий вдох.

— Христа ради, он уже столько раз развлекался с девчонками, что журнал *Time* должен выписать ему за это премию. Один поиск его имени в интернете — это кошмар любого PR менеджера, состоящих из фото разврата и полу-голых женщин.

Вот и причина номер один, почему я никогда не гуглила Грея. Я игнорирую густую грязь зависти, растекающуюся по моим венам.

— Мы просто друзья, — настаиваю я, повышая тон. — Сколько раз мне нужно об этом повторить?

Он отвечает взглядом полным скепсиса.

— Аргумента ради давай скажем, что эта дружба перерастает в нечто большее, — папа поднимает руки, когда я открываю рот, чтобы запротестовать. — Гипотетически, Айви. Что случится, когда дело пойдет в сторону юга? Думаешь, он захочет после этого со мной работать?

Меня бросает в холод, а затем в жар. Ну мгновение я не в силах сказать и слова.

— Так дело в тебе, — мой взор затуманивается, я вскакиваю на ноги и сжимаю кулаки. — Ты не заботишься обо мне...

— Следи за языком.

— Нет. Ты сидишь здесь, выливая мне на голову все свои необоснованные страхи, и это лишь потому, что боишься потерять Грея в роли клиента!

Он замирает, а уголки его рта бледнеют. Я готовлю себя к взрыву, зная, как именно папа может громко заорать, когда он зол. Давай же. Я тоже зла. Но этого не происходит. Нет, его реакция гораздо хуже гневного срыва. Вздыхая, он опускает свои широкие плечи, упирается руками в бедра и опускает взгляд.

— Мне нужен Грейсон, — это почти что шепот. — Есть вещи... Дела идут не как раньше. Парни... они заключают контракты с компаниями, у которых известное имя. Ограничения зарплаты, скандалы, плохой PR. Все это оказывает негативное влияние.

Болезненный ком встает у меня в горле. Папа никогда не разговаривал со мной, как сейчас. По правде, я не хочу этого слышать. Я привыкла думать, что он как Бэтмен — сомнительная тактика, но в целом неодолимая и выносливая. Не могу думать о нем, как о ком-то меньшем.

— Мы просто друзья, — шепчу я, словно если скажу это достаточное количество раз, слова уберегут меня от того, чтобы облажаться.

Папа рассеяно кивает.

— Говори себе, что хочешь, детка.

От его легкомыслия я сжимаю зубы. Ненавижу отца прямо сейчас за то, что манипулирует мной. За то, что ставит Грея на кон. И он видит это в моем выражении лица. Папа бледнеет, будучи явно шокированным.

— Айви... Может все и выглядит не совсем правильно, но я на твоей стороне. Я не хочу видеть, что тебя ранили.



Мои нервы пришли в полную профнепригодность. Я продолжаю думать о взгляде Мак, когда я как идиот развалился верхом на ней. Что бы произошло, поцелуй я ее? Она была... восприимчива. Была же? Я хотел бы сделать это. Никогда в своей жизни не хотел так чего-то.

Боже, ее губы были так близко к моим, такие притягательные, розовые и мягкие на вид, они словно манили меня и просто *пиздец*. Искушение прикоснуться к ним своими губами, облизать контур этого миленького маленького сердцевидного рта было столь сильным, что я все еще ощущаю боль до мозга своих костей.

Но потом я моргаю и вижу Шона Маккензи, глядящего на меня так, словно он обдумывает, где бы спрятать мой холодный труп, и от этого воспоминания становится не по себе. Я понимаю его реакцию. Хуже того, я больше не знаю, что, вашу мать, творю по отношению к Айви. Она так много для меня значит, что это выносит мой мозг, внезапно, я

ощущаю себя на краю обрыва, один неверный шаг и упаду.

На этой счастливой ноте я разворачиваю свой грузовик и еду подальше от собственного дома.

Я направляюсь к Палмерам, надеясь, что там окажется кто-то из ребят, с кем я смогу выпить пару шотов и очистить ум от этого дерьма, подготовив себя к разговору с Маккензи. Эта беседа с ним явно будет веселенькой. Я вздрагиваю лишь от мысли о ней.

В задней части бара обнаруживаю занявшего одну из кабинок Декса. Он отхватил неплохое место, здесь достаточно темно, так что есть все шансы на уединенность даже в столь людную ночь, к тому же диваны расположены под прямым углом от экрана ТВ, который висит над музыкальным автоматом. Декс растянулся по одну сторону кабинки, а его спина прислонена к стене, тогда как ноги свисают с края дивана. Он смотрит телевизор, и так как сегодня здесь не очень шумно, то можно расслышать глубокий голос Моргана Фримена.

Я проскальзываю на противоположную сторону кабинки.

— Что смотришь?

Декс не отрывает взгляда от ТВ, от чего сине-пурпурный свет отдает бликами на коже его лица.

— *Входя в Черную дыру.*

— Чувак, если ты хочешь узнать что-то об анале, то посмотри порно, как делаем все мы. Его рот обнадеживающе изгибается, а нос морщится.

— Горячая рвота только что поднялась вверх по моему горлу.

— Горячая рвота? — смеюсь я. — Это что-то новенькое.

Растирая свою грудь, словно ему и правда плохо, Декс не отрывает взгляда от программы.

— У тебя что, больше некого донимать своими реально идиотскими шутками о сексе?

— Неа, — я тянусь к стакану с его пивом и делаю огромный глоток до того, как мой друг успеет его отнять. — Сегодня твоя очередь слушать мой идиотский юмор.

К нам подходит официантка и останавливается возле меня.

— Привет, красавчик. Тебе что-нибудь нужно?

— Ага. Принеси мне пиво Shiner Bock и запиши это на его счет, — я усмехаюсь Дексу который одаривает меня сердитым косым взглядом, но все же кивает и возвращается к просмотру своего шоу.

Официантка стоит на месте, не двигаясь, и я вынужден снова поднять на нее взгляд. Она наклоняется ко мне так, что ее грудь касается моего плеча.

— Что-то еще?

— Неа. Хотя, постой!

Она и так никуда не ушла, так что усмехается.

— Говори, дорогой.

— Добавь еще корзинку с крылышками. Нет, давай две. И сырные шарики, — я бросаю взгляд на Декса. — Ты голоден?

Декс кривится.

— Я мог бы чего-нибудь поесть.

— Тогда еще два больших гамбургера со всем сразу. Еду запиши на мой счет, и спасибо, — ладно, я недавно ел пиццу у Мак дома, но чтобы снять это напряжение, мне нужно поесть, потренироваться или трахнуться с кем-то. Так как я в баре, у меня остается

единственный реализуемый здесь вариант.

Откидываясь на спинку дивана, я смотрю шоу, превратившее Декса в социального зомби. Ну, по *большой* части. Если честно, астрофизика — не мой любимый предмет, не так как квантовая механика, но я все равно нахожу ее немного очаровательной. Молча, мы слушаем упрощенные пояснения ученых о тайнах космоса.

Все это время официантка практически нависает надо мной. Я уж было собираюсь спросить, почему она все еще здесь, когда девушка наконец вздрагивает и уходит.

Декс несколько секунд смотрит ей в след. И ухмыляется.

— Что? — спрашиваю я.

— Ты полностью ее проигнорировал.

— Кого? — я бросаю взгляд на телевизор. — Мужик... Они объясняют теорию, которая устарела три года назад.

— Ага, это потому что данное шоу было снято в 2011 году, — нараспев произносит Декс, все еще глядя на экран. — И официантку. Ты проигнорировал ее.

— Нет, неправда. Я сделал заказ.

Медленно он качает головой.

— Она трясла своей грудью прямо у тебя перед носом. Не говоря уже о том, что девушка явно ожидала твоей реакции.

— Немного глупо просто стоять здесь, не находишь, — бормочу я, пожимая плечами. — Так что я и не заметил. Большое-то дело?

— Она секси, доступна и в поиске?

— Тогда пойди и трахни ее, — разве я слишком много прошу, желая просто спокойно посмотреть телек?

С глухим стуком ноги Декса ударяются о пол, когда он разворачивается на месте и упирается локтями о стол.

— Я был твоим коллегой по команде и другом последние четыре года, Грей-Грей, и никогда не видел, чтобы ты отвергал подобную возможность.

— Может, она не мой типаж.

— Если бы ты хоть взглянул на нее, я, *возможно*, купился бы на это, чувак.

— Мы что, ведем тут женские разговорчики? Может, в следующий раз заплетем друг другу косички? — я тянусь вперед и пытаюсь взъерошить волосы Декса, но он отбивается от меня.

— Держи, — произносит энергичный женский голос, — один Shiner.

На стол опускается холодная бутылка пива, и я оглядываюсь. Иисусе. Ладно, сейчас я понимаю, о чем говорит Декс, официантка реально очень привлекательная. И грудь, которую она очевидно совала мне под нос такая огромная, что почти выпадает из глубокого выреза ее майки. Как, черт побери, я пропустил это?

Она посылает мне улыбку, полную обещаний, и я знаю, девушка выполнит их с более чем самоотверженным энтузиазмом. Но чего я сейчас хочу? Выпить пива, поесть, поговорить с Дексом и затем уехать домой. Именно в этом порядке.

— Спасибо, — говорю я ей до того, как делаю большой глоток пива и отворачиваюсь. Декс выразительно приподнимает бровь. Ага, я знаю. Я ебнутый на всю голову.

Официантка фыркает и уходит.

— Знаешь, это не исчезнет, только потому что ты не хочешь об этом знать, — говорит Декс.

— Что не исчезнет? — спрашивает Джонсон, неожиданно появляясь рядом со мной. Убейте. Меня.

Он, Томпсон и Диаз здесь, и они бесцеремонно втискиваются в кабинку к нам с Дексом. Диаз занимает место напротив меня, пока Джонсон и Томпсон вынуждают меня подвинуться и освободить место для их огромных тел. В результате я оказываюсь зажатым в углу. Хотя Джонсон простой фермерский парень с выгоревшими волосами и бледно-голубыми глазами, а Томпсон — городской мальчик с Детройта, между ними есть некое сходство в размере их тел и движениях, в том, как они говорят в один голос. Братья от разных матерей, как мы их называем.

— О чем идет речь? — Джонсон пытается схватить мое пиво, но он слишком медлителен. Скорость полузащитника совсем никудышная.

— Да, ни о чем.

— Об особых потребностях Грея, — говорит Декс, глядя на меня, как раз когда возвращается официантка, принося нашу еду. Я хватаю свой гамбургер, прежде чем это сможет сделать кто-то другой. Но невозможно защитить все и сразу, так что Томпсон выкрикивает "Крылышки!" и тянется к корзинке.

— Ты говоришь о том, как он западает за Айви? — Джонсон зарывает руку в корзинку с сырными шариками. Ушлепок. Они мои любимые.

— Мужик, — тянет слово Диаз, при этом качая головой, — не делай этого.

— А почему нет? — спрашивает Джонсон, набивая рот шариками. — Она опасно сексуальная. Я бы вставил такой.

— Эй, — восклицаю я, сердито глядя на него. Джонсон пожимает плечами в знак извинения, но выглядит не слишком раскаивающимся.

— Она — дочь его потенциального агента, болван ты, — говорит Томсон Джонсону. — Мы не трахаемся с дочками.

Декс смотрит на нас по очереди, откусывая свой гамбургер.

— Любая девушка — это чья-то дочь. Что, если она хочет быть с Греем? Это ее жизнь, а не ее папаша.

— Тоже правда, — говорит Диаз.

— Неважно, — перебиваю их я. — Она — мой друг. А это значит, что есть границы.

— Но ты ее хочешь, — произносят все парни разом. В унисон. И из-за этого начинают хохотать.

Ага, охуенно смешно. Гамбургер камнем опускается в мой желудок. Мне следует лучше питаться.

— Давай, Грей-Грей, ты же знаешь, что хочешь ее.

— Поцелуй наконец-то девушку, — начинает петь Джонсон. Ужасно. Сырный шарик попадает ему в щеку, и в ответ парень кидает крылышко в Диаза. Промахиваясь.

— Это та песня, которую маленький краб пел в мультфильме *Король Лев*? — спрашивает Декс.

— Это из *Маленькой Русалочки*. И не прикидывайся, что ты не в теме.

— Сказал чувак, который разбирается в лирике.

— Прощу. Моя младшая сестра смотрела его миллион раз, когда мы были детьми.

— Говори сам себе, что хочешь, Джонсон.

И на этом они снова возвращаются ко мне.

— Тебе и правда следует это признать. Вероятно, в результате, ты почувствуешь себя

лучше.

— Ты хочешь ее. *Ооооочень.*

— Ладно, — восклицаю я. — Я хочу ее. Но этого не случится, так что заткнитесь на хрен и дайте мужику поесть.

Джонсон внимательно смотрит на меня, когда я чокаюсь с Дексом пивом.

— Мужик, это хреновые новости. Вскоре ты будешь взвинчен из-за этого, станешь отвлеченным во время игры.

— Мне по душе думать, что я выше этого, — говорю я, реально обижаясь на его слова, потому что ну правда — что за нах? Футбол — это фокус моей жизни.

Но Джонсон пожимает плечами, не веря мне.

— Когда последний раз ты кого-то трахал?

— Почему тебя это волнует? — неа, я не собираюсь ерзать на месте.

Диаз бросает взгляд в мою сторону и трет себя по так называемой бороде, которая по факту не более, чем пушок.

— Ни разу с тех пор, как ты сел за руль той машины.

Они все смотрят на меня в очевидном шоке. Я не могу их винить. Разве я реально так давно ни с кем не трахался? Черт, и правда. Моя кожа покрывается мурашками, а желудок сжимается. Я не прикасался к девушке с тех пор, как начал переписываться с Айви. Это даже не было сознательным решением, я реально не могу вспомнить, чтобы задумывался на сей счет. И сейчас осознание данного факта выбивает землю из-под ног. Так неожиданно, что когда откусываю кусок гамбургера, мои руки дрожат.

К сожалению, Джонсон еще не закончил со мной.

— Почему ты просто не трахнешь ее и не ощутишь облегчение по этому поводу?

Я закатываю глаза.

— Это должно стать самой тупой идеей в истории секса.

— Поясни.

— Ладно, ради забавы, давайте представим, что я делаю свой ход, и Айви пускает меня в свою постель. Что после этого? Она. — Мой. Друг. Я не хочу терять эту сферу наших отношений, — черт, нет. Мир без Айви равноценен миру без солнца — холодный, темный, лишенный гравитации. Я уверен, что меня бы бесцельно несло в нем по течению. От одной мысли об этом, мое тело пронзает дрожь. Бля, достаточно уже того, что мне придется отпустить ее в Лондон через несколько коротких месяцев.

— Так, а почему бы не стать друзьями с привилегиями? — негромко спрашивает Декс, словно ему и правда любопытно.

— О, это крутая идея, — восклицаю я. — Вот только она никогда не срабатывает. И в итоге я больше не буду ей другом, потому что не смогу держать свой член в штанах.

— Ты никогда не знаешь наверняка, пока не попробуешь, — говорит Декс. — Возможно, одного раза окажется достаточно для вас обоих.

Я бросаю на тарелку недоеденный гамбургер.

— Почему ты думаешь, алкоголики не пьют после того, как прошли реабилитацию и протрезвели? А почему наркоманы не принимают разочек наркотики, после завязки? Потому что одного раза никогда не бывает достаточно. Не тогда, когда это единственная вещь, которую ты жаждешь, — и помоги мне боже, потому что правда в том, что потребность в Айви теперь в моей крови, горячей и густой, мчащейся по венам.

Сидя вокруг стола, мои друзья смотрят немного в ужасе, и явно жалея меня. Это

выводит из равновесия, потому я хватаю свое пиво и избегаю их взглядов.

— Мы можем поговорить сейчас о чем-то еще?

— Ага, хорошо, — говорит Томпсон. — Вы слышали о проделке Маршалла прошлой ночью? — он уже смеется.

— Что этот дурак выкинул на сей раз? — спрашивает Декс.

— Он попробовал исполнить трюк из "Хладнокровного Люка", — Томпсон хватает еще одно крылышко.

— Что? С яйцами? — спрашиваю я.

— Ага.

Мы стонем как один.

Джонсон наклоняется над столом, принимая на себя роль рассказчика, злобная усмешка освещает его лицо.

— Он заставил какую-то цыпочку из студенческого женского общества сварить ему хренову тону яиц. Клянусь, он мог бы разделаться с 60 из них или около того.

Диаз качает головой, слушая это. Черт, мы все так делаем. Маршалл — первоклассный придурок.

— Как далеко он зашел? — спрашиваю я, зная, что результат был плачевен.

Джонсон начинает хохотать.

— Мужик, он съел около двух дюжин, а затем стал белым, как мел, и унесся стремглав.

Сейчас мы все смеемся.

— Он выбежал из дома? — спрашивает Диаз.

— Черт, нет. Он столкнулся с кучкой девчонок, — поясняет Джонсон, все еще смеясь. — Его, на фиг, вырвало на всех них. Слышали бы вы, как они визжали.

Я смеюсь так сильно, что мои глаза слезятся.

— Он никогда больше не сможет им вставить.

— Да, они уже называют его Обильной Рвотой.

Наша беседа продолжается в том же русле. Пока Декс не привлекает мое внимание, наклоняясь над столом, пока парни обсуждают свои фантазии о высшей лиге NFL.

— Я должен кое-что спросить у тебя. Если ты хочешь Айви, почему не сделаешь все по-настоящему?

Жар приливает к моему лицу. По-настоящему. Айви в роли моей девушки. От этой идеи мое сердце бьется чаще, а ладони становятся холодными. Я в какой-то степени ненавижу Декса за этот вопрос. Но он всегда такой, постоянно пытается найти ваши слабые места и вспороть их. Я провожу рукой по подбородку.

— Кто сказал, что я хочу девушку? — лишь от этого слова меня бросает в холодный пот. Я не из тех парней, что ждут и планируют свое будущее. Мой принцип — живи сегодняшним днем. Играй изо всех сил. Это поддерживает меня в безопасности. Это весело.

Взгляд Декса говорит, что он читает меня как открытую книгу.

Я вздыхаю, беря свое пиво и бормоча напротив горлышка бутылки, прежде чем допить остаток напитка.

— Дело в том, Декс, что это не футбол. Все просто. Дружба — это просто. А отношения? — я ставлю пустую бутылку. — Это не моя игра.

Он медленно кивает, сильнее сжимая в руке стакан.

— Ага, вот только ты хочешь ее. А это значит, что ваша игра уже началась. Так что остается двигаться лишь вперед, мужик.

Иногда я правда ненавижу разговаривать с Дексом.



Сегодня вечером я снова встретила с Греем у Палмеров, мы тусуемся с его коллегами по команде. Поскольку их тренер придерживается политики против чрезмерного употребления алкоголя, парни ограничиваются одним бокалом пива на человека. Так же они придерживаются правила насчет избегания вечеринок на протяжении всего сезона. Так что в данный момент ребята просто сидят и разговаривают, подраживая и шутя друг над другом.

Если честно, данный формат мне по душе. Мне нравится слушать их истории и наблюдать за проявлениями той очевидной любви, что царит между ними. Сейчас они обсуждают секс-выходки Томпсона, Джонсона и Маршалла, которые сами по себе очень разнообразны и вызывают легкое волнение.

— А помните, как однажды Томпсон оставил нас в каком-то захудалом баре в Канкуне, потому что решил взять нашу машину, чтобы отвезти каких-то фанаток на вечеринку? — Грей бросает взгляд на Томсона. — Не сказав нам ни слова.

— Как плохо, — говорит Маршалл, качая головой. — Братья превыше шлюшек, мужик.

— Ты ранил нас до глубины души, — добавляет Грей.

— Не позволяй ему тебя одурачить, Айви, — говорит мне Томпсон, одновременно с тем закатывая глаза. — Грей такой же безумный, как и любой из нас.

Грей фыркает и садится ровнее на своем месте.

— О, нет. Не нужно включать меня в список твоих соседей Безумного городка.

— Смотрите-ка, мистер Перепих на одну ночь пытается сыграть святошу. Парень, пожалуйста, прекрати.

Дрю тоже фыркает от неверия.

— Ты что забыл о той стриптизерше, что отсосала тебе перед всеми на вечеринке по случаю твоего дня рождения?

Анна толкает Дрю под ребра локтем, и он бросает быстрый взгляд сперва на Анну, а затем на меня. Как только до него доходит, глаза парня расширяются в явном сожалении о сказанном. Он кашляет и отводит взгляд.

Однако Грей взмахивает рукой.

— Прошу вас, это ничто по сравнению с выходками этих клоунов, — несмотря на легкомысленный тон, он намеренно не смотрит в мою сторону.

Маршалл использует этот момент, чтобы добавить:

— Мужик, та цыпочка хорошо работала своим ртом. Она отсосала у меня той ночью тоже. Благослови ее господь.

Вот только после этих слов все парни затихают и смотрят на меня, немного морщась, словно знают, что зашли в этой теме дальше дозволенного. И что я могу сказать? *Ого, я так рада, что Грею отсосала стриптизерша! Я конечно, надеюсь, что она мыла рот между минетами разным парням!* Вместо этого, я спешно отпиваю глоток содовой. Роландо

задерживает на мне взгляд на секунду, его темные глаза серьезные. А затем его губы растягиваются в усмешке.

— Ваши парни когда-то рассказывали вам о Чирио? — спрашивает он у меня и Анны.

В ответ все парни тут же начинают стонать. Дрю наклоняет голову и прячет лицо в изгибе шеи Анны, тогда как Грей просто смеется и качает головой, словно хочет сказать "Нет-нет, не нужно." Но как нам устоять перед таким соблазном? Тем более, я рада услышать любую историю, которая не касается Грея и секса.

Так что мы с Анной требуем, чтобы Роландо просветил нас на сей счет. Но вместо Роландо эту миссию берет на себя Джонсон. Его глаза светятся, когда он усаживается поудобнее на своем месте.

— Это случилось в те времена, когда большинство из нас были первокурсниками. А тот чувак был на четвертом курсе. Он был защитником.

— Безумный уебок, — бормочет Диаз, однако, при этом он кажется веселым.

— Ага, — говорит Джонсон. — Чирио решил устроить вечеринку. Ну знаете, пригласить новичков из команды. Все было круто почти до самого конца вечера.

— Но кое-что не могло остаться незамеченным, мужик, — Декс подталкивает корзинку со своей картошкой фри к Томсону, словно от этого воспоминания он утратил весь аппетит.

— Не важно, — Джонсон бросает на Декса раздраженный взгляд. — Как я и говорил, Чирио...

— Которого мы обычно звали Маркусом, — добавляет Дрю, и его губы вздрагивают. — До того вечера.

— Маркус, — делает ударение Джонсон, — вышел на кухню, захватил там коробку с сухими завтраками "Чирио" и кувшин молока и принес все это в гостиную, — Джонсон начинает хихикать, от этого его лицо становится красным, но парень продолжает свой рассказ. — Мы не подумали тогда ничего такого. Уебок голоден, ну и что? Однако, спустя мгновение, он стянул свои трусы.

— Что? — рыжие брови Анны высоко поднимаются вверх. — Зачем?

Сейчас все ребята задыхаются от смеха.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Чувак схватил свою мошонку, растянул ее и на хрен налил в нее молока и насыпал хлопьев.

Парни хохочут, и звук мужского смеха грохочет по всей комнате.

— Что..? — Анна в ужасе смотрит на меня и затем возвращает взгляд обратно на Джонсона, который так сильно смеется, что у него выступают слезы. — Зачем он это сделал? Я даже не понимаю, как он мог такое проделать. Что ты имеешь в виду, говоря "налил в нее"?

— Он типа сделал подобие миски из своей мошонки, — Джонсон, кажется, считает, что теперь все очевидно.

— Вероятно, у него была огромная мошонка, — бормочу я.

От этих слов парни окончательно слетают с катушек. Грей хлопает рукой по столу и наклоняется вперед.

Анна разворачивается ко мне.

— Ты можешь в это поверить?

— Неа. Правда, не могу.

От смеха Дрю начинает кашлять.

— Вот почему он теперь навсегда будет известен как Чирио.

Я теперь никогда не смогу смотреть на эти сухие завтраки так же, как прежде. Однако сейчас не могу сдержать свой смех. Даже несмотря на то, что это самая отвратительная история, которую мне доводилось слышать.

Но тут я вижу как *они* приближаются к нам, хотя мне следовало было бы этого ожидать. В одну секунду все мы смеемся, а в следующую — куча девушек окружают наш столик. Я стараюсь отнестись к ним непредвзято, но это не срабатывает. Не тогда, когда они отталкивают меня и Анну со своего пути и вешаются на всех парней за нашим столиком.

Две девушки направляются к Грею. Они садятся к нему на колени, обнимая. Я неосознанно начинаю быстрее дышать, мою кожу вдруг заливают жар, а неприятное напряжение достигает мозга костей.

— Эй ты, сексуашка, — говорит Штучка № 1.

— Мы скучали, потому что давно не видели тебя здесь, — добавляет Штучка № 2, проводя руками по его волосам.

Ладно, мне нужно успокоиться. Я бросаю взгляд на Анну, которая, кажется, готова перевернуть стол. Дрю стряхивает с себя девушку и отшатывается от нее.

— Я занят, — говорит он ей. — Очень сильно.

Она дует губки, но отходит от ребят, только чтобы присоединиться к своей подружке на коленях у Диаза. Дрю притягивает Анну ближе к себе, бормоча что-то ей на ухо, отчего девушка улыбается и опускает голову ему на плечо. Зависть пронзает меня, я не завидую их любви, нет, скорее улыбке и облегчению Анны.

Напротив меня Грей встречается со мной взглядом, и я со всех сил стараюсь, чтобы мои глаза выражали веселье. Словно мне нет дела. Так должно быть; я же знаю, что это часть его жизни, это то, кто он такой, и мне нужно это увидеть, я не могу жить в отрицании. Но возможно, моя шарада не так уж хороша, потому что Грей морщится и выглядит явно смущенным. А затем он отшатывается от ласковых прикосновений девушек.

— Дамы, — он выдавливая улыбку. — Мы тут типа на середине важного разговора.

В миллисекунду все за столом, кажется, замирают, словно заявление Грея послало порыв ледяного воздуха в их сторону. А затем парни возвращаются к лапанью женщин и делают вид, что не заинтересованы в продолжении каких-либо бесед.

Что касается новых подружек Грея, следует отдать им должное, они довели искусство презрительных взглядов до абсолютного совершенства. И сейчас их взгляды сфокусированы на мне. Обе девушки быстро переводят свое внимание обратно на Грея.

— Но мы с Энджи поспорили, — говорит девушка, у которой из-за пояса джинс с низкой талией выглядывает ярлык. — Мы хотели проверить, кто из нас первой доведет тебя до оргазма.

— Ммм, — воркует Энджи, прижимаясь грудью к руке Грея. — Ты был так хорош, когда мы трахались в прошлый раз. Алисия тоже хочет испытать такое же. И я знаю, что ты не против.

На этом с меня хватит.

Однако под столом, вокруг моей руки оборачиваются чьи-то пальцы. Я бросаю взгляд на Анну, одновременно удивленная и благодарная ей за безмолвную поддержку. Она сжимает мою ладонь, но при этом даже не смотрит в мою сторону. Вместо этого Анна встает.

— Мы с Дрю уже идем.

Дрю тут же поднимается, достает свой бумажник и бросает несколько банкнот на стол. Анна поворачивается ко мне.

— Тебя подвезти, Айви? Или...

— Это было бы здорово, спасибо, — я выдавливаю еще одну улыбку и собираюсь схватить свою сумочку.

Но Грей тоже встает, отчего девушки чуть ли не падают с его коленей. Однако они словно кошки приземляются на свои ноги. Он игнорирует их крики и протесты. А в его голубых глазах явно читается извинение.

— Я же сказал, что отвезу тебя домой.

От его внимания мои губы растягиваются в нерешительной улыбке, хотя глубоко в груди я ощущаю нарастающее напряжение.

— Все в порядке. Тебе не обязательно уходить.

Пристальное внимание его друзей обжигает мою кожу, я знаю, они все наблюдают, смакуют эту маленькую сценку. Это так неловко, что я просто хочу уйти.

Энджи скользит рукой вверх и вниз по предплечью Грея.

— Отпусти ее, Грей, — ее хитрый взгляд медленно путешествует по моему телу, а ее носик морщится. — Очевидно, она достаточно большая, чтобы позаботиться о себе самой.

Ее подруга фыркает, плохо делая вид, что желает это скрыть.

— Думаю, она часть команды, Эндж.

Неа, но несомненно я достаточно большая девочка, чтобы раздавить вас обеих, как надоедливых жуков своим каблуком. Я практически произношу это вслух, когда Грей бросает на дамочек сердитый взгляд. Он хватается Энджи за запястье и отодвигает ее от себя.

— Ага, а я так не думаю. Не тогда, когда вы оскорбили мою подругу, — он бросает на Энджи еще один раздраженный взгляд. — Да вообще никогда в принципе.

Ее челюсть отвисает, но Грей не обращает на это внимания. Он хватается свое пальто с крючка позади дивана и проскальзывает мимо двух девушек. Игнорируя взгляды его друзей и протесты Штучек № 1 и № 2, Грей берет меня за руку.

— Пойдем, Мак, давай что-то перекусим. Я проголодался.

Я не упоминаю о том, что мы сейчас в ресторане и о том, что всего час назад мы съели корзинку крылышек, а вместо этого просто позволяю ему вести меня к выходу на улицу.



Как только мы оказываемся дома, я иду в свою комнату, надеваю пижаму и умываю лицо. Может, мне и нравится наряжаться время от времени, но в целом я предпочитаю комфорт. Да и сейчас здесь есть только я и Грей.

Когда я возвращаюсь, он разогревает суп из бобов. Он принес его сюда немного раньше. Ни для кого не тайна, что этот парень любит готовить, и он на самом деле хорош в этом. Очевидно, его мама научила его, и он стал готовить для всей семьи, когда она заболела.

Его огромное тело с легкостью передвигается по кухне. Грей снял свитер, и тонкая потертая футболка обтягивает его накачанный загорелый торс, будто бы лаская кожу. На

мгновение я испытываю зависть по отношению к этой футболке, тому, как она скользит по его коже, когда он тянется за мисками.

Мой взгляд опускается к его крепкому задку под старыми джинсами. Уверена, что его ягодицы должны быть отлиты из бронзы и увековечены для потомков. Или даже возможно стоит отлить всего Грея. Он словно Тор, что приземлился у меня на кухне и приготовил поздний ужин. Подавляя хихиканье, я присоединяюсь к нему.

Он поворачивается и внимательно изучает меня сверху донизу.

— Wonder Woman PJs (*марка женских пижам в виде костюмов супергероя*).
Превосходно.

— Просто порадуйся, что я не сняла лифчик, — я хватаю ложки.

Грей замирает и издает негромкий стон.

— А сейчас есть ли хоть крохотный шанс, что ты все-таки снимешь его? — кончик его языка выныривает наружу, касаясь нижней губы. — Потому что это сделало бы мой вечер, Специальный Соус.

Его поддразнивая не должно вызывать такой жар между моих ног. Но они вызывают. И сейчас я на самом деле рада, что не сняла лифчик. Иначе, уверена, мои соски с радостью поприветствовали бы Грея.

Мы молчим, пока поглощаем еду. Я не хочу говорить о случившемся, но это все, на чем сосредоточены мои мысли. Вот как моя мама чувствовала себя, когда вышла замуж за папу? Приходилось ли ей постоянно сталкиваться с другими женщинами отца? Но ведь все это не о нас. Моя мама и папа были парой. А мы с Греем просто друзья. Я — его кореш.

Приходится потрудиться, чтобы еда не стала поперек горла.

Грей, к слову, выглядит аналогично подавленным. И я не уверена почему. Он никогда не скрывал того факта, что не против связей на одну ночь. Очень многих связей. Может я стою у него на пути? Не хочу, чтобы ему казалось, будто он должен нянчиться со мной. Это было бы слишком унижительно.

— Ты... — моя рука сжимается в кулак. — Ты не обязан был везти меня домой, знаешь ли. Ты мог пойти домой с теми девушками. Я бы не обиделась.

Я запикиваю в рот полную ложку супа, чтобы не забрать обратно свои слова. Но это сложно. Грей прищуривается, а его мягкие губы напрягаются. В течение минуты он смотрит на меня, вызывая чувство дискомфорта, и в этот момент я проклиная свой несдержанный язык.

Когда он наконец-то отвечает, то его голос кажется низким и глубоким.

— Ага, я знаю об этом, Айви, — его стул скрепит, когда Грей наклоняется вперед, а в его глазах плещется раздражение. — Я хотел провести время с тобой.

Кажется, мы оба хотим этого с недавних пор. Грей быстро стал для меня целым миром, и это немного пугает. Потому что наши отношения перерастают во что-то, что я не в силах контролировать. Я утыкаюсь взглядом в свой суп.

— Просто... ох, ну, парни говорили так, словно для тебя обычное дело затевать с кем-то интрижку каждую ночь к ряду, — и почему от этих слов мой желудок стал словно набитый свинцом? Почему все кажется таким запутанным? Несомненно, я не владею Греем.

От досады он шумно вздыхает.

— Парни преувеличивали. И что за черт? Я не хотел пойти домой с теми цыпочками. Это вообще не было важно.

Его выражение лица такое упрямое, когда Грей снова смотрит в тарелку с супом. Я не

знаю, хочу ли улыбнуться или свернуться калачиком. Я расстроила его, а этого я уж точно не желала.

— Мне не понравилось то, что они говорили о тебе, — бормочет Грей.

Хотя мое лицо пылает, яжимаю плечами.

— Не то, чтобы раньше я не слышала аналогичных комментариев. И немало.

— От этого не легче.

— Нет, — я вздыхаю. — Но кого мы обманываем? Мой рост шесть футов. Взрослея рядом с моим отцом, или когда была рядом с его клиентами, я никогда не чувствовала себя слишком высокой. Но бывают дни, когда я ощущаю себя полной дурой рядом с другими женщинами, — и рядом с некоторыми парнями тоже, но я и так уже достаточно сказала. Я слишком чувствительна сегодня вечером к унижениям.

Грей смотрит на меня.

— Ты совершенна. И, черт побери, Мак, ты видела меня? Я — гребаное дерево, — он фыркает. — Я помню, как дорос до такого роста. Тогда я ударялся почти что обо все. По факту я ощущал себя Гулливером среди лилипутов. Иногда я до сих пор так себя чувствую.

— Ага, но ты двигаешься так грациозно.

В уголках его глаз появляются морщинки.

— Никогда не позволяй им увидеть твою слабость, верно? И серьезно, Мак. Ты идеальна такая, какая ты есть. Я люблю то, что мне не нужно горбиться, чтобы встретиться с тобой взглядом на одном уровне. Так что никакая безумная речь не заставит меня отправиться домой с парой спортивных фанаток, прикосновений которых, я даже не хочу ощущать на своем теле, к слову. Ладно?

— Ладно, ладно. Твоя взяла.

Мы смотрим друг на друга и киваем в знак согласия, улыбаясь, но все еще испытывая чувство неловкости. А затем снова молчим.

— Ты должен знать, — говорю я медленно, потому что, кажется, так и не смогу это вымолвить, — я не слишком хороша в том, что касается благодарности. Я всегда говорю все неправильно.

В ответ на это Грей кладет ложку и откидывается на спинку стула, а затем проводит рукой по волосам. От этого движения его бицепсы бугрятся. На его губах играет слабая улыбка.

— Мне в некотором роде нравится это твое качество, Мак.

А мне нравится все в Грее.

— Я имела в виду, что рада тому, что ты здесь.

Его усмешка становится шире.

— Я тоже, — но он делает паузу, в течение которой его брови сходятся на переносице. — И я не трахаюсь с кем попало каждую ночь. Это так, для ясности.

— Значит, только каждую вторую ночь? — дразню я.

Его губы кривятся в вымученной улыбке.

— Ага, возможно, что так, — насыщенно голубые глаза смотрят на меня. — И друзья всегда прежде всего.

— Братья важнее шлюшек? — говорю я, вспоминая сказанные сегодня Маршаллом слова.

Грей смеется.

— Что-то в этом роде. Только моя мама не учила меня называть женщин шлюхами, —

его взгляд останавливается на моей груди на достаточно длительное время, чтобы я почувствовала это, а затем наши глаза встречаются. — И ты определенно, не брат.

— Рада, что ты заметил.

— Трудно не заметить, Мак, — он произносит это таким сухим тоном, но тот его взгляд был явно оценивающий и *заинтересованный*, и от этого моя голова идет кругом, а тело наливается жаром.

Хмурясь, я ем суп, пытаюсь тем самым скрыть свое волнение.

Очевидно, Грей более стойкий.

— У меня никогда раньше не было девушки. Так что вероятно, время от времени, я буду вести себя как редкостный придурок, — румянец заливает его щеки. — То есть, у меня не было девушки друга.

— И девушки, как девушки? — не могу удержаться я от вопроса. — Ты когда-нибудь встречался с кем-то?

— Неа. У меня никогда не было к этому склонности.

— Никогда? — слово отдается глухим стуком в моей груди. — Это трагедия. Ты был бы для кого-нибудь отличным парнем.

Его щеки становятся насыщенно красными, но Грей качает головой, словно я ошиблась в этом утверждении.

— Уверен, моногамия — ключевой фактор отношений.

Моя ложка с дребезгом падает на стол.

— Ты бы изменял?

Грей хмурится.

— Нет. Никогда. Но это в некотором роде пунктик. Я никогда не хотел оставаться с одной девушкой, так что зачем было втягивать себя в подобную ситуацию?

— Думаю, в этом есть смысл, — глухой стук в моей груди становится отчетливее. Довольно нелепо. Грей замечательный друг, и это все, что мне нужно.

— А что насчет тебя? — спрашивает он слишком небрежно, словно наш разговор не стал таким же неудобным и для него, как для меня, однако Грей не может больше остановиться в отличие от меня. — Предполагаю, ты профи по теме парней.

— А это так плохо? Я не приверженец интрижек.

Он бросает на меня мимолетный взгляд, натянуто улыбаясь.

— Я вижу тебя насквозь, мисс Моногамия, ты вьешь веревки из мужчин.

Я закатываю глаза.

— У меня был-то всего один парень, умник. И то в выпускном классе старшей школы.

Брови Грея приподнимаются.

— Всего один парень? Seriously?

— Ага, — я краду у него пиво и делаю большой глоток. Он наблюдает за этим, а в его глазах мерцает веселье. Это снова ударяет меня ниже пояса, каким-то образом Грею удается дать мне ощущение, словно я дома, но в то же время вызвать сильное волнение. И это странно; мы же просто сидим здесь, разговаривая и кушая. Но все, чего я хочу — впитать в себя его образ, то, как уголки его губ изгибаются в постоянной легкой улыбке, вид его крепкой сильной шеи или то, как его вечная щетина покрывает линию подбородка, грубая, словно сахар, но и такая красивая, сверкая в свете лампы. Я практически могу себе представить, как приятно было бы лизнуть языком эту щетину, такую шершавую и вкусную.

Постойте. Что? Нет. Никакого лизания подбородка Грея. И кажется, он замечает мой

внезапный румянец, потому что сейчас парень слишком внимательно смотрит на мое лицо.

— Что? — спрашиваю я — жалкая попытка скрыть свои неуместные фантазии.

— Ничего, — Грей чешет затылок, а я игнорирую рельефность его мышц. — Мне просто сложно поверить, что ты была одна все это время. Ты... ну... Ты прекрасна.

— Спасибо, Кексик, — говорю я, отмечая то, как он покраснел. Это мило. И так как это Грей, я чувствую себя достаточно комфортно, чтобы сказать ему правду.

— Некоторые парни были равнодушны ко мне. Но вскоре становилось очевидным, что они были скорее заинтересованы в моем отце или в том, кого он знал. Это всегда всплывало. Типа, могу ли я достать им билеты на какое-то спортивное мероприятие? Знаю ли я Пейтона Мэннинга? Или Эли? Действительно ли это мой папа на фото рядом с ЛеБроном Джонсом? Встречалась ли я с этими людьми? И когда я отвечала "да", это становилось всем, о чем ребята могли думать, — я пожимаю плечами. — Знаю, знаю, у всех есть проблемы.

— Это не то, что я подумал, — говорит Грей нежным голосом, однако его выражение лица мрачное. — Я подумал, что эти хрены собачьи так много упустили.

Я снова пожимаю плечами, ковыряясь в своей тарелке, не в силах взглянуть Грею в лицо.

— Так, — говорит он, — тот парень со старшей школы не был спортсменом?

— Был. Но его отец был продюсером в известной звукозаписывающей компании, так что он и так отхватил свой кусок славы.

Брови Грея приподнимаются, и я чувствую потребность более детально прояснить этот вопрос.

— Мы жили на Манхэттене в то время. Там жизнь немного другая.

— Спорю, что так.

Не желая продолжать свой унылый рассказ бедной-маленькой-богатой-девочки, я спешу его завершить.

— Мой парень был нормальным. Мы вместе тусовались. Он лишил меня девственности. Все было довольно отстойно, так что я не напрашивалась на повторение. Я уехала в колледж. Конец истории.

— Звучит невероятно, — говорит Грей с каменным выражением лица.

Я решаю не комментировать это.

— И что ни одного парня в колледже или в Лондоне? — давит Грей, выглядя потрясенным.

Я сражаюсь с огромным желанием бросить в него ложку.

— Я конечно знакомясь с парнями. Но ни с кем из них мне не хотелось строить отношения, ясно?

— Ладно, — он говорит это так, словно успокаивает меня. Отчего еще сильнее хочется зарычать. Но я не делаю этого.

Так что мы просто едим. Пока Грей не начинает ерзать на стуле, выстукивая пальцем по столу подобие какого-то нервного ритма.

— Что уже? — спрашиваю я.

Грей прикусывает свою сексуальную нижнюю губу, а затем выпаливает:

— Если у тебя не было связей на одну ночь, и у тебя не было парня последние пять лет...

Я фыркаю.

— Ты хочешь спросить о моей сексуальной жизни, Кексик?

Он так мило морщит нос.

— Пожалуйста, скажи мне, что я ошибаюсь, считая, что у тебя не было секса все это время.

— Ты не ошибаешься, Грей.

В комнате воцаряется тишина, пока парень шокировано глядит на меня.

Раздражение будто мошара кружит над моей кожей.

— Боже. Твое выражение лица. Кажется, словно мне грозит навсегда испортить свое влагалище.

— Не испортить, а скорее сделать его более узким. Это откровение словно ад угнетает мой член, — он заметно вздрагивает.

Я бросаю в него салфетку, и она попадает ему в голову, застревая в волосах.

— Ради бога, Грей, не такое-то это большое дело. Я не страдаю. И не... - говорю я ему, потому что Грей открывает рот, собираясь запротестовать, — воздерживаюсь ради некой великой цели. Я не дожидаясь мужа и не боюсь членов, или чего-то в этом роде. Просто так вышло. Я была занята колледжем и...

— Никто не занят настолько, чтобы у него не хватало времени на секс, Мак.

— О, прошу, мне только двадцать два. Я дурачилась с парнями, делала множество вещей, которые прекрасно меня удовлетворяли. Я просто не прибегала к самому сексу снова. И, в любом случае, пять лет это не так много...

— Это достаточно долгий срок. Чего ты ждешь? Пока твои женские местечки начнут забастовку и окончательно уйдут на покой? Мне кажется, это уже происходит.

Его насмешки задевают. Внезапно все это ранит меня, словно Грей сорвал пластырь и вместе с ним содрал кусок моей кожи.

— Так ты говоришь, что я должна просто пойти туда... — я машу рукой в сторону двери, — прямо сейчас и найти парня, чтобы трахнуться с ними до того, как мои *женские местечки* перестанут работать? А знаешь, ты прав. Это гениальная идея.

На это брови Грея приподнимаются, а рот открывается.

— Что? Нет, я не говорил тебе трахать кого-то *прямо сейчас*, — он выглядит реально ужаснувшимся. — Просто это...

— Что это? — восклицаю я, наклоняясь вперед. — Ты отлично объяснил, что я жалкий мешок дерьма, у которого нет бесконечного секса все время с утра до ночи.

Огромная рука Грея ударяет о стол между нами.

— Я просто сказал, что секс — это восхитительно, так что прости, если я шокирован отсутствием его в твоей жизни. Если бы это касалось меня, я бы занимался сексом по десять раз ко дню.

И я могу себе это представить — Грея трахающего бесконечную вереницу девиц.

— Расскажи мне что-то такое, о чем не знает весь город, Грей, — как только слова слетают с моих уст, ужас накатывает на меня. Это чувство нарастает, когда Грей откидывает голову назад, словно я дала ему пощечину, краска сходит с его лица.

— И что на хрен это должно означать? — шепчет он.

Но мы оба знаем ответ. Боль пронзает мой живот, когда встаю, и стул скрипит от соприкосновения с полом.

— Мне не следовало этого говорить, — я тру глаза рукой, включая заднюю передачу. — Мне нужно идти.

Грей тоже встает, его лицо выражает боль от оскорбления.

— Идти? Это твой гребаный дом. Куда ты, черт возьми, собралась?

Я уже на полпути к кухне, направляюсь в коридор.

— Мне нужно подышать воздухом, ладно? — я теряю контроль, это редкость. Как и то, что обычно я избегаю говорить слова, о которых потом пожалею.

— Айви, — восклицает Грей.

— Просто закрой за собой дверь.

— К черту это, — рычание Грея — единственное предупреждение, полученное мной перед тем, как его рука оборачивается вокруг моей. Он зол. Очевидно, что ему больно. Тем не менее, когда он разворачивает меня, его прикосновение осторожно, словно парень знает свою собственную силу и никогда не использует ее против меня.

— Что за чертовщина, Айви? — его голубые глаза становятся темно-синими под сенью бровей. — Ты говоришь такую хрень, а затем уходишь от меня?

— Прости, — выпаливаю я, у меня в горле начинает неприятно покалывать. — Мне следовало... Дерьмо. Я осуждаю тебя, Грей. А мне бы не хотелось так поступать.

Его захват на моей руке усиливается.

— Так не поступай.

— Я не могу себя контролировать. Да и что здесь такого, черт побери? Ты тоже осуждаешь меня.

Его губы сжимаются, но парень не отступает.

— Потому что глупо, что ты не занимаешься сексом. Глупо, делать из этого нечто большее, чем следует.

— Я не могу быть такой, как ты, как мой отец. Я не могу относиться к сексу, как к ничему не значащему акту...

— Не ничего не значащему, — замечает он, и его брови все еще хмурятся. — Просто это не какое-то священное событие, для которого тебе нужно специальное приглашение. Это может быть очень просто, знаешь ли. Грязный, горячий трах.

Слышать глубокий обволакивающий голос Грея и эти слова — не то, в чем я сейчас нуждаюсь. Не тогда, когда они обжигают мой затылок, вызывая жар и мурашки по всей коже. Я игнорирую эти ощущения, отдаваясь злости. Это проще, чем предаваться бессмысленной жажде.

— Для тебя это всегда просто "трах". Основополагающий акт, словно перекус или игра в футбол...

— Сейчас я реально возмущен, — говорит он с каплей неуместного веселья. — Футбол — это вообще священное действие.

— Точно, — я вырываюсь из его крепкого захвата. — Футбол значит для тебя больше, чем близость с другим человеком, — он фыркает, а его глаза закатываются на слове *близость*, словно это какая-то шутка, так что я тыкаю пальцем в центр его твердой, словно камень, груди. — Прямо здесь. Это отвращение. Что не так с близостью? Что неправильного в том, чтобы отношение к этому акту было чем-то большим? Ты отмечаешь всю красоту этого действия. Весь смысл.

— В этом-то и твоя проблема, — восклицает Грей, его собственный длинный палец тычется в мое плечо. — В своей голове ты возносишь это на пьедестал, так что любой парень, осмелившийся попытаться построить с тобой хоть какие-то отношения, обречен потерпеть неудачу, будучи раздавлен грузом твоих ожиданий.

— Это по-идиотски смешотворно... — я наклоняюсь вперед, мое дыхание становится неровным, когда борюсь с желанием свернуть его крепкую шею. — Ты смеешь читать мне нотации о желании чего-то большего? Почему из всех людей на этой планете я вообще должна слушать тебя? — насыщенный румянец заливает его лицо, и я знаю, что должна остановиться, знаю, что несправедлива, но все равно кричу: — Ты, тот, кто позволил стриптизерше отсосать у тебя на виду у твоих же друзей, а затем смеялся над этим. Ты когда-нибудь слышал о венерических заболеваниях? Знаешь, что ими можно заразиться во время орального секса?

— Остановись, — шепчет Грей, а его глаза становятся стеклянными.

Но я не могу. Уродство, словно река струится из меня. Я вспоминаю о том, что мой отец изменял матери, и о том, как чувствовала себя сегодня вечером, наблюдая за теми девушками на коленях у Грея.

— Возможно, тебя не волнует, кого ты трахаешь. Но я не такая. Мне нужно большее. И если ты не понимаешь этого, ладно... хреново дерьмо!

Он бросается вперед и хватает меня за плечи, притягивая к своей груди. Сильные руки оборачиваются вокруг меня, и мой нос утыкается в рельефную твердую грудь. Грей сжимает меня в объятьях, словно ему нужно сдержать мои слова и осуждение.

— Прекрати, Айви, — громко и отчаянно говорит он. — Прошу. Пожалуйста, я не могу спорить с тобой, — его голос сейчас сломлен. — Не с тобой.

Полное осознание того, что я ему сказала, возвращается ко мне, как бумеранг. Ужас, густой и темный, поднимается вверх по моему горлу и вырывается наружу в виде сдавленного крика.

— О боже, Грей, — я оборачиваю руки вокруг его талии, прижимаясь к нему сильнее. — Мне так жаль. Мне пиздец, как жаль.

Он гладит меня по голове, словно это я нуждаюсь в утешении. Я хочу заползти в яму и оставаться там.

— Я не имела это в виду, Грей, — я дрожу, прижимаясь еще ближе, так что мои пальцы зарываются в его футболку. — Я ненавижу себя.

— Ага, ну, я тоже не очень доволен тобой или собой прямо сейчас, — вздыхает Грей, и его объятия становятся увереннее. Нежные прикосновения к моей голове продолжают, и он целует меня в макушку. — Но все в порядке. Все хорошо.

— Это не так, — я зажимаю глаза и вдыхаю такой приятный, чистый запах Грея. — Ты — мой друг, а я ранила тебя. Я никогда не хотела такого.

Мы стоим так, что между нами нет ни дюйма свободного пространства, я замечаю, каким теплым кажется его тело, сколько силы в нем скрыто. Когда он обнимает меня, я в безопасности, окутана ним.

— Все закончилось, — его губы прижимаются к моему виску. — И ты меня тоже прости. Я был тем еще мудаком, посчитав тебя глупой дурой.

Мы молчим, пока Грей не вздыхает, пододвигаясь невыносимо близко, а его большая ладонь медленно гладит вверх и вниз вдоль моей спины. Мне так комфортно. Это и есть то, что он ищет. Но спустя мгновение я прекращаю думать о комфорте, потому что к моему животу прижимается явная выпуклость его члена, прямо напротив моей киски. Он не твердый, но я ощущаю эту часть его тела, явно и основательно, и это стимулирует меня задуматься о том, что никогда не должно было бы приходить мне в голову.

Мышцы моего живота напрягаются, а жар распространяется по коже. Я хочу

раствориться в Грее, остаться там на весь день. Я хочу развести свои ноги и ощутить, как он заполнит ту пустоту между ними. Если я наклоню подбородок, то мои губы коснутся гладкого изгиба его шеи там, где она переходит в плечи. Я хочу облизать это место, попробовать его на вкус, укусить. Не хочу думать о других девушках, которые делали с ним подобные вещи.

Мое сердце замирает. Ведь вся моя злость, все те порочные слова, что я произнесла — это ничто иное, как ревность. Я ревную его к тем безликим, безымянным женщинам.

Стыд словно ком становится у меня поперек горла, раздражающе обжигая мои губы. Я слетела с катушек из-за ревности, и это так несвойственно мне. Я такая испорченная и не знаю, что сказать, дабы исправить ситуацию.

— Грей...

— Я не хочу, чтобы ты занималась сексом так, как это делал я, Айви, — говорит он с неожиданной страстью в голосе. — Это должно означать что-то. Для тебя. Это должно быть чем-то хорошим.

Мое сердце мучительно сжимается от его глухого голоса, и я прижимаю ладонь к его ребрам, цепляясь за парня.

— Почему это не может быть таким же и для тебя? Почему ты выбрал бесконечную череду интрижек?

Так как мы находимся сейчас столь близко, я ощущаю как напрягается его спина.

— Это просто... — он напряженно сглатывает. — Думаю, я выжидаю ту, что вызовет во мне желание прекратить.

— Прекратить заниматься сексом? — каждая моя клеточка замирает, а сердце с шумом ударяется о ребра. Я такая лицемерка, потому что сама мысль об отсутствии у Грея секса вызывает во мне ужас.

Мои волосы ерошатся, когда Грей качает головой.

— Прекратить бегать от юбки к юбке, — его грудь поднимается от вздоха. — Айви, я люблю женщин и люблю секс. Но ты права. Он не значит для меня ничего более, чем быстрое удовольствие. Мне не важно с кем трахаться. Я даже не помню их имен. Черт, я настолько плохой человек, как ты и говорила.

Его слова кажутся безнадежными, потому я крепче обнимаю парня.

— Нет, Грей. Прошу, не говори так. Мы можем просто... Я бы хотела, чтобы нашей ссоры не было.

Он медленно отстраняется от меня, хотя его руки все еще нежно соприкасаются с моими плечами. Нам обоим требуется мгновение, чтобы встретиться друг с другом взглядом. Так неловко, да и к тому же его лицо перекошено, словно парень съел что-то тухлое. И это моя вина. Но он выдавливает улыбку.

— Эй, с нами все в порядке, — Грей неуклюже гладит меня по волосам, при этом его большой палец задевает мою скулу, чуть не тыкаясь в мой глаз. — Было бы странно, если бы мы никогда не поссорились.

Слегка морщась, я хватаю его за предплечье и сжимаю. Потому что очевидно, я не могу удержать свои руки подальше от его тела.

— Это правда.

Грей разглядывает меня, взгляд его голубых глаз нервирует. Воздух между нами накаляется, и мое дыхание сбивается. Между его бровями появляется морщинка, словно Грей способен видеть мою вину и тот факт, что я борюсь с желанием подняться на носочки

и прижать свой рот к его мягким губам. Блядь. Твою ж мать!

Боже, помоги мне, если он и правда знает, о чем я думаю. Вероятно, Грей выбежал бы в эти двери, знай он все мои мысли. Но он не движется. Пока что. Нет, он прижимает свой лоб к моему, сжимая своими огромными ладонями мое лицо. Их тепло согревает мои щеки.

— Сейчас мне нужно идти, — говорит он спустя мгновение. — Я должен рано вставать из-за гребаной тренировки.

— Ладно.

Но он все еще стоит на месте. Кажется, даже ближе, чем раньше. Его дыхание смешивается с моим, обдавая потоком воздуха мои открытые губы. Слишком тихо. Его пальцы вздрагивают, сжимая мои щеки сильнее. А затем Грей так резко отступает, что почти спотыкается. Он широко улыбается, возможно даже слишком широко. И идя задом наперед, обходит стол.

— Спокойной ночи, Специальный Соус.

В ответ я тоже улыбаюсь. Фальшиво. Натянuto. Хреново. Вот и я — облажавшаяся Айви.

— Спокойной ночи, Кексик.



Впервые за все время наших отношений я лгал в лицо Айви. Ладно, это была маленькая ложь, но тем не менее. До этого у меня не было подобной практики. Я просто уехал от нее. Быстро. Она меня ранила. Не тогда, когда сказала правду о том, в каком свете меня воспринимает. Черт, я прекрасно знаю, кто я такой. Нет, меня задела жалость в ее выражении лица, словно моя неспособность отыскать хоть малейшую значимость секса делает меня жалким.

Сейчас я разрываюсь между чувством возмущения и болью. Секс — это секс. Черт побери, если мне стоит стыдиться, что трахаюсь, сколько хочу. Но вот незадача, прямо у меня в груди возникает боль. Потому что Айви вытянула на поверхность вещи, о которых я даже никогда и не думал. Типа вопроса, почему я не могу отыскать смысл сего действия. Но я же знаю это, верно? И это знание — свежий шрам, к которому я не хочу прикасаться.

Вот только Айви уже скovyрнула его, и сейчас из этой раны медленно сочится кровь. Знаю, она сожалеет, что ранила меня. Но это неважно. Кота уже вытянули из мешка. И я не могу прекратить думать: правда ли я живу одним моментом или бегу от реальности?

Но не это настоящая причина, по которой я сбежал от Айви. Истинная причина состоит в том, что на одну ослепляющую секунду, я почти сказал самую глупую вещь в своей жизни. *Заставь меня остановиться, Айви. Будь той, кто остановит это все.*

У меня есть ощущение, что она могла бы это сделать. Я стоял там, ненавидя всю эту ссору, наши крики друг на друга, и все что хотел сделать в тот момент, так это поцеловать ее, исследовать линию ее нижней губы, пососать ее. Но в результате Айви бросилась бы от меня куда подальше. Потому что друзья не лапают друг друга.

Здесь я на неизведанной территории. Обычно, когда подобное случается, я делаю ход. Ну, или это сделала бы дама. Но сейчас? Я не уверен в том, что данная идея хороша.

— Черт, — я ускоряю шаг, направляясь в спортзал. Не могу пойти домой — и, боже, мне нужно что-то сделать, чтобы унять это нервное чувство — но в тоже время я не хочу ни с кем разговаривать. Уже поздно, так что существует огромная вероятность, что я буду здесь в одиночестве.

В спортзале стоит вонь дезинфектора, смешанная с запахом пота и страха, тяжелых гирь и резинового покрытия, все, как я люблю. Сейчас этот запах кажется мне знакомым, словно дом. Я влетаю в раздевалку, готовый атаковать боксерскую грушу, и именно тогда вижу их.

Незначительное движение, которое замечаю краем глаза, которое я бы не заметил, если бы не был один ночью в заброшенном спортзале. Спустя столько лет, я знаю Роландо довольно хорошо, так что узнаю его практически мгновенно. Он прислонился к одной из стен душевой, а полотенце обернуто вокруг его мокрого тела.

Но не он меня удивляет, а стоящим с ним парень. Много сценариев событий могли бы

пояснить то, что я вижу, но парень наклоняется к Лондо, закрывая собой мне вид на половину туловища друга, плюс то выражение, что появляется на лице Роландо, напряженное и несчастное, дает мне пищу для размышлений. И как по мановению божественной руки, я все понимаю.

Осознание ситуации ударяет меня именно в тот момент, как Роландо замечает мое присутствие. Он замирает, становясь ровнее, и распрямляет плечи, словно опасается драки. Парень рядом с ним, огромный чернокожий чувак, кажется, я видел его на нашем поле во время тренировок, разворачивается и смотрит на меня. В течение секунды его глаза расширяются от страха, а затем парень прищуривает их и смотрит сперва на меня, потом на Лондо.

Не говоря ни слова, он отталкивается от стены одной рукой и проходит мимо меня, его плечо почти что задевает мое собственное.

Я остаюсь наедине с Роландо, который прямо сейчас смотрит на меня в упор. Предполагаю, осознание читается в моем взгляде, по правде я не очень-то и пытаюсь его скрыть. Это бы все равно не помогло. Но с другой стороны, это рушит что-то между нами. Для меня очевиден тот момент, когда он решает, что сейчас, зная его тайну, я — враг.

Он издает протестующий звук и надвигается в моем направлении, идя в сторону своего шкафчика. Лондо не смотрит на меня, когда проходит мимо, но его мышцы напрягаются, а походка становится неуклюжей. Черт. Я не могу уйти сейчас, не сказав ничего, но все равно молчу.

— Что бы за хрень ты не думал об увиденном, — говорит он, хватая свои боксеры, — ты ошибаешься, Джи.

От усталости я тру лицо, а потом иду к скамье и присаживаюсь на нее.

— Думаешь?

— Ага, — восклицает Роландо, — я знаю это, — он уже сердится, готов атаковать в ответ на самую малую провокацию.

Опираясь предплечьями о колени, я смотрю на узорчатый рисунок резинового покрытия пола.

— Это станет для нас проблемой?

Он делает паузу, засовывая одну ногу в спортивные штаны, тогда как вторая нога все еще вне штанины.

— А ты собираешься сделать из этого проблему?

— Послушай, я не могу делать вид, что ничего не видел, хотя, вероятно, это бы все для тебя упростило.

Он фыркает, обуваясь, но не завязывая шнурки, словно спешит со всех сил свалить отсюда.

— Но в конечном счете, это не облегчило бы ситуацию, — заканчиваю я.

— Клянусь богом... — Роландо поднимает руки, и я замечаю, как они дрожат. — Если ты начнешь тираду белого мальчика и всякую давай-поговорим-о-наших-чувствах херню...

— Сядь, Лондо.

Когда он хватается сумку и делает движение в сторону выхода, мой голос, твердый и низкий, раздается по раздевалке.

— Сядь. На фиг.

Восклицаю я, поднимая голову и встречаясь с ним взглядом. Это игра "кто кого", но я не моргаю, не сдаюсь. Лондо может быть ублюдком, но я больше и ловчей. Я даю ему

минуту, общаясь с парнем одним лишь взглядом.

Хмурясь и бормоча что-то себе под нос, Роландо опускается на скамью возле меня.

— Что еще?

Я почти улыбаюсь в ответ на его раздраженный тон, вот только эта ночь вошла в официальный дерьмовый список, и я просто хочу, чтобы все закончилось. Мои пальцы сжимаются, пока сижу здесь.

— В старшей школе у меня был друг, Джейсон. Он играл принимающим. Он... гм... — ком становится поперек горла, и я откашливаюсь. — Будучи второкурсником он попытался повеситься.

Между нами воцаряется абсолютное молчание. До тех пор пока я снова откашливаюсь.

— Он не смог с этим справиться. Не мог сказать это своему отцу, команде, считая, что они осудят его за гомосексуализм, — мои руки сжимаются. — Я был его другом. Я подозревал. Но так и не спросил. Я не хотел его расстраивать. Хотя и знал, что у него были с чем-то проблемы.

Голос Роландо срывается, когда он произносит:

— Зачем ты говоришь мне все это?

Я рискую взглянуть на него, замечая, как побледнел мой друг. Мои глаза жжет. Так больно думать о Джейсоне.

— Я хочу быть честным. Ни на секунду не думай, что я отвернусь от тебя, изменю о тебе свое мнение. И даже не представляй, что я кому-либо расскажу. Это твое дело.

Он отводит взгляд, а затем кивает. Единожды. Резко. И мое дыхание становится немного легче. Но я не произношу больше ни слова, зная, что он скажет мне все, если захочет. Мы просто сидим вместе в течение целых двух минут, прежде чем Роландо наконец решает заговорить.

— Это давит на меня. Соккрытие всего этого. Притворство тем, кем я не являюсь.

— Я понимаю тебя.

Роландо смеется низким невеселым смехом.

— Нет, едва ли это так, Джи. Я чернокожий, южанин, к тому же играю в футбол, — от волнения он облизывает нижнюю губу. — Черт, моя мама уже спрашивает о том, *когда же у нее появятся маленькие внучата*. Что ты думаешь, она скажет на это?

Мы ненадолго задумываемся, глядя в пол и не нарушая молчания.

— Тот парень... — я смотрю в сторону душа, где застал их. — Ты его любишь?

Я чувствую, как Лондо кивает, это такое резкое движение, будто он все еще борется со своими чувствами.

Мне хочется помочь ему, но что я могу сказать, чтобы не показаться банальным? Его положение хреновое, и мы оба понимаем это. Я щипаю себя за переносицу и думаю об Айви. Она бы знала, что сказать, чтобы это не выглядело по-дурацки.

— Я начинаю бояться высказывать свою точку зрения, изменить ход событий, — говорю я. — Думаю... Нет, черт, я знаю, что втюрился в своего лучшего друга.

— Скажи мне что-то, чего мы все не знаем, Джи, — и впервые за эту ночь, Роландо кажется самым собой.

Я стараюсь не улыбнуться.

— Ага, ну, она почти что считает меня мужиком шлюхой, так что...

— Опять же, расскажи мне что-то, чего мы все не знаем.

Я смотрю на него, и парень смеется. Однако, наверное, я заслуживаю этого. Я

скрывался за личностью парня короля вечеринок в течение довольно длительного времени, все близкие мне люди думают, что я и правда такой. А теперь мне больше не кажется, что это правильно. Конечно, тот парень выручал меня сотни раз. Но я устал быть столь поверхностным.

Качая головой, я наклоняюсь вперед и упираюсь руками о колени.

— Вероятно, это к лучшему. Что я вообще на хрен знаю об отношениях?

Роландо фыркает.

— Ты меня спрашиваешь?

— Я говорю, что мы оба со сдвигом по фазе.

— Ага, — отвечает он медленно, почти улыбаясь. — Да, предполагаю, что так. Я уже говорил тебе это. Ты лучше подумай, как разобраться с ее отцом, если решишь сделать свой ход. Маккензи надерет твой зад, я в этом уверен.

Может быть, оно того стоит. Вздыхая, я распрямляю свои напряженные плечи.

— Я пойду уже. Просто... Ты мой друг и коллега по команде. Что бы ты не делал, я с тобой. На сто процентов.

— Спасибо, мужик, — очень тихо шепчет он в ответ. Но я слышу.

Мое лицо заливает жар от слишком сильных эмоций, переполняющих меня в течение всего одного дня. Я встаю, легонько шлепаю по плечу Лондо и ухожу. Несмотря на сказанное, мой желудок сворачивается от неопределенности. Все вокруг меня меняется так быстро, что возникает ощущение, будто земля уходит из-под ног.



Грей живет со своими друзьями по команде в доме возле кампуса. Обычно я бы с нетерпением ждала возможности побывать у него дома. Я бы пыталась представить его уже раз десять. Грея, делающего домашнее задание за столом или на кровати, занимающегося... В общем да, я хотела бы увидеть, где он живет. Но сейчас, после нашей ссоры, которая все еще свежа в моей памяти, я сомневаюсь, стоит ли мне вылезать из авто.

Мы не виделись друг с другом несколько дней, с той проклятой ночи. Грей был занят тренировками, а вечерами смотрел отснятые игры вместе с другими ребятами из его команды, изучая преимущества и слабости своих конкурентов, их стиль игры.

Мы обменялись за все это время всего парой сообщений. Но сейчас он собирается покинуть город, уехав на матч чемпионата ассоциации — первый пункт на пути к Национальному Чемпионату. Я обещала прийти в гости до его отъезда.

Глубоко вдыхая, я покидаю тишину своей маленькой машинки, в которой все еще ощущается запах Грея.

Дом передо мной белый и выполнен в колониальном стиле, он одновременно величественен и гостеприимен, местами на стенах облезает краска, а пожухлая трава на лужайке выглядит немного одиноко. Четыре контейнера для перерабатываемого мусора наполнены пустыми банками из-под газировки, Гаторейда и пива, что так и кричит о том, что передо мной "дом братства".

Из-за двери раздаются звуки взрывов и пальбы, смех и крики парней. Я с силой колочу во входную дверь, надеясь, что кто-то услышит меня из-за шума от видеоигры.

Грей открывает на втором ударе. Не думаю, что я когда-то смогу привыкнуть к его высокому росту. Он возвышается в дверном проеме, а его широкие крепкие плечи распрямляются под старой футболкой команды. Спортивные брюки низко висят на его бедрах, а босые пальцы ног выглядывают из спортивных сандалий. Я не знаю, почему так сосредотачиваюсь на его пальцах ног и том факте, что они кажутся странно уязвимыми, такими нагими перед внешним миром.

Однако я не могу вечно избегать взгляда Грею в глаза. Особенно, когда он произносит "Эй".

Он слабо и неуверенно мне улыбается. Как всегда, когда встречаюсь с ним взглядом, я ощущаю взрыв тепла и пузырьки счастья, что выдувают из моей головы все мысли.

— Эй. Я здесь! — *боже. Прямо в тему. Отличный ответ, Айви.*

Лицо Грея перекашивает широкая улыбка.

— Да, ты здесь. Входи, — он кивает головой, приглашая войти. — На улице жуткая холодина.

Я мгновенно ощущаю царящий здесь запах, схожей с вонью спортивных мужских носков, дезодоранта и старого дома. Половые доски потерты и испачканы. И я не могу сдержать улыбку, потому что в углу коридора стоит метла, а на ней наклеен стикер с надписью *"Используйте меня, уебки, до того, как я надеру ваши задницы!"*

Грей замечает мой взгляд и закатывает глаза.

— Печальная попытка Декса перевоспитать нас.

Мы проходим мимо пирамиды из спортивных сумок, прижатой к стене коридора. Слева от нас открывается вид на гостиную. Два неподходящих друг другу дивана, которые вот-вот могут треснуть и сломаться под грузом массивных тел шести ребят, стоят перед гигантским телевизором. На экране транслируется какая-то видео-игра на тему войны зомби, но тем не менее все парни как один поворачиваются в мою сторону, когда я вхожу.

— Айви! — кричат они в унисон, и от их низких голосов мое тело вибрирует.

— Парни, — восклицаю я в ответ. Я получаю несколько кивков головами в ответ, пару улыбок, а потом они возвращают свое внимание к игре. Звуки войны заполняют комнату.

Стоя рядом со мной, Грей касается моего локтя.

— Пойдем в мою комнату.

Ступени скрипят под нашими ногами. Комната Грея — приятный сюрприз. Она находится в задней части дома, простая, но чистая. Аккуратная. Его стол безупречно чист, как и пол. Кровать королевского размера занимает основное пространство. Комод возле двери и старое синее кресло IKEA в углу — вот и вся мебель в этой комнате.

Мой взгляд останавливается на единственной картине в комнате.

— Вау. Где ты взял ее?

Висящая напротив кровати картина довольно массивна. Она выполнена в серо-синих тонах, это крупный план мужской руки, просунутой в потертый футбольный шлем.

— Декс ее нарисовал, — говорит Грей, глядя на изображение. — Я люблю ее так сильно, что мучил парня, пока он не подарил мне ее.

— Она фантастическая, — композиция картины проста, но сила в руке, то, как она сжимает шлем, говорит о страдании, настойчивости и любви к игре.

— Ага. Он до нелепого талантлив. Однако не позволяет никому кроме нас об этом

знать.

Это и неудивительно. Большинство спортсменов скрывают свои таланты и хобби, которыми увлекаются в свободное время.

— В NBA есть парень, который мастерски играет на скрипке. Но он выступает только для своих коллег по команде.

— Кто? — голос Грея полон любопытства, но не громок. Наша ссора стоит между нами, и я ненавижу себя за то, что сказала ему в пылу ревности и неистовой злобы.

Вымученно улыбаясь, я отвечаю.

— Это секрет, о котором не стоит говорить.

Грей качает головой.

— Дразнишься.

Он плюхается на кровать так, что рама скрипит, протестуя, и сразу же ложится на спину, закидывая руки за голову. Хорошо, значит, возможно это я — та, кто слишком много думает о всяком. Переводя дыхание, я сажусь рядом с ним. Но у Грея другое мнение на сей счет, и потому он притягивает меня к себе. Я ложусь, издавая удивленное "уф", и он улыбается мне.

— Итак.

— Итак, — вторю я, перекатываясь на бок, чтобы видеть его лицо. — Ты готов к игре?

Пока его команда претендует на победу, на поле может случиться все, что угодно.

— Черт, да. Мы сделаем это, — его улыбка увядает, сменяясь на проницательный взгляд. — Автобус отправляется через три часа, так что мы скоро должны выходить на улицу. Я бы хотел, чтобы ты поехала с нами.

Вина снова ударяет меня. Потому что я хочу быть на его игре больше, чем что-либо другое. Но должна остаться здесь ради празднования дня рождения Фи, которое состоится в ночь перед игрой.

— Я бы тоже этого хотела.

— Ты уверена, что Фи не захочет отпраздновать этот день вместе с нами? Мои парни знают толк в вечеринках.

Вздыхая, я откидываюсь на спину.

— Мой отец оставлял Фи в ее день рождения, сколько я себя помню. Когда мы были младше, он уезжал на бейсбольные матчи. Затем на игры Чемпионата. Это очень напряженный период года для него.

— Это типа хреново с его стороны.

Я не знаю, почему чувствую желание защитить отца; Грей не говорит ничего, что расходится с моей точкой зрения, но в жизни не все черное и белое.

— Такова его работа. Следовать за игроками. Заключать сделки. Заботиться о клиенте. Общаться со спонсорами, — я смотрю на Грея. — Когда в последний раз ты не играл во время праздников или накануне?

— Четвертое июля считается?(*День независимости США — прим. пер.*) — он бросает мне наглый взгляд, а затем становится серьезным. — Я говорил, что это хреново, но не говорил, что не понимаю этого. Это еще одна причина, по которой я избегаю отношений, — его голубые глаза становятся темнее. — Я ненавижу саму идею того, что поступлю с кем-то подобным образом.

Грусть ложится грузом на мою грудь. Грей — не тот тип человека, который должен прожить свою жизнь в одиночку. Но я не могу опротестовать его выбор. Эгоистичная часть

меня не хочет даже поощрять его к поиску девушки, это как мне известно, лишь увеличило дистанцию между нами. Думая так, я представляю собой все виды зла.

Я снимаю ворсинку с покрывала.

— В любом случае, Фи немного чувствительна относительно своего дня рождения и футбола. Она не хочет быть там, где что-либо связано с игрой, особенно в этот день. Я даже не стану просить ее поменять свои планы. Неважно, как сильно хочу это сделать.

Голос Грея нежный и низкий.

— Я понимаю это, — он тоже вздыхает. — Блин, как же я понимаю. Если бы не моя мама, футбол занял бы в моей жизни второе место — черт, скорее даже пятое.

— И тем не менее ты любишь игру, — я смотрю на его сильные черты профиля. Грей хмурится, глядя на потолок, но как только ощущает на себе мой взгляд, поворачивается.

Радость наполняет его выражение лица.

— Я люблю это, Айви. Футбол дарует мне такой кайф, как ничто другое.

Он говорит это с таким почтением, что я неосознанно напряженно сглатываю. Я никогда не любила что-то так сильно. Странная разновидность тоски наполняет меня. Тоски по тому, чтобы любить что-то столь неистово. Чтобы быть любимой в ответ, чтобы быть для кого-то на первом месте. Каково бы это было? Если бы любовь Грея к футболу была направлена на что-либо другое, это было бы лучшей в мире вещью.

— Я завидую тебе, — говорю я, и мой взгляд фокусируется перед собой, так что я не вижу его лица.

Но чувствую, что парень смотрит на меня.

— Почему?

— Я хотела бы иметь что-то подобное в своей жизни, что-то, что вызывает такое же чувство восхищения.

— Разве ты не ощущаешь это восхищение, когда печешь? — Грей кажется искренне удивленным, но его голос мягкий, почти что нерешительный. Он меня жалеет?

Я пожимаю плечами.

— Не так, как ты с футболом.

Его плечо движется напротив моего, когда Грей делает вдох.

— Тогда что тебя захватывает?

Ты.

— Спорт. Общение с другими... — я качаю головой. — Ничего конкретного. Никакого молниеносного огромного знака с надписью "Вот твоя страсть!".

Кажется, Грей впитывает мои слова в себе, прежде чем ответить.

— Я не знаю, Мак. Я все еще думаю, что ты была бы охрентельным агентом. Возможно не в том, что касается заключения сделок, но в планировании жизни точно. Маркетинг и подготовка спортсменов посредством их социальных навыков, — одеяло натягивается, когда он полностью перекачивается на бок лицом ко мне, и я не могу не повернуть голову в его сторону. Копна темно-золотистых волос ниспадает ему на лоб, когда Грей смотрит на меня. — Тебе бы следовало увидеть, как сияли твои глаза, когда ты разговаривала с ребятами о всех тех штуках, — уголок его губ приподнимается вверх. — Это было прекрасно.

Мои пальцы зарываются в потертое одеяло подо мной.

— Я не знаю, Грей... Я выросла, ненавидя работу отца половину своей жизни.

— А другую половину?

Моя свободная рука поднимается в беспомощном жесте.

— Была очарована, завидовала тому, что у него были все эти вещи, пока я оставалась в стороне, — я вздыхаю и снова качаю головой. — Все сложно.

Грей кивает.

— Семейные штучки всегда такие. Просто запомни, ты — не твой отец.

— Слава богу, — шучу я, заслуживая хихиканье Грея.

— О, эй... — он наклоняется надо мной, пока тянется к столу так, что его грудь прижимается к моей. Я втягиваю воздух, и моя грудь больше не соприкасается с его, но он отстраняется так быстро, схватив телефон со стола. Грей снова плюхается рядом.

Несколько кликов, и он уже открывает почту, а затем передает мне свой телефон.

— Проверь.

Я просматриваю письмо, сперва не понимая к чему оно. Но потом по настоящему прочитав его, ощущаю легкую тошноту.

— Грей...

Он перебивает меня.

— Видишь? Абсолютно чист.

Я выхожу из почты, не желая рассматривать отчет о его половом здоровье. Он здоров, и я чувствую себя дерьмово.

— П-почему ты сделал эту проверку?

Его тело движется напротив моего, когда парень пожимает плечами.

— Ты заставила меня задуматься. То есть, я никогда не занимался этим без презерватива, но как ты говорила, оральные... — он пожимает плечами. — Просто подумал, что это хорошая идея.

— Иисусе, — я бросаю Грею его телефон, и он ловит его на уровне своего живота, хмурясь, когда поворачивается.

— Что не так?

— Не так? — я прижимаю основания ладоней к глазам. — Бля.

— Мак, — раздражение и беспокойство слышны в его голосе. — Почему ты сходишь с ума? Я же чист.

Я поворачиваюсь и обнаруживаю его лицо в паре дюймов от моего.

— Потому что я чувствую себя еще той сучкой, вот почему, — я прижимаю ладони к своему пылающему лицу, закрывая его от Грея. — Ты прошел проверку, потому что я пристыдила тебя...

— О, пожалуйста, — говорит Грей, фальшиво смеясь. — Я проверяюсь ежегодно. Просто перенес это дело в свой список неотложных дел, всего-то.

Я не убираю руки.

— Угу.

— Мак... — осторожно Грей отводит мои руки от лица. Морщинки пролегают к его подбородку от каждого уголка рта. — Давай же. Это не такое уж и большое дело. По факту, все круто. Я здоров, и поверь, планирую оставаться таковым. Больше никакого тупого дерьма.

— Грей, — я облизываю губы, и его взгляд следует за движениями моего языка, а брови хмурятся. И то некомфортное напряжение, что возникло во время нашей ссоры, сейчас нарастает еще сильнее. Вдруг, я ощущаю, что устала. До мозга костей. Мои руки кажутся тяжелыми, когда поднимаю их и прижимаю к его щекам. — Выиграй эту игру, и я приготовлю любой десерт на твой выбор.

Я не знаю, что еще сказать. Или сделать. Что-то сломалось между нами, когда я позволила своей ревности выйти за рамки дозволенного. Сейчас наша дружба изменилась. Он — все еще мой самый любимый в мире человек, но я уже не ощущаю былой полной непринужденности рядом с ним. Я не знаю, чего на хрен хочу, но это точно не та странная новая *вещь*, что происходит между нами сейчас.

Я сажусь, а Грей широко усмехается, очевидно над моим волнением.

— Любой, Мак?

Я отворачиваюсь от него, делая вид, что расправляю волосы.

— Ты намекаешь на то, что что-то мне не по силам?

Кровать прогибается, когда Грей тоже садится.

— Я собирался выиграть матч независимо ни от чего, но сейчас? Глазурь на тортике, детка.

Я закатываю глаза и встаю.

— Ты имел в виду на кексике, — быстро я наклоняюсь и целую его в лоб. — Покажи им, где раки зимуют, Грей.

Я уж было отстраняюсь, когда прикосновение к моей щеке останавливает меня. Кончики пальцев Грея аккуратно соприкасаются с моей кожей.

— Айви, — говорит он, явно сомневаясь на счет чего-то.

— Да? — я не знаю, почему мое сердце так быстро стучит. Вот только его взгляд такой сосредоточенный, что это почти пугает, словно Грей борется с собой, и я не уверена, хочу ли, чтобы он сказал то, что собирается сказать. Но тут медленно его рука скользит по моей щеке. Это такая нежная ласка, что мое сердце подпрыгивает.

— Каждый дюйм, Айви.

Мои брови хмурятся, когда я заглядываю ему в глаза.

— Что это значит?

Грей качает головой, а его рот искривляет легкая улыбка.

— Ничего такого. Просто кое-что, что я всегда говорю перед игрой. На удачу.

С трудом сглатывая, я касаюсь его лица. Его челюсть такая теплая и шершавая от щетины.

— Ну, тогда, — отвечаю я. — Каждый дюйм.

Его широкие плечи вздрагивают, когда Грей вздыхает и кивает, словно я подарила ему редкостный дар.

А затем я покидаю его, а внутри меня облегчение смешивается со странным чувством превратности.



В отсутствие Грея я обнаруживаю, что стараюсь оградить себя от какой-то непонятной неприятной энергетики. Не знаю, что делать с самой собой. А на самом деле, мне стоило бы это выяснить. Я окончила колледж, у меня нет работы. Я знаю, чем хочу заниматься, но боюсь рассказать об этом отцу, который до этого момента оплачивал все мои счета.

Моя кожа потеет, а желудок завязывается в узел, и я знаю единственный способ избавиться от этого чувства. Я пеку.

Спустя несколько часов дом пахнет солнцем, маслянисто-сладостным благополучием. И у меня есть столько донатов, что можно было бы накормить всю команду Грея. Что остойно, так как, по сути, сейчас кормить некого.

Фи приезжает домой, как только я заканчиваю покрывать глазурью последнюю порцию выпечки.

— Херми, Рудольф и Юкон Корнелиус, что это так замечательно благоухает? — словно пес на охоте, она следует на кухню, и ее нос ведет прямиком к подносу с донатами. — Это что, бекон сверху?

— Ага. Бекон с медовым чили. Я пытаюсь избегать стандартного сочетания бекона и кленового сиропа.

Он хватает донат и кусает, при этом испуская стон.

— У тебя хорошо получилось, Айв.

Я выбираю донат с малиной и поджаренным топпингом из зефира. Сложный аромат дополняет арахисовое масло и желе, но их вкус не насыщенный, более кремовый. Фи крадет кусочек моего доната и снова стонет.

— Эй, — говорю я, смеясь.

— Вот еще! Я здорова, и если бы ты могла заразиться, то это уже бы случилось. Ох... С чем этот донат?

— Этот рождественский. Смесь яичного крема с карамелизированным ромом, по типу крем-брюле.

— Ням-ням, — Фи продолжает поглощать свой донат с беконом и болтает на тему еды. — Итак, почему столько выпечки? Ты бросила вызов маме?

Отгораживаясь от вопроса Фионы, я тянусь за бутылкой красного вина на столешнице.

— Будешь бокальчик? — спрашиваю я вместе того, чтобы ответить.

Мгновение она смотрит на меня, а потом пожимает плечами.

— Красное вино с донатами? Почему бы и нет?

Я не говорю, пока бокалы с вином не наполнены для нас обоих.

— Мне нравится печь. Это расслабляет.

— Конечно же тебе нравится. Это у нас в крови. То есть, я ненавижу заниматься выпечкой, но... — она усмехается, а ее щеки немного округляются, а затем Фи снова

становится серьезной. — Но правда, Айви, почему ты разбиваешься в лепешку, словно пытаешься загладить за что-то вину этими донатами?

Я делаю глоток вина и отвожу взгляд.

— Я осознала сегодня, что пеку лучше всего, когда напряжена.

Под звуки тиканья кухонных настенных часов Фи наблюдает за мной.

— Ты много всего испекла, Долговязая Айви.

— Знаю, — передо мной простирается море из донатов, и каждый из них идеально покрыт глазурью. — Я всегда думала, что мне следует присоединиться к маме, потому что я хороша в выпечке. Мне нравится работать руками, месить тесто и вникать в отличия новых ингредиентов. Нравится готовить для кого-то. Но недавно я начала думать о том, как хочу жить. И вот в чем дело, Фи, я хочу, чтобы дело моей жизни возбуждало меня.

— А выпечка тебя не возбуждает? — она смотрит на донаты.

— Это вдохновляет меня, помогает чувствовать себя лучше, — но управление пекарней? Я ненавижу это, — румянец заливает лицо, когда сознаюсь. Потому что я ненавидела эту часть работы. Мне было ненавистно вставать еще до рассвета, постоянно находиться на ногах, волноваться о магазине и клиентах. Раньше я отбрасывала этот негатив на задворки своего разума, но сейчас слишком сложно его игнорировать.

— Так не занимайся этим.

Ставя на стол бокал, я начинаю вытирать ляпы из медовой глазури на столешнице. Фи наблюдает за мной, пока я делаю это.

— Если ты не хочешь управлять одной из пекарен мамы, — спрашивает она, — тогда чем ты хочешь заниматься? Не то, чтобы ты обязана это знать.

Мои пальцы сжимают влажную тряпку, и я отбрасываю ее.

— Я не знаю.

В действительности это ложь. Я, кажется, просто не могу озвучить то, что хочу, потому что это сродни безумию. Я не готова встретиться с этим лицом к лицу.

Потому делаю большой глоток вина и позволяю опьяняющему теплу разлиться по моей крови. Я ощущаю себя глупой и раздраженной. Сомнение крадется по моей спине, касаясь моей кожи своими липкими лапками. Возможно, это дурацкий полет фантазии.

— Мама и папа подумают, что я потратила время и возможности в пустую.

— Эй, — говорит нежно Фи. — Я выбирала свой основной предмет в течение двух лет, шесть раз меняя его с одного на другой.

— Ты второкурсница. У тебя есть время. И ты любишь дизайн. Почему не выбрать его?

Рассеяно она кивает.

— Ага, возможно.

На мгновение мы обе замолкаем. А затем Фи ставит на стол свой бокал и тянется за еще одним донатом.

— Мне тебя жаль, — говорит она, обращаясь к донату. — Но кажется, я не могу ничем тебе помочь, — ее взгляд встречается с моим. — Я позвоню парню из студенческого братства, чтобы он забрал большую часть из них, пока мы с тобой не впали в сахарную кому. А потом мы отметим мой день рождения в стиле, который будет включать в себя распитие еще большего количества вина и разговоры о наших самых глубоких и темных секретах.

— Фи, — я пытаюсь не рассмеяться. — Это по сути резюмирует все наши ночи вместе.

— Нет-нет! Напитки и еда во время таких посиделок каждый раз разная.

Я усмехаюсь и начинаю паковать донаты.



Через несколько часов мы обнаруживаем себя растянувшимися на моей кровати в огромной куче подушек. Вино уступило место мохито, а моя голова идет кругом.

— От красного вина мне хочется спать, — жалуясь я.

— Это мой день рождения. Ты не можешь уснуть, — Фи перекачивается на бок и смотрит на меня.

— Мммхмм, — мои губы немеют. Мысли уносятся потоком в неведанном направлении, но как только я забываю, где нахожусь, это странное смутное чувство тревоги возвращается. Думаю, я могла бы слечь с простудой. Но сейчас мне этого не видать. — Фи?

— Что? — бормочет она, а ее лицо уткнулось в подушку.

— Может ли человек... ну, даже не знаю... быть пресыщенным сексом, если он даже не занимается им? — в то мгновение, как слова слетают с уст, мое лицо вспыхивает, и я хочу забрать их обратно. Но так или иначе, они уже поселились в наших головах, танцуя словно насмехающиеся надо мной феи, пока челюсть Фи отвисает.

Ее взгляд буравит меня, и мне приходится бороться с огромным желанием поерзать на месте. До того как я уступаю этому желанию, она пожимает плечами, совершенно легкомысленно, словно я не выпалила нечто смехотворное.

— Объясни.

Но я не хочу. Мой болтливый рот и так уже повлек достаточно неприятностей. Однако, мохито развязал мой язык.

— Боже, Фи, с чего бы начать? Я думаю о сексе. Сейчас почти что все время, — о членах. Погружающихся в меня. Заполняющих мою кистку. Скользящих в мой рот. Черт. — Мои груди ощущаются такими налившимися, а соски... давай не будем говорить об этом, — от этого волнения, они твердеют, и потому я прижимаю подушку к груди. Но это не затыкает мой рот окончательно.

— У меня все ноет. Так сильно, что внизу живота становится больно. Блин, между моими гребаными бедрами разгорается пожар, — сейчас я начинаю раздражаться и шлепаю рукой о матрас. — Я невольно мечтаю о том, как провожу большими пальцами по впадинам на животе парня. По тем, которые ведут словно стрелки к его бедрам. Ну знаешь, о чем я? В форме буквы V, — мой рот наполняется слюной сейчас от одного лишь образа.

— О, — произносит Фи выразительно, — я отлично знакома с этими впадинами, — она усмехается, такая наглая, а ее брови приподнимаются. — Они называются Линией Победы (*V-victory*) на пути в Членоленд.

— Вчера, — говорю я, вздыхая. — Я смотрела на сосок в течение десяти минут.

Фи взрывается смехом.

— На сосок?

— Ага, — говорю я безнадежным голосом. — В журнале *Elle* было фото с парнем без рубашки...

— О, мужской сосок.

— Конечно, мужской, — я прикусываю нижнюю губу. — Хотя я, вероятно, возбудилась бы и от вида женского соска. То есть, грудь это сексуально, как ни крути.

Фи что-то бормочет себе под нос, а затем смотрит на меня.

— Никогда не думала, что ты — тип, который увлекается сосками парней.

— Очевидно, что так, — хмурясь, я тяну подол своей футболки. — Знаешь, они такие тугие и твердые, словно заклепки на джинсах? — я игнорирую ее фырканье. — И я задаюсь вопросом, как бы они ощущались под моим языком. Что бы почувствовал парень, если бы я облизала их? Издал ли бы он тихий стон...

— Ну, ладно, маленькая мисс Испанская Мушка, я уже представила себе это.

Вздыхая, я поворачиваюсь к ней лицом.

— Фи, это серьезно! Это проблема. У меня здесь болит!

Ее щеки округляются от усмешки.

— О, я слышу тебя, Айви. Хотя я бы назвала этот вопросом бытия недостатком секса, а не переизбытком.

— Недо-, пере-, проблема остается в том, что я возбуждена.

— Тогда иди погуляй и трахни кого-то.

— Я не могу, — это больше похоже на жалобный взглас. — Я не так устроена, Фи. Я не могу просто трахнуть кого-то. Мне нужно...

А, хрен со всем этим, я не хочу больше говорить на данную тему. Мой желудок скручивает от одной мысли о сексе бог весть с кем, даже несмотря на то, что дыхание учащается при мысли о крепком мужском теле, прижатом ко мне.

— Мне нужно, чтобы парень мне нравился, — бормочу я. Вот самая отстойная часть всего этого. Я хочу секса до боли. И тем не менее, мне не хватает смелости получить желаемое.

— Хмм... — лед постукивает в стакане Фи. — Знаешь, с кем тебе стоит об этом поговорить? С Греем.

— Что? — жар заливает мое лицо. — Пожалуйста. Только не это, — я машу рукой, нечаянно ударяя себя по носу. — Ни за что, Фи. Ты хочешь, чтобы я умерла от смущения?

Грей ухмыльнулся бы и дал мне тот же дерьмовый ответ, что и Фи, или вообще ужаснулся бы от моих слов. У него есть поразительная тенденция вызывать у меня смущение. Господи, помоги мне, если Фи намекает на то, о чем я думаю. Я не могу размышлять об этом. И *не стану*.

— А почему нет? Он знает о сексе все. И он сексуален до чертиков. Возможно, он мог бы помочь тебе предоставить некоторые услуги по дружбе, — ну вот она и сказала это.

— Фи! Как ты вообще можешь говорить подобное?

— Оу! Тише, Айви. У меня, на фиг, в ушах звенит.

Скрежеща зубами и ощущая жар на лице, я выдавливаю из себя следующее:

— Я не могу поверить, что ты сказала это, — может у меня поднялась температура или что-то в этом роде? Я сейчас сгорю от смущения. Возможно, я могу впитаться в кровать.

— О, пожалуйста. Он бы сделал это, ты знаешь. Да что там, все знаю, что парень сделает это с любой горячей девушкой, ставшей у него на пути.

— Прекрати, — восклицаю я. — Грей не какая-то дешевая проститутка в мужском облиии.

Никогда снова я не позволю ни себе, ни другим говорить о нем плохо.

— Правда? — она даже не пытается скрыть нотки сарказма в своем голосе.

— Да. Он — мой друг, и я буду тебе благодарна, если ты больше не будешь говорить о нем в данном ключе, — я крепче обнимаю подушку. — Никогда не думала, что идея "друзей с привилегиями" может стать самой идиотской в истории человечества. Это *никогда* не сработает. Нет, — добавляю я, — я даже не стану обдумывать это. Не буду... — воздух с шумом вырывается с моих легких. — Я не стану делать этого с Греем.

Сама мысль о сексе с ним... Нет, даже не думай об этом. Секс с Греем принес бы лишь одни проблемы. Я девушка, которая вступает в отношения. И я знаю, что это бы изменило для меня слишком многое — подобное разделение интимного момента и невозможность развития дальнейших отношений с Греем. Я хватаюсь за сей факт, как за спасательный круг.

Сестра беззаботно пожимает плечами.

— Ладно, значит, возможно, он мог бы свести тебя с одним из своих друзей.

— Я не стану заниматься сексом с одним из друзей Грея.

Все во мне восстает против этой идеи. Это бы разрушило наши отношения с Греем. Верно? К тому же я не хочу никого из его друзей.

— Итак, ты не хочешь разовый перепих и не желаешь, чтобы Грей тебе с этим помог. — Фи глядит на меня. — Тогда чего же ты хочешь?

Ответ возникает в моей голове до того, как мой одурманенный выпивкой мозг успевает осмыслить все. Однако я прикусываю обе губы, стараясь сдержать его в себе. Но опять же, ужасный, надоедливый мне-необходимо-кого-то-любить жар разгорается между моих ног.

— Я просто хочу почувствовать себя самой собой снова.

— Удачи тебе с этим. Возбуждение не просто возникает и уходит, стоит тебе только хорошо об этом попросить.

— Чудно, — я подымаю руки в знак раздражения. — Тогда что я...?

Фи смеется надо мной, как идиотка.

— Хорошенько подружись со своей рукой.

— С подушкой, — поправляю я автоматически.

— Что? — ее глаза расширяются, а улыбка становится неприлично широкой.

— Ничего. Я ничего не сказала, — чертова выпивка. Я никогда снова не буду употреблять алкоголь.

— Уверена, что ты молчала, мисс Поерзать-Потереться.

Подушка с моих рук летит ей в голову.

— Эй, — восклицает Фи. — Этой подушке лучше не быть *той* самой!

— А ты понюхай ее и проверь.

Вместо ответа, Фи пытается задушить меня подушкой, и на этом наш ночной разговор заканчивается.



Впервые перед игрой я нервничаю. Обычно я настроен позитивно, во мне бушует ожидание и адреналин. Это подпитывает меня, словно секс, только с привкусом агрессии и более резких ощущений. На поле я могу самовыразиться. Выпустить злость, боль, жизненное

разочарование. И тем не менее, это никогда по-настоящему не ощущалось, словно ярость. Это битва, конечно, но одновременно с тем и любовь. Я офигеть как люблю футбол. Насыщенность. Боль. Игры разума. Нигде больше я не чувствую себя таким живым, как тогда, когда играю; мои тело и мозг работают на полную силу ради победы в игре.

Так что я не солгу, сказав, что у меня стоит на футбол. Я полностью повернут в день игры.

Вот именно поэтом сейчас я расстроен. Потому что я не заведен. Возбуждение не струится по моим венам. Вместо этого у меня в животе образуется огромный камень, а невидимые руки сжимают мне горло.

И хотя толпа ревет от волнения, а воздух почти вибрирует от их энтузиазма, я не чувствую кайфа. Мои коллеги по команде, как и всегда, шутят. Роландо сегодня тих, он сторонится всех, пока на поле готовятся спеть государственный гимн. Лица ребят напряжены. Кэл Альдер сидит на скамье, его кожа бледная и покрыта потом — хотя, кажется, тренера не особо волнует тот факт, что наш новый квотербек выглядит, будто смерть.

Клянусь, поражение, словно вонь витает в воздухе, а мы еще даже не начали играть.

Мои пальцы холодные, как лед, пока пою гимн. К тому времени, как несколько наших лайнменов спешат, чтобы подбросить монетку, я готов закричать. Уголком глаза, я замечаю, что Альдер поднялся со скамьи. Его рвет в полупустое ведро со льдом, и несколько парней отпрыгивают от него.

Матерясь, я подбегаю к нему, как раз когда его снова выворачивает.

Вытирая рот тыльной стороной ладони, он смотрит на меня.

— Ты справишься с этим? — спрашиваю я.

На его лице ни одной эмоции.

— Ага.

— Держи, — я хватаю Гаторейд и передаю бутылку парню. — Заправься и прополощи рот. Я не хочу учуять этот запах, когда ты будешь звать игроков.

Он не улыбается, но берет бутылку и делает несколько глотков. На поле уже все начинается. Нашему парню, Тэйлору, удастся поймать мяч и пробежать до сорока. Так что нам почти что пора приступить к работе.

— В чем дело, — спрашиваю я у Кэла, — ты болен?

Его ледяные глаза мигают.

— А ты медсестра?

— Я твой чертов коллега по команде и крайний игрок, — восклицаю я, раздражаясь от этой херни. — Так что ответь на гребаный вопрос.

Напряжение Кэла немного спадает. Он ставит бутылку и встает.

— Верно, Грейсон.

Ну, охуеть, как здорово. Ну, да, конечно. Я готов заорать на парня, чтобы он сказал мне правду, когда к нам подходит Декс. Он держит в руке свой шлем, а его темные волосы уже пропитаны потом. Он долго смотрит на Кэла, а затем кивает.

— Страх сцены.

Глаза Кэла немного расширяются, но он тоже кивает.

— Каждый раз.

— Ты преодолеешь это? — спрашивает Декс, словно все у нас прекрасно и расчудесно.

— Как только начну играть, да.

— Хорошо, меня это устраивает, — Декс надевает шлем, пока Кэл направляется к нашему второму крайне неприятному тренеру.

Я просто смотрю ему вслед, тоже одевая свой шлем.

— Немного странно то, как просто ты читаешь людей, Большой Ди.

Декс щурит глаза за маской шлема.

— Это дар. И проклятие.

Я не могу ничего ответить, так как звучит свисток.

— Джентельмены, — тренер подходит ближе, его голос жестче, чем вчера. — Я уже сказал все, что стоило. Давайте сделаем это!

— Рыжие псы! — орем мы все, как один. Как и обычно. Но сейчас этот клич ощущается, словно пустой шум, в нем нет энтузиазма.

Мы — куча подавленных голосов. Пиздец, каких *подавленных*! Это невыносимо.

— Эй, — восклицаю я на фоне шума толпы. — Если приложить достаточно усилий, даже свиньи могут взлететь.

Они смотрят на меня, будто я двинулся умом.

— Что за чертовщина, Джи? — восклицает Диаз, смущенно фыркая.

— Мы собираемся заставить свиней летать, — я киваю в знак защиты, пытаюсь представить им это доступным языком. — Когда мы выбьем из них все дерьмо.

Парни начинают улыбаться, но наш старый дух так и не возвращается в полной мере.

Голова Кэла поднимается. В его ледяных глазах есть некий блеск, которого никто из нас доселе не видел. Словно у парня где-то спрятан переключатель, и он способен зажечь его изнутри.

— Мы выиграем. Потому что мы, на хрен, хозяева этой игры.

Кэл — не Дрю. И никогда им не станет. У него нет этой смазливой улыбки и самоуверенного отношения к жизни. Но тем не менее у Кэла есть нечто другое — уверенный авторитет, который требует к себе уважения. Кажется, мы все ощущаем это до мозга костей. Потому что вдруг начинаем усмехаться. Энергетика проносится по всей команде, отчего мы двигаемся ближе друг к другу, согласно восклицая. Мои старые друзья, антипатия и адреналин, возвращаются с новыми силами, крепче сжимая мои яйца и вызывая мурашки на затылке.

Кэл смотрит на всех нас, и его голос становится увереннее, чем я когда-либо слышал во время игры. Он заканчивает девизом:

— Вперед, псы!

И мы все вторим. А затем разбегаемся по позициям. На линии защитник команды противников рычит на меня, пытаюсь запугать, говоря мне дерьмо, которое я пропускаю мимо ушей. Но я просто усмехаюсь. Потому что готов поджарить ему зад. Да начнется игра, вашу мать!



Несмотря на кайф от победы, что все еще струится по моим венам, я решаю вернуться в свой номер и заказать обслуживание номеров вместо того, чтобы отправиться в местный клуб на вечеринку с остальными парнями. Идея о том, чтобы побыть на людях немного манит. Но что я буду делать? Танцевать? Перепихнусь с какой-то девчонкой?

Отныне я не могу танцевать, не думая об ужасных движениях Айви и не ожидая снова их лицезреть. Да и от одной мысли о том, чтобы прикоснуться к кому-то, кроме Айви, не вызывает во мне ни одной положительной эмоции. Даже так, мысль о том, чтобы прикоснуться к кому-то другому, вызывает желание у моего члена спрятаться в панцирь, будто черепаха — один этот образ настолько хреновый, что разжижает мне мозги, но такие уж дела.

Когда я говорю ребятам о своих планах на вечер, Джонсон пытается приложить руку к моему лбу, чтобы проверить, не перегрелся ли я. Я отталкиваю его руку. Декс же просто переключает беседу на тему выбора места для вечеринки. К сожалению, с нами Дрю и Анна. И их понимающие взгляды жуть как меня раздражают. Я донимал Дрю, когда он перестал посещать клубы, потому что явно был не равнодушен к Анне. Так что не удивлен, что сейчас он наклоняется ближе к ней и говорит отнюдь не тихим голосом:

— Ставлю полтинник на то, что он позвонит ей в течение часа.

Зеленые глаза Анны прищуриваются, а взгляд мечется в мою сторону.

— Однако Грей любит и покушать. Так что я думаю, сперва он поест, а только потом позвонит.

— А я думаю, что вы оба можете поцеловать меня в за... — локоть Дрю врезается в мой живот, прерывая на полуслове.

Хмурясь и потирая ушибленное место, я оставляю ребят, почти что успевая дойти до лифта до того, как Анна кричит:

— Передавай Айви от меня привет!

Я показываю Анне средний палец, и когда двери закрываются, слышу смех ребят. Но на самом деле я не раздражен. Они правы; я собираюсь позвонить Айви. Я на хрен не могу дождаться, когда услышу ее голос. Ее отсутствие вызывает пустоту у меня в груди.

Однако Анна знает меня достаточно хорошо, потому что придя в свой номер, я тут же заказываю еду. А когда выхожу из ванны, приняв горячий душ, мой ужин уже ждет. Я не забочусь об одежде, поскорее приступая к пище. Сейчас я мог бы позвонить Айви, но не делаю этого, играя с самим собой в игру на выживание. Сколько я смогу продержаться? Как сильно она нужна мне?

Вопросы роятся у меня в голове, пока я с рекордной скоростью поглощаю стейк. К тому времени, как откидываюсь на кровать и беру свой телефон, мое сердце уходит в пятки от

ожидания поскорее услышать ее голос. Другими словами, я абсолютно измотан. Но в любом случае, собираюсь добить себя разговором с ней.

Айви отвечает на третьем гудке.

— А вот и оооон!

— Иисусе, побереги мои барабанные перепонки, Мак, — хотя у меня в ухе звенит от ее визга, на лице расплывается огромная усмешка.

— Прости, — говорит она. — Я просто так офигенно рада за тебя, Кексик.

И вот оно — то тепло, что отсутствовало все это время в центре моей груди. Все еще улыбаясь, я потираю эту область, будто бы пытаюсь защитить ее от недавнего холода.

— Ты смотрела игру?

— Ты и так знаешь, что смотрела. Ты был крут.

— Гм, я неплохо показал себя.

— О, уверена, что совсем неплохо. Всего-то одиннадцать превосходных пасов, сто двадцать четыре ярда и два тачдауна, — голос Айви стихает. — Ну что, хватит с тебя комплиментов, Кексик?

Мне нравится, что она следила за игрой.

— Возможно, — говорю я с улыбкой. — Было бы куда лучше, если бы ты была здесь.

Айви вздыхает.

— Ты собираешься винить меня за это всю оставшуюся жизнь?

— Даже не знаю. А мы собираемся провести вместе всю оставшуюся жизнь? — мое дыхание перехватывает от мысли навечно быть с ней, и чтобы скрыть это, я смеюсь.

Но кажется, она не замечает. Ее тон такой же дерзкий, как и всегда.

— Нет, если ты будешь и дальше ныть, словно хренов старикашка.

Я фыркаю и глажу свою грудь в некоем странном ритме. Но внутри меня все еще никак не могут улечься эмоции. Я слишком нервничаю, дергая ногой, пока разговариваю с ней.

— Мы возвращаемся завтра. Хочешь чем-то заняться?

— Конечно, — на заднем плане слышится шум, словно Айви возится с чем-то. Она никогда не сидит неподвижно на месте. В этом плане мы с ней очень похожи. — Что ж, ты сегодня идешь куда-то?

— Нет, я проведу эту ночь в отеле.

— Что? Почему? — она настолько офигенно милая, когда сердится. — Тебе следует отпраздновать победу.

Улыбаясь, я тянусь и хватаю свои наушники, подключаю их к телефону так, чтобы иметь возможность общаться без надобности держать в руках телефон.

— Я праздную с тобой.

Следует неловкая пауза, и внутренне я проклиная свой длинный язык.

— Мак? — спрашиваю я, когда пауза слишком затягивается. — Ты тут?

— Ага... я здесь, — ее голос нежен, не уверен. — Я просто... Я бы хотела быть там с тобой. Мне следовало приехать ради тебя.

— Ты здесь, — моя рука замирает поверх сердца, и я рассредоточиваю пальцы шире, прижимая их сильнее, словно это может облегчить боль в груди. — Я имею в виду сейчас. Этот разговор тоже считается.

— Грей?

— Да? — шепчу я.

— У нас все в порядке? То есть, я сказала, что...

— Я уже говорил тебе, Мак. У нас все хорошо. Мы можем просто оставить это в прошлом? — пиздец, больше я не хочу этого напряжения между нами. Оно меня убивает.

— Ладно, ладно, — шаркающие звуки на заднем плане становятся громче. — Раздраженный Гас (*нарицательное, которое используют, когда кто-то раздражен*).

— Для тебя сэр Раздраженный Гас, — я немного улыбаюсь. — Что ты делаешь? Я слышу шум.

— Что за шум? — спрашивает Мак уверенным голосом, что вынуждает меня улыбнуться на полную. — Клянусь, я не раздеваюсь!

— Хах.

— Я просто стелю постель, если тебе так уж интересно.

Мое тело мгновенно напрягается. Не помогает и то, что я голышом развалился на постели. Но я все равно пытаюсь, чтобы мой голос звучал естественно.

— Хочешь, чтобы я уже отпустил тебя спать?

— Нет.

Каким-то странным образом я слышу, как она проскальзывает под одеяло. Волоски по всему моему телу встают дыбом. Мои руки медленно движутся вниз живота, мускулы напрягаются, а возбуждение возрастает. Я представляю, как рука Айви скользит по моей коже, отчего мне приходится подавить стон.

Но не до конца, тихое фырканье срывается с моих уст, и я спешу что-то сказать, чтобы скрыть это.

— Я тоже ложусь спать.

— Иисусе, ты реально ведешь себя как старикашка. Уверен, что с тобой все нормально? — симпатия в ее тоне слышится четко и ясно. — Мне кажется, нужно попробовать, не горячий ли у тебя лоб.

— Я устал, Мак, — говорю я легкомысленно. — И если ты не поможешь мне с этим, я повешусь. Ты ведь будешь ухаживать за мной, если я заболею и ослабну от какой-то неведомой викторианской болячки? Потому что если не будешь, то представь, как хреново тебе потом станет. Когда ты поймешь, что позволила мне умереть.

— О какого рода болезни мы вообще говорим? О чем-то типа чахотки? Или холеры? — Мак хихикает в трубку. — Если это холера, то тут я тебе не помощник, Кексик.

— Миленько, — я кладу руку за голову, устраиваясь поудобнее. — Мак?

— Да?

— Ты говорила, это было плохо. Я имею в виду секс, и...

— Грей! — ее раздражение явно слышно в тоне голоса. — Мы же решили больше *не* говорить на эту тему?

Я морщусь, ощущая себя крайне дерьмово и ругая свой болтливый рот.

— Черт, да. Знаю. Это... Ладно, хорошо, это не дает мне покоя. Не то, — замечаю я, прежде чем Айви успеет заговорить, потому что слышу, как она раздраженно сопит, — что у тебя нет секса, как такового. А то, что ты сказала, будто он был плох. И мне хотелось бы знать почему, — мое сердце снова словно ударяется о ребра. — Он... Он причинил тебе боль, дорогая?

На мой взгляд, это было бы непростительно с его стороны. И я готов сжечь чертову землю дотла, если тот парень ранил ее.

Тихий голос Мак прорывается сквозь гул в моей голове.

— Нет, Грей. Нет, все было не так, — она смолкает, и я тоже молчу, глубоко вдыхая,

собираясь с мыслями и киваю, не смотря на то, что Айви меня не видит. Мое тело расслабляется от накатившегося чувства облегчения, отчего голова сильнее погружается в подушки.

Когда Айви снова начинает говорить, ее голос кажется ниже и напряжение.

— Это было просто... ох! Прелюдия был великолепно. Я хотела этого, Грей. Сильно, знаешь ли?

И снова я киваю. Мой голос, кажется, покинул меня. На самом деле я не желаю думать о каком-то уебке, подарившем Айви "великолепную" прелюдию. Зачем я вообще спросил ее?

— То есть я планировала это, сходила к врачу и стала принимать противозачаточные и...

— Это немного расчетливое планирование, как для первого раза.

Она еще раз раздраженно сопит.

— Знаю. Но вот такая вот я. Я планирую. Организовываю. И не доверяю презервативам...

— Не доверяешь?

— В роли защиты от болезней — да, но ты хоть осознаешь, что в 18 % случаев они не предохраняют от беременности?

Я не хочу даже думать об этих случаях и статистике. Одна идея о маленьких Грейх вызывает у меня дрожь. Однако прямо сейчас я смеюсь, желая сменить данную тему.

— Ладно, ладно, урок усвоен, Доктор Сексуальное Образование.

Она фыркает.

— Мне было шестнадцать. Я не хотела забеременеть, и если бы я волновалась на сей счет, то точно не смогла бы получить удовольствие.

Это странное раздвоение личности и есть моя Айви. Душевнобольная планировщица в сочетании со свободной душой, плывущей по течению. Чувство симпатии и привязанности пронзает меня так внезапно, что я сползаю ниже на кровати.

— В любом случае, — продолжает она, словно я ее отвлек, — я была полностью поглощена процессом. Но потом мы приступили к основной части и он был по сути... гм...

Я почти могу услышать стыд в ее голосе.

— Он не сделал все, как полагается? — предполагаю я.

Она фыркает от смеха.

— Просто это было так быстро. Раз, раз, раз, резкий вскрик, занавес!

Несмотря на собственное состояние, я тоже смоюсь.

— Уверен, что так происходит с большинством парней в старшей школе, Мак.

— Ага, ну, судя по тому, что я слышала, это относится и к большинству парней в колледже. Как только они видят зеленый свет, то не раздумывают долго, тратя время на прелюдию, а предпочитают быстрый трах. Так что спасибо, но я вне игры.

Ну и что мне на это ответить? Мы можем быть эгоистичными ублюдками. Я внутренне вздрагиваю, думая о всех тех случаях, когда получал наслаждение, принимая стоны девушки подо мной за признак того, что я бог секса, раз уж засунул в нее свой член. Мое лицо заливают жар. Черт, я — мудака.

Закрывая глаза, я сжимаю переносицу, когда произношу:

— А как бы ты хотела, чтобы все было, Мак? Если бы ты могла сделать это по-своему?

— Что? — за этим следует длительный смех Айви. — Секс?

— Ага, — мой голос едва слышен, но я должен спросить ее об этом.

Тишина на другом конце ошутима, будто груз, давящий мне на грудь.

— Давай же, Мак, — говорю я. — Это же просто я.

— А почему ты хочешь знать?

— Возможно, потому что большинству парней нужно переосмыслить свои собственные действия.

А быть может потому, что я хочу знать, как удовлетворить тебя. Или может я просто грязный ублюдок, которому нужно услышать чьи-то мысли о сексе, сказанные сладким голосочком. Выбирайте любой из вариантов.

От ожидания ее ответа мое желание лишь возрастает, я снова тру низ своего живота.

— Расскажи мне, — бормочу я. — Расскажи мне, как сделать так, чтобы тебе было хорошо.

Ее дыхание перехватывает, и на мгновение я думаю, что зашел слишком далеко. Но когда она начинает говорить, этот тихий шепот посылает жар прямо к моему члену. А все потому, что ее голос кажется таким взволнованным, возбужденным.

— Только это останется между нами?

Мое дыхание становится более быстрым и поверхностным. Боже, как же это глупо. Это так же на фиг глупо, как открывать ящик Пандоры. Знаю, я точно об этом пожалею. И все же...

— Только между нами.

Она издает тихий странный звук.

— Я не могу... Ладно, ладно. К черту, — слышится еще один тихий вздох, от которого я еще сильнее напрягаюсь, а затем: — Это началось бы очень медленно. С простых поцелуев. С таких, знаешь ли, ленивых поцелуев, которые все длятся и длятся, такие нежные и плавящее ваши внутренности. Мы бы все целовались, пока наши губы не стали припухшими и чувствительными. Знаешь, такой момент, когда вы буквально дышите друг другом?

Я рефлекторно сглатываю, и мой голос окончательно пропадает. Нет, я не знаю таких поцелуев. У меня никогда не было желания заходить с какой-либо девушкой на эту территорию. Но черт, я могу представить, что целуюсь так с Мак. Изучаю ее вкус и форму ее губ своими. Мои зубы сами по себе сжимаются, так сильно хочется ощутить все это. Погрузить в ее рот свой язык.

Ее нежный голос будто бы гладит мою кожу.

— А затем, он бы прикоснулся ко мне.

— Вы стоите или лежите, когда он прикасается к тебе? — мой голос хриплый, но уже то, что я смог сказать эти слова — чудо.

Айви выдерживает паузу.

— Я не знаю.

— Ты... Ты сейчас лежишь?

— Ага, — очень тихо шепчет она.

Мое дыхание замирает, и я вздрагиваю.

— Тогда допустим вы лежите. Ты, в частности, на спине, — я зажмуриваю глаза, представляя этот образ у себя в голове. — Твои волосы раскиданы по подушке. А взгляд устремлен на него, наблюдая за тем, что он делает с тобой.

Ее мягкое дыхание доносится до меня из телефона.

— Он проводит пальцем по моей шее, его прикосновение едва ощутимо. Но я чувствую. Моя кожа горит под ним, когда его пальцы скользят к моей ключице. И этот контакт его

тела с моим настолько возбуждает, что я хочу, чтобы он расстегнул пуговицы на моей рубашке.

— Хочешь, чтобы он увидел тебя, сладкая, верно? — и, вот же блядство, я реально представляю, как расстегиваю рубашку Айви, открывая вид на гладкость ее кожи.

— Ага, — говорит она. — Мои... — следует прерывистый вдох. — Мои соски становятся такими твердыми. Чувствительными.

Иисусе.

— А он распахивает рубашку. Открывая твои сладкие груди своему взору.

Мак издает некий звук. Стон. И внизу моего живота все мышцы будто бы стягивает в кулак. Я не могу дышать. Не могу на хрен думать. Медленно, моя рука опускается на живот и дрожа движется вниз. Мне не следовало бы этого делать. Но я не в силах остановиться.

Я такой возбужденный, что мой член, словно отдельная личность, требует внимания, пульсируя от потребности трахаться, трахаться, трахаться. Я сжимаю его, стараясь унять мучительное напряжение, но он лишь сильнее пульсирует в моей ладони. Мои зубы вонзаются в нижнюю губу, когда стараюсь сдержать стон. Я такой офигенно возбужденный и твердый, что удивительно, как я еще не кончил.

— И что он делает с тобой дальше? — практически молю я, немного перемещая руку по своему стояку.

— Он всасывает мой сосок, — ее голос ощущается как удар по моим яйцам. — Аккуратно, так, что я могу почувствовать тепло и влагу его рта. И это сводит меня с ума. Я хочу, чтобы он делал это жестче.

И словно слыша ее приказ, я сильнее сжимаю свой член.

— Да?

— Ага. Я выгибаю спину, желая сильнее прижаться к его рту. Но он не дает мне желаемого. Пока что нет, — ее дыхание сейчас становится быстрее, а голос тише и более взволновано. — Он щелкает языком по моему соску, играя с ним. Легонько посасывая его, не спеша и лениво облизывая.

Я дрожу, и, клянусь, она тоже. Мой язык ударяет о небо во рту. И если закрою сейчас глаза, то смогу почувствовать твердую бусинку ее соска.

— Они пульсируют, Грей.

О, Господи. Я снова зажимаю глаза, слыша ее просьбы, ощущая муку от потребности сделать это с Айви.

— Ущипни их, — выдыхаю я. — Сожми и покрути.

И она слушается. Святое дерьмо, она делает это. Через динамики доносится тихое, приглушенное хныканье, и мой член подпрыгивает в ответ на этот звук. Сейчас я на полную дрочу. Каждый дюйм моего тела вибрирует.

Айви. Ее прерывистое дыхание сносит мне крышу. И я знаю, охеренно точно *знаю*, что она тоже ласкает себя.

— Ты влажная, дорогая? Сделал ли он тебя влажной?

— Очень влажная. Моя киска влажная и припухшая. Так сильно, что сочится между моих бедер. Мне больно. Я так нуждаюсь... — она издает некий звук, напоминающий икоту. — Мне нужно...

— Тебе нужно, чтобы он прикоснулся к тебе, детка. Облегчил эту боль. Потри свой клитор, размажь по своей киске эту влажность.

— Боже.

— Он бы погрузил в тебя свой палец? Трахал ли бы он тебя ним? Скользил им в твою киску и наружу, так приятно и медленно?

— Да.

Я облизываю губы.

— Думаю, он бы попробовал твою влагу на вкус, дорогая. Думаю, ему так сильно это нужно. Знать, какая ты сладкая на вкус.

— Я хочу, чтобы он это сделал. Хочу, чтобы его рот оказался там.

— Так и есть. Он поглощает тебя. Вызывает такие чувства, что ты невольно начинаешь кричать его имя.

— Грей.

— Я знаю. Знаю, — я едва ли осознаю, что говорю, знаю только, что нуждаюсь в чем-то большем. Кровать скрипит подо мной, когда я быстро двигаю рукой по своему стояку.

Айви едва ли может вздохнуть, ее голос невнятен, каждое слово выходит с трудом.

— Мне... Тебе... Ему нужно трахнуть меня, — я не могу больше вынести это.

— Ты хочешь, чтобы он погрузил в тебя свой член?

— Да.

— Толкнул его в твою узкую щелочку так сильно, что умер бы если +++остановился?

— Да.

— Ох, блядь, он тоже этого хочет. Он хочет этого так сильно, что не может больше ни о чем думать, — мне так жарко, я вот-вот кончу. Влага выступает на головке, и я размазываю ее по всему члену, двигая кулаком все быстрее и резче.

— Я хочу, чтобы он трахнул... Трахнул меня. Грей...

И затем я слышу это. Самый сладкий чертов звук. Низкий рвущийся из нее вскрик, почти что мучительный, но несомненно полный наслаждения, да такого, что волосы у меня на затылке встают дыбом.

А затем все стихает, словно Айви пытается приглушить свои стоны, но не может. И я так сконцентрировался на ней сейчас, что слышу каждый ее вздох. Я прикусываю губы до крови. *Айви кончает.*

Моя грудь вздымается. Жар лижет мои яйца между бедрами. Моя задница напрягается, когда делаю еще одно движение кулаком.

— Вот же дерьмо. Детка, я сейчас...

Оргазм накрывает меня по полной. Я выгибаю спину, мои берда отрываются от кровати, а тело переполняет удовольствие. Сдавленный, надломленный крик слетает с моих уст, когда наслаждение растекается по моему животу и груди. Зрение затуманивается, а рука помогает освободиться последним каплям похоти и потребности, все так же сильно сжимая мой твердый член. И затем я падаю на мягкую постель, а мое сердце бьется так бешено, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

Иисусе.

На мгновение я забываю где нахожусь, просто лежу и дрожу, становясь таким слабым, как котенок. Облизывая пересохшие губы, я пытаюсь сориентироваться, комната кружится вокруг меня. И тут я наконец осознаю происходящее. Вот дерьмо. Айви. Я кончил так сильно, как никогда в своей жизни. А все благодаря разговору по телефону с Айви.

Паника ударяет меня, словно стрела, и я резко вскакиваю, хватая телефон, затерявшийся в смятых простынях. Мои уши горят, а сердце бешено колотится. Что сказать? Что она скажет в ответ?

Руки дрожат, когда я выдергиваю наушники и подношу телефон к уху.
— Айв... — мой голос срывается, и я откашливаюсь. — Айви? Ты... Ты...
Рот сам по себе закрывается. Потому что ее нет на другом конце. Она отключилась.



Я дома. Другими словами, торчу перед дверью дома Айви. Я стою тут слишком давно. Соседи скоро начнут интересоваться, какого хрена я здесь делаю. Черт, я сам не в курсе. Мне грозит отморозить яйца, но несмотря на это я все равно не могу постучать в дверь.

У нас был секс по телефону. Я почти что уверен в этом. И насколько все это кажется ебнутым на голову? Интересно, осознала ли она, что я мастурбировал на ее возбужденный голос? Или может Айви положила трубку до того, как я кончил? Я не уверен. И это сводит меня с ума.

Я нереально нервничаю и волнуюсь. Это словно фальстарт. Меня вот-вот отчитают за то, что пересек линию до свистка? Или тот факт, что Айви наслаждалась этим, снимает с меня все обвинения?

Потому что одно я знаю точно. Она тоже кончила в результате того разговора. Я четко слышал те слабые придушенные звуки, что она издавала. Словно она изо всех сил старалась вести себя тихо, но оргазм был таким сильным, что девушка попросту не смогла сдержаться. И ох, святые угодники, одна мысль об этом делает мой член твердым.

Знаю, когда она откроет дверь, я увижу ее лицо и не смогу удержаться и не прикоснуться к ней. Я не хочу больше сопротивляться этому притяжению. Я жажду погрузиться в Айви, окутать себя ее теплом и свежестью. Я хочу услышать те новые звуки снова и заставить ее потерять контроль, кричать мое имя.

Моя рука дрожит, когда поднимаю ее, чтобы наконец постучать. Костяшки ударяются о дверь, а мое сердце вторит их ритму, в такт *Айви, Айви, Айви* у меня в голове.

Я слышу приближающиеся шаги. Во рту пересыхает, пока жду. Мой член сейчас так напряжен, что упирается в джинсы, проявляя удивительную жажду. Я никогда не *хотел* кого-то так сильно. Никогда не ждал так долго.

Я почти что хнычу, когда дверь открывается. Но тут я вижу ее и сразу понижаю.

— Мак, — выдыхаю я. — Сладкая, ты выглядишь...

— Ужасно, — заканчивает она за меня, голосом, который похож на звуки умирающей лягушки. Бледная и уставшая, ее глаза отекли и покраснели, а с носа постоянно текут сопли. Она корчит несчастную рожицу и затем шмыгает. — Чувствую себя дерьмово.

Я ненавижу болезни. Быть рядом с больным человеком — доводит меня до безумия. Но сейчас я не колеблюсь. Делаю шаг в дом и притягиваю ее ближе.



Мое лицо болит буквально, словно кто-то использовал его в роли боксерской груши или станцевал на нем чечетку. Добавьте сюда тот факт, что моя голова напоминает по ощущениям шар для боулинга, раскачивающийся на моей слабой шее, и поймете, почему я хотела плакать, когда в дверь постучали, и мне пришлось топтать к ней. Я знала, кто стучит, но не почувствовала себя неловко, когда встретила с ним лицом к лицу и при этом выглядела, словно ходячий мертвец. По правде, я вообще не чувствую себя неловко рядом с ним. Не после того, что мы сказали друг другу во время нашего последнего разговора.

Приветливое выражение лица Грея увяло, как только он меня увидел. Но он не развернулся и не сбежал со всех ног, так что мне есть за что чувствовать к нему благодарность.

И сейчас он здесь, его большое, сильное тело дарит мне поддержку — в прямом смысле этого слова, потому что я могу только прислониться к нему и молиться, чтобы пульсирующая боль в голове утихла. Я вздыхаю. Он здесь. Меня не волнует наш секс по телефону. Или что-то еще, кроме того облегчения, что дарит мне его присутствие.

Его грудь вибрирует, когда Грей произносит:

— Ты реально выглядишь ужасно.

— Спасибо, — бормочу я, слишком замученным голосом, чтобы вложить в него какие-то эмоции. — Я и чувствую себя *неважно*, — сейчас мое лицо искривляется в жалобной гримасе.

Грей выпускает смешок.

— Ага, я так и подумал, — он выглядит таким свеженьким, сексуальным и чрезмерно умным, когда прикладывает свою прохладную руку на мой лоб. — Иисусе, детка, ты горишь.

— Это потому что у меня лихорадка. И я попытаюсь игнорировать то, что ты назвал меня деткой. Я выгляжу так, словно мне нужны подгузники?

— А я то смотрю, ты довольно раздражительный пациент.

По крайней мере моя болезнь отлично защищает от неловкости после секса по телефону.

Грей пытается взять меня за руку и отвести в мою комнату, когда дымка у меня в голове окончательно развеивается. Тотчас я отшатываюсь так, чтобы он не мог ко мне прикоснуться.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — говорю я и морщусь от боли в голове.

Он хмурится.

— А на что, твою мать, это похоже? Я отведу тебя в постель.

— О нет, не отведешь, — мои руки накрывают рот, что, вероятно, не поможет, но я не знаю, что еще поделать. Мои ладони приглушают слова, когда продолжаю кричать на Грея. — Убирайся, Грей. Ты не можешь быть здесь.

Он выглядит обиженным, его отрывное выражение лица искажается в гримасу, и я объясняюсь, потому что он, очевидно, все не так понял.

— Грей, ты не должен заболеть! Тебе нужно быть здоровым, чтобы играть, у вас на носу

важная игра. Так что уходи сейчас же! — я машу рукой в сторону двери, пока второй прикрываю рот. — Пошел вон.

Он меня не слышит? Нет. Он смеется, словно я debil.

— О, прошу, я никогда не болею. Я привит от гриппа.

Я закатываю глаза и фыркаю, что по-хорошему не стоит делать с забитым носом.

— И к тому же у меня иммунитет бога, — добавляет он.

— Блядь! Не говорит так! Быстро постучи по дереву, — я размахиваю руками. — Постучи о свою огромную, дубовую башку, — возмущаясь, я начинаю кашлять и почти что выкашливаю легкие.

Его брови сходятся на переносице, хмурясь.

— Успокойся, Мак. Ни за что на свете, я не оставлю тебя в подобном состоянии.

— Со мной все будет в порядке. Правда.

В его глазах отражается целая палитра скептицизма.

— Ага, но я не куплюсь на это. А сейчас прекрати спорить. Я буду заботливо относиться к твоей непослушной заднице, ладно?

— Прямо сейчас мне так хочется наплевать на тебя. Но к твоему счастью, я забочусь о твоей футбольной карьере слишком сильно, чтобы рискнуть и разбрызгать на тебя свои бациллы.

— Я тронут, — он поджимает губы, когда я нестойко покачиваюсь на ногах. — Черт, тебе не следовало вставать.

Его рука оборачиваются вокруг моей талии, тогда как вторая подхватывает меня под колени, и вот меня поднимают, все мои метр восемьдесят сантиметров. Так просто, словно я не тяжелее его сумки.

Поскольку этот спор утомил меня, я откидываю голову на его плечо и наслаждаюсь новым ощущением заботы.

— Только не ворчи, — говорю, когда он заносит меня в спальню. — Я должна была открыть дверь, — я бросаю на него язвительный взгляд, который Грей абсолютно игнорирует, просто откидывая простыни на моей кровати в сторону. Постель плывет перед глазами, мерцая будто оазис в море несчастья. Но мне так жарко, что фланелевая пижама, которую натянула, чтобы открыть дверь, душит меня. Сомневаясь, я бросаю на Грея сердитый взгляд. — Дальше я сама, — пол кренится.

Руки Грея перемещаются на мои плечи.

— Уверен, ты именно в том состоянии, чтобы все делать самостоятельно, Специальный ты мой Соус, — холодные голубые глаза какое-то время пристально вглядываются в мои черты, а затем Грей начинает стаскивать мои пижамные брюки вниз.

— Грей! — я праздно пытаюсь перехватить их.

Он останавливается, глядя на меня снизу-вверх и приподнимая смущенно брови.

— Что? Ты горишь. На тебе же надето нижнее белье?

— Ага. Но...

— Значит нет никакой разницы между этим и тем, чтобы я увидел тебя в купальнике, — он бросает на меня еще один взгляд, на этот раз усмехаясь. — Разве что на тебе надеты слишком откровенные трусики?

— Ты, кажется, слишком на это надеешься, дружище.

— Я всегда не теряю надежду повидаться с сексуальным бельишком. Выступай.

Я слушаюсь, концентрируя внимание на своих голых ногах и том факте, что потею, как

слон. Но он прав. На мне надеты обычные трусики-шортики, которые прикрывают лучше, чем бикини, и по правде я слишком устала, чтобы и дальше продолжать возмущаться.

Грей превращается в мистера Коэффициент Полезного Действия, осторожно снимая с меня рубашку и даже не глядя на мой лифчик, пока возится со мной, укладывая в постель и накрывая прохладными простынями. Вздыхая, я опускаюсь пониже в кровати, и Грей закрывает занавески, защищая меня от резкого дневного света.

Меня раскачивает на волнах дремоты, пока он то выходит, то заходит в комнату, давая мне обезболивающие и стакан апельсинового сока. Его забота будто бы сжимает мое сердце в клетке болезненной груди.

— Спасибо тебе, — хриплю я, ощущая першение в горле. — Ты не должен...

— Ага, должен. Я бы никогда не оставил тебя в таком состоянии.

Грей забирает у меня стакан, потом обходит кровать с другой стороны. Не останавливаясь ни на секунду, он расстегивает пуговицы на своих джинсах, и я пытаюсь не глядеть на него изумленно, пока он стягивает их по своим длинным ногам, отрывая мне вид на крепкие бедра, которые выглядят реально превосходно. Нет, я *не* стану глядеть на его промежность, под покрытием синих боксеров. Прежде чем успеваю хоть пикнуть, он проскальзывает под простыню и обнимает меня.

Я не готова ни к этому, ни к ощущению его рук на моей голой спине. Прикосновение посылает мелкую дрожь по моей коже, но я подвигаюсь ближе, оборачиваю руку вокруг его туловища и прикладываю голову к его плечу, при этом почти хныкая.

Единственный мужчина, который когда-либо утешал меня — мой отец, и то, это проявлялось в виде неловких похлопываний по плечу и возней с термометрами и лекарствами. Ничего подобного этому. Это же Грей. Сильный, мускулистый Грей, который пахнет, как счастливые мечты. И ощущается так приятно. Так хорошо, что я могу даже заплакать.

— Я ненавижу болеть, — бормочу я напротив его груди, стараясь скрыть бурлящие во мне эмоции. — Это отстойно.

Его огромное тело ерзает, и Грей издает звук, который я расцениваю, как смешок.

— Очень отстойно, — его длинные пальцы рисуют узоры вдоль моей спины. — Бедная, не малышка Мак.

Закрывая глаза, я позволяю своей руке гулять по его телу. Несмотря на лихорадку, мои руки холодные. Я нащупываю теплую полоску кожи Грея, там, где у него на боку задралась футболка. Грей издает тихий вскрик, его плоть вздрагивает от моих прикосновений.

— Черт, Мак. У тебя ледяные руки!

— Знаю, — это слово больше похоже на вой. — Им нужно побыть в тепле. Так что иди сюда.

Его живот вздрагивает, когда я тру по нему рукой, разделяя жар его кожи.

— Прекрати!

— Щекотно?

Он снова вздрагивает.

— Да.

Заинтригованная, ядвигаю руку к его ребрам, ощупывая его торс. Я никогда не прикасалась к такому как у него телу. Эту несправедливую оплошность надо бы исправить, потому что я явно зря упустила эту часть жизни.

— Иисусе, Грей, я не могу объяснить, какое у тебя замечательное тело. Что ты делаешь?

Не вылезаешь из спортзала?

— Ежедневные тренировки и пятьсот приседаний на ночь, возможно, имеют к этому отношение, — в его голосе слышна улыбка.

— Трудяжка.

— Скорее просто люблю то, чем занимаюсь, — он наклоняет голову так, чтобы видеть мое лицо, его брови приподнимаются. — А ты разве против?

Черт, нет.

— Просто твое тело недостаточно мягкое.

— Зато я люблю твою мягкость, — говорит он нежным голосом. Его рука медленно скользит вдоль изгиба моей талии, вверх и вниз, лаская меня, словно я лучшее, к чему ему доводилось прикасаться. Это так приятно, что я дрожу, и он замирает, будто бы осознавая собственные действия.

Мне следует отодвинуться от него, но я не могу. Не тогда, когда его тело на ощупь такое твердое, а кожа будто шелк. Боже, я могла бы всю ночь гладить его рельефный пресс, и мне бы это не надоело.

Но Грей кладет руку поверх моей, останавливая мои движения.

— Прекрати, Мак, — его голос резкий, в нем слышна мука. — Ты убиваешь меня.

Я не думала, что могу залиться жаром в таком состоянии, но так и есть. Пытаясь игнорировать прилив смущения, я опускаю голову и утыкаюсь в его бок — потому что не могу отпустить его прямо сейчас, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

— Прости.

Его рука расслабляется, и он несильно сжимает мою ладонь.

— Просто... Ты прикасаешься к моему животу. А я реагирую на это, — добавляет он, подчеркивая каждое слово.

Значение его слов наконец-то доходит до меня, и я замираю, кровь шумит в ушах. Он имеет в виду, что...? У меня возникает острое желание опустить руку чуть ниже и проверить, насколько же он реагирует, но вместо этого я сжимаю пальцы в кулак напротив его живота. Неважно, твердый ли он как камень. Тот факт, что Грей остановил меня, очевидно, свидетельствует о том, что он не хочет, чтобы я возбуждала его и дальше.

И от этого меня передергивает. Я такая недотепа, и это не смешно. Я словно какая-то приставучая преследовательница. Вот же ж. Хватит того, что я по сути довела себя до оргазма во время разговора с ним по телефону. О, боже, я не могу об этом думать прямо сейчас. Я свернусь клубочком и умру.

Тщетно стараюсь найти нужные слова, но в голове крутится лишь: *"Твое тело неотразимо, и я не могла не погладить его"*. Однако произношу я:

— Прости. Я... Я не знаю, я немного нервничаю. Я уже говорила, как сильно не люблю болеть?

Его смех перебивает меня.

— Один или два раза, — почти что машинально его палец медленно рисует зигзаги на задней поверхности моей руки. — Я уже это понял. Ты хочешь двигаться, но это больно. Ты хочешь встать, но слишком устала.

Вздых срыгается с моих уст.

— Расскажи мне историю.

— О, боже, типа о *Маше и Трех Медведях* или что-то в этом роде? — кажется, он в ужасе.

— Нет. Дурак, — улыбаясь, я тыкаю его в бок и получаю в награду его вскрик. — О тебе. Что-то, чтобы отвлечь мой разум от болезненного состояния тела.

— Мой бедный маленький Специальный Соус, — его большая рука скользит к моему бедру, приятно и уверенно располагаясь на моей горячей коже. — Ладно, — секунду он молчит. — Когда мне было семнадцать, я обгадился.

Я шокированно смеюсь.

— Грей! Это отвратительно, — я снова смеюсь. — Что это за история такая?

— Та, что отвлечет тебя от мыслей о болезни, а меня от мыслей о твоих поглаживаниях моего живота?

Ну, это останавливает мой смех. Я и мои чертовы блудливые руки.

— Итак, ты говорил... О проблемах с контролем прямой кишки?

Он фыркает — такой естественный звук.

— Я заболел желудочным гриппом. Какой-то реально жесткой формой. Но уже тогда я был начинающим наступающим лайнменом...

— Конечно. Как я и говорила, трудяжка...

— Тсс, — он легонько шлепает меня по попке. — В любом случае, я считал, что смогу все это перенести и нормально сыграю, не подведя свою команду. Но, бля, это было хреново. Я едва мог стоять. Мои кишки сводила неистовая боль. И затем огромный чертов защитник врезался в меня, — он выдерживает паузу, и я ощущаю, как Грей содрогается. — Он буквально выбил из меня все дерьмо.

Я прикусываю губу, чтобы не фыркать.

— О, Кексик, — и затем я проигрываю эту битву и хохочу до колик. — Просто... нет...

Тело Грея дрожит, когда он прижимает губы к моему лбу, его дыхание становится прерывистым, так как он явно пытается сдержать смех, и затем до меня доходит: он старается не прикасаться ко мне своим пахом. Глубоко внутри груди, мое сердце совсем немного подпрыгивает.

— Хочешь знать худшую часть этой истории? — спрашивает он спустя мгновение.

— А было еще что-то?

— Наши форменные брюки были белого цвета.

— Боже, — я обнимаю его узкую талию. — Кексик.

— Они прозвали меня тогда Пятном, — он резко и быстро фыркает. — Некоторые из тех уебков все еще называют меня так, когда я приезжаю домой.

— Уебки, — соглашаюсь я пылко.

Он мельком смотрит на меня, и в уголках его глаз образуются морщинки.

— Я было подумал, что ты тоже станешь меня так называть.

Я прижимаю усмехающиеся губы к его груди.

— Да как я могу?

— Ну да, если ты хочешь выжить, то не посмеешь, — говорит он мрачно.

— Знаешь, я чувствую себя сейчас так, словно мои шансы на выживание и так мизерны. Мгновенно его тело замирает, и объятия вокруг моей талии становятся увереннее.

— Не говорит так, Мак. Даже в шутку.

И затем я вспоминаю о его матери. От ужаса мое сердце пропускает удар, и я прижимаюсь к Грею еще сильнее.

— Ты прав, это была глупая шутка.

Его губы касаются моей макушки. Это не поцелуй, скорее больше похоже на то, что он

вдыхает мой запах.

— Это была тупая история. Мне следует рассказать другую. Какую-то милую, чтобы усыпила тебя.

Трепет разрастается в моей груди, и я напряженно сглатываю.

— Это было бы идеально, — он идеален. И я так благодарна, что он здесь со мной, что устраиваюсь поудобнее, желая приклеиться к нему и никогда не отлипнуть. — Я люблю тебя, Грей.

Это вырывается без предупреждения, слова повисают в неловком молчании. Грудь Грея вздымается от глубокого вдоха, и моя кожа покрывается мурашками от стыда. Я приказываю себе не напрягаться, не делать свою ошибку еще хуже.

Но затем он выдыхает и прикладывает подбородок к моей макушке.

— Я тоже люблю тебя, Айви.

Свет в его голосе и легкость, с которой он произносит это, свидетельствует о том, что мы говорим о дружеской любви.

В тишине его рука скользит по моему бедру, неспешная ласка, чтобы подарить мне ощущение комфорта. Внезапно я чувствую дикую усталость, такую, что не могу держать глаза открытыми. И пока засыпаю, размышляю над тем, как мне повезло, что Грей не воспринял мои слова иначе. И я игнорирую ту маленькую часть меня самой, которая сожалеет об этом.



Я болею уже несколько дней. Фи и папа держатся от меня подальше. Фи из-за того, что только переболела кишечным гриппом, и я не хочу от нее заразиться, папа — из-за того, что в последние годы стал чрезмерно мнительным. Одно упоминание болезни вызывает у него желание бежать куда подальше.

Но у меня есть Грей, и он оставляет меня лишь ради занятий и тренировок. А после этого снова возвращается. Он готовил для меня, взбивал подушку, уговаривал выпить сок, словно я хорошенькая маленькая Мак, и кормил меня антибиотиками, когда выяснилось, что у меня бронхит.

А каждую ночь Грей спал рядом со мной, обнимая меня и прижимаясь к моей спине, растирая ее, когда мне было совсем худо, и отвратительный кашель не давал мне покоя. Следуя некой негласной договоренности, мы оба не упоминаем о сексе по телефону и том, что совместный сон каждую ночь может быть немного выходит за границы дружбы. Но мне так нравится, что Грей рядом, да и он, кажется, не хочет оставлять меня.

Однако сейчас, лежа в кровати, пока утренний свет подкрадывается к моей подушке, я знаю, что в порядке. Ничего не болит. Нет никакого кашля. Я бросаю взгляд на закрытую дверь спальни. С другой стороны слышатся звуки возни Грея на кухне. Он закармливает меня бесчисленным количеством гранулированной овсянки с черничным соусом в качестве "вспомогательного для выздоровления средства".

У нас с овсянкой установились особые отношения. Обычно, каждый раз, как я пытаюсь ее приготовить, это сучка восстает против меня и превращается в несъедобную бурду. Но овсянка Грея — совсем другое дело. Это самая замечательная овсянка на всем белом свете. Каждое зернышко овса надеется, что в один день оно станет чем-то чертовски вкусным и питательным — слова Грея, не мои.

Правда в том, что мне стало лучше еще прошлой ночью. Думаю, Грей знал это тоже. Но мы оба проигнорировали сей факт. Он переспорил меня, отнес на диван и завернул в одеяло. А когда мы переместились в постель, возник какой-то момент молчания, наши тела напряглись в холодном и темном пространстве комнаты, а затем он притянул меня ближе, в своей персональной манере — собственнически, но все еще нежно.

— Попробуй немного поспать, — пробормотал он хрипло. Я не была уверена, говорил он со мной или с самим собой.

И я притворилась, что все еще больная, разбитая женщина, которая так сильно нуждается в чей-то заботе, а не обманщица, которая просто наслаждается ощущением твердого тела, прижатого к ее, не нуждающаяся девочка, желающая свернуться клубочком в его объятиях и скользить ладонями по его прекрасным, крепким мышцам. В общем, притворялась я по полной.

Но как я могла воспользоваться его заботой? Я никогда не удерживала Грея, не липла к

нему, как банный лист. Что само по себе несправедливо. Грей — хороший человек. И чем больше я узнаю его, тем лучше понимаю, что он старается сделать всех вокруг счастливыми. Но исходя из моего небольшого опыта, большинство людей не очень-то любят возиться с больными. Я думаю о его маме, которая умерла от рака. Мое сердце болит, когда представляю юного Грея, заботящегося об умирающей матери. Он редко говорит о ней или чем-то глубококом.

Вздыхая, я сажусь, и моя голова не идет кругом. Ага. Уже лучше.

Все внимание и забота Грея закончатся сегодня. Я не могу скрывать свое прекрасное самочувствие. Это было бы неправильно и странно.

Нехотя, я топаю в ванну. Его зубная щетка стоит рядом с моей. Вот и все имущество, которое он принес с собой. Не очень-то и много, не слишком-то и важно. Я пытаюсь игнорировать это, пока чищу зубы.

Медленно двигаясь, я принимаю душ и оттираю свое тело до чистоты. Горячая вода приносит удовольствие, улучшая мое новое и без того отличное состояние. Что еще сильнее повергает меня в депрессию. Подпустить Грея так близко было ошибкой. Сейчас я уже привыкла к нему.

Когда я наконец покидаю обитель спальни, одетая и с сияющими глазами, мое сердце будто груз в груди.

Грей ставит на стол миску с овсянкой, но замирает, замечая, что я вхожу на кухню. Мы смотрим друг на друга в течение минуты, ни один из нас не двигается.

— Чувствую себя лучше, — говорю ему.

Он кивает, а его взгляд скользит к паре ложек.

— Я уже понял, — и потом он будто бы мысленно покидает это место, словно лодка снимается с якоря. Он фокусируется на своих мыслях, пока чешет затылок, а его бицепс бугрится от этого движения. — Рад, что ты снова в порядке.

— Ага, — лично я вообще не рада этому.



Я скучаю по Айви. Я начал скучать по ней еще до того, как вышел за порог ее дома. Мое время в роли ее защитника окончено. Я знал прошлой ночью, что ей лучше, и что больше ей не нужна моя забота. В любом случае, я остался, потому что это был мой последний шанс держать ее в объятиях во время сна. Черт, было глупо оставаться у нее каждую ночь. Она проникла мне под кожу. Ну, больше, чем до этого.

Я отказываюсь признавать боль в моей груди, когда пересекаю небольшой внутренний дворик, направляясь в спортзал. Забота об Айви открыла мне глаза. Конечно, воспоминания о том, как я заботился о маме, буквально ожили у меня в голове, и от них поперек горла встал ком, а желудок начал буквально болеть. Но вскоре мой фокус переместился на Айви.

И это было все, в чем я нуждался. Помочь Айви почувствовать себя лучше странным образом доставляло мне удовольствие, словно я наконец-то нашел свое место в жизни. Я могу представить себя, заботящимся о ней в течение всей своей жизни. И это было бы

хорошо. Комфортно. Вот только иногда мой взгляд опускался к ее бесконечно длинным ногам, и я невольно начинал гадать, как было бы приятно проложить вдоль них дорожку из поцелуев.

Блядь.

Я планировал подбивать клинья к Айви. Но сегодня утром, когда мы расставались, она так искренне сказала мне: "Ты — лучший друг для девушки, который только может быть." Все верно. Потому что мы дружбаны. Лучшие кореша. Что одновременно благословение и проклятие.

Мы стали слишком близки. Опасность разбить мое сердце стала реальной. Айви собирается жить в другой стране. Как я смогу от нее отказаться? Я думаю о том, как обнимал ее, когда ей было больно. Я довольствовался этим. Пока она не украла почву у меня из-под ног.

Я люблю тебя, Грей. Сладкие слова дружеской благодарности, я знаю. И тем не менее, они ударили меня так неожиданно, выбили весь воздух из моих легких, сжимая их со всех сил.

Я не знаю, что теперь поделаться с этим чувством. Меня разрывает на части тоска — да, гребаная *тоска* — и ярость. Я хочу снова услышать эти слова. Они словно пинок под зад, помогают понять, что я хочу быть любимым, хочу что-то значить для кого-то. Не из-за того, что я могу для них быть полезен, а просто потому что я — это я. А злюсь я потому, что как вообще она посмела сказать мне эти слова? Три маленькие слова, и в результате я нуждаюсь в ней во всех смыслах. Моя ярость нелепа и иррациональна. Но я не могу с ней ничего поделаться. Сейчас я вот такой вот Иррациональный Грей. Смущенный и Сердитый Грей. Возбужденный до чертиков Грей. Приятно познакомиться.

В конце концов, я копаюсь в себе весь день напролет, работая в спортзале, на тренировке, обедая, еще раз тренируясь, пока мое тело не устает до умопомрачения, болит, и я наконец могу попытаться отправиться домой и просто завалиться в постель, не думая ни о чем.

Но все дороги ведут к Айви, и не важно, как сильно я пытаюсь, машинально я веду машину к ее дому, словно этот маршрут заложен в моей ДНК.



Фи написала сообщение о том, что планирует остаться дома у своего парня. Когда я возвращаюсь домой вечером, в моем маленьком доме тихо и темно. Пусто. Во время учебы в университет, я любила этот отдельный домик, представляла, что он мой собственный, место, где могу жить на собственных условиях. Я бы зажгла несколько свечей, надела пижаму и свернулась в кроватке с книжкой, боясь того момента, когда кто-то еще придет домой и начнет шуметь на весь дом.

Но сейчас? Я брожу по гостиной, щелкаю выключателями света. Моя грудь кажется полой, и мне не нравится это чувство. Или тот факт, что тишина меня более не удовлетворяет.

Я привыкла к шумному Грею. Его постоянному смеху и тому, как он наполняет дом жизнью. Я никогда не встречала человека, который бы занимал собой все окружающее пространство, как это делает Грей. Это не связано с его словами или действиями, просто у него есть особая энергетика и радость. Все инстинктивно знаю, что парень любит жизнь, и любой, оказавшийся с ним рядом, хочет ее впитать.

А что я? Я хочу Грея. Здесь и сейчас, великолепное веселье, которое вызывает во мне любовь к жизни. Но я не могу позвонить ему. Он был здесь каждую ночь в течение почти недели. И я отказываюсь превращаться в *такого вот* надоедливого нуждающегося друга.

Дрожь пробивает меня, когда осознаю, что неподвижно стою перед открытым холодильником. Я морщу нос, думая, что бы выбрать на ужин. Ломтик завалявшейся пиццы или сэндвич. У меня нет больше ни малейшего желания готовить в одиночку.

— Гм, — я хватаю диетическую колу и, вздыхая, захлопываю дверь. Неожиданный звук телефона вынуждает меня подпрыгнуть на месте. Но я так сильно усмехаюсь, заведя, что это Грей, что щеки начинают болеть.

— Что случилось, Убийца Джи?

Его низкий голос — ласка для моих ушей.

— Мак, мне буквально-таки больно слышать подобное.

— Ладно, — вздыхаю я. — Привет, мистер Грейсон, как ваши дела этим прекрасным вечером?

— Ну, у меня все хорошо, мисс Маккензи, — говорит он нараспев. — Ты одета прилично?

— Это вопрос в шутку? — я усмехаюсь телефону. — Почему ты хочешь знать, одета ли я прилично?

— Потому что я на улице. Открывай мне двери.

Подавляя визг, который явно прозвучал бы жалобно, я скачу и почти что прыгаю по комнате. Когда открываю двери, то вижу, что Грей как раз поднимается по ступенькам, в одной руке у него пакет с продуктами, в другой — сумка со спортзала. И знаете, у меня

реальные неприятности, вашу мать, потому что он делает это для меня.

Тут же мое сердце ударяется о грудную клетку, дыхание становится поверхностным и быстрым, а жар поднимается вверх по моим бедрам. Грей посылает мне свою кривую усмешку. Ту, в которой скрыто немного мальчишеского задора и озорства, гарантирующего, что вы повеселитесь, пока он будет делать с вами грязные делишки.

На нем надет старый университетский свитер, который не в силах скрыть его широкие плечи и сильные руки. Потертые джинсы низко сидят на его узких бедрах, но в районе его массивных бедер они натянуты и к тому же четко очерчивают выпуклость между его ног. Мне не следует туда смотреть, но я не могу не заметить этот факт; Грей явно везде не маленьких размеров.

Мои кулаки сжимаются вокруг дверной ручки. Потому что стараюсь держать себя в рамках приличия. Я знаю, какой он теплый, какое упругое у него тело, и как его запах похож на смесь дома и секса.

Но что больше всего меня поражает, так это то, как один взгляд на него заставляет меня почувствовать, будто ночь обернулась в день. Все вокруг кажется ярче, свежее. Грей — моя радость. Сейчас я знаю это.

И возможно, я — его радость, потому что его взгляд нацелен на меня и выражает сдерживаемое счастье, будто он тоже пытается скрыть это. Или возможно, я вижу, что хочу. Я больше не могу говорить, этот мужчина перевернул мой мир с ног на голову. Могу только наблюдать за тем, как легкой походкой он поднимается по ступеням на крыльцо.

— Я подумал, мы можем приготовить стейки, — он поднимает пакет с продуктами в виде приветствия.

— Вау, да ты транжира.

— Ладно, не суди меня, продавец мой фанат и сделал мне хорошую скидку, — он виновато усмехается мне.

— Разыграл футбольную карту? Одобряю, но только из-за стейков! — я прислоняюсь к двери. — Ты принес и свою спортивную сумку.

Улыбка Грея становится смущенной. Сейчас он так близко, что ванильно-цитрусовый аромат его кожи окутывает меня, будто одеяло.

— Я... гм... ну, у тебя может случиться рецидив.

— Ну, да, может.

— Но не волнуйся, Специальный Соус, — он целует меня в лоб. — Я здесь, чтобы спасти твой день.

Грей Грейсон. Мой герой.



Я откидываюсь на подушки, довольно вздыхая. Я — мужчина, которого хорошо накормили и развлекли. Мы поужинали, и это был лучший ужин из тех, что я съел за всю свою жизнь. Я приготовил обжаренный на сильном огне стейк с карамелизированным луком и беконом с тыквенным маслом. И сейчас у нас по плану десерт. Десерт — это прерогатива

Айви.

Она не извращалась и сделала ванильные шейки с супер-кремом. И это идеально. Как она это делает, выбирая идеальную вещь в идеальный момент, и в результате покоряет меня. Как например, ее предложение посмотреть телевизор, лежа в кровати.

Ладно, отличная пытка. Мы садимся бок о бок под одеялами, словно какая-то престарелая супружеская пара. То, как я люблю это — сплошное безумие. Как сильно мне хочется, чтобы данный вариант времяпровождения был доступен каждый вечер.

Конечно, мы немного мешкаем, перед тем как забраться в кровать, я в своей футболке и боксерах, Айви в своей повседневной майке и крохотных хлопковых шортиках. Когда она болела, я был в состоянии блокировать реальность ее почти голого тела рядом и сосредотачиваться на ее заболевании. Но сейчас? Ага, бесконечно длинные ноги, округлые бедра и откровенная майка, что так туго обтягивает ее сладкую грудь, — все это выносит мне мозг. Слава богу, она не сняла лифчик, а то я бы очевидно не смог скрыть производимый ею на меня эффект.

Было и так довольно непросто, стоя по разные стороны кровати, смотреть друг на друга. Напряжение между нами буквально витало в воздухе, когда мы медленно потянули за края одеяла. Мы замерли, собираясь забраться в одну и ту же кровать, собираясь вместе спать, и больше у нас не было никакого прикрытия в виде ее болезни. Мы просто хотели этого. Я знал. И она это знала.

Огромные глаза Айви выделялись на изящном овале ее лица, а ее розовые губы приоткрылись и казались такими мягкими. Она посмотрела на меня нерешительно, смущенно. И на мгновение я испугался, что она спросит о том, в какую, черт побери, игру мы здесь играем, зачем я здесь? Так что я запаниковал и запрыгнул в кровать, заявив, что теперь у меня есть уникальное право на пульт дистанционного управления.

Это разрядило обстановку. И после короткого, но мучительного сражения за пульт, все снова стало идеально. Ну, кроме того факта, что пульт все-таки достался Айви.

Я тру свой сосок, который все еще горит от нападок безжалостных, щипающий пальчиков Айви.

— Знаешь, тебе повезло, что я не могу отплатить тебе той же монетой, — бормочу я.

— Если бы ты сделал это, то прямо сейчас держался бы за свои яйца. Из-за боли, — добавляет Айви многозначительно, потому что знает меня слишком хорошо.

— По крайней мере, я был бы удовлетворен, — говорю я. — Я говорил тебе, как сильно люблю твою кровать?

Айви бросает на меня косой взгляд, ее губы изгибаются.

— И почему же это ты любишь мою кровать?

Потому что в ней есть ты. Со мной.

— Потому что она королевского размера, — говорю я ей вместо этого, что в принципе тоже правда. — Чертовски великолепная кровать для здоровяков. Я могу даже лежать в ней так, что мои ноги не свисают с края. И как так женщинам удастся найти лучшие простыни, одеяла и подушки и скомпоновать их вместе, создавая такой нереальный комфорт?

Айви усмехается, всецело понимая меня.

— Секрет в том, что мы внимательны к деталям, любим покупать больше одной подушки и тонкого одеяла, чтобы согреться зимними вечерами. А по поводу размера, так сколько я себя помню, у нас дома все кровати были королевского размера. Уверена, папа покупает эти матрасы оптом.

Благослови господи ее отца.

— Предполагаю, твой рост около семи футов, так что тебе не грозит затеряться даже на самом большом матрасе.

— Ага. Папе нравится комфорт, и он думает, что его дочерям тоже не помешает кровать такого размера, — Айви теряется в собственных мыслях, кажись, ощущая счастье. — Когда мы были младше, я и Фи называли их *"Кровать для Принцессы на горошине"*.

— У *Принцессы на горошине* была кровать из нескольких матрасов, достигавшая почти потолка, а не огромный матрас.

Айви приподнимает брови.

— И откуда вы знаете все эти сказки, мистер Грейсон?

— Моя мама читала их мне, когда я был маленьким мальчиком, — боже, я все еще помню звук ее голоса, когда она клала меня в кровать и рассказывала эти давние истории. Мои братья обычно устраивали веселье из этого ночного ритуала. Но меня это не волновало. У меня была мама, и она дарила мне такое чувство, будто я самый любимый мальчик на всем белом свете. В горле встает ком, и я провожу пальцами по идеально белым одеялам Айви.

Она молчит пару секунд, а затем наклоняется к моей руке.

— Спорю, ты был милым маленьким мальчиком.

Я толкаю ее локтем.

— А я спорю, ты была милой принцессой, — я могу представить маленькую Айви Мак, ее вздернутый носик и спутанные волосы.

— Такой же милой как чертова букашка, — Айви поднимает пульт дистанционного управления. Она переключает каналы, и я кричу "Стоп!" как раз в тот момент, когда она восклицает *"Подозрительные лица. Да!"*

Мы усмехаемся друг другу.

— Лучший фильм всех времен, — говорим мы хором.

Айви кладет пульт и хватается свой шейк.

— Я люблю работы Брайана Сингера, — говорит она. — И Джей Джей Абрамса. Уверена, мои трусики были бы мокрыми лишь от одной возможности поговорить с ними.

Так как "мокрые трусики" можно получить двумя способами, мой пошлый ум выбирает вариант, связанный с сексом. И образ влажной киски Мак. Откашливаясь, я осторожно поправляю член, размещая головку под широкой резинкой своих боксеров.

— Так тебе нравятся парни с большим умом, а?

Она кривит губы, но не отводит взгляд от экрана.

— С большим умом и не меньшим членом. Ага.

Я чуть ли не давлюсь, но все же мне удастся не выдать свои эмоции, хотя на губах маленькой задиры Мак сейчас играет хитрая усмешка.

— Сладкая, — тяну я, словно мой член не стал еще больше секунду назад, — ты по сути только что описала меня.

Ее губы вздрагивают, и она наконец смотрит на меня. В ее глазах играют озорные искорки.

— О, верно. Я забыла о том, что у тебя большой... ум.

— И не забывай о моем большом члене, — *прошу, не забудь о нем. Он так одинок. И так нуждается в заботе.*

— Тебе позволено лишь дважды за ночь хвастаться своим членом, Грейсон, — говорит

она невозмутимо, а затем оборачивает свои пухлые губки вокруг соломинки и посасывает шейк.

Мои собственные губы приоткрываются, когда наблюдаю, как она втягивает ванильный шейк в свой ротик. Стукнете меня кто-нибудь, она убивает меня. Сейчас я такой возбужденный, мой член пульсирует, а в голове не исчезает образ того, как было бы хорошо почувствовать ее губы на кончике своего стояка. Как она слегка втянула бы его в свой ротик. Как ее холодный от мороженого язык охладил бы мой пыл. И потом...

Я снова откашливаюсь, но мой голос все равно хриплый.

— Так ты меня отшиваешь?

— Ага, — она даже не смотрит в мою сторону, отдавая предпочтение слишком восхитительному фильму.

Так что я откидываюсь на изголовье кровати и зажимаю глаза.

— Ты жестока, Мак. Нереально жестока.

— А ты — королева драмы, — фыркает она, даже не замечая, что я медленно распадаюсь на части прямо рядом с ней. Айви толкает меня локтем и говорит: — Посмотри фильм, мистер Большой Везде.

И сам не знаю как, но я справляюсь с этой задачей. Однако вскоре фильм заканчивается. Мак выключает телевизор, погружая комнату в темноту. И мне на голову сваливается гиперосознание происходящего. Моя кожа гудит, становясь чувствительной к каждому движению Мак. Наше прерывистое дыхание кажется слишком шумным в тишине комнаты.

И тогда Айви передвигается. Мое тело напрягается, ожидая, что она прикоснется ко мне. Но она не делает этого. Она начинает ерзать под одеялом, и ее локоть нечаянно ударяет в мой подбородок.

— Прости, — бормочет она, и я осознаю, что она снимает лифчик под своей майкой. Черт. Образ ее нежной груди, раскачивающейся под тонким хлопком, затуманивает мне мозги. Мои ладони почти могут ощутить, как вес ее груди наполняет их.

Я замираю лежа, пытаюсь ровно дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Блядь.

Айви еще сильнее зарывается под одеяло и отворачивается от меня. Лунный свет ласкает ее худенькие плечи, освещая ее кожу и придавая ей серебристый оттенок. Мои пальцы сжимают одеяло, сдерживая порыв прикоснуться к ней. Все мое тело пульсирует: *прошу, прошу, прошу.*

Что я на хрен вообще здесь делаю? Я словно какой-то мазохист медленно убиваю самого себя. Мне не следует быть здесь. Но сама идея уйти от нее невыносима, настолько же, насколько нереально лежать рядом с ней, оставаясь неподвижным. Этого не случится.

Иногда я думаю, что возможно, она тоже хочет меня. Например, когда ее взгляд затуманивается и фокусируется на моих губах в течение короткого, напряженного мгновения. Но затем она общается со мной, как со старым добрый дружбаном Греем, и я уже не знаю, что думать. Возможно, я сам ввожу себя в заблуждение. Но потребность внутри меня никуда не девается. Она нарастает, заглушая слова разума.

Прикусывая нижнюю губу, я смотрю на нее в темноте, представляя то, как было бы круто коснуться предмета моего желания, облизать каждый дюйм ее тела и при этом *не* убить нашу дружбу.

— Грей? — ее нежный голос вырывает меня из пелены мечтаний, и мой живот напрягается.

— Да? — хриплю я.

— Думаешь странно, что я рада тому, что ты здесь?

Мое сердце ударяет о грудину. *Прошу, прошу, прошу.*

— Нет. Я тоже рад быть здесь.

— Это напоминает мне о тех временах, когда я была ребенком и устраивала ночевки с лучшими друзьями. Я никогда не хотела, чтобы они заканчивались, потому что это было так весело. Понимаешь, о чем я?

Надежда разбивается в моей груди, так что я почти могу слышать, как осколки ударяются о мои ребра.

— Ага, — весело. Это весело. Перекатываясь на спину, я прижимаю кулаки к своим глазам. Сон. Просто усни, и эта пытка закончится.

Но Мак тоже ложится на спину, а ее теплое голое плечо соприкасается с моей рукой. И все нервы в моем теле возгораются, фокусируясь на этом незначительном контакте кожа к коже. Я медленно вдыхаю и выдыхаю через нос.

Голос Мак такой мягкий и задумчивый.

— Наша семья всегда была очень скрытной. У меня было не много настоящих друзей. Я знаю кучу людей и люблю с ними общаться. Но никто из них по-настоящему не знает меня.

Сглатывая ставший поперек горла ком, я наконец отвечаю ей.

— Тебе сложно доверять людям, — я знаю это, потому что сам такой же. Все знакомы с некой версией меня, но кто знает меня как целостную личность? По сути никто.

— Ты прав.

Слышится шуршание простыней, и я знаю, что Мак повернулась ко мне лицом. В темноте ее огромные как у олененка глаза блестят, словно оникс под линией ее челки. Кроме моей мамы, никто не смотрел на меня так, будто я особенный. И это настолько удивляет меня, что мой мир переворачивается вверх дном. Мое сердце подпрыгивает. Но я не отвожу взгляд.

Мак нежно улыбается, почти стесняясь.

— Но я доверяю тебе, Грей.

Она дарит мне подарок, я знаю это. И это наполняет меня теплом, одновременно с тем пронзая мое сердце. Потому что сейчас я еще больше растерян. Мне требуется мгновение, чтобы собраться и ответить; мой голос такой же неровный, как и мысли.



Я не помню, как уснула. Но просыпаюсь неспешно, мои ощущения медленно возвращаются ко мне. Должно быть, светает, так как бледный свет пробивается из окна, но все еще царит полумрак, словно мир не может выбрать между днем и ночью. Я не жаворонок, так что не знаю, почему так рано проснулась.

Особенно учитывая то, что мне так удобно и тепло, я прижимаюсь спиной к телу Грея, а его рука обернута вокруг моей талии, обеспечивая мне защиту и уют. Мы переплетены в одно целое, его ноги расположены под моими, а нос уткнулся в мои волосы. Я не могу сдержаться, чтобы снова не закрыть глаза и не позволить своему телу снова расслабиться поверх его. Ритм его дыхания, вздымающаяся и опускающаяся грудь, убаюкивают меня. Ощущения рядом с ним слишком хороши. Даже идеальны.

Но тут меня поражает новая порция прозрения. Подол моей майки так задрался во время сна, что сейчас открывает низ моей груди. Огромная рука Грея лежит на моем голом животе, и от каждого моего медленного вдоха, кончики его пальцев скользят по тазовой кости. Это легкое прикосновение привлекает к себе все мое внимание, и от осознания происходящего мое тело напрягается. Я стараюсь не двигаться, лежу и пялюсь на стену, которая в раннем утреннем освещении кажется тускло-серой. Словно распутывающийся клубок, мои чувства сосредотачиваются на теле Грея, на том, как оно соприкасается с моим, и факте того, что он тоже стал странно неподвижным.

Мы продолжаем лежать в той же позе, пока его легкое дыхание развивает мои волосы. А его рука так и лежит у меня на животе. Кроме этого ничего не происходит. Его мизинец вздрагивают — едва уловимая ласка, словно он не может сдержаться и отказать себе в прикосновении к моей коже. Это крошечное движение, но мое сердце замирает от него, каждый нерв моего тела фокусируется на этой точке соприкосновения.

Когда я не двигаюсь в ответ, он снова поглаживает мой живот пальцами, точно так же — едва уловимое неуверенное исследование. Жар распространяется по моей коже. Сердцебиение стучит будто барабан в ушах, и мне с трудом удастся не шевелиться. Потому что я не хочу, чтобы он останавливался.

И он не останавливается. Медленно его мизинец скользит по моей коже. Это прикосновение такое нежное, что я могла бы его не заметить. Вот только все мое сознание сосредоточено на Грее и том, что он делает. Он продолжает двигать пальцем, и когда касается края моих трусиков, мои бедра сжимаются, а клитор начинает пульсировать, словно он уже прикоснулся к нему.

И будто бы мое неподвижное положение дает ему разрешение на дальнейшие действия, прикосновения Грея становятся смелее. Он осторожно проводит всеми пальцами по чувствительной коже моего живота, вверх и вниз. За моей спиной его тело ощущается словно скала, а его дыхание становится резче, будто парень задерживает воздух в легких.

И вот я лежу здесь и делаю вид, что ничего не происходит. Но очевидно, что это не так. Легкая дрожь распространяется по моему телу, когда языки пламени разгораются у меня между ногами. С каждым следующим прикосновением Грей касается все большей площади моего тела. Я закрываю глаза, фокусируя внимание на его пальцах, на том, как они щекочут мой бок, движутся вдоль линии трусиков, а затем скользят к мои ребрам.

Я хочу выгнуть спину, толкнуть попку к выпуклости его члена, который явно становится все более твердым. Кончики его пальцев касаются низа моей груди, и мое дыхание перехватывает. Мои соски напрягаются. А его рука замирает там, прямо под моей грудью, едва касаясь ее.

Мой разум мчится на бешеной скорости. Что мы делаем? Безумие — делать это. Все изменится. Мне следует остановить его. Но я не хочу это делать.

Я слышу, как он сглатывает, спиной ощущаю быстрый ритм его сердцебиения. Мои зубы прикусывают нижнюю губу. Лежать так без движений становится пыткой, когда так хочется умолять его прикоснуться ко мне чуть выше. Потому что я хочу, чтобы он ласкал меня. Так офигенно сильно, что мои груди болят. И я хочу, чтобы он коснулся меня ниже, проник своими длинными пальцами под мои трусики. Но я не могу. Почему-то, не договариваясь, мы оба притворяемся, что все это не происходит. Словно если мы не будем об этом говорить и знать, то значит можно это делать.

Так что я продолжаю неподвижно лежать и ждать, игнорируя свое поверхностное дыхание и боль в теле.

И тогда он движется рукой к моему соску, исследуя кончиками пальцев изгиб моей груди. Я сильнее прикусываю губу, стараясь сдержать свой стон. Боже, мой сосок пульсирует, ожидая его прикосновения. Но он не касается его. Ублюдок выводит линии ниже соска, медленно глядя мою кожу, подраживая.

Я дрожу, и моя спина напрягается, когда я немного выгибаюсь, безмолвно умоляя о большем. В ответ он тоже напрягается и прижимается немного ближе. Его дыхание становится быстрее, и я знаю, он может все видеть через мое плечо. Он наблюдает за своими действиями.

Я слепо смотрю вперед, но периферическим зрением все равно вижу его руку,двигающуюся под мою футболку, разоблачая меня. Слабый звук рокотом исходит из его груди. Мне становится так жарко, я почти что не могу вдохнуть. Я хочу пошевелиться. Но не делаю этого. Мы оба застываем, зная, что если он сдвинет руку еще на дюйм, прикоснувшись к моему соску, то мы полностью пересечем эту линию.

Моя грудь вздымается и опадает так быстро. Я не могу изменить этого. И затем его пальцы продвигаются выше. Тело Грея напрягается, и он вздрагивает. Я не могу больше этого вынести.

Да и не должна. Так как грубые кончики его пальцев пробегают по моему ноющему соску. И я почти стону, но все-таки сдерживаю этот звук в себе. Прикосновения Грея становятся жестче, катая мой затвердевший сосок туда-сюда. И это дарит такие охренительные ощущения, что я не могу передать словами. Мои бедра сжимаются. Клитор набухает, а киска становится влажной и нуждающейся. То, что он делает со мной в этой тусклой тихой комнате почти что незаконно, это наш непристойный секрет.

Его горячее дыхание развеивает мои волосы, а мышцы его руки вздрагивают, когда Грей движется. Мои пальцы сжимают простынь, тогда как все тело старается неподвижно лежать.

И затем его рука оставляет мою грудь. Я хочу запротестовать, но слишком обеспокоена

тем, что его пальцы скользят по моей коже, направляясь на юг. Он останавливается у линии моих трусиков. Мы оба медленно вдыхаем. И я знаю, что он не зайдет еще дальше. Сейчас все в моих руках.

Закрывая глаза, я раздвигаю бедра — на несколько сантиметров и *по-настоящему* выгибаю спину. Его дыхание сбивается, потому что он знает, я послала тем самым ему приглашение. Его длинные пальцы скользят под мои трусики. Простыни шуршат, когда я медленно приподнимаю одну ногу, давая место его руке.

Грей вздрагивает, его грудь сейчас плотно прижата к моей спине. Его рука движется по моему боку, когда он тянется вниз, и огрубевшие подушечки его пальцев касаются моего клитора. Едва уловимое хныканье срывается с моих уст, одновременно с тем, как его дыхание резко вырывается из легких в подобии беззвучного "ух". Так как я уже очень влажная, он скользит пальцами прямо к моей жаждущей плоти. И все мое тело отвечает на его действия, изгибаясь от пульсирующего жара.

Я так сильно прикусываю губу, что она болит, тихие всхлипы вырываются сквозь стиснутые зубы, слабые хныканья, которые я не могу сдержать, пока он ласкает меня медленными кругообразными мучительными движениями. Моя попка толкается назад к его твердому члену, и в ответ он прижимается ко мне своей эрекцией.

Тихо, почти неподвижно, мы лежим здесь, наши тела дрожат, и лишь пальцы Грея продолжают кружить над моим центром. Медленно он передвигает их, располагая прямо над моим входом. Я задыхаюсь, а моя кожа покрывается тонким слоем пота. Я готова кончить, голова идет кругом.

И словно он в силах ощутить мой приближающийся оргазм, Грей прижимает губы к моему голому плечу и крепко обнимает, когда его толстый палец проникает глубоко в меня. Я не могу остановить это, стону, и мои бедра толкаются навстречу его прикосновению. Он трахает меня своим пальцем, и окружающий нас мир плывет перед глазами. Есть только он, его палец во мне и волнообразный ритм моих бедер. Я хнычу, моя плоть такая распаленная и пульсирующая. Я кончаю, раскачиваясь на волнах пламени, беспомощно вскрикиваю, мое тело дрожит, запертое в клетку его объятий.

— Блядь, сладкая, — хрипит он. — Блядь, — и затем его рука оставляет меня. Он разворачивает мое тело и запускает пальцы в мои волосы.

Его лицо перекошено от боли, а взгляд устремлен прямо мне в глаза, словно он хочет что-то сказать. Но не говорит. Его внимание фокусируется на моих губах, и боже, я чувствую его там, словно он уже меня целует, уже владеет мной так, как я знаю, он хочет того. Мои губы дрожат от потребности. Я облизываю их, приподнимая подбородок, чтобы оказаться немного ближе к нему. Я хочу ощутить его вкус так сильно. Мучительный звук вырывается из него, а широкая грудь вздымается и опадает на каждом вдохе и выдохе.

— Айви.

Его губы накрывают мои, и я растворяюсь.

Это первое прикосновение будто сигнальный гудок, посылающий волну жара через все мое тело, настолько сильную и быструю, что мое дыхание сбивается. Я делаю вдох и ощущаю невероятное удовольствие. Его губы мягче, чем я себе представляла, движения уверенные, но все еще нежные. Он касается гиперчувствительного уголка моего рта и проводит языком по припухшей нижней губе, лаская ее.

Ощущения от этого прикосновения отдаются эхом в моем позвоночнике, между моими бедрами. И возможно, он чувствует тоже самое, потому что издает низкий, почти гортанный

звук и целует меня снова, на этот раз жестче, требовательнее.

— Что мы делаем? — шепчу я между быстрыми, глубокими поцелуями, от которых мои губы немеют. Мы оба так сильно дрожим, что этого достаточно, чтобы довести нас до безумия, лишиться координации; наши носы и подбородки ударяются, когда мы отчаянно снова и снова льнем друг к другу.

— Я не знаю... О, черт, Мак, ты такая сладкая на вкус, — его язык ласкает мой, смакуя. — Еще один поцелуй и все, — стонет он, припадая к моему рту, словно тот сделан из меда. — Еще один глоток.

Грей наклоняется надо мной, его широкая грудь прижимается к моей, пока он наклоняет голову и углубляет наш поцелуй. Открывая рот шире, он берет то, в чем нуждается. Дрожит, а его голос звучит словно гравий, когда парень произносит:

— Я хотел этого... Хотел попробовать тебя на вкус так долго. Это все, о чем я думал. Черт, как же хорошо. Еще один, сладкая. Еще один.

Мои руки оборачиваются вокруг его шеи, пока он отстраняется и снова припадает ко мне под другим углом, раз за разом. Он словно пытается запомнить мои уста, изучить каждый их дюйм. И это так сильно возбуждает меня, что я задыхаюсь, моя кожа покрывается мурашками.

— Одного не будет достаточно.

Грей вздрагивает, его хватка на моем затылке усиливается.

— Ты права. Не останавливайся. Подари мне свой ротик, сладкая, — он всасывает мою нижнюю губу, а затем лижет верхнюю. — Позволь позаботиться о тебе.

Его поцелуи становятся настойчивыми, открывая меня настолько, что я ощущаю, как напрягается моя челюсть. Его язык буквально трахает мой рот. Безудержно, грязно и так прекрасно, что я стону, закрываю глаза и трахаю его в ответ, словно умру если остановлюсь. Я просто должна это делать.

Большое тело Грея ерзает поверх моего, как будто он не может лежать неподвижно. Издавая нетерпеливые звуки, он проталкивает свое бедро напротив моей киски, дразня чувствительную плоть. И я стону, мои ноги сжимают его крепкие мышцы. Сильная пульсация его эрекции требует моего внимания, когда Грей прижимается пахом к моему бедру.

— Грей. Что мы делаем? — я в секунде от того, чтобы начать умолять его трахнуть меня жестко и быстро прямо на этом матрасе.

Его руки скользят вниз по моей спине, притягивая меня ближе.

— Не думай, — говорит он, не покидая мои уста. — Это неважно. Это не должно быть важно.

Мне требуется секунда, чтобы осознать смысл его слов. И тогда они наконец доходят до меня. Понимание окатывает меня будто холодная волна, крадя дыхание и сжимая грудь в тисках. Мы просто дурачимся. По крайней мере, по мнению Грея. А я думала...

Еще одна волна накрывает меня с головой, на этот раз это волна унижения. Я эмоционально выжата. Полностью.

Так глупо. Особенно после того, что Грей рассказывал мне о своем отношении к сексу. Я знаю, что он заботится обо мне. Но все, что мы делаем для него неважно, тогда как для меня эти действия способны перевернуть весь мой внутренний мир.

Он даже не замечает, что я замираю. Почти что грубо, его ладони накрывают мою попку, когда он прокладывает дорожку из поцелуев от моей скулы к подбородку.

— Ммм... Так хорошо. Почему мы тянули с этим так долго?

Да уж, почему? Когда мы могли бы быть друзьями с привилегиями все это время, трахаясь по-быстрому, когда бы нам не стукнуло в голову?

Я не могу дышать. Мне нужно на свежий воздух. Его огромное тело прижатое к моему уже не дарит комфорт, а скорее душит. Мой живот сводит.

— Думаю, меня сейчас стошнит.

Этого достаточно, чтобы он остановился и шокировано поднял голову.

Выползая из-под него, я схватываюсь с кровати и мчусь в ванную, пока Грей окликает меня.

Игнорируя его, я захлопываю за собой дверь и запираю замок за секунду до того, как Грей сможет меня поймать. Дверь вибрирует, словно он врезался в нее, и я слышу его приглушенные проклятья.

— Айви, — его голос настойчив. Обеспокоен. — Айви, что...

— Я в порядке, — почти кричу в ответ. Но по факту, я совсем не в порядке. Тошнота душит меня, мое лицо горит огнем. Я прислоняюсь к двери, прижимаясь щекой к прохладной древесине. Я хочу опуститься на пол и свернуться калачиком.

Боже, какая же я глупая. Такая слабая, что позволила своей киске затуманить мой здравый смысл. Я не могу быть такой простушкой. Мое сердце уже отдано.

Голос Грея слышится так близко, что я знаю, он тоже прислонился к двери.

— Поговори со мной, Мак. Прошу. Ты типа сводишь меня с ума.

Мои глаза закрываются. Что я могу сказать? Я даже не знаю, что сейчас думать. В моей голове на повторе вертятся его слова. *Это неважно. Это не должно быть важно.* Влага между моими ногами и легкая болезненность от оргазма заставляют меня вздрогнуть и сжать свои бедра вместе, словно так я смогу забыть то, что он сделал со мной, и как совершенно я себя чувствовала.

Грей снова обращается ко мне:

— Айви, сладкая, я знаю, это было неожиданно, — он иронично смеется. — Это явно вышло за рамки дружбы, но...

— Перестань, — выпаливаю я, паника и сожаление попеременно накрывают меня. — Просто прошу прекрати говорить.

Я не могу услышать от него снова те слова, лучшее ощущение в моей жизни для него не имеет значения, оно не важно для него так, как для меня. Я сейчас закричу.

— Хорошо, — произносит он медленно. Еще один странный звук за дверью вызывает у меня вопрос, приложил ли он руку к дереву. — Но не могла бы ты выйти? Мне нужно убедиться, что с тобой все хорошо.

Я ненавижу это волнение в его голосе. Потому что оно означает, что Грей знает, я более взволнована случившимся, нежели он. Это раздражает. И ни за какие коврижки я не покажусь ему сейчас.

— Послушай, — говорю я, поворачиваясь к двери. — Мне просто нужно побыть наедине. Не мог бы ты... — я облизываю пересохшие губы. — Не мог бы ты просто пойти домой?

Тишина буквально давит. Когда Грей наконец отвечает, его голос полон боли.

— Айви... Не отталкивай меня. Мне жаль, что я...

— Нет! — мой крик раздается на всю ванную. — Ни слова, Грей. Я не могу говорить об этом прямо сейчас. Не могу, — слезы наполняют мои глаза. Я так унижена. Мне просто

хочется провалиться сквозь землю. — Не прямо сейчас. Ладно? Просто. Уходи.

Он молчит, но я ощущаю его сопротивление, словно тяжелую руку на моей коже.

— Иди, — настаиваю я вновь. — Мы поговорим завтра, клянусь. Мне просто нужно побыть одной прямо сейчас, — мой голос переполнен мольбой.

И я почти плачу от облегчения, когда он вздыхает, а его тихий голос слышится из-за двери:

— Ладно, Мак. Я уйду. Просто... Позвони мне вскоре. Я... Черт, мне не нравится оставлять тебя в таком состоянии, — когда я не отвечаю, он снова вздыхает. — Ладно.

И затем ничего, тишина. Я прижимаю запястья к воспаленным глазам и осознаю, как сильно я стала ненавидеть тишину.



IvyMac: Встретимся через час? В Чашке Джава?

GrayG: Хорошо.

Одно сообщение. Вот и все, что я получаю от Айви. Я воздержался от звонка ей и преследований, как и обещал ей. Данное время было адом. Я так нервничаю, что мог из кожи вон вылезть. Я не могу думать ни о чем, кроме того, что же творится у Айви в голове. Это ужасает меня, потому что кажется, будто она ускользает.

Надеюсь, что это просто паранойя вьет из меня веревки и вяжет их в узлы. Но согласитесь, странно, что Айви попросила встретиться с ней в кофейне вместо ее или моего дома. Словно ей нужна нейтральная территория. Черт.

Я прихожу заранее, выбирая стол в углу, что в задней части зала. Обычно я не большой поклонник кофе, но сейчас успеваю выпить почти две чашки, к тому времени как она появляется около 8 вечера.

Ее первый взгляд крадет у меня дыхание. Вот так мгновенно — смотрю на Айви и не могу сделать вдох. Эти темные глаза, губы в форме бутона роз, который так и хочется поцеловать, эти щеки, которые я бы сжимал ладонями, пробуя ее на вкус.

Боже, я скользил своими пальцами по ее сладкому припухшему клитору, такому чувствительному к моим прикосновениям. Я довел ее до оргазма рукой. Жар распространяется по моей коже от одного этого воспоминания. Кончики пальцев пульсируют, а сердце подскакивает к горлу, когда она приближается, ее взгляд встречается с моим, но сосредотачивается на моем плече. Больно, что она не хочет по-настоящему взглянуть на меня. Больно, что она такая неуверенная. Я сделал это с ней.

В своих черных джинсах и серой водолазке, кажется, будто она пытается скрыть свою кожу, как только может. Чертово дерьмо.

Когда она убежала от меня и заперлась в ванной, это ранило сильнее, чем я ожидал. Надежда и счастье во мне растворились. Так что сейчас в моей груди не осталось ничего, кроме полрой пещеры. Мне нужно исправить все.

Я поднимаюсь на дрожащие ноги, встречая ее, делаю неуверенное движение, когда протягиваю руку, чтобы... Что? Поцеловать ее в щеку, обнять? Я не знаю. Я просто хочу прикоснуться к ней и убедить ее в том, что все будет хорошо. Но это неважно, потому что в тот момент, как я наклоняюсь, она быстро садится на свое кресло, бросая мне: "Привет."

Она притворно волнуется о том, что пролила кофе, который крайне осторожно ставила на стол, пока я сижу напротив. Но от того, что она намеренно не отводит взгляда от стола, я ощущаю тупую боль в центре груди.

— Теперь ты не смотришь на меня? — спрашиваю я тихо.

На это ее голова дергается вверх, а зеленые глаза расширяются, и я замечаю в них боль.

— Да. То есть, конечно, нет. Прости. Я просто... — она прикусывает нижнюю губу.

— Знаю, — опуская руки на стол, я наклоняюсь вперед. — Прости меня, Айви. Мне не следовало...

— Привет, Грейсон, — вмешивается стоящий рядом парень. Я даже не заметил, как он подошел к нам. Но он усмехается мне, как и его друг, стоящий рядом. На них надеты ярко красные свитера университета, и на этом строится моя первая догадка, почему они здесь. Парень хлопает меня по плечу, словно мы знакомы. — Отличный сезон, мужик. Вы точно замочите соперников в плей-офф.

— Вперед, Псы! — орет второй парень. И я сдерживаюсь, чтобы не скривиться.

Больше всего сейчас я хочу сказать этим двоим уйти. Разве они не видят, что я говорю о чем-то важном? Но я не делаю этого. Фанаты есть фанаты, и они заслуживают моей благодарности. Так что я киваю им.

— Спасибо. Большое спасибо, — я пытаюсь сделать очевидным тот факт, что сейчас я посередине важного разговора, но один из них хочет, чтобы я подписал его кепку. Быстро я ставлю автограф и возвращаю внимание к Айви.

Благодарные ребята уходят.

Айви наблюдает за ними, прежде чем взглянуть на меня.

— Нет, не извиняйся, — молит она глядя на меня, а затем на свою чашку. — Мне не следовало так сходить с ума. Это было совершенно незрело.

Мои руки накрывают ее, и она вздрагивает. Но я не отпускаю ее ладони, потому что мне нужно прикоснуться к ней. Мой голос мягок и выражает поддержку, насколько это возможно.

— Все в порядке, Мак.

Ее плечи приподымаются на вдохе, и затем она откидывается на спинку кресла, а ее рука выскользывает из моей, словно она уходит. Ее ресницы скрывают глаза, когда Айви медленно поворачивает в руках кружку. Так как больше не вижу, что бы еще сделать, я тоже сжимаю свою кружку. Жар горячей жидкости проступает через картон и согревает мои ледяные пальцы.

Я не знаю, что сказать или как начать беседу.

Открываю рот, пытаюсь.

— Привет, — сейчас рядом со мной стоит девушка. — Ты — Грей Грейсон.

Она смотрит на меня, словно я латте, которое она буквально жаждет выпить. Раздражение разгорается внутри меня. Вот почему я не хотел встречаться с Айви в публичном месте. Не тогда, когда весь кампус поглотила футбольная лихорадка. Я собираюсь отмахнуться от этой цыпочки, года Мак хлопает свободной рукой по столу.

— О, бога ради, Грей, — говорит она мне злобно. — Синдром раздраженной кишки излечим. Нет нужды так бояться. Из побочных эффектов стоит волноваться лишь о чрезмерном выделении газов, потому что, чувак, это реально хреново.

Ее слова повисают в воздухе, и я изумленно смотрю на подругу, шок и ужас крадутся по моей коже. Девушка выглядит почти так же, как и я, а затем ее лицо становится свекольно-красным, и она отворачивается от меня.

— Я... гм...оставлю вас и дальше разговаривать, — говорит она.

Но я не отвечаю. Я могу только смотреть на Мак. Часть меня хочет придушить ее. Я могу представить, как быстро эта маленькая сплетня распространится. Могу слышать свое

новое прозвище, Газообразный Грей.

— Итак... уничтожение моей социальной жизни сегодня в меню, гм?

Краснея, она пожимает плечами.

— Ты ведь хотел избавиться от нее, верно?

Вот чертовка. Я раздражаюсь смехом. Что бы ни случилось между нами, она все равно моя лучшая подруга. Единственный человек, с которым я хочу быть больше всего в этом мире. И я обожаю ее. Я так помешан на ней, что не могу отличить лево от права. Она — моя центральная линия. Все мои мысли ведут к Айви Маккензи.

Я тяну к ней руку, собираясь озвучить все это. Рассказать, что хочу с ней все. Что она для меня все.

Но она заговаривает первой, и ее слова так быстро и резко срываются с уст.

— Все вышло за рамки дозволенного. Это случилось. Мы были близки друг другу, виделись почти все время. Что, если мы просто сделаем шаг назад и возьмем таймаут от всего этого, не будем так много зависеть друг с другом... — она раскидывает руки, словно говоря мне, что проблема решена, не такое уж это и большое дело.

Возьмем таймаут. Не будем вместе так часто.

Боль пронизывает меня так сильно, что мои колени дергаются, ударяясь о дно стола и чуть не переворачивая его.

— Извини, — бормочу я, когда она поднимает свою кружку, чтобы та не свалилась.

Я хочу закричать, что это худшая идея, которая только приходила ей в голову. Что таймаут кажется пыткой. Но она еще не закончила вырывать мое сердце.

— И если ты не будешь все время со мной, то сможешь... ты знаешь... тусоваться. С девушками. Вступать в интрижки, ну, или что-то в этом роде.

Я бы хотел думать, что ее выражение лица передает те же мучения, что я ощущаю. Но я не уверен. Я больше не могу здраво мыслить.

— Думаю, сложно будет это сделать, — восклицаю я. — Когда весь кампус вскоре будет считать, что у меня проблемы с метеоризмом.

Ее передергивает.

— Верно. Прости. Но я сомневаюсь, что кто-то поверит этому. Или даже станет волноваться. Большинство женщин, очевидно, смирилось бы с чем угодно, ради возможности замутить с тобой.

О. Замечательно. Меня на самом деле не волнует, во что там верят другие женщины. Я не хочу быть ни с кем, кроме Айви. Ее комментарий вызывает у меня желание закричать. И тогда еще одна ужасная мысль пронзает меня.

— Постой, почему мы говорим об интрижках? — голос становится выше, поддаваясь моей панике.

Она отводит от меня взгляд.

— Ну... Нам обоим, очевидно, нужно некоторое сексуальное облегчение. Почему бы не найти его...

— Я стесняю тебя? Загораживаю тебя от всех потенциальных ухажеров, которые уже выстроились в очередь? — я даже не знаю, что несу. Паника сжимает мои яйца. Айви ускользает от меня, и я, кажется, не могу с этим справиться.

Ее глаза прищуриваются.

— Думаешь, у меня не может быть парня?

— Эй, я не говорил этого.

Напряжение спадает, и она грустно вздыхает, а затем садится немного ниже.

— Все вышло из-под контроля, и мы спорим здесь друг с другом, а это не то, чего я хотела.

Я провожу рукой по волосам и медленно выдыхаю через нос.

— И ты... — делаю еще один вдох. — Ты хочешь встречаться с кем-то? — меня сейчас стошнит. Меня точно на хрен стошнит. Прямо в Чашке Джава.

Ее губы кривятся.

— Я не знаю. Возможно, пришло время для меня сделать это.

Мак. На свидании.

Кружка у меня в руках сжимается, разбрызгивая горячий кофе во все стороны.

— Черт, — я подпрыгиваю, смахивая кофе с руки.

Мак тоже подпрыгивает, хватая салфетки, чтобы убрать беспорядок, а затем она видит мою руку.

— Ты обжегся?

Она касается моей покрасневшей руки, но я одергиваю ее.

— Я в порядке — мое горло сжимается. Я не могу быть здесь. Я отступаю, спотыкаясь с ножку стула, затем выпрямляюсь.

— Грей, — говорит она нежным голосом. — Я просто пытаюсь все исправить.

— Используй меня, — выпаливаю я.

Айви замирает, хмурия брови.

— Что?

— Ты хочешь с кем-то трахнуться. Трахнись со мной.

Она кривится так, словно я плюнул ей в лицо.

— Ты издеваешься надо мной?

— Нет, — кричу я сейчас немного отчаянно. — Ты хочешь заняться сексом. Займись им со мной.

— Мы. Друзья, — она четко произносит каждое слово сквозь стиснутые зубы, пока с ее лица сходят краски.

— О, прошу, Айви. Ты кончила, когда я касался тебя пальцами. Думаю, мы прошли этап простой дружбы.

Плохое направление разговора. Чертовски плохое.

Ее лицо заливается румянцем, а ноздри расширяются.

— Ты — мудака. Думаешь, раз доставил мне оргазм, то сейчас я стала легкодоступной...

— Нет, Айви. *Нет*, — упирая руки в бока, я наклоняюсь вперед, говоря тише. — Это не то, что я имел в виду, ладно? Просто нас явно тянет друг к другу. И между нами есть искра. Так что... почему бы не облегчить это...

— Нет, — шипит она. — Бесконтрольный трах разрушит все. Не говоря уже о том, что ты потенциальный клиент моего отца.

Воздух резко покидает мои легкие, словно она ударила меня кулаком.

— Твоего отца? Ты волнуешься о моих отношениях с твоим отцом?

Я тихо матерюсь и снова провожу рукой по волосам, борясь с большим желанием вырвать их. Парни предупреждали меня об этом, но я никогда не думал, что она размышляла на сей счет.

Отводя взгляд, она задирает подбородок.

— В результате ваши отношения стали бы неловкими и сложными.

— Тогда давай все упростим. Я не выберу его своим агентом.

Волосы Айви разлетаются по ее плечам, когда она резко поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня.

— Нет. Я не могу так поступить. Я не хочу нести ответственность за то, что он потеряет тебя, как клиента. Ты хоть представляешь, как дерьмово я себя почувствую?

— А как же мы? Я для тебя совсем ничего не значу? — черт, мой голос почти срывается на крик.

— Конечно, нет, — она обнимает себя за талию, делая шаг назад. — Но глупо вступать с тобой в отношения, учитывая, что ты станешь его клиентом.

— Мы уже вступили в отношения, Айви, — мой голос отдается от стен, люди поворачивают к нам головы, вопросительно наблюдая. Я становлюсь, заграждая собой Айви. — И это самые важные отношения в моей жизни.

Слова едва уловимы, но они поражают меня в самое сердце, давая осознание, как сильно я хочу быть в отношениях с нею. С самого начала Айви была моей девушкой, Единственной. Я просто был слишком напуган, слишком осторожен, чтобы признаться в этом самому себе.

Она моргает, ее лицо бледное, а над верхней губой выступают капельки пота.

— Я имела в виду сексуальные отношения.

— Секс не имеет значение в конце...

— Но он все меняет! Он всегда все портит, — ее широко открытые карие глаза смотрят на меня. — Прощу. Я не хочу разрушить все из-за секса. Нам просто нужно немного остыть. И все снова будет по-прежнему. Мы будем близки друг с другом...

— Ага. Ты уже говорила это, — я просто хочу быть с ней во всех смыслах. Но очевидно, Мак нужно совсем другое. Иисусе, почему от этого мои ребра сжимает в тиски, а внутренности болят? Я конвульсивно сглатываю. Святое дерьмо, мои глаза щиплет. — Верно. Ну, я уже пойду.

До того, как расклеюсь.

Она не останавливает меня. Я пересекаю кофейню, каждый шаг отдается холодом у меня внутри, пока ночная тьма не поглощает меня.



IvyMac: Я приготовила пончики по новому рецепту. Назвала их Плохие мошонки. Когда ты надкусываешь их, то ощущаешь соленую карамель с шоколадом в виде начинки. Лично я посвятила их Уволенному Грею. Но никому не говорила об этом, кроме тебя, что это и есть твое настоящее имя.;-)

GrayG: Должно быть, вкусно. Мне стоит попробовать их как-то. Сегодня весь день на тренировке. Увидимся позже.

IvyMac: Ладно. Увидимся.

IvyMac: Давно не виделись.

GrayG: Не в состоянии ничего делать, кроме как валяться. Не могу даже пошевелить ногой.

IvyMac: Жаль.

IvyMac: Мне неприятно думать, что тебе больно.

GrayG: Не волнуйся, Мак. Любая боль в конце концов проходит.

IvyMac: Ты идешь сегодня к Палмерам? Мы с Фи собираемся потанцевать. Тебе стоит пойти с нами.

GrayG: Не могу. У нас вечеринка рекламистов в честь плей-офф в каком-то причудливом загородном клубе. Вся команда должна поехать. Инвесторы требуют этого. Моя юная задница в руках престарелых светских львиц.

IvyMac: Значит все не так плохо?;-)

GrayG: Ага, типа того.

GrayG: Спокойной ночи, Мак. Будь осторожной там.

IvyMac: Спокойной, Грей.



Я ненавижу вечеринки рекламистов. Жарко, душно, слишком много людей наблюдают за каждым твоим движением. Слишком много фальшивых улыбок, фальшивого смеха, похлопываний по плечу от богатых чуваков, называющих тебя "сынок". Слишком много богатеньких женщин, прижимающих свои воскрешенные в спортзале тела к тебе, пока ты пытаешься не реагировать на это, поскольку они достаточно старые, чтобы годиться тебе в матери. Нужно взвешивать каждое свое слово, потому что ты не вправе опозорить тренера,

атлетического директора, декана и дюжину других университетских шишек, болтающихся по комнате и пожимающих друг другу руки.

Чертов цирк.

Я дергаю свой воротник, пот пропитывает мою рубашку, скрытой под слоями жилета и пиджака. Вокруг меня парни делают тоже самое или, по крайней мере, пытаются. Большинство первокурсников и второкурсников скованы своими плохо подобранными костюмами, купленными на распродаже в каком-нибудь магазине для больших и высоких. Их бицепсы обтянуты рукавами пиджака, который явно великоват ребятам в плечах.

По крайней мере я выгляжу хорошо по сравнению с ними. В прошлом году победителям чемпионата вручили ваучеры на бесплатный индивидуальный пошив костюмов от национальной ассоциации роскоши. Я принял данный подарок, стоя неподвижно рядом с Дрю и шутя о том, как мы будем доставать портных, когда тот станет нас измерять.

Так что да, я выгляжу круто, пока стою здесь, одетый с иголки, и обливаюсь потом. Офигенно. Мимо проходит официант, и я хватаю бокал пива у него с подноса. Оно теплое, поскольку, как может пиво оставаться по настоящему холодным, когда с ним медленно расхаживают по заполненной народом комнате, но тем не менее, я делаю большой глоток.

В кармане брюк мой телефон вибрирует, сигналив о сообщении. Мое сердце немедленно уходит в пятки. Я хочу быть с Мак. Я не хочу быть с Мак. Моя грудь буквально болит всякий раз, как получаю от нее сообщение. Каждый раз мне приходится сыграть прохладное отношение, словно я отстраненный от нее друг-мудак.

Слишком сильно сжимая бокал, я двигаюсь через комнату, останавливаясь через каждые два шага, чтобы принять поздравления или поговорить с кем-то.

— Извините меня, — говорю я каждому. — Природа зовет.

Но как бы я не извинялся, люди все равно пытаются вовлечь меня в беседу. К тому времени, как дохожу до дверей террасы, я готов сдаться. Боже, эта PR херня станет еще хуже, когда вступлю в NFL.

Хмурясь, я проскальзываю на улицу, где вдыхая прохладный ночной воздух наконец могу ясно мыслить. Но мой пульс не замедляется, когда достаю телефон. Я прислоняюсь к стене. Это сообщение не от Мак. Разочарование и облегчение попеременно сжимают мой живот, когда смотрю на незнакомый номер, собираясь удалить сообщение.

Неизвестный номер: Привет, сексуальная гора мужской плоти. Веселишься в своем костюмчике?

Сексуальная гора мужской плоти? Почему это нелепое прозвище кажется знакомым? Я тру лицо, и затем меня озаряет. Фиона называла меня так. Какого хрена Фиона шлет мне сообщения?

GrayG: Ага, все просто замечательно. Что случилось, Фи?

И пока жду ее ответ, я смотрю по сторонам, разглядывая в темноте ровно подстриженную лужайку. Все синее и зеленое, луна низко нависает над горизонтом, пока легкие облака проплывают по небу. В воздухе стоит запах снега. Моя рука вибрирует.

LittleFi: Я просто хотела сообщить тебе, что сегодня присмотрю за нашей девочкой. Не

волнуйся, она веселится. Увидимся позже, сексуашка.

Этот образ возникает из ниоткуда и словно чертов кулак врежется мне прямо в горло. Мак на танцполе, ее длинные руки неуклюже размахивают в воздухе, кожа блестит от пота, а темные волосы падают на лицо, когда она улыбается — так охуенно широко — так счастливо. И какой-то хренов парнишка их студенческого братства трогает ее своими руками. Я сосредотачиваюсь на его большой ебаной ладони, прижатой к ее животу, его бедрах, трущихся о ее задницу, на том, как он обхватывает ее бедро, придерживая Мак напротив своего....

Мой крик раздается в тишине террасы, а затем следует резкий звук разбивающегося о камень стекла. Задыхаясь, я опускаю взгляд на свою пустую руку и затем на осколки, которые когда-то были моим телефоном, а сейчас лежат примерно в двадцати футах от меня. Я даже не знаю, как его бросил.

И меня это не заботит. Каждый дюйм моего тела болит. Тупая жгучая боль, словно меня перемалывают изнутри наружу. Мое горло распухает, сжимаясь и удушая. Я моргаю, глядя на свои блестящие туфли и пытаюсь разобраться, как они оказались у меня на ногах. Но все, что могу видеть, так это тот образ, голос Айви раздается у меня в голове, говоря, что ей нужно пространство, что она не хочет меня.

Я издаю сдавленный смешок, который перерастает в громкий и чистый смех, и тут волна тепла касается стороны моего лица. Я разворачиваюсь. И вижу стоящую в дверном проеме девушку, ее тело худое и стройное, а улыбка доброжелательная.

— Эй, — говорит она, подходя ближе, каждый ее шаг приводит бедра в движение. — Что ты делаешь здесь в одиночестве?

Все во мне протестует против идеи разговора с ней. Я хочу поехать домой, забраться в кровать. Возможно, проспать неделю. Но я заталкиваю все это куда подальше, вспоминая Грея, которым привык быть. Того, кто веселился и никогда не думал о настоящем. Грея, который не чувствовал боли.

Я выдавливаю улыбку.

— Кажется, я больше здесь не один.

Вот и все, что ей нужно услышать.



Приготовление *слоеных булочек с изюмом* успокаивает. Пошаговое выполнение инструкций дарит ощущение комфорта. Запах дрожжевого теста и аромат теплого миндального крема. Я вывожу себя из депрессии, создавая дюжину супер тонких, желтых слоев. Раскатывая и сворачивая, раскатывая и сворачивая.

Приятная боль распространяется по шее и плечам. Так хорошо ощущать себя в движении. Это вызов моему собственному внутреннему безмолвию. Воздух наполняют звуки музыки, и я подпеваю каждой песне. Раскатывая и сворачивая тесто. Слой за слоем. По ощущениям оно напоминает прохладный атлас.

Раздается звонок, я вытираю руки о тряпку и беру телефон.

Это Фи.

— Эй, привет, мама-медведица.

— Привет, — я пытаюсь выразить своим тоном хоть немного энтузиазма. Правда пытаюсь. Но терплю эпическую неудачу.

К сожалению, Фи замечает.

— Что случилось?

— Ничего, — и это правда. Жизнь по сути просто стала пустой. Я пытаюсь выходить в свет, веселиться. Танцевать с друзьями и притвориться, что мне это нравится. Но я никогда не была хороша в притворстве.

Мы обе молчим в течение минуты. Я не в состоянии ответить, не начав всхлипывать, так что в результате Фи начинает играть в детектива. Это очевидно, когда она с подозрением спрашивает:

— Ты слушаешь *Shadowboxer*?

Сестра, которая знает меня вдоль и поперек — иногда отстойно.

— Нет, — я отключаю динамики аудиосистемы.

— Почему ты слушаешь мою унылую тезку?

Фи отлично известно, что когда я в депрессии, то слушаю Фиону Эпл.

— А ты полиция диджеев?

— Да, и ты нарушила лимит загрузки грустной музыки для эмоционально-разбалансированных моментов.

Фыркая, я признаюсь ей:

— Я скучаю по Грею, — а затем прерывисто вдыхаю глоток воздуха. — Я скучаю по нему, и это похоже на страдания из-за шатающегося зуба.

— Что? — она смеется, очевидно, запутавшись.

— Ну, знаешь, зуб, который постоянно болит и даже если игнорировать его, то все равно не можешь нечаянно не задеть, — вызывая ту несносную, тупую боль, проникающую туда, где я не могу ее унять.

— Ах, порочный круг самопытки, — говорит Фи. Я могу представить, как прямо сейчас она кивает.

Я не говорю ничего, но стряхиваю остатки муки со своего фартука.

Нежный голосок Фи доносится из телефона.

— Хочешь, я сегодня приду домой ночевать?

Последнее время она проводит больше времени в доме своего парня. Я почти завидую, но не собираюсь заставлять ее прийти домой.

— Нет. Я в порядке.

— Позвони Грею, Айви.

— Я писала ему, — мое сердце сжимается от боли. — Он вел себя отстраненно. Был занят своими делами, — прямо как я его и просила. Но все, о чем я могу думать, так это о том, что Грей тусуется на вечеринках, встречаясь с девушками, двигаясь дальше.

Фи вздыхает.

— Ага, но это не то же самое. Позвони ему и расскажи, что вела себя, как идиотка. Большая добрая, но страстная, идиотка...

— Эй!

— И скажи ему, что хочешь, чтобы он снова оказался в твоей постели.

Мою грудь будто бы пронзает с каждым следующим ударом сердца.

— Я не...

— Да. Если хочешь, можешь мне лгать, но не ври самой себе, Айв.

Кривясь, я прижимаю свои прохладные пальцы к глазам. Они кажутся слишком горячими. Жжение возникает прямо под моими закрытыми веками.

— Так будет лучше. Нам стоит остыть друг от друга. В любом случае я уеду в Лондон.

— Однако ты говорила мне, что не хочешь работать с мамой. Тогда зачем собираешься уезжать? Оставайся здесь пока что, Айви. Я знаю, тебе понравится. И папа тоже был бы рад.

— И это все приводит нас еще к одному факту, исходя из которого, Грей собирается работать с нашим папой, — говорю я неуверенно. — Он не был бы слишком счастлив, узнав, что я встречаюсь с Греем.

Фи фыркает.

— Ну и что с того? Думаешь папу больше волнует потеря Грея как клиента, чем то, что ты встречаешься с сексуальной горой в виде мужчины?

— Что? Нет.

— О, прошу. Он все еще наш отец. И ему никогда не нравилось само понятие нас встречающихся с кем-либо мужского рода. Просто поставь его перед фактом, потому что раньше тебя никогда не заботили подобные вещи.

Я разминаю рукой свой ноющий затылок.

— Послушай, не важно, что думает папа. Или то, где я живу. На самом деле, нет. Грей... Черт, Фи. Он — мой лучший друг. Что, если я предложу ему перевести наши отношения на новый уровень, стать моим единственным, а он не захочет? Или если мы станем встречаться, и все закончится? Я не могу потерять его, — но я уже его теряю, и это меня убивает.

Молчание Фионы похоже на осуждение.

— Почему ты считаешь, что все закончится? — наконец спрашивает она.

— О, прошу, — шепчу я, надломленным голосом. — Он — звезда футбола и скоро станет еще большей знаменитостью. Все карты на столе против нас.

— Не все мужчины изменяют.

Я вздрагиваю, ее слова, словно удар кулаком мне в грудь. Я имела в виду, что наши жизненные пути расходятся в разные стороны, и что Грей не верит в отношения.

— Я не думала, что он станет изменять, — говорю я.

— Но ты боишься этого.

И вдруг мои силы испаряются, и я не могу даже просто стоять на месте. Моя попка сильно ударяется о табурет, а перед глазами исчезает интерьер кухни, и возникает картинка из прошлого.

Когда мы с Фи стали очевидцами ссоры. Подслушали разговор по телефону мамы, когда она пыталась узнать, где папа. А потом папа пришел домой, и из-за двери родительской спальни последовал звук маминого плача. Мне было десять, когда они развелись. Но даже тогда я поклялась себе никогда не позволить мужчине поступить со мной подобным образом.

Правда ли я считаю, что Грей будет похож в этом на моего отца? Надела ли я на него этот ярлык?

— Дерьмо, — мое горло болит, словно его сжимает невидимая ледяная рука. Я облизываю пересохшие губы, желая Грея сильнее, чем когда-либо хотела что-либо. Когда он со мной, все становится четко и ясно. Без него все — полный хаос.

— Позвони ему, Айви, — шепчет Фи в трубку. — Впусти его.

Мой голос похож на кваканье, когда наконец отвечаю:

— Мне нужно идти.

Но когда отключаюсь от разговора с Фи и набираю номер Грея, мои руки дрожат. Я не знаю, что собираюсь ему сказать. *Возвращайся ко мне. Ты мне нужен*, — может его напугать. *Я была тупицей*, — вероятно, вариант получше.

Но он не отвечает на звонок. Меня перенаправляет на голосовую почту. И когда я пишу ему смс о том, что хочу с ним поговорить, он не отвечает и на него.



— Он не ест, Дрю. Это начинает сводить меня с ума.

Высокий голос Анны пробивается сквозь мой туман забвения, но я не реагирую. Не могу. Я так чертовски запутался. Пытался вести себя, как прежняя версия Грея. Но эта попытка провалилась в пух и прах. С той цыпочкой на вечеринке я не смог даже и пяти минут нормально притвориться Старым-Добрым-Беззаботным Греем и потому сбежал. Я не в силах сфокусироваться на футболе. Не могу ничего сделать, кроме как лежать и истекать внутри кровью.

Моя грудь болит, горло сжимается, а я продолжаю повторять каждое слово, произнесенное Айви, когда она разбила мне сердце, продолжаю представлять тот ебучий образ ее танцующей с другим парнем.

— Возможно, он чем-то расстроен, — отвечает Дрю, перед тем как пнуть мою ногу под столом. — С тобой все нормально, Грей-Грей?

— Ага, — выплевываю я, потому что если промолчу, он не отстанет. — Великолепно.

Было ошибкой приезжать в дом Анны и Дрю на обед. На улице холодрыга и дождь, что явно не лучшая погода для вождения в ночное время. Но мне нужно было развлечься, а их счастливая болтовня могла с этим помочь. Сейчас же я просто хочу уехать, без каких-либо дополнительных расспросов.

— Ну, дело точно не в еде, — говорит Анна, вставая, чтобы помыть их с Дрю пустые тарелки, а затем забрать мою полную. — Моя лазанья убийственная, — и она не лжет. Анна готовит не ту дерьмовую маленькую версию американской лазаньи, нет, это изысканный шедевр из тонких слоев макарон, с соусом бешамель и болоньезе. Она дала мне рецепт, и я больше никогда не смогу готовить это блюдо иначе. Стыдно, что сегодня мой желудок не может принять ни кусочка такой вкуснятины.

— Итак, предполагаю, на десерт не будет никакого пирога, а, детка? — дразнится Дрю, игриво шлепая Анну по попке.

— Если ты в будущем хочешь снова получить хоть крошку моего пирога, — предупреждает Анна, — то забереешь свои последние слова обратно, чувак.

Дрю тянет ее к себе на колени, куда она счастлива опуститься.

— Так вот, Джонс, мы с тобой оба знаем, что лишение меня пирога грозит тебе большими проблемами, чем...

Анна закрывает рукой ему рот до того, как Дрю сможет закончить. Но они разом усмеваются друг другу.

Стукнете меня. Я реально думал, что идея побыть вместе с мистер и миссис Вечно Влюбленными — хорошая идея? Хуже того, они еще и замечают мой сердитый взгляд. Дрю приподнимает брови, а Анна просто смотрит на меня, а затем обходит стол и опускает свою маленькую руку мне на предплечье.

— Что происходит, Грей?

Ее прикосновение, женственное, легкое и заботливое, напоминает мне о том, как ко мне прикасалась Айви. Я прерывисто выдыхаю.

— Айви бросила меня.

— Бросила тебя? — Анна хмурится. — Вы двое вышли на новый уровень отношений?

— Нет, — бормочу я. — Как друга. Она думает, что мы слишком много времени проводим вместе. А она хочет встречаться... с другими людьми, — слова скребут мое горло изнутри, словно битое стекло. Я рассказываю им вкратце суть своего ужасного спора с Айви.

И когда заканчиваю, мои друзья погружаются в молчание. Вероятно, жалея меня. А затем Анна встает и начинает возиться с кофемашиной, о которой я заботился, когда эти двое были в ссоре. Я все еще в некотором роде оплакиваю расставание с ней. Ловко, Анна готовит эспрессо, добавляя полную ложку сахара, а потом подавая мне чашку.

— Выпей это, как сделал бы хороший мальчик, и почувствуешь себя лучше.

Сомневаюсь, но в любом случае делаю глоток. Черный, сладкий кофе действует на мой организм будто хороший толчок под зад. Странно, но он улучшает мое самочувствие. Не намного, но довольно неплохо. И я осознаю, что именно поэтому я здесь. Чтобы побыть в знакомой обстановке кухни Дрю и принять поддержку от него и Анны.

Дрю наклоняется вперед, упираясь руками о стол.

— Думаю, нам потребуется немного более подробное пояснение. Вы оба, очевидно, нравитесь друг другу...

— О, очевидно, что так, — шиплю я. — Особенно после того, как она вышвырнула меня из своей жизни.

— О, прошу, — Дрю машет рукой. — Я видел вас вместе. Вы словно...

— Дрю и я, — вставляет Анна с усмешкой.

— Что? Сравниваешь нас с безумными кроликами? Я бы хотел, чтобы все было именно так, — правда хотел бы. Пиздец, как хотел бы.

— Шажок за шажком, Грей-Грей, — Дрю легонько постукивает пальцами по столу. Размышляя. Я ненавижу, когда он так делает. — Итак, ты поцеловал Айви, а она слетела с катушек. Это случилось прямо после того, как ты ее поцеловал? Это, должно быть, был дерьмовый поцелуй.

— Иди на хуй, — говорю я спокойно, потому что знаю, Дрю стебется надо мной. Я бы поступил с ним точно так же.

Я не рассказал ребятам о том, что мы делали до поцелуя. Это было слишком личным. Но думаю об этом сейчас. Звуках, которые она издавала, когда кончала от прикосновений моих пальцев. Моя голова болит и кажется слишком тяжелой, чтобы держать ее ровно. Я отнимаю чашку от лица и опускаю ее на стол. Прохладный воздух касается моих щек.

— Она, кажется, наслаждалась этим, но потом все изменилось.

— Должно быть, ты сказал что-то тупое.

— Ты не знаешь этого, Дрю, — встревает Анна, делая и себе чашечку эспрессо. Машина свистит и ворчит.

— О, нет? Потому что я уверен, он точно сказал что-то тупое. Грей часто говорит до того, как подумает. Как и еще кто-то из моих знакомых, — Дрю уворачивается от полотенца, которое в него бросает Анна, а затем выжидающе смотрит на меня. — Так что? Подумай, болван.

Я поднимаю голову, чтобы взглянуть на него.

— Я сделал все, что мог, чтобы не оттолкнуть ее. Она спросила меня, что мы делаем, и я сказал ей... Вот, дерьмо, — я стону, стучась головой о стол. — Черт, черт, черт.

— Я тебе говорил, — обращается Дрю к Анне.

— Закрой рот, Бэйлор, — говорит она. — Что ты сказал ей, Грей?

Не думай. Это неважно. Это не должно быть важно. Потому что я считал, что именно это она и хотела услышать. Потому что боялся сказать ей правду.

— Все неправильные слова, — я поднимаю голову со стола. — Мне нужно идти.



Я в депрессии. Грей игнорирует меня, а я избегаю Фи. Я не хочу в живую общаться с ней. Не хочу выходить гулять. Не хочу готовить выпечку. Я просто желаю сидеть в своем доме и игнорировать окружающий мир. К счастью, Фи дает мне такую возможность и направляется домой к своему парню.

Весь день идет дождь. Несносный, холодный ливень, тарабанивший по крыше. Я увеличила уровень отопления в доме, укрылась толстым одеялом и смотрю шоу *На север через северо-запад*. Если что-то и может отвлечь меня от Грея, так это Хичкок.

Я говорю себе это снова, пока отпиваю какао и тупо гляжу на экран ТВ. Мои глаза пересохли и пекут. Мне следовало бы уже идти спать. Но я знаю, что сон не придет. Он не благоволил ко мне последние несколько дней.

Мои пальцы крепко сжимают чашку, когда волна злости накрывает меня с головой. Я злюсь на саму себя. На то, что не была проактивна. Мне нужно было преследовать Грея, вынудить его поговорить со мной. Умолять о прощении, как идиотке. Рассказать ему о том, что он — самый важный человек в моей жизни.

Я опускаю какао на стол, когда слышится стук в дверь. Хочу ли я, чтобы это был Грей? Всем своим естеством. Но он не звонил мне и не писал. А он никогда не приходит без предупреждения.

Я осторожно крадусь к двери.

— Да? — зову я, в моей голове всплывают безумные образы.

— Айви, — голос Грея приглушен дождем и дверью. — Впусти меня.

Через две секунды я открываю двери и оказываюсь с ним лицом к лицу.

Он промок, его большое тело сгорбилось под бушующим дождем.

— Айви.

— Грей. Что за чертовщина? — дождь перешел в мокрый снег с элементами твердых крупинок, по типу града. На улице, возможно, градусов семь ниже нуля, а он одет лишь в мокрую футболку с длинным рукавом. — Где твой грузовик?

— Сломался за милю до твоего дома. Думаю, проблема с топливным насосом, — он говорит словно зомби. Его кожа слишком бледная, а губы посинели.

Я хватаю его за руки и втягиваю в дом, захлопывая дверь и преграждая вход ледяному ветру.

— Почему ты не позвонил, чтобы я просто могла забрать тебя?

— Мой телефон сломался в прошлую субботу.

— О, — ну, это по крайней мере объясняет, почему он не отвечал на мои звонки.

Грей не движется, просто стоит на месте, пока с него на пол капает вода. Длинные пряди волос закрывают его глаза. Глаза, в которых таятся призраки, глядящие на меня с болью и отчаяньем.

— Айви... Мне больно. Из-за тебя.

Мое дыхание перехватывает, и он, очевидно, замечает это.

Его кулаки сжимаются.

— Я не могу этого сделать. Остаться в стороне. Я не могу... — все его тело дрожит. — Ты н-нужна мне... Я буду... внимательней...

Его так сильно трясет, что зубы цокают.

— Шшш. Грей. Ты замерз. Иди сюда, — волнуясь, я беру его за руку и веду в спальню. Он позволяет мне тянуть себя, его шаги неестественны.

— Сними свою обувь и носки, — говорю я, как только мы оказываемся в моей комнате.

И он слушается, так и не поднимая на меня расстроенный взгляд своих глаз.

— Айви...

Я стягиваю с него мокрую футболку. В мягком свете от настольной лампы, его торс кажется бледным и пронизанным холодом.

— Давай сначала снимем все эти вещи, — бормочу я. Вместе мы стягиваем с него джинсы, наши пальцы задевают друг друга. Грей отталкивает мои руки, но я даже не поднимаю на него взгляда. Прямо сейчас я не могу этого сделать. Мое внимание остается сфокусированным на его плечах, пока веду парня к кровати, поднимая пуховое одеяло и помогая ему забраться под него.

Полностью одетая, я следую его примеру и притягиваю Грея к себе. Мгновенно, он оборачивает свои руки вокруг моей талии и зарывается лицом в изгиб моей шеи. Мне холодно, лишь от того, что обнимаю его, потому сильнее кутаю нас в одеяла.

— Безумец, — бормочу я, а мои руки выводят круги по его широкой спине и по задней поверхности рук, пытаюсь улучшить кровоток. — Ты чуть ли насмерть не замерз.

Грей фыркает, но его хватка вокруг меня становится крепче. Влага от его мокрых и холодных волос просачивается через мою футболку. Но со временем он согревается. Держать его вот так очень приятно. Пустота в моем животе, что так болела и ныла, заполняется. А затем понимание происходящего — осознание прикосновения его рук к моей талии, того, что он почти голый, а его мускулистое бедро расположено прямо между моими ногами — накрывает меня.

Я касаюсь влажной пряди его волос.

— Мне следовало дать тебе полотенце.

Медленно, он отодвигается и когда выдыхает, дуновение задевает чувствительное место возле моей шеи.

— Мне стоит отодвинуться. Но я не хочу.

Его голос такой обиженный, как у мальчика, у которого собираются забрать игрушку, и от этого образа мои губы искривляет улыбка.

— О, ну, конечно, ты же хочешь, чтобы и я намокла. Но я не возражаю.

Грей издаёт странный звук, а затем слышится тихий смешок.

— О, Мак, сказанное тобой можно использовать для стольких поддразниваний. Что становится почти не интересно.

Румянец смущения заливает мои щеки, когда осознаю, что сказала. Однако невольно начинаю смеяться, прижимая губы к его виску. От сильного желания поцеловать его лоб приходится прикусить нижнюю губу.

— Я скучала по тебе, Грей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он поднимает голову. Его густые ресницы от влаги выглядят не такими пушистыми.

— Ты сказала мне держать дистанцию.

— Я не имела в виду, что так нужно делать все время, — бормочу я, все еще чувствуя себя уязвимо.

— Правда, Айви? Я не могу быть рядом с тобой и не думать о том, что мы делали вместе. Не желать поговорить об этом.

И вмиг все замешательство и страх, которые я ощущала все это время, нарастают в геометрической прогрессии. Потребность в бегстве как по волшебству руководит моим телом, вырывая из объятий Грея и вынуждая выпрыгнуть с кровати.

Боковым зрением, замечаю, что он приподнялся на локти. А затем слышится его сердитый и резкий голос:

— Не смей снова убегать, Айви.

— Я не убегаю... — мои слова умирают прямо на языке, потому что Грей выбирается из постели и идет напрямик ко мне, и мать божья... Эти широкие плечи, сформированные рельефные мышцы и узкая талия делают его таким привлекательным, что мои колени буквально подкашиваются. Его крепкие ноги шаркают о пол с каждым шагом, а член очевидно выступает между ними, такой толстый и твердый.

Выдыхая, я прислоняюсь к стене, надеясь, что вот-вот не растаю, как шоколад на солнце. А он, кажется, и не замечает моей реакции. Взгляд Грея светится злостью. Он останавливается прямо передо мной, располагая руки по обе стороны от моей головы и тем самым закрывая мне все пути к бегству. А затем я понимаю, что не злость наполняет его глаза, а отчаянье. Его голос кажется мягким, но настойчивым.

— Похоже на то, что ты все-таки сбегаешь от меня.

Боже, он так близко. Я не могу думать. Мое дыхание рваное, а грудь почти соприкасается с его.

— Грей, возвращайся в кровать...

— Только если ты пойдешь со мной, — говорит он, его голос хриплый, а взгляд блуждает по моему лицу. Его губы все еще синеватого оттенка, и это меня волнует.

Когда он снова вздрагивает, я проскальзываю под его руку, получив в ответ неодобрительный звук, и направляюсь в ванну, тогда как Грей следует прямо за мной.

— Айви...

— Подожди, — говорю я, входя в ванную.

Так как это душ в гостевом домике моего отца, то душевая кабина здесь довольно массивная, отделана мраморной плиткой и стеклянными перегородками, препятствующими разбрызгиванию воды. Я включаю горячую воду.

— Входи. Я не могу разговаривать с тобой, зная, что ты замерз.

Скрещивая руки на груди, я жду, не глядя на него. Не думаю, что смогу выбросить из головы образ голого Грея. Однако, когда он проходит мимо меня, наши тела соприкасаются, и он бормочет что-то себе под нос об упрямых женщинах.

— Я внутри, — его глубокий голос эхом раздается по пространству ванной, где уже начал клубиться пар. — Сейчас ты счастлива? Мы можем поговорить?

— Ну, так говори.

Он не отвечает. Звук струящейся из душа воды заполняет комнату. Воздух становится влажным. Мое сердце почти ударяется о ребра.

— Айви. Посмотри на меня.

— Гм. Ты голый, — мышцы на спине напрягаются от сильного желания развернуться и взглянуть на него.

— Ну и что? Значит, увидишь меня голым, — в его голосе слышна улыбка.

— Ага, думаю нам снова нужно поговорить о границах.

Капля воды попадает на мою шею, посылая волну ощущений до самых кончиков ног. Сейчас его голос раздается так близко, и я знаю, что он прислонился к стеклу.

— Айви Мак, я хочу, чтобы ты меня увидела. Это ничего не меняет между нами. Прошу, сладкая. Посмотри на меня.

Его просьба сжимает мое сердце, вынуждая развернуться. И святое дерьмо. У меня в рту пересыхает, следовало подготовиться к этому. Стоя за запотевшим стеклом, которое ничего не скрывает, Грей усмехается. И от одного взгляда на него я становлюсь влажной. Капли воды словно расплавленное серебро на его золотистой коже, стекают по тропинкам между долинами и холмами его мышц.

Мои пальцы вздрагивают от потребности прикоснуться к этой блестящей коже, зарыться в мокрые волосы, ставшие темнее от воды. Но от того, как он смотрит на меня, того, как его голубые глаза умоляют меня впустить его, мою грудь мучительно сдавливают.

Гладкое тело встречается с моей ладонью. Рука Грея тоже подымается, прижимаясь к стеклу напротив моей, вот только его пальцы намного длиннее моих.

— Айви, я поцеловал тебя и...

— Ты сказал, что это не важно. Ты повел себя так, словно это было чем-то обыденным для тебя, чертовым импульсом, а я просто под руку подвернулась, — боль правды струится из меня. Неприятно снова слышать это. Будто срываешь корку с раны.

Грей кривится, словно ему тоже больно.

— Я солгал.

Два слова — кулак, ударяющий в центр моей груди.

— Солгал?

В уголках его глаз образуются морщинки, выражая боль и сожаление.

— Да.

— Но, почему?

— Потому что я дебил. Ладно? — Грей втягивает очередной поток воздуха и прислоняет голову к краю стекла душевой кабины. — Я думал, что если скажу тебе, что это очень важно для меня, ты слетишь с катушек, но в результате сказанное мной было худшим, что я мог тогда произнести.

— Ага, и правда.

С серьезным выражением лица Грей тянется к моему затылку и накрывает его своей большой, теплой и влажной ладонью, не отпуская меня.

— Айви, я не могу лгать тебе больше. Ничто в тебе не смущает меня. И ты единственная, кто когда-либо имел для меня значение. Я смотрю на тебя и хочу поцеловать. Прикоснуться, — его веки опускаются, а полный жара и потребности взгляд скользит к моим губам. — Я хочу познать твоё тело, отыскать все тайные места, которые сведут тебя с ума, — вздох срывается с моих уст, и Грей наполовину болезненно улыбается. — Боже, я хочу все эти вещи, дорогая. Я жажду их так сильно...

— Грей...

— Нет. Позволь мне закончить, — он вдыхает, его плечи напрягаются. А большой палец перемещается на мой подбородок. — Я не хочу быть чем-то типа друзей с преимуществами.

Хочу, чтобы ты была моей. Моей девушкой. Хочу быть твоим парнем. Мысль о тебе с кем-то другим... Дерьмо. Это пронзает мне сердце.

— Грей.

Он закрывает глаза, мотая головой.

— Я все еще вижу тот образ тебя с другим парнем. Это убивает меня, Айви.

— Что за образ? Какой парень? — это все, на чем могу сосредоточиться. Мои мысли будто сошли с ума. И все его слова не имеют никакого смысла.

Глаза Грея полны боли, когда он поднимает на меня взгляд.

— Фиона прислала мне фото тебя, танцующей с кем-то... — его голова опускается, и Грей устремляет взгляд в пол.

Фи, эта маленькая чертовка. Я осторожно касаюсь подбородка Грея.

— Это был всего лишь один танец. Я даже не могу вспомнить того парня. Я просто пыталась развеяться без тебя. Но ничего не вышло.

Его дыхание замирает, а затем прерывисто срывается с уст. Облегчение, боль, тревога. Все это, вызвала я. И это разрывает мне сердце.

— Я не хочу никакого другого парня, Грей.

Кажется, все его тело успокаивается от моих слов, а взгляд становится вопросительным и уязвимым.

— Но ты хочешь меня?

Мои пальцы касаются его влажной шеи. Ища поддержки.

— Я... — голос хриплый и срывающийся. — Я боялась, — выпаливаю я. — Ты — мой лучший друг. Я не могу вынести, когда мы порознь. И если все станет еще хуже... Я не хочу тебя потерять.

Кончики его пальцев сильнее вдавливаются в мою шею.

— Ты никогда не потеряешь меня, Айви. Никогда. Я всегда буду твоим другом, — его огромная, влажная ладонь прижимается к моей шее. — Я знаю, ты волнуешься о том, как это отразится на твоём отце...

— Нет, — перебиваю я. — Это было глупо. Мне не следовало такого говорить. Он никак не связан с нами.

— Нет, не связан, — большой палец Грея скользит по моему подбородку. — И я знаю, ты скоро уедешь в Лондон. Но это меня не волнует. Не настолько, чтобы повернуть назад. Мы справимся с этим.

— Я не стану возвращаться в Лондон.

Грей замирает, а его взгляд встречается с моим.

— Не издевайся надо мной, дорогая, только не на этот счет.

Я нежно сжимаю его шею.

— Я собираюсь поговорить об этом с родителями. Хочу попытаться стать агентом, — даже простое произнесение этого заявления вслух вызывает у меня всплеск возбуждения. Это решение кажется правильным.

Грей медленно улыбается.

— Ты надерешь всем задницы, Айви Мак.

Я наклоняюсь так, чтобы операться отчасти на его руку.

— Я не знаю, где буду жить, но не уеду из Штатов.

— Ты даже себе не представляешь, как я рад это слышать, — шепчет он. — И я не оставлю тебя, — он больше не кажется напуганным или обиженным, скорее уверенным. —

Это будет реально здорово, Мак. Между нами все будет реально охуенно хорошо. Нам просто стоит попытаться. Скажи же, что ты тоже хочешь совершить эту попытку.

Мое сердце так сильно стучит, что он, должно быть, слышит его удары. Осторожно я тяну руку и вытираю капельку воды с уголка его рта, мое прикосновение длится дольше нужного.

— Я не думаю, что мы вообще были с тобой просто друзьями, Грей. Знаешь, с самого начала я хотела тебя.

Его глаза зажимаются, с уст срывается вздох, а затем Грей прикусывает нижнюю губу. Когда он открывает глаза снова, они сияют, будто голубые сапфиры.

— Ты завладела моим сердцем еще с момента нашего знакомства, Айви Мак.

Какое-то время мы просто улыбаемся друг другу, радуемся тому, что наконец-то мы — пара, пока в воздухе между нами формируется нечто серьезное, вибрирующее и щекочущее мою кожу, ускоряющее биение сердца.

А затем он затягивает меня в душевую кабину, где теплая вода в секунду пропитывает мою одежду и мочит кожу. Влажный воздух касается моего лица. И мы целуемся, исследуя губы друг друга и сплетаясь воедино. Моя рука зарывается в его волосы, притягивая Грея ближе.

Он стонет и смещает голову так, чтобы углубить наш поцелуй. Его язык скользит по моему, даря медово-сладкие ощущения моему изголодавшемуся по чувствам телу. И все, на чем сконцентрированы мои мысли, так это на том, что я целую Грея, не думая, почему это делаю. *Грей целует меня. И кажется, мы оба упиваемся этой новой свободой. Каждым соприкосновением наших губ, каждым укусом и мягким посасыванием, фразами *наконец-то* и *это, это именно то, чего я хотел, и больше, дай мне еще больше. Да. Вот так. Больше этого. Не останавливайся.**

— Грей, — я всасываю его пухлую нижнюю губу. — Ты нужен мне.

Он вздрагивает, его пальцы в моих волосах, на моих щеках.

— Я в твоих руках, — говорит он напротив моих губ. — Думаю, ты даже не понимаешь, насколько я твой.

Он прокладывает дорожку из поцелуев вдоль моей шеи, прижимая свое твердое тело к моему, потираясь своим длинным толстым членом между моих ног.

— Ты сводишь меня с ума, Айви. Ты должна знать это. Я растворяюсь в тебе и даже не хочу разбираться, как вернуть все обратно.

Одно движение его рук, и моя мокрая футболка отброшена в сторону, шлепаясь на пол душевой. Моя влажная гладкая кожа скользит по его. Его рот накрывает мой, а наши пальцы переплетаются, когда мы вместе пытаемся снять мои штаны. Я отбрасываю их ногой в сторону.

Подвигаюсь к нему, но Грей удерживает меня на месте, упираясь одной рукой в мое плечо. Его губы приоткрываются, дыхание ускоряется и становится поверхностным.

— Позволь мне взглянуть на тебя, — говорит он. — Мне нужно взглянуть на тебя.

Я никогда не стояла так перед кем-то, полностью обнаженной. Сейчас мой желудок сжимается, а руки зудят от желания прикрыться. Но это же Грей, просящий меня от всего сердца.

Так что я не стану прятаться. Моя спина прислоняется к прохладным мокрым плиткам, когда позволяю рукам упасть по бокам.

Сдавленный звук срывается с его уст, а рука сильнее сжимает мое плечо, когда Грей

опускает глаза.

Я знаю, что не идеальна. Мои ноги длинные, но не мускулистые, так как я не работаю над этим. Бедра шире, чем мне бы хотелось, но моя попка небольшая. Дрожь распространяется по телу. Я нравлюсь самой себе, но знаю, что не идеальна. Я...

— Боже, — он сглатывает, его кадык дергается. — Ты... Я пытался тебя представить. Столько раз я думал о тебе, — Грей проводит рукой по своим мокрым волосам, капли с которых летят на меня. — Сейчас же? Слово «красивая» кажется преуменьшением. Я мог бы смотреть на тебя вечно, Мак.

Его взгляд путешествует к моему животу, плоскому как доска, но недостаточно гладкому, а затем снова возвращается к моей небольшой груди и бледно-розовым соскам, торчащим вверх. От жара в его взгляде моя грудь наливается тяжестью, соски болят, и я немного выгибаю спину, приподнимая их ближе к нему.

Грей шумно вдыхает, издавая звук типа "ух", а его широкая грудь вздымается. Медленно, будто бы ведомая собственными желаниями, его рука поднимается. Грубый кончик пальца касается моего соска, стирая капельку воды, и я чувствую это каждой клеточкой своего тела. Я чуть ли не сползаю на пол, когда Грей кладет этот же палец в свой рот и неспешно посасывает его.

Он довольно рычит и улыбается. А затем его большая рука, идеально подходящая для захвата и защиты футбольного мяча, пока Грей бежит в нужную зону во время игры, сейчас накрывает мою грудь. Теплая огрубевшая ладонь и сильные пальцы. Он так приятно слегка сжимает ее, что я не могу нормально дышать. Его взгляд затуманенный и пылкий, сосредоточенный на собственных действиях.

И боже, как же он красив, какое у него крепкое тело. Совершенство. Как я вообще смогу удержаться и не поглотить каждый дюйм его аппетитной плоти? И тут я осознаю, что совсем не обязательно воздерживаться. Теперь он мой. Мои руки соприкасаются с его телом еще до того, как могу хорошенько подумать, я провожу ладонями по его широкой груди, маленьким твердым соскам и рельефным кубикам пресса. Иисусе, как же это приятно.

Грей вздрагивает, его голова падает на мое плечо, так что лицо утыкается в мою шею.

— Еще. Прикоснись ко мне, Мак. Прошу.

Головка его члена упирается в мой живот. И это словно маяк привлекает все мое внимание. А ведь я даже еще не касалась его там.

Не думая больше ни секунды, я опускаюсь на колени и ловлю губами кончик его эрекции, втягивая ее в рот до того, как Грей успевает сказать хоть слово. Большая головка такая гладкая и горячая, припухшая и пульсирующая напротив моего нёба. Я медленно посасываю ее, и с губ Грея срывается беспомощный стон. Его ладони ударяются о плитку, когда он опирается на них, а его высокое худое тело напрягается.

— Айви... Гребанный боженька.

Именно так я и думаю. Он большой, и я никак не смогу принять всю его длину в свой рот. Боже, но я бы хотела это. Он прекрасен, приятен на вкус и такой твердый. Мои пальцы оборачиваются вокруг основания, сжимая, проверяя, насколько он возбужден. Грей шипит, его бедра слегка толкаются вперед, словно он не в силах стоять неподвижно.

Я поднимаю на него глаза. И его мускулы оказываются прямо перед моим взором, укрытые от струящейся по его спине воды. Наши взгляды встречаются, и выражение на его лице убивает меня — удовольствие, нежность, сомнения, словно он не знает, как далеко все это может зайти.

Отдай мне всего себя, — говорю я своим взглядом. — Не сдерживайся. Я хочу все.

Его кадык снова вздрагивает, когда Грей сглатывает. Он вонзает зубы в нижнюю губу и начинает двигаться. Вперед-назад, медленные, плавные толчки.

— Хочешь попробовать меня на вкус, а? — шепот эхом отдается, смешиваясь с звуками душа. — Открой рот шире, я знаю, ты способна сделать это хорошо, — моя челюсть болит, когда делаю, как просит Грей, впуская его глубже. Его член вздрагивает у меня во рту, и Грей бормочет: — Да. Да, вот так. О, блядь, вот так, детка. Тебе нравится ощущать свой ротик, заполненный мной?

Я угукаю, сжимаю его член рукой и сильнее сосу. А в ответ Грей дрожит, обращаясь ко мне хриплым голосом:

— Знаешь, сколько раз, я стоял в душе, лаская себя и представляя твой сладкий маленький ротик, а, Айви? — он делает паузу, словно вспоминая, его губы изгибаются в довольной улыбке. А затем бедра Грея вздрагивают. — Черт, милая. Не... Не останавливайся.

Я и не могла бы, даже если бы захотела. У меня очень живое воображение, и я не раз размышляла о том, как буду делать Грею минет. Очень часто. И сейчас я позволяю себе поиграть, сделать все то, чего хотела так долго.

Тем временем Грей начинает задыхаться, издавая болезненные звуки и толкаясь в мой рот, он сдерживает свои движения, дрожа от интенсивности ощущений. Он растягивает удовольствие, позволяя мне себя мучить. И это так чертовски возбуждает меня, что закрываю глаза и принимаю всю его длину, проводя языком по каждому дюйму плоти, показывая ему, как сильно мне это нравится. Я делала это раньше, но не так. Не с Греем, не сдерживаясь, чтобы посмаковать каждый великолепный дюйм его длины. Я и не ожидала, что будет настолько приятно доставлять ему удовольствие.

Грей. Аппетитный Грей, чье твердое тело и горячая кожа сводят меня с ума. Я провожу руками по его бедрам, накрывая крепкие ягодицы. Боже, его задница. Она напрягается с каждым рывком. Я сосу сильнее, быстрее, и он стонет, а его тело дрожит.

Подсознательно я знаю, что он близко. Я могу почувствовать, как вся эта сдерживаемая энергия поднимается в нем, готовая вот-вот выплеснуться. Но затем он выскальзывает из моего рта, раздается "чпок", и вот уже он тянет меня на ноги, толкает к стене, а его губы припадают к моим.

Меня почти что пугает то, как все мои чувства растворяются. Есть только он, его рот, его тепло. Он целует меня, прижимая к плитке душевой, сжимая мою попку своими большими ладонями. Мои ноги оборачиваются вокруг его талии, и Грей приподнимает меня так, словно я пушинка. Я не могу не удивиться его сверхъестественной силе и тому, что он никогда не использовал ее против меня. Я не хочу покидать это место. Никогда.

Но тут мой фокус смещается. Концентрируется на жаре его члена и том факте, что он как раз между моих разведенных ног, упирается в мою открытую киску. Грей тоже замечает его и вздрагивает, слегка смещаясь.

Мое дыхание замирает, когда его кончик проскальзывает в меня, раздвигая мои складочки. Я думала, что он был большим у меня во рту. Но сейчас Грей огромен. И это все, о чем я могу думать.

Он замирает, со всей силы напрягая мышцы.

— Мы... Черт... Мы должны остановиться.

Мои глаза распахиваются.

— Должны ли?

В ответ на мой протест уголок его рта приподнимается в легкой улыбке. Но ему так и не удается скрыть ее.

— Ладно, не будем останавливаться. Просто пойдем в спальню. Так как это кое-что для меня значит. То я хотел бы... Мне следует сделать все правильно с тобой. В постели.

Я накрываю ладонью его щеку, прижимаю уголок губ к его губам и просто дышу с ним одним воздухом.

— Это ты, Грей. Вот и все, что мне нужно, чтобы этот момент был особенным.

Его кожа покрывается мурашками, и он кивает.

— Тогда нужно взять презерватив? — и затем выражение его лица искажается. — Бля. Бля. У меня нет... — он раздраженно выдыхает. — Я не планировал провести сегодняшний вечер так.

Почти все мое внимание так и остается приковано к его члену, трущемуся о меня, дразня и заставляя почувствовать себя голодной и жаждущей.

— Мы оба чисты. Я на таблетках, — я не отрываю свой взгляд от его глаз. — Только если у тебя не было никого, с тех пор как...

— Нет, — восклицает Грей. Он прижимает свой лоб к моему. — Только ты. Теперь и всегда только ты, Айви.

— Тогда... — я ерзаю бедрами, двигаясь напротив него, из-за чего Грей резко втягивает воздух. — Мы можем...

Он нежно целует меня.

— Скажи мне, что ты моя девочка.

Я целую его в ответ. Нежно. Легко.

— Я твоя. А ты мой парень.

— Черт, да, — он улыбается, трется своим носом о мой. И хотя я такая возбужденная, готовая для него, внутри моей груди возникает болезненное напряжение. Его дыхание ласкает мои губы, а ресницы опускаются. — Я знаю, ты хотела сделать все медленно и нежно. Но... черт, детка, я не... Не думаю, что могу сделать так в наш первый раз. Я попытаюсь...

Я целую его в губы, успокаивая, пока мои бедра сильнее обхватывают его талию, притягивая его тело ближе. Грей снова вздрагивает. И я тоже дрожу. У меня давно не было секса, а он такой большой. Но то, как он растягивает меня, ощущается так приятно, это заполняет ту болезненную пустоту внутри. Мой голос хриплый и нетерпеливый.

— Не нужно медлить. Мне просто нужен ты. Сейчас.

Он кивает, целуя меня почти что рассеяно.

— Ладно. Хорошо. Просто... бля, — он стонет, продвигаясь чуть-чуть глубже. — Скажи, когда мне остановиться. В любой момент. И я сделаю это.

— Давай же, Грей.

— Командирша, — он усмехается.

— *Кексик.*

— Пиздец как люблю, когда ты меня так называешь, — он толкается еще раз, и я стону, насаживаясь в ответ на его член, нуждаясь в большем.

Его взгляд не отрывается от меня, наши губы соприкасаются на каждом вдохе. И словно не в силах себя сдержать, Грей облизывает мои губы, пробуя на вкус, пока толкается еще глубже.

— Ты идеальна, — говорит он. — Совершенна.

И затем он погружается в меня полностью, так глубоко и резко, что моя киска пульсирует. Кудрявые волосы у основания его члена трутся о мой клитор с каждым новым толчком его бедер. И я умираю. Потому что ощущения слишком насыщенные. Мне слишком хорошо.

— Идеально, — шепчу я, крепче держась за Грея.



Думаю, я скоро умру. Моя грудь, кажется, готова взорваться изнутри, открывая сердце и оставляя бездыханным на полу. У меня никогда не было секса с кем-то, кто бы был так важен для меня. Это почти невозможно вынести. А все потому, что это Айви.

Я внутри Айви. Наконец-то в ней. Нет никаких преград. Ее узкая, мокрая киска сжимает мой член так приятно, что приходится стискивать зубы, сдерживая крики.

Мои пальцы вжимаются в ее округлую сладкую попку, раскрывая ее еще шире для своих толчков. Жестко. Глубоко. Резко. Больше никаких разговоров. Только Айви. *И я в ней.* Ее длинные ноги сжимают мою талию, крепко фиксируясь. Вода струится по моей спине, скользит по нашим телам, отчего кожа Айви становится мокрой и скользкой. И это рай.

Она тихо хнычет, словно ей также как и мне не терпится. Ее ладони сжимают мои щеки, а рот припадает к моему. Влажные губы, мягкий язык. Она целует меня так, словно мой вкус — лучшее, что доводилось ей пробовать. И блядь, это выносит мне мозг. Я хочу закричать, или засмеяться, или и то, и другое. Я не понимаю этого, но не желаю, чтобы оно кончалось. Это агония и совершенство в одном флаконе.

Я наклоняю голову, открывая рот шире под другим углом, и толкаюсь языком в ее ротик. Я целую ее до тех пор, пока не начинаю отчаянно нуждаться в кислороде, пока голова не начинает идти кругом от ее волшебного вкуса. И затем Айви снова издает то женственное, сексуальное хныканье.

И это слишком. Я теряю рассудок.

Вколачиваюсь в нее. Жестче. Жестче. Мне следует быть аккуратнее. Следует замедлиться. Но я не могу. Я хочу похоронить себя в ней, стать ее частью. Наши губы рассоединяются, так как движения становятся настолько неистовыми, что сейчас не до поцелуев. Мое лицо зарывается в изгиб ее шеи, а рот втягивает ее нежную кожу.

— Айви, — я говорю ее имя снова и снова, с каждым новым рывком. *Айви, Айви, Айви.* Даже не знаю зачем. Я хочу сказать ей что-то более приятное. Что она для меня — все. Наилучшая часть меня самого. Что я позабочусь о ней, буду оберегать, хотя не понимаю от чего. Но буду. Я дам ей безопасность и счастье. Потому что это и есть моя задача. Это самое важное для меня.

Но все, что могу произнести, трахая ее до полусмерти, — ее имя.

Сейчас она задыхается, а ее длинные руки скользят по мокрой плитке, словно Айви пытается убежать от удовольствия, растянуть его. Ее бедра сильнее сжимают мою талию, когда моя девочка выгибает спину, подавая вперед свои бедра. И от этого ее сладкие груди

приподнимаются. Я еще даже не успел попробовать их на вкус.

Потому наклоняю голову, втягивая в рот розовый сосок, сильно сосу его, облизываю и щелкаю по нему языком. И ей это явно нравится, ее киска сжимается вокруг моего члена, руки хватаются за мои волосы, а тело извивается.

Блядь, да. Жар распространяется вверх по моей спине и бедрам. Мои яйца напрягаются, а член пульсирует.

Я двигаюсь напротив нее, ощущая, как стеночки ее киски сжимаются, когда Айви кончает, а ее крики эхом разносятся по ванной комнате. И затем я тоже вскрикиваю. Я даже не узнаю собственный голос. Мой стон отчаянный, громкий и несвязный. Я теряю из вида Айви и даже самого себя. Чувство настолько охуенное, что на мгновение я правда думаю, что умираю. Но нет, потому что, знаете ли, ничто, реально *ничто* не сможет удержать меня от повторения этого. Снова и снова. Поскольку теперь я принадлежу Айви. Навсегда.



Есть что-то нереально приятное в том, чтобы выходить в люди с Мак в роли моей девушки. На сей раз, пока она танцует, делая те безумные движения, я могу притянуть ее к себе, пройти руками по изгибам ее тела, наклонить голову и вдохнуть ее волшебный аромат. И когда мы сидим с парнями, я могу притянуть ее к себе на колени и проложить дорожку из поцелуев на ее шее, попробовать на вкус ее улыбающиеся губки. А она прижимается ко мне спиной, лаская мои волосы, прикасаясь ко мне так, будто я ее личная игрушка. Коей я по сути и являюсь. В общем: Это. Самая. Лучшая. Ночь. Вне. Дома.

К тому времени, как мы выходим от Палмеров, Мак счастливо мурлыкает, напевая песню Prince "*Raspberry Beret*" (малиновый берет). Вот только в ее исполнении это больше похоже на "*Raspberry bidet*" (малиновое биде). Я пытаюсь найти поддержку на полу.

Я даже не стараюсь скрыть смех, когда Айви начинает танцевать по дороге к моему грузовику. Алкоголь не улучшает ее навыки. И если уж на то пошло, то ее конечности двигаются еще более нескоординировано и не попадая даже в тот ритм, который, очевидно, слышит она одна. Я наслаждаюсь ее танцами, пока Айви не врежется в мусорный бак, чуть ли не переворачивая его и не падая наземь.

— Кто поставил его здесь? — говорит возмущенно Айви перед тем, как опереться о бак и начать истерично хохотать. В желтом свете фонаря ее глаза светятся будто оникс, когда она бросает на меня взгляд. — Пойдем уже, Кексик.

Моя спина болит от того, что специально плохо танцевал, помогая ей не чувствовать себя неловко, к тому же сегодня я рано встал. Но несмотря на все это, мне не хочется, чтобы ночь заканчивалась.

— Так сейчас я твой мальчик на побегушках? — спрашиваю, направляясь к ней.

Мак снова хихикает.

— Мальчик по вызову. Понял?

Закатывая глаза, я останавливаюсь прямо перед ней, достаточно близко, чтобы подхватить ее, если Айви начнет вдруг падать.

— Ага, я все понял, Мак. Ты забавная.

В этот момент она настолько милая, что я не могу удержаться от того, чтобы не убрать за ухо локон ее волос и не провести большим пальцем по ее подбородку.

— Мммм... — она почти мурлычет. Ее теплые руки хватаются за мою талию, держа так, словно это я тот, кто вот-вот упадет. Темные глаза поднимаются на меня. — Абсолютно.

— Абсолютно что? — я не помню, о чем мы говорили до этого, потому что отвлекся на сладкий изгиб ее нижней губы и то, как та выпячивается, когда девушка корчит гримасы. Я наклоняюсь, даря ей нежный поцелуй. Боже, она такая вкусная — смесь сладко-терпкой Маргариты с чистым вкусом Айви Мак.

— Забавная, — говорит она раздраженно напротив моих губ. Но затем целует меня в ответ, углубляя поцелуй.

Ее теплый язык прокладывает тропинку по чувствительному внутреннему краю моей губы, как раз за секунду до того, как кончик указательного пальца левой руки проскальзывает под мою футболку и крадется вдоль края моих джинс. Это ее движение действует на меня так же, как если бы она стала поглаживать мои яйца. Мое дыхание замирает, а внутренности сжимаются. Мне требуется хорошенько собраться, чтобы не выпячивать вперед свои бедра, умоляя ее опустить свою шаловливую ручку чуть ниже.

Если мы начнем зажиматься с ней, то я не захочу останавливаться. А то, что я жажду с ней сделать, требует некоего пространства и конфиденциальности.

Я делаю еще один глубокий вдох холодного воздуха, а потом осторожно беру Айви за запястья и вытягиваю ее руки перед нами так, что не могу их видеть. Мак глупо улыбается мне и наклоняется вперед так, что ее подбородок касается моих ребер. Ее голова движется вместе с моей вздымающейся и опадающей грудью. Ее движения и близость к моему крайне заинтересованному члену ослабляют мою решимость.

Она рассыпается на кусочки, когда взгляд Айви становится сонным, ее веки опускаются, а руки падают на мои бедра, но она все еще пытается смотреть на меня снизу вверх. Боже, как же она прекрасна, такая румяная со спутанными шелковистыми волосами, мягкими и приоткрытыми губами. Мой член пульсирует в знак протеста. Он хочет оказаться в ней. Мои губы жаждут вновь прижаться к ее.

— У меня холодные руки, — говорит Айви.

Я накрываю ее ладони своими, и они настолько больше ее собственных, что практически полностью скрывают ее кулачки.

— Давай отвезем тебя домой, сладкая, — мой голос кажется хриплым и крайне низким.

— Ладно. Но я устала, — говорит она. — Отнеси меня.

И в этот момент я готов отнести Мак хоть в другой штат, лишь бы в конце пути можно было ее трахнуть. Не говоря ни слова я поднимаю ее на руки.

Айви счастливо взвизгивает, и ее длинные ноги болтаются в воздухе, а руки цепляются за мою шею.

— Легко, — выдавливаю я, пока несу ее к грузовику.

Мы на половине пути, когда я замечаю его. Я замираю, и все мое тело натягивается как струна. Мои колени дергаются, рефлекторно реагируя на страх, холод и напряжение, что возникает во всем теле. За всем этим следует ярость. Злость, что я испугался лишь от его вида. В знак протеста Айви взвизгивает, и я осознаю, что слишком сильно сжимаю ее.

Айви. Гребаный. Ад. Мой страх возвращается. Я не хочу, чтобы она оказалась рядом с Джономасом.

Я осторожно опускаю ее на ноги. И она становится рядом со мной, будто бы знает, что я нуждаюсь в ее поддержке. Я не двигаюсь и все еще держусь за ее талию.

Джонас стоит, прислонившись к моему грузовику, его руки засунуты в карманы, а ноги скрещены в лодыжках. Не понимаю, как эта расслабленная поза в его исполнении выглядит столь угрожающей. Возможно, это потому, что я знаю, он без зазрения совести может повредить мой грузовик, если посчитает, что это меня расстроит. Ублюдук.

Он огромен, за четыре года без спорта он не стал еще крупнее. Но его руки по-прежнему созданы для зверствования. И опять же, каждый дюйм тела Джоноаса был спроектирован и выточен для агрессии. Мой желудок падает вниз, как только наши взгляды

встречаются. Прошло четыре года с тех пор, как я в последний раз видел брата и все еще меня подташнивает от одного взгляда на него.

— Наконец-то ты явился, — говорит он вместо приветствия. — Мне охуенно осточертело охотиться за тобой, Грейви (*gravy* — сперма, легкая нажива, сок, выделяющийся при жарке мяса).

Мудак.

— Я не знал, что у нас назначено свидание.

Он усмехается в ответ на слово "свидание", пока взглядом исследует Айви с головы до ног. Моя хватка на ее талии становится крепче. Она не говорит ни слова, но явно быстро трезвеет. Напрягается и настороженно смотрит на моего брата, ее пальцы скользят по моей спине и затем цепляются за петли моих джинсов. Я хочу, чтобы она ушла отсюда так же сильно, как сделать следующий вдох, но ее непринужденное поведение, будто бы заземляет меня, даря ощущение, которое я не испытывал годами, а может и вообще никогда.

— Я не стану обсуждать все это дерьмо перед твоей дыркой для разового траха, — говорит Джонас.

Мое дыхание учащается. Но я не двигаюсь с места. Я отлично скрываю свою реакцию перед Джонасом.

— Айви никуда не пойдет. Так что предполагаю, сегодня твое дерьмо останется при тебе.

Джонас улыбается. Когда-то я видел эту улыбку часто. Прямо перед тем, как он наносил удар. И пока во мне кричит страх, веля потупить взгляд или поскорее свалить отсюда, я кое-что понимаю. Я больше не тот маленький мальчик.

— А на свободе ты стал болтливым, — говорит он, хмурясь. Когда я не отвечаю брат продолжает: — Ты не отвечал на мои сообщения.

Я не утруждаюсь сообщить ему, что заблокировал его номер. Если бы он не выглядел как брутальная версия нашего отца, я бы подумал, что Джонас был усыновлен, потому что он явно не унаследовал интеллект ни одного из наших родителей.

— Чего ты хочешь, Джонас? — спрашиваю я сдержанно. Айви стоит рядом и молчит, но ее рука все еще покоится на моей спине.

— Ты в двух играх от того, чтобы стать претендентом. Пора стоять планы.

— Как бы трогательно не звучали твои слова, но я уже закрыл данный вопрос, — я не думаю, что брат так уж заинтересован в моих планах.

И его полный признания взгляд лишь подтверждает мое предположение.

— Ага, ну, мой агент говорит, что ты не отвечаешь и на его звонки.

И это верно, потому что я не заинтересован в подписании контракта с бездушным кровососом. И, кстати, он больше не агент Джонаса. Их пути разошлись, когда брат угробил свою карьеру. Но думаю, посредством моей карьеры Джонас ищет способ наладить связи со старыми друзьями.

— Потому что не хочу на них отвечать, — говорю я.

Он хмурится.

— Ты позоришь нашу семью. И ты ему позвонишь.

В этот момент я чувствую, что устал от всего этого. Ненавижу все. Ненавижу то, что мои кровные родственники ничего для меня не значат.

— Нет, Джонас, — говорю я тихо. — Я не стану ему звонить. Я подписываю контракт с Маккензи.

— С этим слабаком ублюдком? — Джонатан выпускает смешок. — У него нет шаров, чтобы справиться со всем дерьмом спортивного мира.

— Эй! — восклицает Мак, делая шаг вперед. — Ты говоришь о моем отце, так что заткни рот.

Внутренне я стону, проклиная всю эту ситуацию. Но моя настороженность возрастает, и я хватаю Мак за талию и притягиваю спину к своей груди. Каждый дюйм ее тела вибрирует, словно она готова наброситься на Джонаса с кулаками, а ведь она даже не знает, с кем имеет дело.

— Игнорируй его, — бормочу я. Не потому, что согласен со словами брата. А просто потому, что знаю его.

Взгляд Джонаса не шокирован.

— Не могу в это поверить. У него есть дочка, которая обслуживает члены потенциальных клиентов? Я недооценил парня.

Мак пытается вырваться из моих объятий, но ее сил недостаточно.

— Ты, отвратительный уебок, ничего не знаешь.

Это затыкает ему рот. Он отталкивается от грузовика, ярость полыхает в его взгляде.

— Следи за своим ртом, милочка.

Кровь мчится по моим венам, по ощущениям напоминая лед. Не отрывая взгляда от Джонаса, я перемещаю Мак за свою спину.

— Не двигайся.

Мой голос передает всю серьезность ситуации, и она ощущает это, послушно делая, что велю. Джонас же движется прямо к ней.

— Мне следует закрыть этот сладкий ротик за тебя, братишка.

— Тебе следует уебать отсюда, — говорю я ему, становясь перед Мак. — Сейчас же.

— Ты не можешь указывать, что мне делать, Грейви. Ты просто нахуй слушаешься меня. Как делал это всегда.

То, что Мак сейчас наблюдает за моим позором, ранит. Я и правда раньше во всем слушал этого мудака. Но больше нет.

— Ты заблуждаешься, — говорю я ему. — Уезжай. Мы закончили.

Ноздри Джонаса раздуваются. Инстинктивно я переношу вес своего тела на подушечки пальцев ног, мои бедра напрягаются, готовясь к столкновению. Джонас крупный ублюдок, но он уже несколько лет не играет, так что я сильнее, быстрее и ловчее. Он рухнет наземь и останется там лежать.

Но так как внутри он все еще лайнмен, то с легкостью понимает мои намеренья. Это видно по его взгляду. Наши глаза говорят друг другу: "Я собираюсь выбить из тебя все дерьмо".

— Думаешь, ты сможешь побороть меня, младший брат? — Джонас усмехается, словно у меня нет ни шанса на победу.

— Я выжимаю сорок три килограмма, так что думаю, могу с легкостью подбросить и тебя, — мне не следовало бы дразнить Джонаса, но он активизирует мои худшие стороны.

Брат обнажает зубы.

— Я охуенно крупнее тебя.

— С этим не поспоришь.

И когда он издает резкий звук, словно вот-вот атакует, я сжимаю руки в кулаки. Но тут холодная ладонь Айви ложится на мой живот.

— Он не стоит того, Грей.

Ее темные глаза широко открыты и полны волнения, обращаясь ко мне с немой просьбой. И я смягчаюсь. Я не хочу, чтобы она видела эту уродливую сторону моей жизни. Но отвлекаясь, я совершаю ошибку. Джонас рычит.

— Я уже говорил тебе, милашка, что это не твое дело.

Он бросается угрозами, и все, о чем я могу думать — Айви. Мое зрение затуманивается, и рев вырывается из горла. Я не осознаю собственные действия. Мое тело врезается в Джонаса с такой силой, что кости содрогаются. Хватая его за футболку, я подтягиваю брата вверх, и мои бедра напрягаются. А его ноги отрываются от земли.

Его массивная фигура откидывает тень в свете фонаря, и затем он с громким звуком ударяется о тротуар, падая плашмя. Я встаю возле него, сжимая зубы. Дрожь поглощает мои внутренности.

— Убирайся на хрен отсюда, или я тебя прикончу.

Он смотрит на меня широко открытыми глазами, с отвисшей челюстью. Кровь капает с его нижней губы, а костяшки моих пальцев пульсируют. Когда это я его ударил? Я даже не помню этого. Но он сплевывает кровь, перекатываясь на бок, так что, должно быть, я все-таки врезал ему. Медленно Джонас поднимается на ноги.

Мы смотрим друг на друга в течение минуты. И когда я заговариваю, конец наших с ним отношений ощущается как осколки, скребущие изнутри мое горло.

— Даже не думай в будущем искать со мной встречи.

Он просто качает головой.

— Мама потратила свое время не на того сына.

И затем он оставляет меня там, сломленного и полного бесполезной ярости.



Начинается дождь. Он стучит по металлической крыше грузовика Грея и стекает ручейками по запотевшим стеклам. Внутри тепло, и старый обогреватель выдувает струйки горячего воздуха, пока мы молча сидим.

Мы припарковались перед моим домом, слушая Nine Inch Nail песню *Right Where it Belongs* по радио и продолжая молчать. Грей не двигается, и я сомневаюсь, стоит ли издавать хоть звук. Прямо сейчас он явно погряз в собственных мыслях, его профиль замер и неподвижен, словно камень, пока парень смотрит перед собой.

Каждый изгиб его тела напряжен, как будто если Грей пошевелится, то может сломаться, и мне ненавистно это. Я видела, как ярость и страх затуманили взгляд Грея, когда брат его дразнил. Я видела его боль и позор. Грей мучается, и это невозможно вынести.

Моя рука медленно скользит по кожаному сидению. Его пальцы сжаты в кулак, но как только я прикасаюсь к ним, Грей открывает ладонь, поворачивая руку и сжимая мою собственную. И только сейчас, ощущая тепло его прикосновения, я понимаю, как сильно нуждалась в этом.

Мы по-прежнему не говорим. Рука Грея просто сжимает мою. Какое-то время я просто сижу и впитываю это незначительное соприкосновение наших тел. Странно, но от этого я

чувствую себя лучше. Почти что автоматически Грей выводит узоры на тыльной стороне моей ладони, вдоль чувствительных мест между моими пальцами и на костяшках. Удовольствие распространяется по моей коже.

Я тоже начинаю поглаживать его длинный указательный палец кончиком моего большого, скольжу вдоль его ладони. Я люблю руки Грея. Теплую и огрубевшую кожу. Длинные пальцы и широкие ладони, силу в его руках. Он мог бы с легкостью раздавить мою ладонь, но при этом держит ее так, словно она сделана из сахара. Нежность разбивает мое сердце.

— Эй, — шепчу я. — Какую обувь носят шпионы?

Сперва кажется, что он меня не слышал, но потом губы Грея изгибаются.

— Не знаю.

— Кроссовки.

— Хах, — в уголках его глаз появляются морщинки, когда его улыбка становится шире.

Он по-прежнему смотрит в окно.

Я легонько сжимаю его руку.

— Что ты получишь от встречи с вампиром и снежным человеком?

— Что?

— Обморожение.

Грей фыркает. И затем его глаза встречаются с моими. Они все еще затуманены, но также в его взгляде появился намек на веселье.

— Что зеленое и пахнет, как свинина?

Мне приходится прикусить губу, чтобы не улыбнуться.

— И что же?

— Палец Кермита. (*Kermit's finger* — вымышленный персонаж — лягушка. По разным причинам принято считать, что ее средний палец пахнет беконом)

— Фу, — я смеюсь, шлепая его по руке. — Это подло.

Его широкие плечи вздрагивают, когда Грей раздражается смехом. Его смех так прекрасен, рокочущий и заразный. И прямо сейчас это лучший звук во всем мире.

Я все еще смеюсь, когда задаю ему следующий вопрос.

— Что сказала утка охотнику?

Грей подавляет смех и затем спрашивает:

— Что?

— Я не знаю, — я пожимаю плечами. — Меня там не было.

И он снова смеется, а его выражение лица становится открытым и счастливым.

— Это самый странный из всех твоих вопросов, Мак.

— Знаю. Эй, — когда он ожидающе смотрит на меня, я тяну его за руку. — Что случилось между тобой и братом?

Выражение лица Грея искажается, словно крышка захлопывается, и чувство вины пронзает меня. Это давление, и с моей стороны было нехорошо так поступать с ним. Но есть разница между тем, чтобы просто наложить повязку на рану и тем, чтобы попытаться ее исцелить. Я не могу исцелить всю боль Грея, однако, хочу попытаться.

— Ты не обязан мне рассказывать, — говорю я, когда он снова становится молчалив.

Грей откидывается на сидении и проводит рукой по волосам, отводя взгляд.

— Я не хочу об этом говорить.

Это не должно меня ранить. Он имеет право на личное пространство. Но несмотря на

понимание этого, ком встает поперек горла. И мне приходится приложить усилия, чтобы кивнуть. Хотя он и не смотрит в мою сторону, чтобы заметить.

Порыв ветра врзается в грузовик, и тот вздрагивает. Мне следует пригласить Грея в дом, утешить его, перестать пытаться разговорить.

Он вздыхает и поворачивается ко мне. Тревога в его взгляде причиняет боль.

— Грей...

— Все в порядке, Айви, — он снова берет меня за руку и просто держит. Его пальцы стали холодными. Свободной рукой парень трет глаза так, будто пытается унять головную боль. Как в тумане Грей смотрит на свою руку, и шире расставляет пальцы. Красные ссадины покрывают его костяшки. И это как будто ранит его, потому он сжимает руку в кулак и опускает на сидение. — Я ненавижу насилие. Поверь, я улавливаю иронию этого заявления, учитывая то, что играю в футбол. Но это не одно и то же. На поле, наша сила и агрессия под контролем. Ну, в основном. И мы соревнуемся на равных. Но вне поля? — он качает головой. — Только трус использует свои кулаки, когда может просто взять и уйти.

Я делаю вдох, ощущая себя сейчас полностью трезвой.

— Мне жаль, что я спровоцировала твоего брата и вынудила с ним драться.

Брови Грея поднимаются от удивления, а затем хмурятся.

— Никогда не сожалей, что была самой собой. Я всегда буду защищать тебя, Айви, я буду следить в оба, — он снова смотрит на свою руку. — Я хотел выбить из него все дерьмо лишь за разговор с тобой. Это... тревожит меня. Я не хочу быть похожим на них.

— На них? — спрашиваю я.

— У меня три брата. Джонас — старший. На двенадцать лет старше меня. Есть еще Лейф, он на десять лет старше, а Аксель — на три. Я младший. Аксель нормальный парень но мы не близки с ним. Джонас и Лейф — полные мудаки.

Он бросает на меня хмурый взгляд, его брови сходятся на переносице.

— Ты и правда ни разу ни гуглила меня? — в его тоне не слышится обвинение, лишь немного удивления.

— Нет, — признаюсь я тихо. — По правде? Я хотела, чтобы наша дружба была лишь по тому, что ты Грей, а я Айви. А не из-за того, что о тебе думает весь остальной мир.

Какое-то время он просто смотрит на меня, и его выражение не говорит мне ничего. А затем свободной рукой Грей тянется и проводит кончиками пальцев вдоль моей щеки.

— То же могу сказать и о себе, Айви Мак, — он убирает руку, а его голос становится резче. — Что ж, предполагаю, ты не узнала Джонаса?

— А должна была?

Он смеется, но невесело.

— Думаю нет. Хотя он, вероятно, слетел бы с катушек, услышав это, — Грей пожимает плечами. — Джонас Грейсон — лайнмен-суперзвезда, двукратный победитель Супер Кубка...

— Святое дерьмо, — перебиваю я его, когда понимание накатывает на меня волной. — Джонас и Лейф Грейсоны. Лейф — защитник. А Джонас... — я пытаюсь вспомнить все, что знаю о них, и меня пронизывает ужас. — Четыре года назад его жена подала на него в суд за то, что он ее избивал. Это было шумное дело.

— Ага, — отвращение искажает лицо Грея. — Очевидно, он избивал ее в течение нескольких лет, и она наконец-то пресытилась этим. Он отыскал юриста-слизняка и увернулся от наказания.

Мой желудок сводит. Джонас избивал женщину. А я драконнила его. Если бы Грей не вступился за меня... Дрожь пробирает мое тело.

— К сожалению для него, — говорит Грей, — его контракт как раз заканчивался, и команда отказалась его продлить. Никто не хотел иметь с ним дела. Не помогло и то, что в течение последних двух сезонов брат играл откровенно дерьмово.

— Это положило его конец, — бормочу я.

— А Лейфа, — добавляет Грей, его отвращение нарастает, — просто отстранили за вожделение в пьяном виде. Однако могу сказать из своего личного опыта, что грешил он не только этим.

— Так твой отец — Джим Грейсон, — один из лучших и самых любимых тренеров за все время существования NFL. — Я идиотка. Ты — часть футбольной династии. Как я раньше не замечала этой связи?

Грей пожимает плечами.

— Ты не искала обо мне информации. А я не разговариваю об этом ни с кем. Ребята в моей команде знают, что мне не нравится об этом говорить. Однако спортивные комментаторы *любят* упоминать мою семью во время каждой игры, в которой я принимаю участие, — он потирает кулаком по своему бедру. — Мой папа... Он верит в физическую силу. Сколько себя помню, он выгонял меня во двор для тренировки, чтобы мои братья, так сказать, "укрепили меня". Не было никаких запретных приемов.

Мне не нравится как это звучит. Совсем.

— Но твои братья на десять лет тебя старше. Они могли бы и тебя убить.

Грей говорит медленно, словно выдавливая каждое слово.

— Бесконечные тренировки. Жесткие стычки. Все было приемлемо. Они наслаждались этим. Аксель не так сильно, так как он все-таки тоже был младшим. Но что он мог поделать?

Я продолжаю молчать, позволяя ему закончить рассказ.

— Не думаю, что папа реально знал обо всем. Особенно о том, что Джонасу и Лейфу нравилось бить меня вне поля. Хотя, может он и знал, — Грей качает головой. — Кто на хрен знает? Когда я пожаловался ему, то он отчитал меня. Сказав: "Футбол не для нытиков и слабаков. Так что затяни потуже ремешок, молокосос. И возвращайся к работе." Вот так.

— Тогда как ты вообще смог полюбить игру? — шепчу я.

Его рука сжимает мою.

— Не знаю. Но я люблю футбол. Потому что когда нахожусь на поле, выкладываясь на полную, я забываю о них. Это моя игра, и я владею ей. Я не знаю... Это контроль в жизни, полной хаоса. Та же история с математикой. Есть правила, границы, числа. Все работает в системе. Победы завоевываются за счет точности. Это доставляет мне радость. Думаешь, это странно?

Он смотрит на меня, его глаза полны беспокойства.

— Нет. Я понимаю. Я так же сильно стараюсь держаться подальше от спорта, как и Фи. Это результат отразившегося на нас поведения отца. Разрушившего его брак с мамой. Но я люблю это.

Он кивает, однако отпускает мою руку, хватаясь за руль.

— Я ненавижу братьев. Всегда ненавидел. И отца тоже ненавижу за то, что позволял им делать это со мной, намеренно или просто игнорируя происходящее.

— А твоя мать? — мне не следует об этом спрашивать, но я не могу сдержаться. — Она знала?

Его лицо белеет, как и костяшки пальцев.

— Я никогда не говорил ей, — прерывистое дыхание срывается с его уст. — Потому что если бы сказал, и она... — он смотрит в окно.

— Что, если бы она не остановила их?

Слабый кивок служит вместо его ответа.

Боже, как же мне хочется его обнять. Но я не двигаюсь, не знаю, сможет ли он справиться с этим прямо сейчас.

— Чувствую себя дерьмово, думая об этом. Потому что моя мать была для меня особенной. Доброй, внимательной, терпеливой, — он фыркает. — Я не представляю, что она на хрен нашла в моем отце. Они познакомились на какой-то вечеринке в колледже. Он был главным тренером, а она норвежской студенткой по обмену, как раз оканчивающей аспирантуру. Мама всегда говорила, что папа ее очаровал, и она последовала бы за ним куда угодно.

Грей качает головой, кривясь от отвращения.

— Однако, когда она заболела, то именно я должен был присматривать за ней. Папа не мог с этим справиться. А братья не хотели. Они ненавидели меня еще и из-за мамы, — шепчет он. — Я был ее любимчиком. Ее малышом.

Я задумываюсь о подростковом возрасте Грея, вынужденного ухаживать за умирающей матерью и не получающего поддержки от остальных членов семьи.

— Спорю, ты был первоклассной сиделкой, — говорю я нежно.

Он снова фыркает и прислоняется спиной к креслу, бросая взгляд на потолок.

— Я оставил ее умирать в одиночестве.

Дождь стучит по капоту грузовика, и музыка тихо играет из динамиков.

— Что ты имеешь в виду? — наконец-то спрашиваю я.

— Она умерла в одиночестве, — он закрывает глаза. — Я оставил ее.

— То есть, она умерла, когда тебя не было рядом? Грей, так случается иногда...

— Нет, я сделал это нарочно, — он зажмуривает глаза. — Моя мама... Мы оба знали, что смерть близко. Что она вот-вот с ней встретится. В ту субботу была игра за звание чемпиона. Я не пошел бы на нее ни за что. Но она взяла меня за руку и сказала, что я должен пойти. Ради нее. Это... — он напряженно сглатывает, и его кадык вздрагивает. — Я знал, почему она так говорит. Знал, что она не хотела, чтобы я видел ее смерть. Ей было бы слишком трудно, если бы наблюдал. И я...

Он прижимает руку к глазам.

— Я не смог это сделать, Мак. Я выбежал из комнаты, словно трус. Пошел на игру, как настоящий слабак. Потому что не мог видеть, как она уходит.

Я больше не в силах сдерживаться. Перегибаюсь через консоль и обнимаю его, притягивая ближе. Он наклоняется, вздрагивая. Его лицо утыкается в мои волосы, и парень прерывисто вздыхает.

— Мой отец офигеть как ненавидел меня за это. Я должен был присматривать за ней.

— Нет, это он обязан был быть с ней рядом, — говорю я, едва сдерживая гнев. — Она была его женой.

Грей мотает головой.

— Я должен был быть сильнее их.

— Ты и так самый сильный мужчина из всех, кого я знаю, — я целую его в макушку, щеки, везде, куда могу дотянуться, не выпуская его из объятий. — К тому же, ты поступил,

как она того хотела. Даже не думай так о себе.

Но Грей просто дрожит, словно не в силах оставить все это в прошлом. Я снова сажусь на свое место, притягивая его к себе так, что он ложится на консоль и мои колени.

Его размеры позволяют это сделать. Но вздыхает Грей так, будто это самое удобное в мире место. Слегка улыбаясь, я провожу пальцами по его волосам. Они такие густые и шелковистые.

— Боже, как же приятно, — говорит он, вздыхая. И в следующую секунду его рука оборачивается вокруг моих коленей, крепко обнимая их. — Айви, прости, что втянул тебя в это.

— Перестань, — я кладу ладонь на его щеку, позволяя своему теплу согревать его тело. — Я сама попросила рассказать мне об этом. Я же твоя девушка, верно?

— Черт, да, — его захват становится еще крепче, как будто он боится, что в любой момент я могу сбежать. — И ты об этом не забыла.

— Никогда. Это именно то, что делают девушки, ты же знаешь.

Его щека вздрагивает под моей ладонью, когда Грей слабо улыбается, а в уголках его голубых глаз появляются морщинки. Его ресницы нереально пушистые и длинные, у основания золотистые, но ближе к кончикам темнее.

— Я не отпущу тебя, Айви Мак. Говорю на случай, если вдруг это еще не стало для тебя очевидным фактом.

Тепло разгорается внутри моей груди.

И когда он закрывает глаза, довольно, но все еще грустно, вздыхая, я тянусь и выключаю свет в салоне авто. Кабина погружается в тьму, и Грей еще немного расслабляется.

Я продолжаю поглаживать его волосы. А его тело становится все тяжелее и теплее.

— Моя мама обычно так делала. Проводила пальцами по моим волосам, когда я был расстроен, — он снова вздрагивает, прерывисто вдыхая. — Я скучаю по ней, Мак, — его голос надломлен, и это разбивает мне сердце.

Я легонько провожу большим пальцем по его виску.

— Я знаю, Кексик. И мне жаль.

Он не произносит больше ни слова, просто лежит с закрытыми глазами, так и не отпуская меня. А я глажу его по волосам, пока вторая рука покоится на его твердых бугристых мышцах бицепса.

— Мак?

— А? — звуки дождя и прижатое ко мне тело Грея, кажется, усыпили меня, и моя голова сейчас покоится, опираясь на окно. А пальцы уже автоматически поглаживают его волосы.

— Я пиздец как рад, что одолжил тогда твою машину, — выдыхает он, поглаживая мою ногу, будто она представляет собой нечто драгоценное. — От одной мысли, что тебя могло бы не быть в моей жизни, становится плохо. Я... Ты — счастье, в котором я нуждался, но не осознавал этого.

Его слова оплетают мою грудь и крепко сжимают ее. Я досконально понимаю, о чем идет речь, потому что воспринимаю Грея точно так же. За всю мою жизнь я дружила со многими людьми, но ни с кем из них отношения не возникали столь быстро и не значили для меня так много, как наши с Греем. Моя привязанность к нему почти пугает, сила эмоции может поглотить.

Неосознанно я начинаю быстро моргать, перед глазами встает пелена, затуманивая мой

взор. Я так расчувствовалась, что наклоняюсь вперед и целую Грея в щеку. Он очень приятно пахнет, цитрусами и свежим хлебом, с примесью чистого аромата Грея. И от того я не могу не оставить еще несколько нежных поцелуев по всему его лицу. Его голова немного поворачивается, а тяжелая рука ложится мне на шею, удерживая поблизости, пока его губы встречаются с моими в поцелуе.

Эмоции внутри меня бурлят и растекаются по венам. И сейчас я точно знаю, что люблю его. Я люблю Грея Грейсона больше чем, как думала, это возможно. Всем своим существом я боялась его полюбить. Но сейчас по уши втюрилась. Я — его девочка и буду ею так долго, как только смогу.



Некоторые люди взрослеют постепенно, фундамент их детства оседает так медленно, что они едва ли замечают перемены. До тех пор, пока однажды просто не понимают, что уже стоят на своих собственных двух ногах, лишь подозревая о том, как так получилось.

Но есть другие люди, чье детство разбито на осколки. Зрелость затягивает их как черная дыра, и они не знают, за что ухватиться, в результате, ужас этого падения оставляет неизгладимый шрам на их душах. Смогут ли эти люди когда-то почувствовать себя в безопасности? Этот вопрос часто мучает меня, так как я отношусь ко второй группе, я упал слишком сильно и быстро. День ото дня я жил и, казалось, продолжал падать, не в силах отыскать ту единственную вещь, за которую можно было бы ухватиться, ничто не казалось надежным.

А затем я встретил Айви. И сам не знаю как, но она поймала меня. Айви — мой покой, тепло и надежда, за которые я так крепко ухватился, что боюсь, если она меня отпустит, я снова полечу вниз.

Факт, что один человек владеет моим счастьем на подобном уровне, пугает до чертиков. Я знаю, насколько хрупкой может быть жизнь. Сегодня ты здесь, а завтра и след простыл. Но только дурак прерывает свою жизненную линию.

Я не дурак, даже при том, что веду себя, как будто хочу отстраниться от этого мира.

Именно поэтому я готов сделать что угодно, лишь бы удержать Айви рядом.



GrayG: Думаю, нам нужно внести правило о секс-переписке в наш план игры.

IvyMac: У нас есть план игры? Когда это мы его составили?

GrayG: Он всегда у нас был. План Айви и Грея. И он эпический. Недавно я добавил туда большой раздел под названием секс. Правило для секс-игр № 1: трахаться так часто, чтобы мой член не покидал твоей киски.

IvyMac: Миленько. У тебя реально талант писателя. Ты поэтому пишешь мне, тогда как мы лежим в одной кровати?

GrayG: Я просто хотел протестировать свой новый телефон. Ну и потому, что ты так мило улыбаешься, читая мои смс. Ты всегда так улыбаешься, получая их?

IvyMac: Всегда, Кексик.

GrayG: А сейчас ляг на спину, конфетка. Я собираюсь вылизать эту сладкую киску и увидеть, как твоя улыбка станет шире.

— Грей!

Айви поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня поверх своего голого плеча. Ее щеки розовые.

— Тебе обязательно использовать слово *киска*? Это так грубо, — она кажется раздраженной, но в этих прекрасных глазах скрывается потребность. Видя которую, я ощущаю, как становится твердым мой член.

— Значит влагалище? — я бросаю на нее косой взгляд.

Ее нос морщится.

— Гм... нет.

— Женские губки?

Сейчас она смеется.

— Я никогда не паду столь низко.

Усмехаясь, я отбрасываю в сторону свой телефон и тянусь к Айви. Она такая теплая и стройная, а ее кожа столь гладкая.

— Любовное местечко? — бормочу я, скользя губами по ее телу. — Медовая сладость? Секретный сад удовольствия?

— Бешеные орехи, — обзывает она меня в ответ.

— Знаешь, Мак, у нас возникнут проблемы, если ты не в силах отличить орехи от киски. Давай... — я раздвигаю ее бедра. — Давай я тебе поясню.

Ее телефон выпадает из рук, звуки ее слабых протестов и смеха разносятся по комнате, когда я зарываю голову между ног Айви и нежно целую. Снова. И снова. Пока наконец не ощущаю ее вкус и не теряю себя, упиваясь медовой сладостью и гладкостью киски Айви.



Грей решает трансформировать мою кровать в палатку, навешивая все простыни поверх балдахина, пока мы не оказываемся полностью отделены от всей остальной комнаты. Так как делает он это голышом, то я очень даже не против. Прикусываю краешек нижней губы, когда его бледный крепкий зад напрягается, а мускулы спины и плеч бугрятся. Грей полностью владеет своим телом, двигаясь с невероятной грацией. Однако, предполагаю, что если бы я была настолько здоровой и натренированной, как Грей, то выпендривалась бы так же как и он.

Прямо сейчас же я не могу даже пошевелиться. У меня болит все тело; тот тип боли, обладателем которой вам посчастливилось стать после секс-марафона. Я улыбаюсь этой мысли, уткнувшись носом в подушку. Прошлая ночь была отдана этому делу всецело и полностью. Мы прерывались лишь для того, чтобы немного вздремнуть или поговорить. Но посреди разговора или шутки вспоминали, что да, теперь же мы можем к друг другу прикасаться. И собственно дальше приступали к делу, лаская друг друга руками, целуясь, толкаясь на встречу друг другу бедрами.

Когда взошло солнце, Грей отыскивал остатки *французских булочек* и объявил их лучшей штукой, что когда-либо пробовал. Ну, за исключением моей "сладкой до чертиков киски". За это мне пришлось добавить очков в его пользу за умение быть одновременно лестным и грубым.

Прямо сейчас же, Грей встает рядом со мной и, замечая мою улыбку, усмехается в ответ. Все наши действия — столь грязные, сладостные и пошлые — мы разделяем и храним, как самые сокровенные секреты. Жар распространяется по моему телу, но я не двигаюсь.

Закончив поглощать выпечку, Грей забирается ко мне под одеяло и притягивает меня поближе. Его кожа прохладная, и я оборачиваю руки вокруг его большого тела, пытаюсь согреть. Грей выдыхает, а затем неспешно покрывает нежными поцелуями все мое лицо.

— Назови меня безумцем, — говорит он, целуя меня в щеку, — но с тех пор как в детстве я увидел *Рождественскую Историю*, хотел спать в завешанной тканью кровати.

Я провожу ладонями по его плечам. По ощущениям, это словно сочетание теплого атласа и резного гранита. Как же я люблю к нему прикасаться.

— Хммм. В нашем случае это более похоже на одну из тех старомодных парусиновых палаток.

Он бросает взгляд на белые простыни вокруг нас. В заливающим комнату солнечном свете, наше маленькое замкнутое пространство озаряется золотым сиянием. Но здесь так уютно и спокойно, это наш мирок. Я пододвигаюсь еще ближе к Грею, прикасаясь к его челюсти, следуя пальцем по изгибу его пухлой нижней губы. В ответ он прикусывает кончики моих пальцев.

— Ага, нам реально очень нужны черные простыни для воссоздания викторианского эффекта.

— Да все нормально, я вот всегда мечтала о сафари из фильма *Из Африки*, — улыбаясь, я тру пальцами по его виску. — Ты мог бы быть моим Робертом Рэтфордом и чуть позже

помыть мне голову.

— Разве он не староват для тебя, Мак? — Грей морщит нос от притворного ужаса.

— У сексуальности нет срока годности, Кексик.

— Ну, по крайней мере, я знаю, что тебе нравятся блондины, — он сильнее зарывается в подушки. На фоне нашего гнезда из белых простыней его кожа кажется нереально медового оттенка, а глаза — лазурно-голубые. Он такой офигенно красивый, что у меня дыхание перехватывает.

— Я влюблена в тебя, — говорю я.

И будто находясь под таким же сильным гипнозом, Грей исследует взглядом мое лицо, пока его длинные и ловкие пальцы скользят по моему телу.

— Я и правда имел в виду то, что сказал ранее, Айви. Я охуеть как безумен из-за тебя, я... — его зубы прикусывают полную нижнюю губу. — Я никогда не ощущал ничего подобного. И не хочу все испортить.

Волнение и раздумья омрачают его черты, словно парень цепляется за это мгновение, не желая позволить ему ускользнуть. Умиление сдавливает мне горло. И я облизываю губы, ощущая, какими чувствительными они стали от его поцелуев.

— Я знаю, — шепчу я. — Это большое дело, Грей. Но если мы будем честны друг с другом, когда что-то идет не так, то в конце концов все будет хорошо.

— Значит, так мы и поступим, — огрубевшим кончиком пальца он проводит по моему лбу вниз к щеке. — Мак?

— А? — я тоже не могу перестать к нему прикасаться. Его шея. Жесткий изгиб плеча. Пульсирующая венка на внутренней стороне руки.

— О чем была твоя фантазия?

Я останавливаю свои исследования его тела.

— Что? Ты имеешь в виду сексуальная?

— Ага.

Жар заливает мои щеки.

— Я не... Нет. Я не могу тебе это рассказать.

— Почему нет? Ты подробно рассказала мне, как бы хотела быть оттраханой, — он широко улыбается. — И это, кстати, было очень сексуально.

Я наклоняю голову, прижимая лицо к его плечу.

— Это другое. Мы говорили по телефону.

— Но я так сильно хотел тогда быть здесь с тобой в этой кровати, Мак. Думаю, я стер свой член, который вставал по стойке смирно лишь от звука твоего голоса.

Смешок срывается с моих уст, и я целую грудь Грея.

— Я тоже хотела, чтобы ты был здесь.

Грей снова угукает, а его большая рука поглаживает меня по голове до тех пор, пока парень не отодвигается, чтобы заглянуть в мои глаза.

— Так что это, а? Какова твоя глубинная, темная, шаловливая фантазия?

— Почему ты так сильно хочешь это знать?

Маленькая морщинка пролегает между его бровями, когда он разглядывает мое лицо.

— Потому что хочу дать тебе все. Каждый сексуальный опыт, о котором ты мечтала. И все то, о чем даже не подозревала, что хочешь.

О. Мое дыхание замирает.

— Давай же, — он трется своим носом о мой. — Расскажи мне, сладкая.

Я закрываю глаза.

— Ладно. Моя фантазия не столь драматична или креативна. В ней меня просто соблазняет незнакомец.

— Соблазняет? — Грей целует меня так, словно нуждается в том, чтобы ощутить мой вкус. — Каким образом?

Господи. Так неловко. Я шумно вздыхаю.

— Ну, я не хочу, понимаешь? Но он уговаривает меня сделать это. Вынуждает раздеться, несмотря на то, что я отказываюсь. И... ну знаешь, — я издаю приглушенный стон. — Трахает меня.

— Типа немного извращенным образом, — в голосе Грея слышна улыбка. — Я впечатлен, Мак.

Я открываю глаза, глядя на него.

— Это *не* фантазия об изнасиловании. Мне не нравится насилие. Меня не возбуждает неведомая опасность. В реальной жизни я бы ударила парня кулаком в горло, если бы он...

— Все в порядке, дорогая, — он прижимает ладони к моим щекам, выражение его лица серьезное, открытое. — Я понимаю. Это называется фантазия с определенной целью, — уголок его рта приподымается, а в глазах пылает жар. — Мне нравятся твои фантазии.

В ответ я пренебрежительно фыркаю. Он смеется, снова нежно целует меня.

И мой стыд растворяется от выражения волнения и заботы на его лице.

— А что на счет тебя? Какова твоя глубинная грязная фантазия?

Грей вздрагивает, словно я его удивила.

— Моя?

— Ага, твоя, — я хмурюсь. Кажется, будто он не ожидал, что я вообще могу поинтересоваться его потребностями. — Почему бы нам не попытаться воплотить и твои мечты?

Его руки покидают мое тело, а веки опускаются, скрывая от меня его глаза.

— Нет. У меня на самом деле нет ни одной.

— Чушь собачья. У каждого есть фантазии.

Его широкие плечи напрягаются.

— Не у меня.

Я приподымаясь на одном локте, перенося на него свой вес, а затем сердито гляжу на Грея.

— Ты не хочешь мне рассказывать. Невероятно, — я тыкаю пальцем в его грудь. Это равносильно тыканью пальцем в скалу. — Ты мне не доверяешь.

На эти слова Грей прищуривает глаза.

— Я доверяю тебе больше, чем кому-либо в этом мире.

Его тон резкий и настороженный. Он кажется столь непреклонным — его челюсть стискивается, словно парень готовится к драке — и поэтому мне стоит унять свое разочарование. Я не хочу давить на него. Даже если меня ранит его отказ открыться передо мной, тогда как я только что рассказала ему свои сокровенные мысли.

Глубоко вдыхая, я опускаю голову поверх его предплечья.

— Знаю, это сложно, но я не стану смеяться. Обещаю.

Грей отказывается встречаться со мной взглядом, вместо этого прикусывая губу, тогда как его щеки покрывает румянец.

— Я не думаю, что ты станешь смеяться. Просто... Это особенная фантазия, если

можно ее так назвать, она не исполнится, если я о ней расскажу. Это глупо. Я знаю. Но такова правда, — в его глазах кроется мольба. Он знает, что несправедлив ко мне, но хочет, чтобы поняла.

Снова вздыхая, я кладу под голову подушку и смотрю на него.

— Ладно. Если ты не можешь рассказать мне, значит я попытаюсь понять это самостоятельно.

И хотя его плечи все еще напряжены, во взгляде Грея появляется намек на вызов.

— Покажи-ка свои супер-способности, Специальный Соус.

— Вот увидишь, — это что-то, что смущает Грея. Так что мои варианты ограничены. Потому что Грей по своей природе не стеснителен в сексе. Я провожу пальчиками вдоль впадинки на его груди к животу. Его соски напрягаются в ответ на мои прикосновения, и я усмехаюсь. — В этой фантазии ты представляешь себя с другим мужчиной?

Грей давится со смеху, но одновременно с тем и расслабляется.

— Нет. Хотя я вижу, что это интересует тебя.

— Ну... — мои пальцы кружат вокруг крошечного твердого соска. — Думаю, было бы крайне возбуждающе посмотреть на такое.

Его дыхание перехватывает, а бедра толкаются вперед. Сейчас его член снова твердый и жаждущий, прижимается прямо к моему боку.

— Это больше похоже на твою фантазию, а не мою, Мак, — слабая улыбка растягивает его губы, когда он опускает голову на свою руку и наклоняется вперед. — Я чувствую себя такой использованной дешевкой.

— Ммм... бедный мальчик, — нежно я целую изгиб его шеи как раз там, где бьется пульс. Я реально люблю то, как его тело реагирует на меня, вздрагивая от удовольствия. То, как его большие руки скользят по моим бедрам, словно прикосновение ко мне дарит ему не меньшее наслаждение. Наши движения такие приятные и ленивые, что сладостная боль внизу моего живота все нарастает. Я позволяю ей неспешно усиливаться, пока просто прикасаюсь к нему, наслаждаясь предвкушением снова ощутить его внутри.

Мой голос хриплый, когда шепчу:

— Не волнуйся, Кексик, я буду здесь, чтобы держать тебя за руку.

Смех Грея вызывает гул и вибрацию его груди. Его рука скользит вверх по моему бедру прямо к моей попке. Сжимая ее, он опускает голову так, что наши носы соприкасаются.

— Хорошая попытка, Мак. Но у тебя нет ни шанса. Я не хочу делиться тобой.

— Даже если к нам присоединится не парень, а девушка? — дразню я.

Его ноздри расширяются, когда Грей втягивает воздух, а его прекрасные губы слегка изгибаются.

— Этот образ кажется более возможным. Но, все же нет, я не хочу видеть другую девушку в нашей постели.

Мне нравится, как он использует словосочетание "*наша постель*", переплетая свои пальцы с моими. Его вторая рука медленно скользит от моей попки вдоль бедра, приподымая мою ногу и устраивая ее поверх его бедра. Открывая меня. Кончик его пальца скользит по моей открытой киске, так легонечко и мимолетно, я бы никогда и не подумала, что такое возможно. В ответ мои стеночки сжимаются.

Теряя над собой контроль, я слышу, каким хриплым стал мой голос.

— Значит, твоя тайная фантазия не включает в себя несколько девушек в твоей кровати?

Его улыбка все еще сияет, но в глазах появляется настороженность. И поскольку я

довольно хорошо знаю Грея, то понимаю этот взгляд. Невольно мое тело напрягается.

— Верно, — говорю я, имитируя легкомысленный тон. — Ты уже это делал, — конечно же, делал. Он рассказывал мне, какой дикой была его сексуальная жизнь.

Я хочу отвернуться. Закрыть глаза и не думать о Грее и тех женщинах, с которыми он был.

Но он тоже меня знает. И потому его руки тянутся и сжимают мое лицо так осторожно, словно это мое сердце.

— Эй. Мне не по душе это выражение твоего лица. Видя его, я думаю, что твои мысли направлены в неверное русло.

Я пытаюсь улыбнуться, но терплю неудачу.

— Это глупо. Мне не следует ревновать...

— Нет, не следует, — соглашается он, и его большой палец ласкает мою щеку.

— Но я не могу сдержаться. Думаю о всем том, что ты делал... — я отвожу взгляд и прикусываю губу, пытаюсь остановить поток ерунды, что так и норовит сорваться с моих уст. Но я и так уже сказала слишком много. Ощущая приступ тошноты, я решаю выложить все карты на стол. — Что, если просто быть со мной тебе надоест?

— Надоест? — повторяет Грей. Я бросаю на него взгляд, обнаруживая, что он пристально смотрит на меня, а его брови приподняты, глаза широко открыты и шокированы. — Думаешь, я предпочту кровать полную цыпочек, сексу с тобой?

Господи. Мои страхи с его уст кажутся такими глупыми.

— Я не хочу думать об этом, — бормочу я.

Грей упирается своим лбом о мой так, что его дыхание согревает мои губы.

— Ох, Мак. Как же ты ошибаешься.

Я борюсь с огромным желанием вырваться из его объятий. Почти на автомате его рука снова движется к низу моего живота. Его пальцы начинают исследовать мою киску, отчего создается впечатление, будто Грей просто не может сдержаться. Я выгибаю спину, открываясь для его прикосновений, пока жар лижет мою кожу.

Но его взгляд неизменно сфокусирован на моем лице.

— Хочешь знать, на что это похоже? — спрашивает он. — Все эти вещи, которые я попробовал?

— Не очень, — бормочу я.

— Ну, я все равно тебе расскажу. Я обещал никогда не лгать тебе, так что ты знаешь, сказанное мною — правда, — его голос серьезен, а выражение лица искреннее. — Это было мне в новинку. Я почти все время словно наблюдал за всем со стороны, смеясь над самим собой и тем, что занимаюсь этим. А во все остальное время, я ощущал неловкость, потому что чей-то локоть врезался в тело кого-то другого; плюс, то безумие, когда девушки начинают явно имитировать, что они нравятся друг другу, потому что думают, ты хочешь увидеть интим между ними, — он откашливается. — Ага. Это не так сексуально. Это не похоже на секс с тобой.

— Грей...

— Нет, Айви. Не отмахивайся от этого, — шепчет он. — Ты должна знать. Я возбуждаюсь от поцелуя с тобой сильнее, чем от секса с любой женщиной, которая была у меня ранее, — и в подтверждение этого, его губы накрывают мои. Он целует меня медленно, уделяя внимание каждому уголку моего рта, и от этого мои внутренности плавятся, а дыхание Грея ускоряется.

Наши рты то встречаются, то расстаются, и он сексуально облизывает мою губу.

— Так возбуждающе. Столь совершенно.

В одно движение он перекачивается и нависает надо мной, его руки заключают в тиски мои плечи, а затем Грей погружается в меня, его твердый, горячий член резко и уверенно наполняет меня. Это действие настолько неожиданное, такое приятное, что я ахаю, а мои ноги сильнее раздвигаются, позволяя ему погрузиться еще глубже.

— Да, — говорит Грей. — Вот так.

Он бормочет себе под нос, толкаясь в меня, словно ему приходится приложить все усилия, чтобы вонзять в меня свой толстый член. Мое тело концентрируется на том, как приятно, когда он растягивает меня и наполняет собой. С каждым разом погружаясь чуть глубже.

В рассеянном свете его кожа кажется золотой, а в голубых глазах пылает пламя.

Губы Грея двигаются в унисон с моими.

— Вот так, Мак. Делать это с тобой — самое сексуальное, что я, черт побери, делал в своей жизни. И все из-за тебя. Ты так сильно меня заводишь, что я хочу погружать в тебя свой член. Раз за разом, — дрожь пронизывает его тело, а кожа покрывается мурашками. — Это лучшее ощущение на всем белом свете. Я не хочу, чтобы оно заканчивалось. Я не хочу возвращаться к старому, в то холодное место, где нет смысла.

Всхлипывая, я обнимаю его за плечи и притягиваю ближе, пока его покрытая потом гладкая грудь не начинается тереться о мою. Грей зарывает лицо в изгиб моей шеи и стонет, продолжая трахать меня.

Боже, то, как он движется, используя все свое тело, придерживаясь устойчивого, быстрого ритма, который кажется таким грязным и сексуальным, словно Грей использует мое тело. И одновременно с тем словно он мне поклоняется.

Он прав, это лучшее ощущение на всем белом свете. Мои бедра приподымаются ему навстречу, а руки скользят по его крепкой упругой заднице, которая дергается с каждым новым рывком.

— Вот так, сладкая, — стонет он. — Вот так. Двигая этой сладкой маленькой попкой, трахай меня в ответ. Боже, как же хорошо, — сейчас его дыхание прерывистое, а капельки пота блестят на коже. — Не останавливайся. Никогда не останавливайся.

Он входит глубже, ударяя пахом о мой клитор, и я теряю рассудок. Я уже не осознаю, как именно он берет меня. Есть только удовольствие, Грей и жажда большего. Мне всегда нужно больше. И когда я кончаю, он еще раз толкается, жестко и отчаянно. А затем следует за мной, выпуская протяжный низкий стон, от которого его грудь вибрирует.

Я все еще обнимаю его, прижимая губы к его потному лбу. Грей думает, что отвлек меня от разгадки его тайных желаний. Но нет, сейчас я знаю, что это и собираюсь ему это дать. Приложив все свои усилия.



Каждую свободную минутку мы с Греем стараемся провести вместе. В целом, распорядок нашего дня не меняется, вот только сейчас вместо простого общения мы занимаемся сладостным горячим сексом. И нам обоим все никак недостаточно. Этот семестр занятий Грея окончен, но напряженные тренировки и подготовка к плей-офф забирает у него довольно много времени.

— Клянусь богом, по ощущениям кажется, мои квадрицепсы и подколенные сухожилия оторвали от костей, — говорит Грей мне по телефону, пока я готовлю куриный салат. Я смотрю на грудку и разрываю мясо на кусочки, кривлюсь, а затем откладываю его в сторону.

— Возможно, нам не следует устраивать вечеринки на двоих, пока у тебя не появится просвет в тренировках, — говорю я. Нехотя, потому что мне бы очень хотелось проводить с Греем все время.

Он издает резкий звук, от которого мой телефон вибрирует.

— Я притворюсь, что ты этого не говорила, Мак, — он растягивает слова. — Иначе это может нанести непоправимую травму моим хрупким чувствам.

Я смеюсь над этим.

— Не волнуйся, Кексик, прямо сейчас я по большей части раздумываю о твоём члене у меня во рту.

Грей издает приглушенный звук.

— Иисусе, Айви. Ты не можешь говорить мне подобного, зная, что я буду представлять себе это весь остаток дня. Ты что, пытаешься меня убить? К твоему счастью, прямо сейчас я отмокаю в ледяной ванной.

— Грей! Тебе не следует говорить по телефону, пока ты в ванной. Я прямо сейчас кладу трубку.

Он смеется.

— Ладно, ладно. Шшш. Я положу трубку, но сперва скажи мне кое-что.

— Я не буду заниматься с тобой сексом по телефону. Снова.

— А мне это понравилось. Но вопрос не в этом. Ты говорила со своими родителями о том, что не хочешь возвращаться в Лондон?

Я хмурюсь, стоя у барной стойки. Грей не перестает донимать меня этим. А я все избегаю данной темы с мамой и папой. В основном по тому, что я трусиха, но еще и из-за снедающего меня чувства вины. Черт, мне также нужно рассказать им о Грее. По одной новости за раз, однако, рассказать родителям о Грее — не то, чего я так боюсь.

— К черту, — говорю я Греду. — Я скажу им сегодня. После того, как закончу говорить с тобой.

— Сладкая, — бормочет Грей. — Все будет хорошо.

Воздух вырывается из моих легких.

— Я просто не хочу их разочаровать.

Звук текущей воды слышится на заднем фоне, а затем голос Грея становится ниже и приглушение.

— Айви Мак, ты не можешь никого разочаровать, даже если бы попыталась.

— Грей... — мои руки скользят по прохладной столешнице, и я мечтаю, чтобы на месте гранита была его кожа. — Ты реально можешь быть милахой, знаешь же?

— Это просто моя густая кремообразная глазурь. Расскажи им. И перезвони мне после, ладно?



Застать Фи дома стало практически нереально. Но мне везет, когда отправляюсь на поиски в ее спальню. Тогда как моя спальня — это оазис светлых тонов, ее оформлена в темных, с использованием элементов сливового и розового цветов. Это место до жути похоже на утробу матери, особенно из-за избытка сатиновой ткани в виде штор на окнах и кованном железном балдахине — ага, у нас обеих кровати с балдахинами — и этой же тканью оббиты кресла.

Словно маленькая Дюймовочка в розовом цветке, Фи свернулась в розовом кресле и читает книгу, делая по ней заметки на iPad.

— Что случилось? — спрашивает она, не отрывая глаза от работы.

— Я пригласила папу к нам в гости. Он будет здесь в пять.

Ее брови изгибаются, когда сестра наконец подымает на меня взгляд.

— Ага. И что?

Я кладу руку поверх своего трепещущего живота.

— Я собираюсь позвонить по Скайпу маме. Ну знаешь... рассказать им о том, что не хочу работать с мамой в Лондоне.

Фи откладывает свои вещи.

— Тебе нужна моя моральная поддержка?

— Да, — я резко вдыхаю.

Из гостиной до нас доносится голос папа.

— Есть кто дома?

— Мы идем, — кричу я в ответ, когда Фи бросает взгляд на двери.

— Нам нужно забрать у него ключи от этого дома, — говорит она.

— Он никогда не приходит без приглашения, — ну, почти никогда. Я думаю о прижатом поверх моего тела теле Грея, его взгляде на моих губах и том, как папа застает нас в такой момент. — Но, да, — говорю я немного нервно. — Думаю, нам следует попросить у него ключ от этого дома.

— Ну, — говорит Фи, вставая, — он как раз здесь. Так что можно взять быка за рога.

Верно. Я плетусь следом за сестрой в гостиную.

До того как набрать маму на своем компьютере, я не говорю папе, зачем он здесь. Я ставлю ноутбук на столешницу экраном к нам, так, чтобы маме казалось, что она видит

целый сегмент комнаты.

Несмотря на то, что у моей мамы светлые волосы и голубые глаза, мы с ней очень похожи. У Фи наоборот цвет волос мамы, но папины черты.

— Привет, дорогие, — говорит мама, обращаясь ко мне и Фи, пока мы усаживаемся на диване. — Я конечно рада видеть вас двоих, но у вас точно все хорошо?

— Я тоже здесь, Елена, — говорит ей папа. Его отношение к ней всегда немного прохладное, но и душевное.

Я глубоко вздыхаю.

— Дело во мне. Я просто хочу кое-что вам сообщить. Мам, я думаю об этом уже какое-то время, и прости, но я не хочу управлять пекарней.

— Что? — кричит папа.

— Дорогая, почему? — спрашивает мама удивленным голосом.

Сложно объяснить им все причины, но я пытаюсь, а Фи держит меня за руку все это время. Забавно, но обычно это я держу ее за руку, когда она чем-то огорчает наших родителей.

А сейчас их расстраиваю я сама.

— О, Айви, — говорит мама, вздыхая. — Я не понимаю. Ты провела столько времени, вникая в этот бизнес. И тебе нравится печь. Ты уверена, что хочешь бросить все, вложив столько сил?

— Я люблю печь. Но, мам, выпечка и управление пекарней — не одно и то же, верно?

Ее губы сжимаются так же, как и мои, когда я раздражена.

— Нет, — говорит она. — Не одно и то же. Но ты не можешь успешно управлять пекарней, не любя выпечку.

— А еще, по факту, у меня не было личной жизни, пока я работала с тобой, — добавляю я тихо. — Прости, но это правда. Рано ложиться спать, рано вставать. Все сходится к пекарне.

Я бросаю взгляд на папу и снова смотрю на маму.

— Вся моя жизнь была сфокусирована на учебе и работе. Но я хочу большего. Я хочу любить то, чем занимаюсь, хочу, чтобы у меня было время наслаждаться отдыхом.

— Все верно, — медленно произносит мама. — Я понимаю, Айви.

— Ну, а я нет, — говорит папа, хмуря свои темные брови. — Несколько лет ты шла к этому. Я ожидал подобного от Фионы...

— Не втягивай в это Фи, — я сжимаю руку сестры до того, как она сможет воскликнуть что-то в ответ. — Это касается меня и моих желаний.

— Если ты говоришь о том, чтобы проводить больше времени с Грейсоном... — начинает он.

— Закончишь свою мысль, — говорю я тихо, — и я уйду отсюда.

В ответ меня встречает молчание.

— Шон, — наконец-то говорит мама, — Айви двадцать два года. Она уже взрослый человек, так что воспринимай ее должным образом.

В ответ папа бросает в нее сердитый взгляд, но все-таки ослабляет позицию.

— Я просто немного шокирован. Но все в норме, Айви. Я тоже не хотел бы работать с твоей матерью. Как и ты. Так чем бы ты хотела заниматься?

Приглушенный смешок срывается с моих уст. И я прикусываю губы, сдерживая полноценный смех. Потому что из-за того, что собираюсь сказать, кажусь себе немного

безумной. Я знаю, они и посчитают меня такой.

— Я... — боже, подобрать слова сложнее, чем казалось. — Я думаю, что хочу попробовать стать спортивным агентом.

Челюсть Фи отвисает, когда она смотрит на меня.

— Ты стебешься надо мной, правда?

Мама и папа реагируют не лучше.

— Пардон?

— Ты с ума сошла?

Последняя фраза исходит от моего оскорбленного отца.

Я глубоко вдыхаю.

— Я абсолютно серьезна, — мои ноги напрягаются от желания вскочить и убежать. — Я разговаривала с Греем и его друзьями и осознала, что мне доставляет радость помогать им. Я люблю спорт. Я люблю общаться со спортсменами. Это вызывает у меня восторг.

— Ага, но... — Фи беспомощно жестикулирует. — Этот мир полон подонков...

Папа бросает на нее сердитый взгляд, пока мама бормочет под нос что-то причудливое.

Папа сосредотачивается на мне.

— Отбросим образное мышление Фи в сторону, но она не так уж и ошибается. Жизнь жестока, и это не та профессия, которую я бы хотел для тебя.

— Но правда в том, что в какой-то момент я должна решить, чего хочу в жизни. А не чего, как я думаю, хотите вы двое от меня.

Мама снова сжимает губы.

— И что ты намерена делать? Успокаивать нас?

— Не совсем. Я думала, что хочу заниматься и выпечкой тоже. Но не могу сказать, что не стану принимать ваши чувства в роли дополнительного фактора.

Папа качает головой, словно не слышит моих слов.

— Ты всегда ненавидела мою работу. Не лги мне, юная леди. Это так.

— Знаю. Черт, — я встаю и расхаживаю по комнате. — Не знаю, возможно, я могла бы сделать нечто большее.

— Святой Иисус, — кричит папа. — Ты рискуешь приводить в пример Джерри Магуайера.

Я почти смеюсь. Спортивные агенты ненавидят этот фильм, считая его полнейшей выдумкой.

— Я не столь наивна, — говорю я тихо, снова присаживаясь на диван. — Хотя, ну правда, папа? Ты заботаешься о жизнях своих клиентов. Не отрицай этого.

— Конечно, забочусь. Я бы не надрывал зад ради работы, которая меня не волнует. И не надо мне тут "папкать", пытаюсь смягчить ситуацию, — возражает он, сердито глядя на меня.

И тут я фыркаю от смеха.

— Ладно. Возможно, я не очень ясно выразилась о том, чего хочу. Быть может, я могла бы рассмотреть сферу организации и планирования жизни спортсменов. Эта часть меня воодушевляет. Относительно сделок — это не мое.

Фи медленно кивает.

— Я могу себе это представить.

Вздыхая, я провожу пальцем по краю дивана.

— Знаю, это кажется немного странным, но правда в том, что я очень долго себя

отговаривала от профессии папы. Однако всякий раз, как думаю на данную тему, то чувствую себя хорошо. Правильно, — я не могу объяснить это иначе.

Все смолкают. А затем тишину нарушает мама:

— Дорогая, я хочу, чтобы твоя жизнь была счастливой. Если ты веришь, что это твое, то я поддерживаю тебя.

Мое горло сжимается.

— Спасибо, мам.

Папа просто вздыхает и плюхается на подлокотник дивана.

— Ты хочешь работать со мной, — он кажется таким шокированным, что я не могу не засмеяться.

— Я могу справиться и в одиночку, пап. Я не против бросить тебе вызов. Просто обращусь в агентство за стажировкой.

— Нет. Ты хочешь научиться тому, как вести дела, а значит должна научиться этому из правильных рук, — его сердитое выражение лица становится настороженным. — Или я могу устроить тебя к одному из своих коллег, если ты настаиваешь на своей независимости.

— Если ты сможешь относиться ко мне как к любому своему интерну, то я с радостью буду работать с тобой.

— О, ну, спасибо и на этом, — говорит папа без эмоций. А затем раздражается смехом. — Будь готова к адским денькам.

Я невольно начинаю улыбаться.

— Слушаюсь, сэр.

Этот новый выбранный мною курс кажется странным, и думая о нем, я ощущаю, как мои внутренности дрожат, а нервы искрятся. Но впервые будущее вызывает у меня радостное возбуждение. Впервые оно кажется таким, коим должно быть.

IvyMac: Сделано. Родители приняли мой выбор профессии. Я попытаюсь работать с папой. Скажи, что я не свихнулась.

GrayG: Ты не свихнулась. Ведь ты моя девушка. Я так горжусь тобой, Специальный Соус.

IvyMac: Прогуляемся?

GrayG: Хорошая идея. "Ред Рум Лаундж" в 8 вечера. Надень юбку (трусики опциональны, но лучше без них). Подойдешь к бару. Горячий блондин будет уже там. Позволь ему поздороваться с тобой первым.

IvyMac:?? Что за таинственное смс? Ты под воздействием наркоты?

GrayG: Больше никаких вопросов. Тебе понравится то, что я запланировал. Поверь.

IvyMac: Ладно. Но только потому, что ты так говоришь.

GrayG: И не забудь: никаких вопросов. Надень юбку. И сексуальную кофточку.

IvyMac: *Ворчу*



"Ред Рум Лаундж" не из тех мест, в которые я обычно хожу, по крайней мере не по собственной инициативе. Интерьер этого места изыскан, мрачен, а стены окрашены в насыщенный ярко красный цвет. Низкие кремовые диваны расставлены, создавая интимную обстановку для каждой группы гостей. На столах из глянцевого дерева мерцают свечи. И весь стиль данного заведения говорит вам, что вы оказались в ночном клубе для съема девушек. Но клиентура этого заведения не студенты, которые тусуются у Палмеров, а серьезные бизнесмены.

Мужские взгляды следят за мной, как только я вхожу в помещение и отдаю хостес свое пальто. Я сосредотачиваюсь на каждом своем шаге, на том, как черно-белая трапециевидная юбка скользит по моим голым ногам. Для девушки среднего роста она, вероятно, достигала бы колен. Но на мне подол заканчивается лишь на уровне середины бедра, к тому же я была послушной девочкой и не надела трусики.

И теперь мысль о том, что юбка может задраться, вызывает у меня полнейший ужас. Но и странно возбуждает. Я чувствую себя шалунешкой, сексуальной. Для меня это редкость, так как обычно я ощущаю себя словно жираф на фоне других девушек, или же как парень.

Если бы я не выглядывала сейчас Грея, то скорее всего бы и не заметила его сперва. Он стоит возле бара, спиной ко мне. И я знаю, что это он, потому что помню каждый изгиб его тела, то, как он расставляет ноги, словно ожидая следующего броска, его идеально распрямленные широкие плечи. Сейчас он одет необычно. На нем черные слаксы, отлично обтягивающие его задницу и мягкий серый вязаный свитер, подчеркивающий мускулистость его груди.

Словно ощущая мой взгляд, он разворачивается. Святое дерьмо. Его волосы зачесаны назад, открывая лоб и делая более выразительными его скулы, отчего парень кажется старше, серьезнее. Но то, как он смотрит на меня, словно обжигая мою кожу своим взглядом, ускоряя мое сердцебиение. Он знает, какой эффект на меня производит. Я вижу это по его глазам, по тому, как медленно поднимаются уголки его сладостных губ.

Он улыбался мне сотню раз, но никогда так. Это чистый секс, никакой нежности или фамиллярности. Мне следует чувствовать себя оскорбленной. Но вместо этого я возбуждена и, направляясь к нему, ощущаю влагу между бедер.

Его оценивающий взгляд путешествует по моему телу, а кончик языка пробегает по нижней губе.

— Привет, — говорит он, когда я останавливаюсь возле бара. — Я никогда не видел тебя здесь раньше.

Он не смотрит мне в лицо, вместо этого неотрывно глаза на мою грудь. Мои соски тут же твердеют, а с уст Грея вырывается порывистый вздох и какой-то глубокий гортанный хрип.

Мои губы приоткрываются, но с них не слетают слова. Он относится ко мне, как к незнакомке. Слово он — Грей, но и не Грей. И я вспоминаю сообщение. *Подойдешь к бару. Горячий блондин будет уже там. Позволь ему поздороваться с тобой первым.* Не "позволь мне поздороваться", а ему. Мое сердце колотит в груди, а волнение наводняет живот. Я думаю о сексуальной фантазии, которую поведала ему в то ленивое утро.

Наши взгляды встречаются, и в его глазах читается вопрос: Все в порядке?? Ты хочешь сыграть?

Мне приходится постараться, чтобы не усмехнуться, не наброситься на него и не зацеловать до смерти. Вместо этого я опускаю веки и обращаю внимание на бармена, притворяясь, что я не сплошной комок нервов и нетерпения.

— Я жду друзей, — говорю я спокойно Не-Грею, как называю я его сейчас в уме.

— Уверен, что так, — бормочет он.

Приятная мелодия негромко заполняет тишину между нами. Грей опирается своим загорелым предплечьем о стойку бара. На его запястье блестят металлические спортивные часы. Я никогда не видела у него этой вещи раньше. Как и не видела, чтобы Грей пил скотч. Но вот, его сильная рука поднимается, и он берет свой стакан с янтарной жидкостью. Торфяной запах виски наполняет воздух между нами.

Я заказываю цитрусовый martini и пытаюсь игнорировать не-Грея, а он со своей стороны делает все возможное, чтобы нервировать меня, стоя настолько близко, что светлые волоски на его поцелованном солнцем предплечье щекожут мою руку. Настолько близко, я что могу ощутить его взгляд. Так странно знать, что это Грей наблюдает за мной, делая вид, будто я какое-то легкое завоевание. Мне стоит ужаснуться данной мысли. Но, блин, никто и ничто не заставят меня отказаться от участия в этой затее. Его действия выше моего понимания, они разжигают во мне жар, делая влажной и напряженной, а ведь он ко мне даже не прикоснулся. Алкоголь плещется по стенкам моего стакана и охлаждает пальцы, когда делаю глоток. Я облизываю влажные губы, пробуя вкус терпкой сладости, и от Грея исходит странный гортанный звук.

— Я бы хотел это сделать, — говорит он мне очень тихо.

В горле пересыхает. Но я не отрываю взгляд от стены бара.

— Сделать что?

Он пододвигается, а наши плечи соприкасаются.

— Облизать эти губы.

Играя в застенчивую девушку, делаю вид, что шокирована. Но это не отпугивает его. Моя кожа покрывается мурашками от мягкого прикосновения его губ к моему ушку.

— А когда я закончу облизывать твои губы, то возьмусь за эти сладкие маленькие соски, что так четко выступают из-под твоей майки. Они умоляют меня об этом, верно, милая? — теплое дыхание ласкает основание моей шеи, когда Не-Грей выдыхает. — Чтобы их облизывали и посасывали.

Жар накатывает волной на мое тело, концентрируясь в области живота. А он все продолжает говорить этим тихим томным голосом.

— Я сделаю тебя такой послушной и влажной, играя с этими жемчужинками. Настолько офигенно влажной, что когда я наконец-то доберусь до твоей припухшей от возбуждения киски, ты кончишь мне на язык, позволив насладиться твоим вкусом.

Сдавленный стон срывается с моих уст, и мне приходится прислониться к стойке бара, так как колени вдруг подкашиваются. А сердце так стучит о ребра, что я начинаю гадать,

заметно ли это со стороны.

Кончики его пальцев сжимают мой локоть, не сильно, но уверенно.

— Пойдем со мной.

Мое дыхание замирает, а голос тише шепота:

— Нет. Я... Мои друзья скоро будут...

— Мы ненадолго, — говорит он, зависая над кожей моей шеи, и через секунду щелкает по ней языком, пробуя на вкус. — Пойдем же, дорогая. Никто не узнает. Это будет наш секрет.

О, боже, я знаю, что это просто игра, но мое тело дрожит от неутолимой похоти. Я едва ли могу кивнуть в ответ. Но он замечает легкое движение моей головы, удовлетворенно угукая. А затем ведет меня в заднюю часть клуба, пока звук бешено струящейся по моим венам крови шумит в моих ушах. Никто не останавливает Не-Грея и даже не смотрит в нашу сторону. Никогда он открывает двери в маленькую кладовую, никогда закрывает ее за нами.

Не-Грей прислоняется к двери и просто наблюдает за мной. В свете единственной выгоревшей лампочки на потолке его большое крепкое тело кажется почти огромным, угрожающим и напряженным. Очень странно видеть его под таким углом, одетым и ведущим себя, как незнакомец, так легко войти в роль и потерять себя в ней.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я у него, распрямляя складки на юбке, пока мое сердце замедляет свой ход.

Его ответ — мимолетная расчетливая улыбка.

— О, думаю, ты знаешь, дорогая.

Дорогая, милая. Грей никогда не называл меня так. Никогда не использовал столь вкрадчивый тон. И от этого он кажется еще более похожим на чужого мне человека, более опасного.

Не прикладывая особых усилий, он оттесняет меня назад так, что я оказываюсь возле низкой столешницы, тянущейся вдоль всей стены кладовой. Его руки ложатся на мои бедра, когда Не-Грей поднимает меня и усаживает на холодную поверхность. В таком положении мы оказываемся нос к носу. Хватаясь за край столешницы, он нависает надо мной, и его взгляд такой жаркий и блуждающий.

— Вот так, — бормочет он. — Так-то лучше.

— Мне стоит вернуться в бар — слабо протестую я.

И он игнорирует это. Костяшки его пальцев скользят вверх по моей руке, вызывая мурашки.

— Милая маечка.

Даже несмотря на нулевую температуру на улице, я выбрала черную шелковую майку, обтягивающую мою талию и свободно ниспадающую в области груди. Завязки вокруг шеи надежно закрепляют майку на моем теле. Но то, что на мне нет лифчика, явно не ускользнуло от его внимания. Он смотрит прямо на мои затвердевшие соски, пока его пальцы двигаются к моему затылку и легонько щелкают по завязке.

— Сними ее.

— Ч-что?

— Дай увидеть эту сладкую грудь, которой дразнишь меня с тех пор, как вошла в бар.

— Я... — мое дыхание перехватывает. — Нет. Я не стану раздеваться при незнакомце.

Он не отводит взгляда.

— Но ты же хочешь, так? Хочешь, чтобы я увидел тебя, — он наклоняет голову так,

чтобы его губы оказались прямо возле моего уха. — Ты умираешь, так жаждешь обнажиться, показать мне эти прекрасные розовые соски.

Моя кожа словно натягивается от напряжения. Я стараюсь не поддаваться на его уговоры. И он отклоняется, снова сосредотачиваясь на моей майке.

— Развяжи завязку.

— Кто-то может войти, — несмотря на нашу игру, страх быть пойманной реален, и я уж точно не хочу этого.

— Не войдет. Я позаботился об этом.

В это я могу поверить. Грей бы все предусмотрел. По своему, но он тоже планировщик, как и я. Однако сейчас мне сложно думать о нем, как о Грее, не тогда, когда он делает со мной подобное.

Его пальцы двигаются по моей спине, по внутренней стороне руки, дразня кожу вдоль пройм майки.

— Я просто немножко посмотрю.

Моя грудь так сильно болит, она такая горячая и тяжелая, что шелковая ткань лишь сильнее раздражает. Дрожащими руками я тянусь к завязке. Ткань скользит по моей шее и ниспадает к талии. Ее прикосновение к коже подобно ласке.

Не-Грей шумно втягивает воздух, как только его взгляд приземляется на моей груди. Я вижу себя его глазами — полуобнаженную девушку, сидящую в этой тускло освещенной кладовке, с торчащими, словно пики сосками, и вздрагивающей от каждого нового вдоха грудью. Моя уязвимость кажется чем-то озорным и запретным, и я почти хнычу от возбуждения.

Из уст Не-Грея срывается стон чистой удовлетворенности. Не отрывая взгляд от моей груди, он поднимает руку, проводя кончиками пальцев по одному из сосков. Сейчас они настолько чувствительны, что лишь это прикосновение вызывает во мне взрыв безупречного сжигающего вожделения. Я вздрагиваю, и стискиваю зубы от попытки сидеть неподвижно.

Не-Грей укукает, поглаживая мою грудь так, словно владеет мной.

— Такая красивая, — его взгляд наконец-то поднимается к моим глазам. — Тебе это нравится, дорогая?

Прикрывая веки, я прикусываю нижнюю губу и киваю.

Я ощущаю, что он движется. А затем влажность его языка покрывает мой сосок. Мои глаза открываются, и вскрик срывается с губ. Усмехаясь, он продолжает работать ртом над моей грудью. Но на сей раз на его губах играет не обычная самодовольная усмешка, а какая-то более зловещая.

— Ммм. Как вкусно.

Он делает шаг ко мне, и я конвульсивно сглатываю. Голос Грея становится ниже.

— Я вот думаю, где же еще ты такая же отличная на вкус. Может покажешь мне, милая?

Сейчас я почти что задыхаюсь. Мои волосы раскачиваются, когда быстро мотаю головой. Наклоняясь ближе, он проводит кончиком пальца по округлости моей груди. И я почти вскрикиваю снова, когда его пальцы быстро и грубо щипают меня за сосок.

Его улыбка отражает чисто мужское самодовольство.

— Подними юбку и покажи, насколько ты влажная.

Господи. Мои бедра дрожат. Я хочу устоять перед ним. И в то же время жажду сделать именно то, что он велит. И будто бы против моей собственной воли, руки тянутся вниз к

подолу юбки.

Поднимая ее сантиметр за сантиметром. И с каждой новой полоской обнажаемой кожи, мое вожделение возрастает. Я не могу этого вынести. Но тем не менее задираю юбку до самой талии. Прохладный воздух ласкает мою влажную кожу.

Тишина вокруг нас оглушительна. Сейчас я могу сосредоточиться лишь на реве бегущей по венам крови и вибрации моей киски. Не-Грей же просто стоит напротив, прищулив глаза и глядя на меня почти что свирепо. Но я не упускаю из виду то, как его широкая грудь вздымается и опадает на каждом вдохе.

Я ожидаю, что он прикоснется ко мне. Но нет. Он просто смотрит, сконцентрировавшись на моей киске. И это сводит все мои мысли к оценке собственных ощущений и тому факту, как мой клитор пульсирует.

Грей облизывает нижнюю губу, будто представляя мой вкус. И когда говорит, его слова — это требование:

— Разведи ноги шире.

И я повинуюсь, разводя их так широко, что чувствую как напрягаются сухожилия на внутренней стороне бедер.

Но он все еще не прикасается ко мне, доводя до безумия мою жажду. Я хочу его сейчас так сильно, что прикусываю внутреннюю сторону губы и выгибаю спину, предлагая себя своей грудью.

Однако этот ублюдок просто злорадствует надо мной.

— Ты умираешь, так хочешь этого, верно?

— Нет, — шепчу я. Ложь.

И он об этом знает. Уголок его губ приподнимается, тогда как рука тянется к пряжке ремня.

Задыхаясь и сильнее выгибая спину, я наблюдаю за тем, как он медленно расстегивает ремень, и металлическая пряжка дзинькает в тишине. Не растягивая молнии, он проводит основанием ладони по своей основательно выпирающей эрекции.

Мне приходится сжать ладони в кулаки, чтобы тоже не потянуться и не накрыть его член рукой.

Звук расстегивающейся молнии эхом отдается у меня в ушах. А взгляд так и не отрывается от его руки, освобождающей от ткани такой красивый член. Длинный, твердый и толстый, с капелькой светящейся жидкости на кончике головки. Мне известно, насколько гладкая его кожа. Я знаю его вкус. Как он ощущается внутри меня.

— Хочешь этого? — спрашивает Грей.

— Я — хорошая девушка, — шепчу я.

Встречаясь со мной взглядом, он оборачивает пальцы вокруг широкого основания.

— Значит, разреши мне погрузить в тебя это. И ты узнаешь, какие ощущения он может тебе подарить.

— Я не знаю... — смолкая, я прикусываю губу. Притворяясь, что не сорвусь на крик, если он не трахнет меня сию же минуту.

Он делает шаг ближе ко мне, располагаясь между моих ног, и поглаживает член, будто бы нуждаясь в этом небольшом облегчении. От одного этого вида, моя киска сжимается. Облизывая нижнюю губу, Грей двигает пахом к моему центру.

— Всего лишь кончик, милая, — он трет головкой по моим складочкам, размазывая влагу, и я хнычу. Его голос так мрачен, когда Грей произносит: — Всего лишь на

секундочку.

Толстый кончик его члена толкается внутрь меня. Но мое вождение столь интенсивно, что я на автопилоте стону и извиваюсь, ощущая, как дрожь пронизывает все мое тело. Грей тоже вздрагивает, а его член погружается немного глубже, растягивая меня. Вторгаясь в мое тело, он стонет:

— Ох, блядь, мне нужно больше.

И со своей стороны чувствую, как стеночки моей киски сильнее сжимают его член, пока тот скользит еще глубже и глубже, погружаясь на полную длину. Оргазм накрывает меня так сильно и быстро, что выгибая спину, я ощущаю, как пульсирую вокруг его члена.

— Иисусе, — говорит он, удерживая меня за спину. — Иисусе.

Не знаю как, но мне удастся поднять голову и встретиться с ним взглядом. И это больше не Не-Грей, это *мой* Грей смотрит на меня так, словно я самое красивое создание в его собственном мире. И больше мне не хочется притворяться. Возможно, он видит это в моих глазах, поскольку бросает на меня взгляд, выражающий частично муку, а частично беспомощную потребность. И глубоко во мне его член вздрагивает.

Вдыхая, я прикасаюсь к его щеке.

— Грей.

И это все, что ему нужно. Вскрикивая от нетерпения, он притягивает меня ближе, грудь к груди, уста к устам. Он целует меня, не как бесстрастный незнакомец, а как настоящий Грей — сладко, упоительно и немного грязно.

— Айви. Детка, — он трахает меня так, словно смакует каждое движение, удерживая мое тело напротив своего так, чтобы в данный момент двигался лишь его пах, вперед-назад. Этот уверенный ритм так приятен и резок, что я не могу унять дрожь.

— Еще, — шепчу я напротив его губ.

И не останавливаясь, он резко подхватывает меня под попку и разворачивается, прижимая спиной к противоположной стене. Мои ноги обхватывают его за талию, когда Грей с легкостью поднимает меня вверх и вниз, раскачивая на своем члене. И все, что мне остается, это держаться за него, ощущая, как он растягивает меня изнутри.

— Айви, — его поцелуй мимолетен, но столь нуждающийся. — Я близко.

Он вколачивается в меня, двигая бедрами немного по кругу, потираясь о мой клитор и посылая тем самым новую волну удовольствия так, что моя киска сжимается, посылая поток наслаждения по моей коже, бедрам.

Я втягиваю воздух, соприкасаясь с Греем губами.

— Кончай с этим.

Моя попка ударяется о стену. Я прижата, распростерта для него, отдавая все, в чем Грей нуждается. Он кажется мне таким красивым, с хмурым лбом, приоткрытыми от недостатка воздуха устами.

Наши взгляды встречаются, и сейчас именно я не могу нормально вдохнуть. Кажется, мир замирает. Есть только Грей, взгляд его широко открытых ясных глаз и его член, настолько глубоко погруженный в меня, что кажется, будто он нашел свой дом.

Мое тело сжимается как кулак, а сердце мучительно трепещет. Я чувствую его каждой клеточкой, вдыхаю его запах и разделяю жар. Но этот его взгляд, говорящий, что для него никогда и ничто не станет важнее меня, убивает.

На сей раз мой оргазм дарит ощущения боли с примесью удовольствия. Прижимаясь губами к его плечу, я стараюсь не закричать, не желая отпускать его. И он следует моему

примеру, также прижимаясь к моей шее ртом, пока его пальцы впиваются в мои бедра.

Он кончает, и вздрагивая, его тело кренится. Все напряжение покидает его вместе со вздохом.

Мы все еще в паре миллиметров друг от друга, но тут Грей отстраняется, опуская меня на ноги, а затем натягивая свои брюки и застегивая их. Моя юбка соскальзывает вниз по бедрам, когда тяну к нему руку. Притягивая его ближе, я поглаживаю Грея по волосам, утыкаясь носом в теплую впадинку на его шее. Он пахнет сексом, потом и виски.

И я не могу прекратить целовать его шелковистую кожу.

— Спасибо тебе.

Грей проводит руками по моей спине.

— За что?

— За то, что воплотил мою фантазию.

— Это было не сложно, сладкая, — он медленно прокладывает дорожку из поцелуев вдоль моей шеи, посылая тем самым волну озноба по всему моему телу. — По факту, на данный момент это и одна из моих любимых фантазий.

Я наклоняю голову в сторону, предоставляя ему лучший доступ к моей шее.

— Ты был хорош. Тебе стоит подумать о поступлении на театральное отделение.

Он выпускает смешок, щекоча мою шею.

— Я не играл. Все мои слова были искренними.

В отличие от всех моих протестов. Однако реакция моего тела была что ни на есть настоящей и такой интенсивной, что я все еще ощущаю приятное послевкусие. И за это я обожаю Грея, он позволил мне сыграть, при этом подарив ощущение безопасности. Обожаю его за то, что хотел сделать это со мной впервые.

— Я не забыла о твоей, знаешь ли, — говорю я, прижимая губы к его виску.

Грей поднимает голову.

— Моей фантазии? — он пытается держаться безэмоционально, но меня не одурачить.

— Я знаю, что это.

— О, серьезно? — Грей улыбается, но в его тоне кроются настороженные нотки, словно он не хочет верить мне.

— Ага, Кексик, знаю, — я целую его кончик носа. — Ты заботишься о всех и каждом, но кто позаботится о тебе? Этого ты хочешь, верно? Чтобы о тебе позаботились, — мои ладони скользят по его щекам, пока Грей неотрывно смотрит на меня широко открытыми глазами. — И сейчас я возьму это на себя, Грей. Я всегда буду тем, кто позаботится о тебе, будет рядом с тобой.

Его кадык двигается, когда он начинает говорить хриплым голосом:

— Как ты об этом узнала?

Я снова поглаживаю его щеки, втягивая в легкие его знакомый аромат.

— Потому что я знаю тебя.

Грей замирает, задерживая дыхание. А затем отстраняется. Его ладони опускаются по разные стороны от моей шеи так, что длинные пальцы достают до моего подбородка. Осторожно, словно я сделана из хрупкого хрусталя, он целует меня в лоб, в щеки, в мои опущенные веки, кончик носа и наконец в губы.

— Каждый дюйм, Айви, — шепчет он напротив моих уст.

Я открываю глаза и улыбаюсь. Обнимая его за шею, я притягиваю Грея ближе.

— Ты сказал так однажды, перед своей последней игрой. Но по факту так и не объяснил

мне значение этих слов.

Руки Грея опускаются к моей талии.

— До тебя, эти слова означали, что я буду сражаться за каждый дюйм на поле, никогда не сдамся, пока не достигну 10-ти ярдовой очковой зоны. Но сейчас? — его голубые глаза встречаются с моими. — Это значит, что я буду бороться за каждый дюйм тебя. Что буду любить каждый дюйм тебя.

На секунду воздух между нами сгущается, замирает. Его слова действуют на меня, словно теплое одеяло. Проникая мне под кожу, пока Грей лениво улыбается, будто бы осознавая сказанное и еще раз соглашаясь с ним.

— Я люблю тебя, Айви Мак, — его улыбка становится шире, а ладони сжимают мои щеки. — По-настоящему. Очень сильно, — хриплый смешок срывается с его губ. — Так приятно говорить это.

Он любит меня. Ни один мужчина никогда не говорил мне этих слов. Я никогда не хотела их услышать от кого-либо, кроме Грея.

Прерывисто вдыхая, ощущаю, как мое сердце раздувается в груди.

— Я тоже тебя люблю.

В уголках его глаз образуются морщинки.

— Да?

Вставая на носочки, я нежно целую его в лоб, щеки, веки и улыбающиеся уста.

— Каждый дюйм, Кексик.

Грей вздыхает и крепче обнимает меня, пока его губы скользят по моей шее.

— Я никогда не влюблялся раньше.

Я невольно улыбаюсь, сильнее прижимаясь к нему.

— Как и я.

Грей глубоко вдыхает.

— Дрю был прав. Это лучше футбола.

У меня вырывается шокированный смешок.

— О, вау. Это круто.

Грей отстраняется и смотрит на меня сверху вниз. Любовь в его глазах кристально очевидна.

— Круто, типа "О, Грей, позволь мне сделать тебе праздничный минет" круто?

Я сердито смотрю на него.

— Ты убиваешь весь момент, Кексик.

Но он лишь усмехается, поглаживая мой бок своей большой ладонью.

— Это заводит тебя. Признайся.

Смеясь, я тянусь к его прикосновениям.

— Да ладно, — шепчу. — Немного.

Сексуальный незнакомец Грей был очень волнующим персонажем, но Грей, которого я люблю, — все, что мне нужно.

Он тихо и довольно посмеивается, накрывая ладонями мою грудь.

— Я знал это, — его руки начинают выводить круги на моем теле. — Поехали домой и сможем отметить это события правильно.

Я почти что соглашаюсь, но тут он прикасается к чувствительному месту на моей груди.

— Ой, осторожнее.

Грей хмурится.

— Я сделал тебе больно?

— Ага, совсем немного.

Его лицо становится зловеще белым, когда парень снова прикасается к этому месту, а затем шумно втягивает воздух через нос.

— Что за на фиг?

— Что? — спрашиваю я взволнованно.

— Это, — шипит Грей, дергая майку, которая все еще болтается у меня на талии. Выгляда темнее тучи, она наклоняется ближе и указывает на мою грудь. — Это... *уплотнение*, — с его уст данное слово звучит как проклятие.

Хмурясь, я убираю его руки от своей груди и осматриваю себя сама. Ладно, на одной стороне моей груди есть небольшой бугорок.

— Хм. Я никогда не замечала этого.

— Никогда не замечала? — кричит он возмущенно. — Иисусе, Айви. Ты проверяешься у врача?

В обычной ситуации я бы засмеялась, не ожидая того, что парня вообще может волновать подобное. Но это же Грей. Он видел, как его мать умерла от рака груди. Так что я сдерживаюсь и тихо отвечаю.

— Конечно. Это что-то новое.

— Новое? — он прижимает пальцы к своим глазам. — Блядь. Блядь, — его рука падает вниз, а голубые глаза сердито смотрят на меня. — Ты должна это проверить. Сейчас.

— Я не могу пойти к врачу прямо сейчас. На дворе середина ночи...

— Мы поедem в клинику, — он снова ощупывает мою грудь, разглядывая ее так и сяк, агрессивно тыкая в меня пальцем, словно это уплотнение возьмет и растворится.

— Грей, — восклицаю я, отталкивая его руку и пытаюсь завязать майку на шее. — Ты не мог бы прекратить?

— Нет, — кажется, он вышел из себя, а его голос почти что визгливый. — Ты меня вообще слушаешь? Тебе нужно провериться.

Мое терпение на исходе.

— Успокойся, черт побери. В любую секунду кто-то может сюда войти.

И как по волшебству, кто-то неуверенно стучит в дверь:

— Гм, там все в порядке?

— Все в норме, — кричу я.

Одновременно с тем, как Грей орет:

— Убирайся.

— Это не помогает, — кричу я на Грея. Но это отвлечение позволяет мне наконец заплести завязки майки и прикрыть свою грудь.

— Меня не волнует то, что подумает тот парень, — кричит Грей в ответ. — Ты не воспринимаешь ситуацию серьезно. У тебя здесь какая-то выпуклость, — он не перестает кричать. — Чертова, мать вашу, выпуклость. А тебя это даже не волнует?

Я никогда не видела Грея таким. Его кожа мертвецки бледна, а глаза широко открыты и такие дикие. Теперь он так сильно трясет головой, что я начинаю бояться за его здоровье.

— Грей, малыш, тебе нужно успокоиться. Все в порядке...

— Нет, не в порядке, — восклицает он. — У тебя уплотнение на груди. Блядь.

Спотыкаясь, он пятится, ударяясь бедром о полку и опрокидывая швабры, в результате чего те стучат о пол, словно спички.

— Блядь! Я не могу... — он хватается себя за волосы и тянет, ковыляя задом наперед к двери. — Я не могу дышать.

— Грей!

Но он уже открывает двери.

— Я не могу снова это сделать.

И прежде чем я успеваю проронить хоть слово, он убегает. Так быстро, что клянусь, я ощущаю порыв воздуха. И вот я остаюсь одна, гадая, что на хрен только что случилось.



Страшно, как быстро жизнь может повернуться к вам спиной. В одну секунду вы самый счастливый на планете человек. А в следующую — ваша голова идет кругом, а сердце кровоточит и болит в груди. Через тринадцать часов после срыва Грея, я все еще не могу прийти в себя. И не могу его найти. Он просто ушел.

Хоть мне и больно от этого, я делаю так, как он просил. Я не поддаюсь желанию заплакать или выругаться, вместо этого просто еду на прием к врачу. После одного обследования и нескольких тестов меня отпускают, и я покидаю клинику на ватных ногах.

Стоя на тротуаре, я гляжу на пустую автостоянку. Мой разум ушел на каникулы или что-то в этом роде, потому что, кажется, я не могу осмыслить только что услышанное. Результаты обследования не такие, какие я ожидала, совсем не такие. В нескольких метрах от меня маленький розовый Fiat мигает, подобно маяку. И я фокусируюсь на нем, пытаюсь собраться с мыслями. Грей. Мне нужно найти его. Он мне *нужен*.

Неистовая ярость закипает внутри меня, поднимаясь по горлу, и я сжимаю зубы, чтобы сдержать рвущийся на свободу крик. Он оставил меня. Сбежал. И я знаю почему, знаю. Но это не унимает моей злости. Особенно сейчас.

Я смотрю вниз на выданные мне бумаги, которые сейчас сжимаю. Рука немного дрожит, и я глубоко вдыхаю холодный декабрьский воздух.

Засовывая документы в сумочку, я достаю свой телефон. Дрожь прекращается, сменяясь стальной решимостью, от которой мои мышцы напрягаются. Набирая номер, я начинаю шагать к своей машине.

Дрю отвечает на третьем гудке.

— Это Айви, — мое горло будто набито сырым мясом. — Я не могу найти Грея.

Сложно выложить перед Дрю всю эту дерьмовую историю. Но чтобы помочь мне его отыскать, Бэйлору необходимо знать, что Грей слетел с катушек.

— Черт, — говорит он, когда я заканчиваю. — Думаю, я знаю, где он может быть. Позволь мне с ним поговорить, ладно?

— Делай, как знаешь, — поразительно, как ровно звучит мой голос. Тогда как внутри, я рассыпаюсь на кусочки.

— Айви, — Дрю сомневается. — Ты должна понять...

— Я понимаю, — перебиваю я его. — Не нужно объяснять.

— Нет, не нужно — соглашается он.

Я вздыхаю, открывая дверцу авто.

— Просто сообщи мне, когда найдешь его. Мне... — мой голос почти надламывается. Но собравшись с силой воли, я заканчиваю фразу. — Мне нужно с ним поговорить.

— Сообщи, — быстро соглашается Дрю. А затем кладет трубку.

Сидя в маленькой машинке, которая все еще хранит в себе аромат Грея, я сжимаю руль.

Мои ногти вонзаются в мягкую розовую обшивку, а дыхание становится все быстрее. Но я не плачу. Нет. Просто всхлипываю.

Плачь без слез в машине, где все это началось.



Мне нужно вернуться. Мне нужна Айви, а я — ей. Но кажется, я не могу заставить себя пошевелиться. Я тренировался в спортзале несколько часов, пока мои силы не иссякли. Сидя на полу душевой, я ничего не поменяю, но запах отбеливателя и дезодоранта такой знакомый и родной. Безопасный.

Здесь очень тихо, спортзал уже давно закрылся. Так что я сижу, свернувшись в уголке и спрашивая себя, что я на хрен делаю. Но ответы так и не приходят. Только этот больной ебаный страх и потребность свернуться калачиком и отгородиться от всего.

Отдаленный голос в моей голове говорит, что я теряю контроль, непоправимо быстро. На поле я боец. Я никогда не сдаюсь. Так что и сейчас должен привести свои мысли в порядок. Но вокруг царит тишина и онемение.

— Знал, что найду тебя здесь.

Я подпрыгиваю от неожиданности. Мой голова тяжелая, как камень, когда поднимаю ее и вижу в дверном проеме Дрю. Кажется, я не могу вымолвить ни слова. Его тень падает на пол, когда парень проходит в душевую. Медленно он опускается возле меня, протягивая перед собой свою сломленную ногу.

Он ничего не говорит, просто садится достаточно близко, чтобы наши плечи соприкасались. И я вспоминаю. Ночь, когда его родители умерли, а я искал его, найдя в раздевалке спортзала школы. Тогда я сел с ним рядом, пока он рыдал у меня на плече.

Воспоминание посещает меня подобно попадающему в голову мячу. Весь ужас и паника, которые я так старательно сдерживал, всплывают на поверхность.

— Блядь, — выдыхаю я, прижимая кулаки ко лбу, а колени к груди. — Блядь.

Плечо Дрю сильнее прижимается к моему.

— Что происходит, Грей?

Внутри моего горла образуется болезненный ком размером с бейсбольный мяч. Сглатывая его, я отвечаю:

— Айви. У нее образование на... — я резко втягиваю воздух. — На ее... И я вспомнил маму. Когда она рассказала мне о уплотнении, и как она... Черт.

Я не могу дышать. Задыхаюсь от страха, а тело пронизывает дрожь. Даже не знаю, когда Дрю успел обнять меня за плечи. Но он прижимает мое тело к своему боку. И все эмоции высвобождаются из меня с потоком слез и соплей. Это не лучший момент моей жизни.

Но Дрю это не волнует. Он просто молчит и позволяет мне сделать то, в чем я нуждаюсь.

— Я не могу пережить это снова с Айви, — хриплю я. — Я не могу видеть, как она... — дерьмо, я снова теряю голову.

Дрю сильнее обнимает меня.

— Ты не знаешь наверняка, что с Айви.

Не знаю, потому что не могу справиться с этим знанием. Но кажется, я не могу справиться и с незнанием. Я никогда не избегал несчастья, а только что взял и оставил самого важного в моей жизни человечка. Эта мысль вызывает тошноту.

— Я облажался так сильно.

— Мы все лажаем. Думаю, в некотором роде это свойственно людям.

Я фыркаю, но ощущаю себя столь слабым и разбитым, что звук выходит очень приглушенным.

— Я должен все исправить.

— Ага, — Дрю легонько стучит по моей голове. — Но сперва собери себя воедино, потому что выглядишь ты дерьмово.

Вытирая лицо рукой, я сердито смотрю на него в ответ. Он улыбается, но выражение лица все еще остается серьезным. Слегка я толкаю его локтем в бок.

— Спасибо. Что пришел.

— Мужик, знаешь, ты не обязан это говорить.

Я знаю. Он мне как брат, и я хотел бы, чтобы он был им, вместо моих настоящих братьев отмороzków.

В этот момент мои мысли сходятся к семье, которую я покинул, и к тому, что потерял. Быстро моргая, я прижимаю кулаки к своим губам. Нуждаясь в том, чтобы отыскать того единственного человека, которого хочу видеть в роли моей семьи. Айви.

И прямо сейчас я осознаю, что она здесь. Что это она нашла меня первой.



Я чувствую ее еще до того, как вижу. Мне приходится постараться, чтобы поднять голову и повернуться к ней лицом. Но в конце концов я так и делаю. Она заслужила этого и даже больше.

Айви стоит в дверном проходе, ее выражение лица пустое, приглушенный свет потолочных дежурных ламп освещает ее стройное тело. Ее лицо такое бледное и бесцветное. Лишь красные пятна обрамляют ее глаза и нос. Она плакала. Что-то внутри меня нарастает. Потребность, страх, вина, желание, отвращение к самому себе. Я не могу пошевелиться. Хочу извиниться перед ней, но вместо этого сижу примороженный к месту.

Ее мрачный взгляд мечется к Дрю, который как раз встает на ноги. Он кивает ей, и я знаю, что это Дрю сообщил Айви о моем местонахождении. Еще раз сжимая мое плечо, он уходит, оставляя нас с Айви наедине.

— Айви, я... — но способность говорить подводит меня.

Айви делает шаг вперед, протягивая мне ладонь.

— Иди сюда.

Я даю ей свою руку и встаю. Она не отпускает мою ладонь, но и не произносит больше ни слова. Словно зомби, я следую за ней, сжимая ее руку в своей. Она игнорирует меня, что-то набирая на своем телефоне, отправляя смс, один бог ведает кому. Я не спрашиваю ни о чем, потому что сейчас должен в первую очередь извиниться. Я знаю это. Стыд держит мой рот на замке. Мы не говорим, пока Айви ведет машину, куда я с трудом запихнул свое огромное тело. Пассажирское сидение ее розового авто все такое же тесное.

Мы добираемся до ее дома, где холодно и темно. Айви ведет меня в спальню Фи, и я останавливаюсь на полпути, смущаясь.

— Фи нет дома, — говорит она, таща меня вперед. — А у нее есть ванная.

Комната погружена в сумрак. Единственная лампа отбрасывает тусклый свет на стены, образуя размытые тени. Мы проходим в ванную комнату. Кто-то уже набрал воду и оставил включенным свет.

— Я попросила Фи помочь мне, прежде чем она уйдет, — голос Айви тише шепота. Я ожидал от нее злости или по крайней мере обвинений. Но она просто разворачивается и стягивает мою потную футболку через голову.

А я стою здесь, позволяя ей раздеть меня, наблюдая за ее действиями. Она так чертовски красива. Я знаю каждую черту и впадинку на ее лице лучше, чем на собственном, но каждый раз, как я смотрю на нее, все равно вижу что-то новое.

— Забирайся, — говорит она, не глядя на меня и поворачиваясь к ванной.

И так как готов сделать что угодно ради нее, я забираюсь. Вода горячая и успокаивающая. Я не хочу, чтобы меня успокаивали; ее доброта убивает меня. Я наклоняюсь

вперед, прижимая основания ладоней к глазам.

Она забирается в ванну за мной, и я распахиваю веки. Я даже не заметил, когда она разделась, но сейчас шелковистая кожа ее ног скользит по моей, пока Айви притягивает меня в свои объятия. Вода оmyвает мне спину, когда Айви начинает мыть ее.

Это такое простое действие, но оно почему-то производит на меня странный эффект. С каждым поглаживанием ее руки, частичка угодливого, ноющего, больного чувства покидает меня, и я так благодарен ей за это, что мое зрение затуманивает.

— Скажи что-то, — шепчу я сквозь ком в горле.

— Что-то, — повторяет она также тихо. Ее сильные пальцы массируют мне голову, и под моими веками начинают вспыхивать яркие огоньки.

Я быстро моргаю, желая успокоиться.

— Почему ты не орешь на меня?

Ее движения замирают, а предплечья опускаются на мою спину.

— Тебе так было бы легче, верно? Если бы я орала и очистила тем самым твою совесть.

Я кривлюсь, потому что она права.

Айви вздыхает и начинает снова меня мыть, сейчас более агрессивно работая руками, намыливая мои подмышки.

— Я хотела закричать на тебя во все горло. Когда я не смогла тебя найти, то и правда злилась, — ее движения становятся медленнее, и я почти слетаю с катушек, когда пальцы Айви пробегают по моему соску, а губы касаются области между моими лопатками, пока девушка вздыхает. — Но ты казался... Тебе было больно, Грей. А когда больно тебе, то и мне больно. Так что нет, я не стану сейчас на тебя кричать. Никогда не хочу стать тем, кто пинает тебя, когда ты упал.

Эта девушка. Дрожащий выдох срывается с моих уст, и я хватаю ее тонкую ручку, поднося ее ко рту и удерживая на месте.

— Мне так жаль, Айви. Мне пиздец как жаль, что я сбежал тогда, оставив тебя, — она права — знать, что я причинил ей боль, гораздо мучительнее.

Айви не произносит ни слова, но тянется и включает душ. И когда она оmyвает мое тело, ее действия снова становятся расчетливыми и продуманными. Я в шутку хлопаю ее по запястью, и вода брызгает по всей комнате. А затем не давая мне шанса сказать хоть слово, она выбирается из ванной, вся такая стройная и мокрая.

— Айви...

— Я расстроена, — она хватается за халат и заворачивается в него перед тем, как повернуться ко мне лицом. — Ладно? Я не хочу орать, но... — ее глаза становятся остекленевшими, а лицо кривится в отвращении. — Ты причинил мне боль, Грей.

Боже, разочарование в ее голосе разрывает мое сердце на куски. Вода расплескивается на пол, когда я поднимаюсь.

— Знаю, сладкая, и мне...

Но она уже выходит из ванной комнаты. Я выскакиваю из ванной, оборачиваю вокруг бедер полотенце и иду следом.

— Айви.

В ванной она наконец-то поворачивается ко мне лицом, ее глаза метают молнии.

— Я понимаю, почему ты слетел с катушек. Рак груди, твоя мама. Я понимаю, Грей. Правда. Но ты просто сбежал от меня, словно я больна чумой. Ты был мне нужен... — она прерывисто вдыхает. — Больше, чем осознаешь это. Мне нужно было поговорить с тобой. Ты

обещал...

Два шага, и она в моих объятиях. Не останавливаясь, я беру ее на руки, выношу в коридор и направляюсь в ее спальню, останавливаясь только тогда, когда мы оказываемся у ее постели. Она замирает, когда я усаживаю ее себе на колени. Но это не останавливает меня от поцелуя. В губы, щеки, везде, куда могу дотянуться.

— Прости, Айви. Я запаниковал, и если бы мог вернуть время обратно, то изменил бы все.

Она дрожит, когда ее тело опирается на мое, но так и не прижимается.

— Ты сбежал от меня.

Мои пальцы зарываются в ее волосы, и я крепче держу ее, встречаясь взглядом с ее глазами.

— Я сбежал от самого себя. Черт. Айви, ты права. Я облажался. С тех пор, как моя мама... Я не хотел ни о чем заботиться. Живи день за днем, наслаждайся моментом, не погрязни ни в чем слишком глубоко. Но забавно то, Айви, что влюбиться в тебя было легче простого. Лучшее время моей жизни.

— Тогда почему...

— Тебя легко любить, но это все еще пугает меня до чертиков, — наши лбы соприкасаются, и я закрываю глаза. — Я почувствовал то уплотнение, и возникло такое чувство, что моя мама снова умирает. Это чувство накрыло меня. Я не могу тебя потерять. Не тебя. Так что да, я запаниковал. Потому что я... Если ты...

Ужас снова накатывает на меня. Я не знаю, что с этим делать. Ничто не пугает меня на поле. Ни сто с лишним килограммовый лайнмен, ни возможность получить сильный удар, от которого могла бы сломаться моя шея. Но это? Я борюсь сделать следующий вдох.

Но тут ее ладонь не прикасается к моей щеке. Ее темные глаза встречаются с моими, и все, о чем я могу думать — это о *доме*.

— Эй, — говорит она нежно. — Я вижу, что ты снова сходишь с ума, но это нормально.

— Нет, — я качаю головой. — Я причинил тебе боль.

И затем она улыбается. И ничто в мире не может подействовать на меня так, как ее улыбка. Я могу только смотреть, ощущать, как колотится сердце и замирает дыхание.

— Мне уже не больно, Кексик.

Я целую ее. Нежно. Уважительно. Она — мое все. Мой мир. Счастье. Моя рука двигается под ее халат к теплой груди. Кончики пальцев осторожно скользят по ее коже, боясь причинить ей боль.

— И ты...? — я не могу закончить предложение.

Айви накрывает мою руку своей, прижимая к своей плоти.

— Все в порядке. Это не рак, я клянусь, — но ее выражение лица вдруг становится мрачным, и она отстраняется от меня. Глубоко дыша, она вышагивает перед кроватью, а ее руки дрожат.

— Что не так? — мои губы онемели, а сердце колотится, но на сей раз я не сбегу. — Расскажи мне.

— Это, Грей... — она глубоко вдыхает. — Это не рак, но... Блядь.

— Мак!

Она останавливается передо мной и обнимает себя так сильно, что костяшки ее пальцев белеют. Видя это, я замираю.

— Ты пугаешь меня до усрачки, сладкая, — мой голос грубо разрезает напряженную

тишину вокруг нас. — Чтобы это не было, я...

— Это связано с гормонами. Уплотнение, — она машет рукой, имитируя круговые движения. — У меня фиброзное изменение молочной железы, это означает, что гормоны могут вызвать появление нераковых образований. Как гормоны во время... черт. Черт.

Я собираю себя воедино и подхожу к ней.

Глаза Мак полны слез.

— Я беременна.

Шум раздается у меня в ушах, и все замирает. Немеет.

Мак матерится, делая шаг вперед, затем останавливается и делает шаг назад. Со стороны кажется, что она хочет сбежать, но не знает куда. Я должен сделать свой ход. Поговорить с ней. Мое тело заморожено, а шум в ушах становится громче. С слышу отдаленный чей-то голос и понимаю, что он принадлежит мне самому.

— Беременна?

— Да, — я откашливаюсь. — Все просто. Так просто, что даже странно, как я сама этого не заметила до того, как они сделали пару тестов. Я... Это всецело моя вина, — быстро моргая, она смотрит на свои пальцы ног.

Я невольно начинаю улыбаться, хотя от этого ощущаю себя еще более неуверенным, потому что мое сердце решило колотиться, а пальцы стали холодными.

— Уверен, это дело лежит на обоих участниках процесса 50 на 50, сладкая.

Ее голова поднимается, и Айви выглядит потерянной, ее глаза округлены и полны страха.

— Ага, но я не... Я была так глупа. Я забыла о том, что антибиотики снижают эффективность противозачаточных. К слову о высокомерии. В 16 лет я была более проинформирована на данную тему. Но нет же, я всего разок посмотрела на твой член и стала такой дурехой.

Если бы мы были в других обстоятельствах, я бы рассмеялся над ее словами. Конечно, я просто восприимчив к ее обаянию. Но мне нужно успокоить Айви прямо сейчас.

— Ладно, я даже не знал об этом, — я еще раз пытаюсь улыбнуться. — Я по презервативам обычно.

Она фыркает и затем разражается плачем.

— Эй, — шепчу я, притягивая ее ближе. — Эй. Не плачь.

Мак сильнее всхлипывает, когда я веду ее к кровати. Я сворачиваюсь на постели вместе с ней, близко прижимая ее тело к своей груди. Христос, я оставил ее с этим всем наедине. Я едва ли могу мыслить прямо сейчас, а она вынашивала в себе это знание. В одиночку.

Морщась, я зарываюсь лицом в ее ароматные волосы, не зная, как еще просить о прощении. Но почему-то, это она сейчас извиняется.

— Прости меня, Грей. Я такая идиотка. Ты доверял мне и...

— Айви Мак, если ты скажешь еще хоть слово извинения, я разозлюсь.

Ее рука обхватывает мою шею, когда она ни то смеется, ни то плачет. Я целую ее в висок и растираю спину. — А сейчас успокойся. Дыши. Еще раз. Ты можешь сделать это лучше, Специальный Соус. Глубокий вдох.

— Ладно, — жалобно хныкает она в ответ, но в то же время успокаивается. Ее влажные щеки прижимаются поверх моего сердца, и я закрываю глаза, продолжая гладить ее тело.

Я держу ее в объятиях, пока она не успокаивается, а ее тело не расслабляется напротив моего. И тут я осознаю, что несмотря на все проносящиеся в голове мысли, есть одна вещь,

которую я не делаю, и это сводит меня с ума.



— Что мы будем делать? — мой голос — хриплый шепот в тишине спальни.

Комната погружена в темноту. А каждая клеточка моего тела кажется сломленной и тяжелой от усталости. Но я в объятиях Грея, и он расчесывает своими длинными пальцами мои волосы, отчего мне приходится с желанием закрыть глаза. Под моей щекой его грудь вздымается на вдохе, а сердце часто стучит.

— Я не знаю, — говорит он тихо. — Думаю, это зависит от тебя.

Я замираю и поднимаю голову, чтобы взглянуть на него.

— Почему от меня?

Голубые глаза Грея серьезны.

— Это твое тело. Твой выбор. Верно?

Он говорит это так безэмоционально, так искренне, что в ответ я целую его в грудь.

— Я не хочу быть единственным человеком, у кого есть право голоса. Твое мнение тоже важно.

Уголок его губ приподнимается, когда Грей проводит пальцем линию на моей шее.

— Ладно. Но, Мак, мне кажется, тем самым я будто бы иду через минное поле.

— Трус, — дразню я, толкая его в бок.

— Ага, — говорит он бескомпромиссно. Его улыбка в секунду растворяется. — Сладкая, просто расскажи мне, как ты себя чувствуешь, а я послушаю.

Вздыхая, я прижимаю подбородок к его груди и обнимаю его за талию так, словно его тело — мой якорь, помогающий остановить усиливающееся чувство паники.

— Я не знаю. Мы так молоды. Мы только начали жить. Идея о том, чтобы завести ребенка... — я прижимаю губы к его коже. — Просто кажется, что мы сами создаем собственную катастрофу.

Мгновение Грей молчит, а затем его большая рука ложится на мой затылок. Его прикосновение такое теплое и уверенное.

— Ладно, твоя правда. Но мы на голову выше большинства наших сверстников. Если не брать в расчет непредвиденные катаклизмы — и тут я реально хочу постучать по дереву — вскоре я стану зарабатывать в год неприлично большие деньги. И даже если что-то случится, у нас обоих есть замечательное образование и наши офигенно невероятные мозги... — я усмехаюсь ему, и он игриво двигает бровями. — Так что нам не стоит переживать о деньгах. Не говоря уже о том, чтобы задействовать твоих родителей...

— Грей!

Он поднимает руки, но улыбка все еще мерцает в его глазах.

— Я просто говорю, что мы бы не стали использовать твой фонд.

— Ладно, — я снова прислоняю голову к его груди. — Ты прав. Но ребенок? Я не знаю, — я делаю паузу и поднимаю на него глаза. — Ты не психуешь. Почему ты не психуешь?

Грей смеется себе под нос, и в следующую секунду я уже лежу на спине, а большое тело

Грея нависает надо мной.

— Ты думала, я стану сходить с ума, верно?

— Ну, я... — черт, я почти сама сошла с ума, почему бы и ему не позлиться?

Но Грей медленно качает головой, улыбка расплывается по его лицу.

— Мак, ты — любовь всей моей жизни. Я в деле, чтобы не случилось. Это... Да шокирует, и я уж точно такого не ожидал. Но мы же говорим о тебе и мне. Пожалуйста, не используй мое сегодняшнее поведение против меня. Я могу приспособиться к изменениям в игре.

— Знаю, — говорю ему. — И не стану.

Он облегченно кивает, а затем наши губы соприкасаются.

— Возможно, мне следует паниковать. Но я не буду. Если ты хочешь этого ребенка, значит, мы научимся, как с этим справиться. А если не хочешь... — он снова меня целует. — Значит, я буду держать тебя за руку на каждом шагу этого пути.



— Итак, — говорю я Дрю. Мы сидим в баре, попивая имбирный эль — тренер ввел новое правило о запрете пива перед игрой — и Дрю пытается быть со мной солидарным. Хороший он человек.

— Итак, — повторяет Дрю, а затем делает глоток эля.

— Айви беременна.

То, как от удивления он чуть ли не выплевывает эль прямо на барную стойку, вызывает у меня тревогу. Бармен бросает на нас раздраженный взгляд, а потом подходит и вытирает тряпкой разбрызганный Дрю напиток.

— Пей детскими глоточками, дружище, — бормочет она перед тем, как оставить нас.

Я смеюсь, глядя в свой стакан.

Дрю бросает на меня сердитый взгляд, а затем его выражение лица становится серьезным.

— Черт, Грей-Грей. Ты меня разыгрываешь?

— Нет, — я заказываю еще один эль и сосредотачиваюсь на ощущении от скольжения по моему горлу холодных пузырьков.

— Святое дерьмо, — Дрю упирается руками в бар. — И что вы двое собираетесь делать?

— Еще не знаю. Айви обдумывает решение, — я верчу в руках влажный уголок салфетки для коктейля, игнорируя взгляд Дрю. Не хочу видеть его жалость.

— А ты согласен... То есть, что если она решит оставить... — он смолкает на середине предложения.

Я наконец-то бросаю на него ответный взгляд.

— А если бы это была Анна? Как бы ты себя чувствовал?

Слыша эти слова, Дрю садится ровнее.

— Я бы конечно испугался. Но это же Анна. Она для меня все, так что думаю, я бы просто завел полноценную семью чуть раньше запланированного.

— Именно. Айви — моя девушка. И всегда будет ею.

Сейчас Дрю смотрит на меня по-настоящему.

— Ты не психуешь.

— Почему все считают, что я должен психовать? — ворчу я. — Это оскорбительно, знаете ли.

— Черт, я бы психовал, — он пожимает плечами. — И, ну, ты...

— Что я? — мое состояние быстро сменяется от оскорбленного до раздраженного.

— Да ладно, Грей. С момента нашего знакомства ты всегда был мистер Вечеринка, мистер Дайте-мне-новенькую-девицу-на-ночь. Так что, знаешь, немного шокирует видеть тебе в спокойном состоянии, когда случается нечто реально устрашающее.

Ладно, тут он прав. Я делаю его один глоток газировки.

— Конечно, я немного сомневаюсь. Что на хрен я вообще знаю о детях? Я боюсь, что случайно раздавлю его своими огромные ручищами. Но затем я думаю о нас с Айви вместе, о том, как мы наблюдаем за ростом маленького мальчика и... — я запинаюсь и откашливаюсь. Мною и так уже много сказано.

Скептическая улыбка медленно расплывается по лицу Дрю.

— Ты хочешь этого ребенка, не так ли?

Я ерзаю на стуле, стараясь не горбиться. Мои щеки становятся неприятно горячими. И тем не менее, уголки губ невольно приподымаются.

— Ага, думаю, что хочу.

Это ужасает меня. Ничего не предвещало подобного, и вдруг раз, и все, о чем я могу думать — будущее, желание завести семью и жизнь вместе с Айви. Все это маячит на моем горизонте, оставаясь пока что таким же четким, как дым.



— Я начинаю думать, что жизнь никогда не будет идеальна на все 100 %, - моя голова лежит у Фи на коленях, и она заплетает мне косички.

— Это потому что ты собираешься стать мамой ребенка Мужчины-Горы?

— Идиотка, — бормочу я, бросая на нее взгляд. — Но, да. То есть, вот я и вот мой жизненный план, который наконец-то имеет смысл. Я влюблена в лучшего парня на планете и сейчас... бум! Угадайте, кто гений — беременная!

Фи тянет еще один локон моих волос в косу.

— К слову, папа смешает вас с дерьмом щенят, когда все узнает. А мама, наверное, испечет десяти ярусный стрессовый торт и затем опрокинет его на пол.

— Тебе кто-нибудь когда-то говорил, что у тебя проблемы с сочувствием?

— Ты. И не раз. Отчего я все чаще задаюсь вопросом, почему ты продолжаешь со мной общаться.

Я хмурюсь, но пододвигаюсь поближе к сестре.

— Серьезно, Фи, что мне делать? Забавно называть меня мамочкой малыша, но какая из меня мать? Боже, сколько брачных контрактов нас заставит подписать папа? — я невесело смеюсь, а затем прижимаю ладони к горящим глазам. — Я — чертово клише.

— Это не так! Грей с ума сходит от тебя. Не сравнивай себя с той категорией грустных дамочек, которые пытаются захомутать спортсмена, забеременев от него.

— Но люди подумают...

— Да, пусть что, мать их так, в им головы взбредет, то и думают. Их мнение идет на хрен.

Мы обе замолкаем. Несмотря на внутреннюю растерянность, я чувствую себя лучше. Фи — лучик света из моего детства, тот человек, если не брать в расчет Грея, которому я могу рассказать, что угодно.

— Ты хочешь этого ребенка, Айви? — голос Фи нежен, но решителен.

— Думаю, Грей хочет.

— Серьезно? — Фи удивленно смеется. — Хах.

— У него был такой взгляд. Словно это его волнует, делает счастливым. И от того взгляда мои внутренности плавились, и гормоны зашкаливали. Я едва ли не заплакала. Даже сейчас моя улыбка очень нестабильная. — Это так мило.

— А ты?

Я вздыхаю и поворачиваю голову, позволяя Фи заплести оставшиеся волосы.

— Бля, если бы я только знала. Я не чувствую себя готовой. Но опять же, это мы с Греем, и я не могу... — я напряженно сглатываю. Дважды. — Я просто не знаю, Фи.

Ее рука перемещается на мою щеку.

— Поговори с Греем об этом.

Мое зрение затуманивают горячие слезы.

— В этом то и проблема, Фи. Я боюсь, что если мы придем к какому-то финальному решению, то я его потеряю.

Я поворачиваюсь и прижимаю лицо к ее животу, прячась в темноте. Я думаю о своей жизни, о том, как она началась. Фи не знает всего. Я не могу даже рассказать ей это.

— Я не хочу, чтобы Грей был со мной, потому что обязан.

Настоящий страх в том, что я потеряю его независимо ни от чего. Вынужденные решения, радикально меняющие вашу жизнь, никогда не несут с собой ничего хорошего.



Грей проведет Рождество не со мной. Его команда должна отправиться в Новый Орлеан утром в понедельник, чтобы там подготовиться к финальной игре за кубок. Его не будет две недели. И зная, что его не будет со мной так долго, мне придется ожидать канун Нового года, когда мы наконец-то встретимся.

Так что мы с Греем придумали отпраздновать собственное рождество чуть раньше вместе с Фи, молодой человек которой отправился домой на каникулы.

Фи украсила наш маленький дом с таким энтузиазмом, что он стал похож на результат работы вторгшихся к нам посреди ночи эльфов Санта-Клауса. Каждая дверь обрамлена гирляндой. Крошечные безделушки украшают буфет и комоды. А большая розовая рождественская ель, с которой свисают футбольные мячи и шлемы, вдобавок к миниатюрным розовым машинкам Fiat, стоит в углу.

Грей сильно смеется, видя это чудо.

— Невероятная ель.

— Она невменяемая, — бормочу я.

— Это — китч, — делает ударение Фи. — И он баснословен.

— Где, черт возьми, ты взяла эти украшения в виде крохотных Fiat? — спрашиваю я, реально удивляясь.

Фи широко усмехается.

— Интернет — офигенно замечательное место, друзья мои.

— Мне кое-что нужно, — говорит Грей перед тем, как броситься к моей спальне. Он зло усмехается, когда бежит обратно к нам. Фи вскрикивает, видя, что он принес крошечную куклу Тинкер Белл, которая обычно стоит на моем комод. Но лично я смеюсь. Я рассказала как-то Грею, что она напоминает мне Фи.

Чтобы повесить Тинкер на ель, Грею даже не нужно становиться на носочки.

— Вот так — он закрепляет куклу на самую верхнюю ветку. — Малюсенькая Фиона наблюдает за нами.

— Мудак, — бормочет сестра, но затем смеется.

Мы сперва обмениваемся подарками, и я люблю Грея даже больше за то, что он подготовил один для Фи. Он подарил моей сестре пару тапочек в виде чудовищ. И сейчас Фи использует их, чтобы хорошенько ударить Грея по голове. Но я-то вижу, что они ей очень нравятся. К тому же подарок Фи ничуть не лучше, она вручила Грею футболку с надписью поперек груди — *"Мужчина-Мясо"*.

Грей сильнее краснеет, когда вручает мне свой подарок.

— Он недорогой. Обещаю потратиться получше в следующем году.

Прижимая тоненькую коробку к груди, я быстро целую его.

— Спокойно, Кексик. Позволь мне просто насладиться подарком.

— Ладно, — говорит он, краснея. — Я заткнулся.

Я разрываю упаковку и нахожу длинную черную коробочку, внутри которой крошечная подвеска из серебра в виде четырехлистного клевера.

— На удачу в твоей новой работе, — говорит он тихо, надевая на меня цепочку.

— Она идеальна, — отвечаю я, целуя его.

Грей сильно нервнрует меня, когда наконец-то открывает мой ему подарок — голубую эмалированную жаровню Le Creuset Dutch, которая сама по себе очень вычурная, но я все равно хотела ему ее подарить.

— Я буду готовить для тебя в ней ребрышки и грудинку, — обещает он между поцелуями. — И тушить рагу и жаркое, а еще гуляш...

— Ловим на слове, — перебивает раздраженно Фиона. — А сейчас перестань обжиматься с моей сестрой, а то меня стошнит.

На обед к нам присоединяются Дрю, Анна и самые близкие коллеги Грея по команде. Грей готовит тефтели по норвежскому, а не шведскому рецепту и картофель. По его словам, это рождественская традиция Грея. Декс ведет себя как его су шеф, и они все время ссорятся из-за его навыков обращения с ножом, тогда как все остальные шутят и смеются в гостиную.

Ребята относятся ко мне так, словно я стала одной из них, подшучивая и ероша мои волосы, будто я их младшая сестренка. Грей сказал Дрю, что я беременна, что по умолчанию означает, Анна тоже в курсе. Они не упоминают об этом, но когда кто-то из них берет пиво, то предлагает мне яблочный сидр. К тому же во время обеда эти двое продолжают одаривать меня глупыми усмешками.

Меня это особо не заботит, в конце концов, я уже рассказала обо всем Фи, однако подобное поведение ребят возвращает к размышлениям над решением, которое я должна принять, и лучше раньше, чем позже. Сама мысль об этом вызывает во мне неумное желание бежать к маме и укрыться под ее крылом, что по сути довольно иронично, если подумать о том, что я как раз и маюсь мыслями о собственном материнстве.

И словно услышав мои мысленные волнения, Грей поворачивает голову и встречается со мной взглядом. Полная нежности улыбка изгибает его губы за секунду до того, как он целует меня в макушку.

— Не волнуйся сегодня, Айви Мак.

На мгновение я опускаю голову ему на плечо.

— Ладно.

— Итак, — говорит Фи, пока я подаю пудинг из липкого ириса на десерт. — Есть какое-то стандартное пожелание, которое вы, ребята, говорите друг другу на удачу перед игрой?

— Типа суеверия? — спрашивает Дрю.

Фи кивает.

— Удача и так работает на меня, — тон Декса на удивление резок, но я не опускаю того, как его взгляд бросается к Фи, тогда как она совсем не смотрит в его сторону. Он замечает, что я наблюдаю, и тут же опускает глаза на пудинг.

Я знаю не слишком много о центральном игроке, кроме того, что он молчалив, капитан команды и ему нравится рисовать. Из-за своей короткой бороды, рельефных мышц рук и копны торчащих во все стороны густых каштановых волос, он кажется очень сексуальным и задумчивым одновременно, в хорошем смысле. Потому что, эй, я реально могу представить его одетым в клетчатую рубашку и рубящим дрова. Не желая вызывать у него чувство

дискомфорта, я перевожу свое внимание на другой объект.

И как ни странно, но остаток вечера мне удастся повеселиться. Вот только Грей кажется отстраненным, его голос звучит громче чем обычно, когда он шутит, а мышцы напряжены, даже когда я кладу руку ему на шею, растирая кожу. Он лишь наклоняется ближе ко мне и шепчет на ухо:

— После того, как ребята уйдут, я хочу с тобой прокатиться. У меня есть для тебя сюрприз.

Я шевелю бровями.

— Ты меня заинтриговал.

— Скоро все сама увидишь, — Грей одаривает меня мимолетной улыбкой, которая так и не касается его глаз. И я гадаю, может мы оба слишком сильно стараемся быть храбрыми.

Грей отказывается рассказывать мне, куда мы собираемся и зачем, и даже не хочет намекать, в результате я разрываюсь между кучей догадок, каждая из которых далека от реальности. Когда мы в итоге добираемся до территории кампуса, я предполагаю, что это просто поездка к толстому человечку от шинной компании Goodyear.

Грей паркуется перед стадионом, и все мои предположения превращаются в полнейшее замешательство.

— Зачем мы здесь? Если ты думаешь, что я стану играть в какие-то полуночные варианты футбола с полным животом еды, то ошибаешься.

— Никакого футбола, обещаю, — он усмехается, как ребенок в снежный день. — Увидишь. Пойдем.

Беря меня за руку, Грей ведет к одному из боковых входов на стадион.

— А нам вообще можно здесь находиться?

Грей что-то набирает на своем телефоне, бросая на меня косой взгляд.

— Ну вот, Мак, теперь ты знаешь меня лучше. Конечно, нет.

Я вздыхаю, но затем дверь открывается, и охранник машет нам, приглашая войти.

— Спасибо, Руфус, — говорит Грей.

Руфус, пожилой тучный джентльмен, кивает нам.

— Просто помни наш договор и убери за собой.

— Что ты ему обещал? — спрашиваю я, когда мы проходим на стадион, и Руфус остается позади, расхаживая туда-сюда, переваливаясь с ноги на ногу.

— Билеты на игру за кубок и еще то, что я не сдам позиций.

— О, — я едва успеваю за Греем, ощущая, как его рука стала влажной. Он бросает на меня взгляд несколько раз, его улыбка напряжена, а в глазах мерцает волнение.

Все вопросы иссякают, когда я вижу приглушенное свечение в центре поля. Настил из одеял расстелен посреди поля, поверх него расположена корзина, фонарик для кемпинга и недалеко от всего этого стоит обогреватель.

Грей ведет меня прямо к этому обустроенному островку.

— Я хочу подарить тебе здесь твой последний на сегодня подарок.

— О, у меня будет еще один подарок? — я сажусь на одеяло, поджимая ноги под себя, так что для Грея еще остается свободное пространство. — Давай сюда!

Грей смеется, доставая из корзины термос.

— Сперва какао.

Маленький обогреватель согревает, но не так как большое тело Грея. Я прижимаюсь к нему, распивая какао. Темный стадион неподвижен и безмолвен, высокие косые трибуны

ограждают нас от всего мира. Только несколько огней возле каждой зоны освещают сидения первых рядов голубовато-белым светом.

— Сидя здесь, кажется, что мы в глубинах космического пространства.

Грей пододвигается ближе, и его подбородок упирается в мое плечо.

— Предполагаю, что в некотором роде так и есть. Я никогда не бывал здесь в такое время, — я ощущаю, как его голова поворачивается, отчего понимаю, Грей осматривается. Его голос становится тихим, почти на уровне шепота. — Для меня это место — собор. Я сижу здесь и ощущаю спокойствие, концентрацию. И словно энергетика каждой состоявшейся здесь игры проходит через меня, вливаясь в вены и вызывая неумное желание поучаствовать в новом состязании, — моя рука отыскивает его и не отпускает, пока он продолжает свою речь. — Я никогда не думал, что тот или иной стадион несет разные чувства. Но этот почему-то ощущается правильно, — мягкие губы Грея соприкасаются с моей щекой. — Так же как рядом с тобой я чувствую себя правильно.

Ох, этот мужчина. Он дарит мне такие же ощущения каждый день. Я поворачиваюсь и целую его, выражая всю свою любовь, как только могу. Говоря ему этим, что он мой. Пальцы Грея зарываются в мои волосы, накрывая затылок, пока он углубляет наш поцелуй, пробуя меня на вкус, словно в первый раз. Жар распространяется по моей коже, когда он отстраняется, дыша немного чаще. Он еще раз чмокает меня, а затем произносит:

— Люблю тебя, Айви Мак.

— Люблю тебя, Кексик.

Грей глубоко вздыхает, его нос прижимается к моим волосам, словно он пытается запечатлеть их аромат. А затем он слегка вздрагивает.

— Ладно. Подарок, — когда он роется в корзине, его плечи немного приподнимаются, давая мне знать, что Грей нервничает. По-настоящему нервничает.

Отчего и я тоже становлюсь нервной. Поворачиваясь, он так напряжен, что мускулы его бедер буквально выпячиваются из-под джинс.

— Айви...

Мое внимание переключается на маленькую черную коробочку в его руках. Черт. Я не могу пошевелиться. Мое сердце гулко стучит о ребра.

Грей садится на свои пятки и поворачивается ко мне. Дрожащей рукой он открывает коробочку. Кольцо настолько великолепно, в стиле Арт-Деко, с тремя линиями бриллиантов на платиновой основе.

Я гляжу на него, онемев внутри, а затем поднимаю взгляд на Грея. Вся его сущность отражена в глазах. Уголок губ приподнят, немного дрожа. Я просто хочу притянуть его ближе, вот только мое тело замерло.

— Оно принадлежало моей маме, — говорит он. — Единственная материальная вещь, что осталась мне от нее. Видеть его на твоём пальце станет для меня невероятной радостью.

— Грей... — я напряженно сглатываю. — Что...

Он прерывает меня, сжимая мою ладонь.

— Айви Джейн Маккензи, я хочу жениться на тебе. Я хочу, чтобы ты стала моей семьей. А я твоей, — он смотрит на меня с надеждой и желанием. — Скажешь да?

От шока мое дыхание перехватывает. Я так боялась этого. Но тем не менее, его слова, взгляд этих глаз вызывает желание обнять этого парня. И от этого еще сложнее дать ответ.

— Я не могу.

Он морщится, но не отводит взгляда.

— Почему?

Его вопрос кажется таким разумным, словно я отказалась от чашки шоколада. Сдавленный смешок срывается с моих уст.

— Ах. Потому что нам всего по 21 году, во-первых.

— Уверен, что многие 21-ти летние люди женятся, Мак.

Ага, а я уверена, что знаю, почему он хочет на мне жениться. И я люблю его за это. И ненавижу одновременно. Сжимая зубы, я борюсь с тем, чтобы придумать, что же ответить ему, чтобы Грей понял.

— Ты лучший без пары недель выпускник колледжа, которого я только видела.

Грей наклоняет голову в сторону.

— Ладно, это не то, чего я от тебя ожидал. В чем загвоздка?

— Ты можешь стать номером один.

— Я очень на это надеюсь, — его бровь цвета бронзы приподнимается, словно я свихнулась. — Опять же, в чем загвоздка?

— Это многого от тебя потребует. Забота о жене не должна стать частью этого.

Матерясь, Грей отводит взгляд, фокусируясь на желтых линиях на поле. Когда наши взгляды вновь встречаются, его столь интенсивен, что я ощущаю его глубоко внутри себя.

— Ты хочешь бросить меня, Айви? Потому что я навязываю тебе эту, так называемую, распрекрасную жизнь?

Его злость проходит через меня вибрациями.

— Нет. Конечно, нет.

— Тогда зачем ты говоришь это? А как же на счет твоих желаний и потребностей?

— Я думаю о них тоже, — я не хочу, чтобы мне предлагали выйти замуж по не правильным на то причинам.

— Итак, ты не хочешь, чтобы я был в твоей жизни в особенный день? — он отшатывается, а его глаза расширяются от боли.

— Я не это имела в виду.

— Тогда расскажи мне, что ты имела в виду, Айви.

— Я была ошибкой, — выпаливаю я.

Грей моргает, его выражение лица искажается.

— Ошибкой? Что? Думаешь, я воспринимаю тебя, как ошибку?

— Нет, — я глубоко вдыхаю. — Я родилась в результате случайной беременности. Мои родители только встречались, когда мама забеременела. Она собиралась вернуться в Англию, не оставаться здесь. Но в результате они женились из-за меня, — ирония стягивает мои внутренности в тугие узлы.

В течение секунды Грей просто смотрит на меня. А затем тянется и крепко прижимает к своей груди.

— Сладкая, нет. Нет.

Пододвигаясь ближе, я обхватываю его за талию.

— Как ты можешь говорить нет, когда даже не понимаешь, что я имею в виду?

— Потому что я знаю, — он отстраняется немного, чтобы взглянуть мне в глаза. — Ты думаешь, что мы как они? Что я прошу тебя стать моей женой, потому что чувствую себя вынужденным? Черт, нет, — его пальцы сжимают мой подбородок. — Мы ни в чем не похожи на них. Во-первых, мы не *встречаемся*, — его губы кривятся, словно это слово уродское. — Мы вместе, каждое утро я просыпаюсь и думаю: "Слава богу, Айви хочет меня."

Как я могу удержать ее рядом с собой навсегда?".

Я фыркаю и прислоняю голову к его груди.

— Я хочу тебя, — шепчу я. — Но это не значит, что мы должны жениться. Не предлагай мне этого из-за беременности. Это очень неправильный способ начала построения брака. Ты будешь об этом сожалеть, Грей. Поверь мне.

Грей раздраженно выдыхает.

— Твой папа когда-нибудь говорил, почему он изменял маме?

Застигнутая врасплох, я выпаливаю первое, что приходит на ум.

— Он сказал, что ему кажется, будто это было неизбежно для него. Женщины и слава.

— Ну, так вот, это не обо мне. У меня уже было все это, и просто... — он качает головой. — Нет. Мне двадцать два, и я чувствую себя стариком из-за всего этого дерьма. Мысли о таком образе жизни вызывают у меня сейчас тошноту, они истощают меня. Я даже не смотрел на других женщин с тех пор, как мы стали переписываться. А все потому, что я хочу лишь тебя. С или без ребенка, я хочу тебя, Мак. Просто тебя.

— Но ты просишь меня выйти за тебя, Грей.

— Гм, да, и ты продолжаешь отвергать меня, черт побери, — он смеется, но уязвимость в его голосе ломает меня на двое.

Моя ладонь накрывает его сердце.

— Хочешь сказать, что ты бы сделал мне предложение, не будь я беременна?

Его грудь вздымается на вдохе, а взгляд темно-синих глаз опускается на меня.

— Айви, ты разбудила меня. Я думал, что проживаю каждый день на полную, но все это было чепухой. Я играл роль, будучи просто игроком. И даже не знал этого.

— Это не ответ.

Он хмурится.

— Думаешь, я планировал отпустить тебя? Этого бы никогда не случилось. Ага, я предлагаю тебе выйти за меня раньше, чем собирался, из-за этого. Но лишь потому, что беременность дает мне оправдание попросить об этом уже сейчас. Черт, Айви, глубоко внутри я знал, что ты создана для меня с самого начала. Только я бы показался тебе сумасшедшим, скажи об этом так скоро.

Моя неуверенная улыбка расплывается по лицу.

— Никакой ты не сумасшедший.

Грей накрывает мои щеки и прижимает свой лоб к моему.

— Тогда скажи да.

— Грей... По идее, первый год брака самый сложный. И это без дополнительного давления в виде ухода за ребенком. Это буквально прямая дорога к катастрофе.

— Мне нравится вызов, — Грей легонько сжимает мое плечо. — Если уж на то пошло, это мне стоит волноваться. У тебя был всего один сексуальный опыт до меня. Так что вполне вероятно, ты заскучаешь со мной.

— Я нахожу эту мысль смехотворной. Я никогда не заскучаю, если у меня есть ты.

Он криво усмехается.

— Ага, ну, у меня та же фигня, — Грей наклоняется ближе, разделяя со мной свое тепло. — Я говорил тебе, что вместе мы буде охренительно хороши. А я никогда не ошибаюсь в подобных вещах.

Инстинктивно я поддвигаюсь к нему ближе, сжимая ладонями его выбритый подбородок.

— Кто знает.

— Ты знаешь это, — бормочет он за секунду до того, как прильнуть к моим губам своими. Поцелуй столь нежен.

И когда мы наконец отстраняемся, то оба усмехаемся друг другу. Но трепетное нервное ощущение возвращается, как только я делаю новый вдох.

— Но Грей, женитьба? Я едва могу справиться со всей этой свалившейся на голову фигней и черт, я не знаю...

Он проводит пальцами по краю роста моих волос. Успокаивая.

— Послушай, я знаю, кажется, что все происходит слишком быстро. Вероятно, я сделал все лишь еще хуже. Черт. Мы не обязаны жениться. Просто я хотел подарить тебе это кольцо. Чтобы показать, как ты важна для меня. Что я всегда поддержу тебя. Всегда.

Кольцо мерцает в этой маленькой черной коробочке, подмигивая мне чистыми, как лед, бриллиантами. Грей смотрит на него, а затем на меня.

— Оно не обязательно должно быть кольцом для помолвки, если это тебя пугает. Носи его, потому что мы вместе. Потому что я тебя люблю, — он трет свой затылок, и его кожа краснеет. — Конечно, если ты хочешь. Черт, я буквально промямлил все это...

Ладонями, я сжимаю его щеки и целую. Его губы приоткрываются от удивления, когда он целует меня в ответ, глубоко и требовательно, его рука оборачивается вокруг моей талии, притягивая вплотную. Мы одновременно всхлипываем, давая и принимая поцелуй, словно не виделись несколько лет.

К тому времени как успокаиваемся, у меня идет кругом голова, и я практически дезориентирована. Мой нос касается его, потираясь.

— Возможно, мы могли бы быть помолвлены ради самой помолвки?

— Пока мы вместе, это может быть все, что ты хочешь.

— Надень мне его на палец.

Наши руки лишь немного дрожат, когда Грей надевает кольцо мне на палец. Оно прекрасно. Настолько, что мое зрение затуманивается, и я моргаю, чтобы прояснить его.

Грей снова прижимается своим лбом к моему.

— Итак, я не всецело облажался?

Я аккуратно глажу его по щеке, и бриллиант блестит в тусклом свете фонарей.

— Нет, Кексик. Ты идеален. И кольцо идеально. И я люблю тебя очень сильно.

— Это и есть моя жизнь, — шепчет он, а затем снова целует меня. Мы падаем на траву, тихо смеясь. Грей прокладывает дорожки из поцелуев вдоль линий моего лица, постоянно повторяя одно и то же. *Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.*



Почти две недели моим домом служит отель в Новом Орлеане. Я живу и дышу футболом. Тренировки, занятия, отработки, сон. Встречи с прессой и выносящие мозг интервью. Вот такая сейчас у меня жизнь. Игра плей-офф завтра, и все ребята уже настолько заведены, что хотели бы, чтобы день игры наконец настал. Чтобы закончилось это бесконечное море агентов, футбольных экспертов и спонсоров. Чтобы не нужно было больше улыбаться на камеру, пока ешь свой бесплатный безвкусный обед. Чтобы не нужно было читать сценарии и смотреть запись нашей игры, пока она не уляжется в наших головах или мы не уснем. Просто дайте нам играть в футбол.

Эти недели самые сложные для меня. Айви думала, что оставшись дома, поможет мне быть сконцентрированным. Но нет. Я понял, что она нужна мне рядом, или же я ощущаю себя безумным. Я скучаю по ней до боли в груди.

Но наконец она в пути сюда и должна прибыть всего через несколько часов. Я с нереальным возбуждением ожидаю нашей встречи. Так неистово, что мне нужно двигаться, чтобы отвлечься. После истощающей тренировки в спорт зале, я получаю сообщение от Шона Маккензи, с просьбой встретиться в баре отеля.

Я избегал его какое-то время. В основном потому, что мы с Айви так и не решили, что делать с беременностью. Я знаю, чего хочу, но не желаю давить на нее. Я буду отстаивать свою позицию, но не стану давить. Выходя из душа, я сбрасываю полотенце и одновременно с тем отвечаю Маккензи.

Потому что более не желаю от него скрываться.

Маккензи ожидает меня в баре. Он уже выпил полбокала своего виски. Я занимаю место рядом с ним и заказываю ледяную воду.

— Готов к игре? — спрашивает он вместо приветствия.

— К чему этот вопрос? — шучу я. — Я был готов с рождения.

— Джон Уэйн, — кивает Маккензи. — Мило.

— Джон Уэйн, серьезно? — я делаю глоток воды. — Я думал, это фраза из фильма *"Большой переполох в маленьком Китае"*.

Маккензи закатывает глаза.

— Не пытайся вызывать у меня чувство, будто я уже старик. *Большой переполох* был фильмом моего поколения. Мы часто смотрели его, сидя на диване с мамой Айви.

Мысль о Маккензи и маме Айви снова привлекает мое внимание. Я глубоко вдыхаю и кладу ладони на столешницу бара.

— Послушайте, есть кое-что, что мне нужно вам рассказать.

— Айви уже мне рассказала, — его губы кривятся. — Посредством смс.

В ответ на мое недоверчивое выражение лица, он передает телефон. Я читаю сообщение

вслух.

— Грей и я теперь вместе. Не злился на него. Все серьезно. Я счастлива.

Тихо смеясь, я тру рукой лицо и отдаю ему назад телефон.

— Слабачка, — бормочу я себе под нос.

Но вероятно не достаточно тихо, так как Маккензи бросает на меня взгляд.

— Довольно кратко. Моей дочери нравится быть резкой и краткой, когда она чрезмерно возбуждена.

— Я уже понял это, — мы с Айви в этом похожи.

Маккензи бормочет:

— Тебе не следовало к ней прикасаться, Грейсон. Ты знаешь это лучше моего.

Итак, Айви унаследовала свою прямооту от отца. Приятно знать. Я распрямляю плечи и поворачиваюсь к нему лицом.

— Ну, это неловко.

Маккензи фыркает, словно хочет сказать *"Да, ты верно шутишь, малыш"*.

Я быстро делаю еще один глоток ледяной воды, а затем выпаливаю:

— Часть меня, которая говорит с отцом Айви, уважает и понимает ваши страхи, сэр, но уверяю вас, ранить Айви — последнее, чего бы я хотел, — моя усмешка становится шире. — Другая часть меня, которая воспринимает вас как своего потенциального агента, хочет послать вас на хрен.

Он откровенно смеется.

— Тогда мы в одинаковом положении, парень. Потому что часть меня хочет дать тебе под зад за то, что ты просто бросил взгляд на мою дочь. Но вторая часть хочет предупредить тебя, чтобы ты держался подальше от неприятностей. А именно — множества женщин.

Множества женщин. Я хочу закатить глаза. Но он не сказал мне ничего нового.

— Я люблю ее, — он снова фыркает, и я сердито смотрю в ответ. — Вы могли это слышать от меня. Я надел кольцо ей на палец. Мы помолвлены ради самой помолвки.

Маккензи медленно опускает стакан на столешницу и смотрит на меня. Его грубые черты лица искажаются и бледнеют.

— Помолвлены ради помолвки? Что это значит?

— Слова Айви. По факту же, я женюсь на ней. Она — лучшее, что когда-либо со мной случилось.

Он щипает переносицу.

— Ты с ума сошел? Парень, женитьба — последнее, что нужно в данный момент твоей карьере.

Думаю, сейчас не время говорить ему, что Айви беременна. Плюс, если мы расскажем ее родителям эту новость, то сделаем это вместе. Ни за что Айви не сообщит об этом отцу смской.

— Я знаю, вы думаете, что я похож на вас, — говорю я тихо. — Но это не так, — и меня реально не волнует то, что прямо сейчас он испепеляет меня взглядом. Я продолжаю говорить, даже не моргнув. — Ничто на Земле не сделает меня счастливее, чем Айви. И это включает и футбол. Так что вы можете злиться, если хотите, но я никогда не уйду от Айви.

Мы сидим молча, слушая гул голосов вокруг нас. А затем Маккензи вздыхает.

— Ну, значит, если бы я был твоим агентом, то посоветовал бы держать свою невесту вне внимания СМИ как можно дольше. И еще бы я посоветовал построить свой имидж не образе семьянина, что значительно отразилось бы на твоём внешнем образе.

— Внешнем образе? — спрашиваю я, смеясь.

— Дерьмо, — он кривится. — Не вынуждай меня это произнести. Твой внешний вид, парень. Женщины сходят с ума от таких парней, как ты. Они воспринимаю тебя, как секс-символа, — его рот снова кривится, словно он съел лимон, и я опять смеюсь.

— Довольно справедливые советы, — говорю я. — А что бы вы сказали, как мой тесть? — я играю с огнем, но не могу не подразнить его.

Темные брови Маккензи сходятся на переносице.

— Ах, черт, мне придется всегда терпеть твое панибратское отношение?

— Боюсь, что так, Большой Мак.

Ворча, он выпивает залпом остаток виски.

— Ну, тогда, добро пожаловать в семью, парень, — неожиданно он хватается мой затылок и по-дружески сжимает его. По крайней мере, я надеюсь, что по-дружески.



Вскоре после того, как я оставляю Маккензи в баре, мне пишет Айви.

IvyMac: Я уже здесь. Декс, кстати, перетащил твои вещи в мой номер.

GrayG: Постой, ДЕКС увидел тебя раньше меня? Хреново! Это мой личный провал!

IvyMac: *Закатывая глаза* Это просто означает, что мы не выйдем из этого номера, когда ты наконец-то доберешься сюда, Кексик.

GrayG: Продолжай говорить себе это...

IvyMac: Я потратилась на люкс.

GrayG: Люкс? Детка, это слишком.

IvyMac: Всё ради удовольствия.

GrayG: Дорогое удовольствие.

IvyMac: Я не тратила свою зарплату, когда работала на маму. А сейчас хочу за эти деньги побаловать своего любимого мужчину.

GrayG: Побаловать? Ты прощена за Декса. А сейчас скажи мне, где ты, Айви Мак?

IvyMac: Я ТАК рада, что прощена.: -Р 12-й этаж. Номер 1210

GrayG: Жуть. Мой номер 1184.

IvyMac: Эмм... а почему это жутко?

GrayG: Потому что 1184 и 1210 дружественные числа:)

IvyMac: Я люблю, когда ты говоришь, как ботаник. Это так сексуально.

Нажимая на кнопку лифта, я широко усмехаюсь и набираю следующее сообщение.

GrayG: Почти на месте. Будь голой.

IvyMac: Какой ты властный.

GrayG: По возможности начни играть со своей киской, чтобы она уже была готовая и влажная для меня, это было бы крайне кстати;-)

Смеясь, я сую телефон в карман, не дожидаясь ее ответа. К тому времени как лифт достигает двенадцатого этажа, мой член уже пульсирует.

Дверь люкса 1210 немного приоткрыта, и я улыбаюсь, зная, что Айви оставила ее открытой для меня. Жар и сильная потребность распространяются по моей коже, отчего все тело напрягается. Я практически задыхаюсь, когда вхожу в номер; сердце все громче стучит с каждым следующим быстрым шагом.

Стоя посреди небольшой гостиной, Айви одета в огромную красную футболку и больше

ничего. Я останавливаюсь, вбирая в память образ ее длинных гладких ног и то, как футболка обнажает одно загорелое плечо. Белые буквы на ее груди гласят: *Если ты не можешь справиться с моим твердым концом, то тебе просто нужно быть посильнее.*

Застенчивая маленькая улыбочка играет на ее розовых губах, а темные глаза светятся под густой сенью глянцевого каштанового волос.

Она в двух метрах от меня, но клянусь, я могу почувствовать ее запах, такой сладкий и специфический, такой приятный. Похоть пронизывать меня настолько сильно, что я вздрагиваю, моя кожа покрывается мурашками, а колени подкашиваются. Что-то по типу рычания вырывается из моей груди, отчего ее глаза расширяются, а губы приоткрываются.

Мне нужны эти губы.

— Привет, Кексик...

Мои губы накрывают ее, а рука ложится ей на шею еще до того, как Айви успевает закончить фразу. Я целую ее, словно она моя пища, так глубоко проникая в ее рот своим языком, ощущая ее вкус будто впервые. Это настоящий рай. Дом. Удовольствие. И она целует меня в ответ, словно тоже не может насытиться. И это сводит меня с ума.

Мои руки накрывают ее попку, и я подхватываю ее, в два шага добираясь до дивана. Колени ударяются о подушки, но я продолжаю поглощать ее рот, пока опускаю нас на диван, параллельно с тем задирая ее футболку и добираясь до этой сладкой груди. Она выгибает спину, немного похныкивая, когда я посасываю один из идеальных сосков. Мак сжимает в кулаки мою футболку, подтягивая меня ближе и с новыми силами атакуя мои губы. Я стону, настолько исступленно ее целую, что наши зубы соприкасаются. Ее бедра так широко разведены, что когда я стягиваю джинсы, мои руки дрожат в попытках расстегнуть пуговицу.

Член выскакивает наружу, подпрыгивая к моему животу. Не тратя время зря, я сгибаю ноги и отыскав ее шелковый жар, толкаюсь. Сводящий с ума рывок в ее влажную тугую щелочку. На этот раз мы оба стонем, наше дыхание замирает. И затем я снова толкаюсь, грубо и глубоко. Звук шлепков плоти о плоть, животные стоны с моих уст заполняют комнату, пока мы отдаемся своей потребности. Секс с ней — это пьянящая смесь облегчения и агонии. Я неистово жажду Айви, и знаю, так будет всегда.

Длинные ноги оборачиваются вокруг моей талии, а ее ногти впиваются в мои плечи. Когда она вонзает зубы в нежную плоть изгиба моей шеи, тело напрягается, и я кончаю, сдавлено вскрикивая. Айви двигается навстречу моим бедрам, задыхаясь, ее киска втягивает меня в себя, ритмично пульсируя и вынуждая толкнуться еще глубже.

Я вколачиваюсь в нее, ощущая, как ослабли мои колени и как идет кругом голова. Ее руки оборачиваются вокруг моих плеч, поддерживая себя. Мы оба так сильно задыхаемся, что мой рот приоткрывается, прижимаясь к собравшейся складками футболке на шее Айви. Вдыхая, мне удастся произнести:

— Мне нравится твоя футболка.

Айви слабо смеется.

— Спасибо. Я рассчитывала на твой "жаркий и грязный до чертиков" взгляд.

— Рад оказаться полезным, — я улыбаюсь, целую ее подбородок. Аккуратно стягиваю с нее футболку, а затем отбрасываю ткань в сторону. Айви снимает мою футболку, и когда я снова наклоняюсь к ней, то ощущаю это замечательное чувство ее кожи напротив своей. Еще пара минут неуклюжих движений, и я оказываюсь без кроссовок и джинс. Но мой обмякший член все еще остается внутри нее. Я не хочу покидать ее жар. Никогда.

Каким-то образом мы перемещаемся на пол. Я хмурюсь, не понимая, как мы вообще

упали сюда.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, прикасаясь к ее щеке. Факт ее беременности настигает меня, вызывая холодный пот. — Дерьмо. Я же не был с тобой слишком груб?

— Нет, — она улыбается. — Ты был идеален, — ее пальцы зарываются в мои влажные от пота волосы. — Ты всегда совершенен.

— Уверена? Я правда планировал все эти штуки с медленным соблазнением тебя, но ты была такой сексуальной, что я умирал от желания и...

— Поцелуй меня, Кексик, — говорит она, дергая меня за волосы.

И я целую. Я целую ее нежно и страстно, удерживая кончиками пальцев ее подбородок. Я целую ее, пока несусь в спальню. Целую, пока ложусь рядом с ней, притягивая ее ближе, кожа к коже. Это то, в чем я нуждаюсь, запах, ощущение и вкус Айви. Напряжение в моей груди сходит на нет.

Никогда я не осознаю размеров своего тела более отчетливо, чем рядом с Айви, когда мои руки соприкасаются с ее щеками, я понимаю, насколько она хрупкая.

— Айви Мак, — шепчу я, касаясь ее губ своими. Я держу ее в своих объятиях, снова целую, втягивая ее губы в свой рот, наклоняя голову, чтобы углубить наш поцелуй.

Ее руки скользят по моей спине, поглаживая и притягивая ближе. Мы лениво и медленно целуемся, изучая друг друга снова и снова, пока наши губы не отекают, и моя челюсть не начинает болеть. Но я не останавливаюсь. Моя голова кружится, а член напряжен и тверд между нашими животами. Я мог бы с легкостью раздвинуть ее ножки и проскользнуть глубоко в ее киску, снова трахая. Но я держусь, наслаждаясь этим мгновением. Ожидание обостряет ощущения, накаляет каждый нерв моего тела.

Наше дыхание смешивается, а губы едва соприкасаются. Язык щелкает по ее губам, дразня, и от этого мои яйца напрягаются. Пот покрывает мою и ее кожу, вызывая дрожь. Тем не менее, я настолько возбужден, что когда набрасываюсь на ее губы, едва могу дышать.

Айви тихо стонет, ее бедра слегка раскачиваются. Я знаю, она хочет, чтобы я ее наполнил, но не давит на меня, просто держась за мою шею, словно это ее якорь, Айви посасывает мои губы, проводя своим теплым влажным языком по моему.

Мое дыхание перехватывает. Я борюсь с желанием перекатить ее на спину, и слетев с катушек, просунуть свой язык максимально глубоко в ее рот. Я хочу всего этого. Но тем не менее мучаю себя, и это так приятно, что я почти кончаю. Просто от поцелуев с Айви.

Это делает что-то со мной, стягивая в узел внутренности и ускоряя ритм сердцебиения. Я вытягиваюсь и нахожу ее руку под моей подушкой. Наши пальцы переплетаются, и мой большой палец прижимается к прохладному металлу. Айви носит мое кольцо.

Моя. Она. *Моя*.

— Айви, — мое бедро проскальзывает между ее ног, раздвигая их. Но она хватается за мои плечи и отталкивает. Я позволяю ей уложить меня на спину. — Хочешь быть сверху? — бормочу я, когда она забирается на меня, утыкаясь носом в мою шею.

Ее голос — теплый мед на моей коже.

— Позволь мне позаботиться о тебе сперва.

У меня был секс столько раз, что я даже не хочу об этом думать. Девушки отсасывали мне и делали все возможное, пытаясь впечатлить. Но заботиться обо мне? Они целовали все мое тело, словно пытались подарить некий непередаваемый опыт. Но никогда. Никто не был похож на Айви.

Мои руки немного дрожат, когда я касаюсь ее волос, убирая их с лица.

— Эй, — шепчу я. — Повернись так, чтобы я тоже мог о тебе позаботиться. — Я знаю. Мне хочется ощутить ее вкус, потерять себя в ее удовольствии.

Но она качает головой, ее руки скользят по моим бокам.

— Не сейчас. Это для тебя.

Глянцевые каштановые волосы касаются моей кожи, вызывая мурашки. Горло напрягается, когда я гляжу вниз, вбирая образ ее блестящей кожи, этих длинных стройных ног и того, как покачиваются ее груди, когда Айви движется. Такая офигенно красивая. Ком в моем горле дорастает до размера шишки, и я напряженно сглатываю, прерывисто втягивая воздух.

— Мак.

От звука моего голоса она поднимает голову, и наши взгляды встречаются. Я быстро моргаю, и мое сердце ударяется о ребра. А она улыбается, изгибая эти мягкие розовые губы, а затем нежно целует мой бок. И я чувствую это до кончиков пальцев ног.

Очевидно, Айви пытается мучить меня. Ее шаловливый язычок проводит линию к моим бедрам, вдоль моего пресса, целуя меня везде, но только не там, где я этого хочу. Мой член поднимается, пытаюсь привлечь ее внимание, умоляя о прикосновении. И наконец, она лениво облизывает кончик моей эрекции, и я почти глотаю свой язык.

Она делала это и прежде, но сейчас, после столь длительных поцелуев, я так сильно напряжен и чувствителен к каждому прикосновению. Потому, когда она всасывает меня в свой рот, я стону так громко, что этот звук звучит как мольба, мои глаза закрываются, а жар разливается по коже.

Руки опускаются на ее затылок. И я удерживая ее на месте, медленно толкаясь в ее рот и выскальзывая наружу. Она издает гудящий звук, посылая вибрацию прямо к моим яйцам. Мой захват становится сильнее.

— Так охуенно, сладкая. Вот так. Боже, вот так.

Айви сжимает мою длину и сосет, а затем она втягивает мой член до самого основания. Когда она отстраняется, ее влажные пальцы тянутся к моим бедрам, раздвигая их. Я позволяю ей это сделать, мои мышцы вздрагивают под ее руками. Она ласкает мои яйца, мой зад, все время пока сосет и лижет член, медленно и уверенно атакуя.

— Я люблю твой ротик. — Вид того, как ее розовые губки сжимают мой член — самая сексуальная вещь, которую я лицезрел. И я почти не замечаю, как ее пальцы скользят мимо моих яиц. *Почти*. Пока ее пальчик не начинает кружить вокруг того самого места, которое никто не трогал.

Моя задница сжимается, но я не двигаюсь. Не могу. Ее смелость выбивает меня из седла. Кровь шумит в ушах. Я наполовину сосредоточен на ее теплом влажном ротике, а наполовину — на движениях ее пальца. Это немного извращенно, и черт меня дери, если от этого мой член не становится еще тверже.

Она ласкает меня, легонько прикасаясь. И это так приятно. Слишком хорошо. С тихим стоном она всасывает меня глубже и затем погружает палец в мой анус. Мне не следует позволять ей это делать. Это слишком.

— Мак? Я не знаю... Ах... О, черт возьми. — Ее палец двигается внутрь, и странное вторжение в мое тело бросает тело в огонь. — Иисусе, блядь...

Моя грудь вздымается, когда стараюсь оставаться в неподвижном положении. Боже, как же хочется толкнуться бедрами навстречу ее пальцу. Потому что это так пошло, столь офигенно эротично и приятно, что я стискиваю зубы, оказываясь так близко к оргазму, что

могу ощутить, как он волной сжимает мои яйца. И затем она касается того места, и мое дыхание замирает, возможно, как и сердце.

— Ох, блядь, Мак. — Я толкаюсь в ее рот, ерзая на ее пальце. Отчего ощущения становятся еще интенсивнее. И она принимает меня. *Меня*, того, кто всегда все контролирует. Она любит меня своим ртом и трахает пальцем. И это так интенсивно, что я не думаю, просто задыхаюсь и двигаюсь вместе с ней, словно от этого зависит моя жизнь.

Мои руки выскальзывают из ее волос, шлепаясь на кровать, когда я выгибаю спину, погружаясь в ее рот так, что все мое тело напрягается. Удовольствие поглощает меня. Я кончаю так сильно, что комната плывет перед глазами.

И она просто принимает это, выпивая меня, продолжая сосать член и продлевая мое удовольствие.

— Боже, сладкая, обещай мне, что в один день ты выйдешь за меня. Я обязан иметь все это до конца наших дней. Всегда. Всегда. *Блядь*.

Она отпускает меня, убирая руки. И моя кожа покрывается мурашками. Я ощущаю себя странно опустошенным, все мое тело чувствительно во всех тех местах, о которых я не желаю думать. А Мак медленно целует мой живот, пока я все еще бормочу под нос.

— Повтори это на следующее Рождество. На мой день рождения. — Ее язык скользит в мой пупок. И я фыркаю, а мои бедра дергаются. — Во все выходные. Во время отпуска. Удивляй меня так посреди ночи... — Мак облизывает мои соски, и я дрожу, а мой голос становится хриплым. — И дважды по вторникам.

Ее темные глаза так ярко светятся, когда она смотрит на меня.

— Только по вторникам?

— *Дважды* по вторникам. И по одному разу во все другие дни? — Я приподнимаю голову, глядя на нее с надеждой, и она хрипло смеется, что само по себе так сексуально, что я сжимаю свои бедра и сдавленно произношу: — Просто, чтобы ты знала, давай оставим это особое веселье в секрете...

Румянец покрывает мои щеки. Иисусе, я не могу поверить, что она это сделала. И как же офигенно это было. Я недооценил свою девочку.

Губы Мак изгибаются в серьезном выражении, когда она забирается на меня и наклоняется, нежно целуя.

— Твои секреты со мной в безопасности, большой мальчик.

Она на вкус как я сам, а ее губы припухли и стали красными. Я хочу большего. Моя рука скользит к ее шее, удерживая ее на месте так, чтобы я мог углубить наш поцелуй, сплетаясь с ней языками. Легкая пульсация пронизывает мой член, словно послешоковый эффект. Святые черти.

— Несомненно, дважды по вторникам, Мак.



Грей плюхается на кровать вместе со мной, отчего матрас подскакивает. Он одет лишь в пару спортивных штанов, которые низко висят на его бедрах.

— Проверим добычу?

Добычей является большая спортивная сумка, которую я поднимаю, она полностью наполнена лакомствами и несколькими подарками для Грея и его коллег по команде от спонсоров.

— Папа обычно привозил домой из своих путешествий мыло и футболки. — Я вытягиваю коробку из качественного пластика, в которой спрятаны смарт часы, за которые простые смертные готовы умереть. — Ничего на подобие этого трофея.

Грей шевелит бровями.

— Очень мило, хах? Думаю, вот это ваучер стоимостью годового запаса стейков.

— Удивлена, что ты не плачешь.

— Ну, я мог бы пролить одну или две слезы. — Грей поднимает подол моей футболки и опускает голову на мое голое бедро. Фыркая от удовольствия, он гладит мою ногу, выражая свои эмоции, его тело расслаблено и спокойно. Сделайте мужчине минет и немного удивите его, поиграв с его задницей, и он практически мурлычет. В этом вероятно кроится урок, вот только я настолько же сильно чувствительна. Грея стоит лишь уверенно посмотреть на меня, и я готова предложить ему что угодно.

— Айви?

— А? О, гляди, беспроводные наушники. Я хотела такие.

— Они твои. — Его рука нежно и уверенно движется вдоль моей голени. — Когда я рассказывал Дрю о твоей беременности, то осознал, что я не боюсь. Сама идея завести ребенка с тобой в некотором роде кажется превосходной.

Мое сердце увеличивается в груди.

Очевидно, он ощущает, что я напряглась, так как его хватка на моей голени становится ощутимее.

— Я не пытаюсь на тебя надавить, — говорит он. — Но ты спрашивала меня как-то, чего бы я хотел. — Кровать скрипит, когда он приподнимается на одном локте. Голубые глаза Грея серьезные и почти застенчивые. — Я хочу этого с тобой.

Волнение теплой пеленой обматывает мою грудь, когда я гляжу на него. Я осторожно убираю волосы с его лба.

— Я думала о том, что ты можешь хотеть этого.

Его взгляд исследует мое лицо, словно пытается прочитать мои мысли.

— Но что насчет тебя?

Проводя пальцами по его волосам, я отвожу взгляд.

— Когда я думаю о ребенке, как о твоём и моём, то хочу защитить его всем своим естеством.

Грей легонько сжимает мою ногу, но я продолжаю.

— Но потом я размышляю о том, чтобы попытаться стать матерью прямо сейчас... — я смолкаю сдавленно выдыхая. — То есть, малышу нужен постоянный уход. А я не могу сделать это самостоятельно. Я не *хочу* этого делать.

Брови Грея встречаются на переносице.

— Кто сказал, что ты будешь делать это в одиночку? Мы сделаем все вместе. На сто процентов.

— Грей, ты собираешься начать свою карьеру в NFL. С июля по январь они будут практически владеть твоей задницей.

— Ладно, да, это будет отстойно. — Грей вздыхает и снова прижимается лбом к моему бедру. — Но мы может преодолеть это. И даже ни на секунду не думай, что я не буду

вовлечен в процесс, пока нахожусь там. — Его большое тело плюхается обратно на кровать, и он моргает, глядя в потолок. — Дерьмо, я не знаю. Возможно, нам стоит подождать.

Я тоже ложусь на спину, размещая голову рядом с его.

— Вот только я беременна сейчас. И когда я думаю о том, чтобы прервать беременность, то просто не могу. — Бормоча ругательства, я прижимаю руку к глазам. — Почему все так сложно, Грей?

Грей перекачивается на бок, убирая руку от моего лица.

— Я хотел бы знать правильный ответ, — говорит он медленно. — Но все, что я могу сказать, так это то, что самые сложные в жизни решения чаще всего те, что значат больше всего. Что важно для тебя больше всего, Айви?

— Ты. Быть вместе.

Его выражение лица отображает нежность.

— А чего ты боишься больше всего?

— Сделать неправильный выбор.

— Тогда сделай выбор, который пугает тебя больше всего.

Накрывая его щеки ладонями, я смотрю на Грея.

— Ты никогда не позволяешь ничему тебя остановить, верно?

— Ненадолго, Айви Мак. — Его крупное тело передвигается поверх моего, пока Грей нависает надо мною. — Преодолевать препятствия заложено в моей натуре. — Его губы скользят по моей шее, посасывая и пробуя на вкус. — И только посмотри, что я получил взамен. Отличные показатели в спорте и женщину в моей кровати, которую люблю больше всего на свете.

— В нашей кровати, — поправляю я, притягивая его к себе. Его большое тело прижимается к моему, и от контакта наши тела почти искрятся. Так приятно ощущать его рядом, его атласную кожу и горячие крепкие мышцы. Он снова нужен мне. Сейчас. Мне необходимо, чтобы он медленно наполнил меня. Прибывая в тумане, я думаю об удаче и том, как моя, казалось, всегда ускользала. Думаю о том, как я счастлива в этот момент с Греем, зная, что он мой. Мы фактически могли бы стать маленькой семьей. И я ощущаю страх. Возможно, немного бояться не так уж и плохо.



День игры. Грей выходит из спальни, и я могу лишь проглотить свой язык. Все парни надели костюмы для того, чтобы добраться до стадиона, но я не ожидала, что Грей будет выглядеть в своем настолько сексуально. Одетый в костюм-тройку в тонкую полоску со свежей белой рубашкой и синим, как лед, галстуком, он высокий, стройный и великолепный. Он словно мой собственный Джеймс Бонд.

Я прикусываю губу и подавляю огромное желание его раздеть. К сожалению, у нас нет времени, потому что ему нужно быть внизу через пять минут.

Он бросает на меня испытующий взгляд и нервно смеется.

— Почему ты так на меня смотришь? Черт. — Он переминается с ноги на ногу. — Я похож на мудака, так?

Качая головой, я подхожу к нему. Или скорее, подкрадываюсь, потому что все еще хочу его укусить. Он криво улыбается, когда я останавливаюсь перед ним.

— Черт, — говорю я, вздыхая. Ты прекрасен в этом костюме. — Я глажу рукой по одному из шелковистых лацканов и прижимаю ладонь к твердой стене мышц, прячущейся под тканью.

Грей бормочет что-то о том, что мои слова сумасшествие, но румянец покрывает его щеки, а руки парня опускаются мне на бедра.

— Хочешь поиграть в костюмированную игру попозже?

— Ага. — Я аккуратно провожу костяшками пальцев по его животу, останавливаясь на пряжке пояса и наслаждаясь тем, как он всасывает воздух, толкаясь бедрами вперед, словно уговаривая меня опуститься ниже. Я провожу костяшками вдоль его ремня. — Мы можем поиграть в допрос шпиона.

Грей опускает голову и прикусывает мочку моего уха.

— Ты будешь шпионом, Мак?

— Нет. Им будешь ты. Я привяжу тебя к стулу и буду делать грязные вещички, пока ты не заговоришь.

Дрожь пронизывает тело Грея, и его пальцы напрягаются на моих бедрах. Но он вдыхает и делает шаг назад.

— Черт, Мак, — говорит он, хрипло смеясь. — Я не могу садиться в автобус команды с огромной эрекцией.

— Мне как бы нравится данный образ, но ладно. — Прокладывая между нами некую дистанцию, я прислоняюсь к подлокотнику дивана. — Я слышала, твой отец будет на игре.

Его нос морщится, а взгляд становится сердитым.

— Придет показать, какой он мудака. Ага, я знаю. — Грей возится с манжетами рубашки, поправляя их под рукавами пальто. — И к слову, откуда ты это вообще знаешь?

— Пфф. У меня есть связи, о которых ты только можешь мечтать. — Мои

поддразнивания сходят на нет. — Ты собираешься с ним поговорить?

Не глядя на меня, Грей пожимает плечами.

— Возможно. Думаю, после игры.

— Просто сделай это, Грей. Сорви пластырь одним рывком.

Он издает резкий звук, а затем смотрит на меня.

— И потом мы отпразднуем со связыванием и небольшими сексуальными мучениями?

Я смеюсь, делая вид, что жар не распространяется между моих ног.

— Я бы сказала иначе, но да, мы сделаем это.

Его улыбка — зло. В два шага он оказывается возле меня. И нежные губы касаются моего лба, глаз, носа, подбородка, рта.

— Каждый дюйм, Мак.

Я целую его в губы.

— Каждый дюйм, Грей. А сейчас надери им зад.



— Так ты теперь помолвлен? — спрашивает Декс, заглядывая в зеркало на дверце шкафчика и начиная мазать черной краской вокруг глаза.

Улыбаясь, я продолжаю оборачивать запястья.

— Скорее помолвлен ради самой помолвки.

И мне это точно нравится. Айви носит кольцо, пробуждая во мне пещерного человека. Более того, она хочет меня так же, как я хочу ее. А это все, что мне нужно.

— И теперь мечты знойных цыпочек по всему спортивному миру разрушены, — напевает Джордан с другой стороны от меня.

— Думаю, они просто направят свои мечты на тебя, большой парень. — Я несильно шлепаю по его животу, и тот дрожит, как желе, так что в результате я зарабатываю злобный взгляд от Джордана, пока коллега прикрывает свой живот рукой.

— Женишься? — встревает Маршалл. — Мужик, не могу в это поверить. Ты последний из нас, от кого бы я ожидал подобного, Грейсон. — Он качает головой. — Следующий пункт в моем списке невероятного — это то, что кто-то из нас вдруг признается, будто он гей.

Мне даже не нужно смотреть в сторону Роландо, чтобы знать, что парень замер. Я волнуюсь за него, гадая, сколько дерьма ему придется вынести, если все раскроется, и как сложно ему держать это в секрете. Но сейчас я не отрываю взгляда от Маршалла.

— Осторожнее, мужик, а то сейчас в тебе говорит засранец.

— Что? — Маршалл поворачивается, крутя головой и пытаюсь взглянуть на свой зад.

И все парни смеются.

— Он говорил в фигуральном смысле, — поясняет Диаз. — Намекая на то, что ты ведешь себя, как засранец.

Маршалл хмурится, его точеное лицо становится красным.

— Знаешь что, Ди, поцелуй меня в зад!

Но Диаз просто усмехается, продолжая завязывать свои шиповки.

Мы заканчиваем одеваться, и тренер входит в раздевалку вместе с другим персоналом.

— Возьмите передышку, джентльмены.

Время разговора перед игрой. Сейчас некоторые тренеры пронзительно кричат и орут, пытаюсь разогреть свои команды. Но не наш тренер. Он всегда спокоен, почти медитативен. Ему нравится философия, мысленное представление победы, размышления о ментальной силе. И никто из нас на это ни разу не жаловался. Потому что его методы работают. Он говорит, и мы слушаем каждое его слово.

Мы все останавливаемся, выстраиваясь в круг возле него. Тренер становится в середину, его тело расслаблено, а голос уверен и тих.

— Итак, вот мы и здесь. Плей-офф. Для этого мы работали. Мы знали, что можем этого

добиться. — Он смотрит по сторонам.

— Я знаю каждого из вас. Знаю ваши сильные стороны. И ваши слабости. И если те парни сделали свое домашнее задание, то они тоже знают о них. О ваших достоинствах и слабостях. Каждый человек боится своих слабостей. Но вы не должны. Используйте их в своих интересах. Они думают, бог дал вам эго, чтобы вы им пользовались? Позвольте им так думать. Они думают, что если вас подразнить, вы будете нервничать? Позвольте им верить в это. Обратите слабость в свою силу. Запутайте их. Будьте непредсказуемы. — Тренер указывает на свой висок. — Эта игра происходит здесь на столько же, как и на поле.

Мы молчим, глядя, как он вышагивает перед нами.

— Многие тупицы в этой игре. Парни, которые думают, что они станут героями, играя в одиночку. Но на поле... — Он указывает на дверь. — Мы играем, как команда, и мы выиграем, как команда. Командная работа. Мы — команда, которую они хотят обыграть. Они жаждут нашей крови. — Его взгляд блуждает по нашим лицам. — Потому что мы лучшая чертова команда в этой стране.

— Рыжие псы! — кричим мы, как один.

— Победившие воины сперва выигрывают, а затем идут на войну, тогда как потерпевшие поражение воины сперва идут на войну, а затем ее проигрывают. Сан Цзы. — Голос тренера становится громче. — Парни, мы уже выиграли. А сейчас выметайтесь отсюда и сделайте свою работу.

— Да, тренер! — ревом мы хором.

Глаза тренера бросают на меня взгляд, и я едва заметно ему киваю. У каждой команды есть свои традиции, маленькие ритуалы, которые они совершают до игры. Наша команда не исключение. Традиция университета состоит в том, чтобы все сошлись в кучу и ударили шлемами друг о дружку перед тем, как выбежать на поле. Но здесь в раздевалке у нас есть еще одна традиция сразу после речи тренера.

Она началась, еще когда я был первокурсником, тогда я подключил свой телефон к громкоговорителю, заставив ребят слушать музыку перед игрой. В тот день мы выиграли, и так как мы суеверные ублюдки, то решили слушать одну и ту же песню перед каждой игрой.

Сейчас я подготавливаю этот ритуал, выбирая в плейлисте песню *Radioactive* группы *Imagine Dragons* и нажимаю кнопку плей.

Некоторые парни закрывают глаза, позволяя музыке пропитать их. Другие раскачиваются, накручивая себя на нужную волну, разгоняя кровь по венам.

— Представьте, — говорит тренер повышая голос. — Узрите победу. Вот она. Ваша. Уже ваша.

Это происходит медленно, головы раскачиваются в тяжелом ритме. Музыка соединяет нас, делает одним целым. А затем мы подпрыгиваем, месиво из тел, которое так же ритмично пульсирует, пребывая в едином духе. Мы — одно целое. Когда начинается припев, хор голосов вскрикивает "Вуху-у".

Энергия течет через нас, вибрируя от басов музыки. Сила восьмидесяти парней, прыгающих вместе, сотрясает пол. Музыка стихает, и остаемся лишь мы, готовые к бою. Мое сердце колотится, а тело напряжено в ожидании. И это напряжение всей команды достигает своего пика, и как по сигналу, мы ревом хором:

— Вперед, Рыжие псы!



— Боже, я нервничаю, — говорит Анна рядом со мной. — А Дрю даже не играет. Не знаю, как ты справляешься со всем этим.

Идет третья четверть игры, и счет уже 35–40 не в пользу нашей команды.

Фи пожимает плечами.

— Мне помогает справиться с этим поедание фуршета, — она кивает по направлению к длинным столам с фуршетом в конце ложи, которую мы занимаем.

Анна смеется.

— Я привыкла обслуживать подобные шведские линии. Ну, не *эту* конкретно, но вы понимаете, о чем я.

Я стараюсь не смотреть на стол с фуршетом, потому что мой желудок скручивает. Это от нервов или утренней тошноты? Я не знаю. Кроме легкой усталости и ноющей боли в груди, у меня нет больше никаких симптомов беременности. Но срок еще очень мал, так что думаю, они появятся. Мои пальцы такие холодные, что возможно, все это от нервов. Бодрясь, я делаю вдох.

— Они выиграют.

— Конечно, выиграют. — Анна кивает, а затем бросает на меня взгляд. — Ты кажешься немного уставшей. Хочешь, принесу тебе имбирный эль?

— Ага, это было бы здорово, спасибо. — Уголком глаза, я замечаю, как мой отец болтает с директором спортивного университета, и укол вины пронзает меня от того, что моим друзьям известно о беременности, а родителям нет. По одному шагу за раз. Игра за кубок, затем признание перед родителями. Ага.

Откидываясь на спинку кресла, я машу поролоновой рукой, которую ранее мне вручила Фи, туда-сюда, пытаюсь немного освежиться. Здесь чертовски жарко и очень душно. Я бросаю тоскливый взгляд на сидения стадиона внизу. Мне бы хотелось быть там, на открытом и свежем воздухе. Но Анна, Фи и я здесь, наверху, с нашим папой, персоналом университета и парой сторонников.

Я наблюдаю за тем, как Грей снова пересекает поле. Его сложно не заметить, он выше многих своих коллег по команде, а номер восемьдесят восемь четко виден на широкой спине. Футбольная форма не совсем сексуальна. Подкладки и шлемы очень громоздкие. Но штаны? Сияющая красная лайкра покрывает крепкий зад Грея, и это отлично отображено прямо сейчас на множестве плоских экранов вдоль стены ложи, когда камера наводит фокус на его команду. Я должна улыбнуться; если бы Грей был здесь, он бы пошутил о крепкой заднице.

Сейчас же он выглядит сосредоточенным. У ребят есть еще достаточно времени, но зная Грея, я понимаю, что его это не успокаивает. Он будет бороться и сражаться за каждый следующий дюйм. Всегда будет. Его уверенность на поле граничит с наглостью. Вот только он никогда этого не показывает, а просто играет от всего сердца.

Анна возвращается с моей газировкой, и я делаю глоток, ощущая благодарность. Имбирный эль очень холодный и газированный. Но он так и не помогает мне избавиться от

нарастающего чувства тошноты. Если так будет и дальше, я проведу добрую часть этой игры, поклоняясь фарфоровой богине. Морщась, я провожу рукой по ноющей шее.

Жар поднимается по моему телу. Слюна наполняет рот, посылая к животу спазмы тошноты. Отставляя газировку в сторону, я встаю. Низ живота кажется тяжелым, словно между моими бедрами переворачивается шар для боулинга. Позывы к рвоте все сильнее нарастают. Тяжесть сменяется спазмом, и я кладу руки на живот.

Я слышу размытые голоса. Кто-то зовет меня по имени. Но мои внутренности так сильно терзают, что я не обращаю внимания. Комната плывет перед глазами, а сердце начинает ускоренно колотить. Мне нужно добраться до уборной. Мысль почти пролетает через мою голову, не останавливаясь, когда неистовая судорога сжимает живот, выбивая воздух из легких. Я наклоняюсь, и прилив горячей влаги растекается между моими ногами.

— Айви? — голос Анны раздается гулом, не четкий и размытый.

Слезы наполняют глаза, когда пытаюсь заговорить. Что-то бежит по моим ногам. Кровь. Я поднимаю голову, видя как Фи тянется ко мне.

— Это плохо, — произношу я ледяными губами.

Комната идет кругом. Вдруг рядом оказывается папа.

— Что с ней не так, черт побери?

Фи шепчет что-то ему на ухо. Он становится бледным и смотрит мне под ноги. Он морщится.

Они перемещают меня назад, обступая вокруг. Комнату наполняет бормотание, глядящие на меня лица.

— Папа, — говорю я. — Прости.

Я хочу сказать ему, что беременна, но не думаю, что сейчас это еще так.

Кто-то звонит доктору, и все, что я могу сказать, так это:

— Не говорите Грею. Только не сейчас. Обещайте мне не говорить ему пока.

Рука Фи такая теплая и сильная поверх моей.

— Все в порядке, Айви. Все будет в порядке.



Идет последняя четверть игры, 3-й даун и 10 ярдов, осталась всего минута, и моя кровь мчится по венам. Я ощущаю резкий металлический запах. Переполненный стадион шумит вокруг меня, глухой звук гула соединяется со звоном в ушах. Каждый следующий дюйм дается мне с болью, мои суставы пульсируют. Колено разбито. Пот заливает глаза. Но я не променял бы это ни на что другое. Все мое тело живет и движется, стремясь к одной цели — выиграть эту гребаную игру. Еще один тачдаун, и выигрыш у нас в кармане.

Я снова бросаюсь к толпе игроков, и лайнмен противников врзается в меня плечом, пробегая мимо и одновременно с тем дразня:

— Я тебя на землю повалю, киска.

— Я люблю киски, — говорю я, поворачиваясь к нему и продолжая бежать задом наперед, широко раскинув руки. — Но твоя киска немножко воняет. Сходи помойся.

Мистер Неюморной указывает на меня пальцем.

— Тебе пиздец.

— Сперва поймай меня. Ты скорее попробуешь на вкус мои шиповки. — На этих словах я трусцой бегу к своим ребятам, игнорируя то, что кричит мне вслед этот идиот.

— Прощу, скажи, что я только что пустил пыль в глаза этому засранцу номер девяносто два, — говорю я Келу, пока мы собираемся всем составом команды.

В ответ из-за решетки шлема, проглядывается усмехающееся лицо нашего квотербэка.

— Забавно слышать это от тебя, Грейсон. Пришло время стать Греем Призраком.

Грей Призрак. Потому что остановить меня невозможно, как и поймать призрака. Так что прозвище очень подходящее и звучит просто здорово.

— Вот именно Грей Призрак, Человек-Скала, — говорю я Келу, тоже давая ему прозвище. Потому что, черт его побери, если этот парень сегодня не заслужит данное звание.

Он просто кивает.

— Давайте уже выиграем эту игру, ребята.

Кел похлопывает нас по плечам, и я широко улыбаюсь. Для меня это простая игра, с множеством замысловатых хитростей в исполнении моих коллег по команде, в надежде сбить с толку противника. Мое тело вибрирует от ожидания.

На линии стоит мистер Неюморной и глядит на нас.

— Ты готов сразиться со мной, блондинчик?

Я тоже ставлю ногу на линию, приседая достаточно низко для того, чтобы он подумал, будто я собираюсь дать ему пинок.

— А теперь я заблокирую твою задницу, — говорю я ему очень милым и дружественным тоном голоса. — Но ты не думай, словно я хочу достать до твоей киски,

ладно?

Тупые проигрывают очень жестко. И обычно их повалить можно довольно легко. Этот парень почти трясется от ярости.

— Я размажу твое милое личико.

Я посылаю ему воздушный поцелуй, делая вид, что все мое внимание сосредоточено на нем, тогда как на самом деле я глубоко и напряженно дышу, вбирая по максимуму кислорода и насыщая им кровоток, перемещаю вес на подъем стопы и готовлюсь атаковать. Моя кровь густая, словно стрела, которая готова вот-вот вылететь из арбалета.

Голос Кела раздается над гулом фанатов.

— Вперед!

Мир сливается в движении. Думая, что я собираюсь его заблокировать, лайнмен противников делает шаг влево, агрессивно рыча. А я ступаю вправо. Он бросается прямо мимо меня, тогда как я ныряю вниз и свободно пересекаю линию, так что мои парни могут последовать за мной. Кровь несется по венам, все звуки вокруг смешаны: возгласы, удары тел друг о друга и звук моих бегущих ног. Еще десять ярдов, я бросаюсь вправо, резко меняю стратегию, разворачиваю корпус к Келу, и мяч летит прямо мне в руки.

Вот и все, что нужно. Еще один взрыв энергии переполняет мое тело. Разворачиваюсь и бросаюсь через поле, оставляя лайнмена противников следовать за мной по пятам. Боковым зрением вижу, как ко мне движется сейфти. Но они не знают того, что известно мне. Сейчас все дело в руках законов физики. Скорость, масса, импульс.

Лайнмен оборачивает руку вокруг моего корпуса, пытаюсь повалить меня на землю. Но я больше и сильнее. Удерживая мяч низко и крепко, я приседаю, опуская свой центр тяжести. Я тяну парня команды противников следом за собой, основной вес его тела сталкивается с моей спиной, по факту лишь увеличивая мой импульс. И когда до нас добегают сейфти, он уже ничего не может поделать, так как для парня его размеров наш с лайменом вес неподъёмен.

В данный момент вес этих парней играет против них, утягивая наземь. В результате я вырываюсь. Один, два, три шага вдоль боковой линии, и я снова лечу, на максимальной скорости к 10-ти ярдовой очковой зоне. Шум топающих ног раздается у меня за спиной. Горячее дыхание ударяет в затылок.

Но к черту эти звуки. Я бегу на полную силу. Мои легкие горят, мышцы молят о передышке, но я не останавливаюсь. Слева ко мне мчится еще один сейфти.

Продолжая бежать, я тянусь назад и хватаю его за ворот футболки. Мы чуть ли не падаем на землю, находясь всего в паре метров от 10-ти очковой зоны. В результате, парень валится на меня, я отпрыгиваю, моя нога задевает его шлем.

Я валюсь, мяч крепко прижат к моему телу, голова повернута почти на 180 градусов. Но я не выпускаю из виду маленький оранжевый конус. Он прямо передо мной. Нужно просто подбросить мяч.

Пыхтя, я переворачиваюсь, падая плашмя так, что мое тело вытягивается, а руки могут двигаться, удерживая мяч крепко. Сверху на меня валятся, похрюкивая, другие парни.

Наши тела ударяются о траву, сотрясаясь до мозга костей. Перед глазами мелькают звезды. Но я уже сделал то, что был должен. Тачдаун. Раздается звук свистка, и руки рефери поднимаются вверх. Рев толпы проносится над полем.

Выигрыш главного матча года несравним ни с чем другим. Шум фанатов оглушителен. Рев посылает вибрации по всему моему телу, вызывая звон в ушах. Летит конфетти, и

энергия восьмидесяти тысячной толпы кричащих зрителей накрывает поле волной, даря мне неистовое возбуждение и заряд сил. Я словно под кайфом, схватываюсь с земли, прыгая и крича по дороге к своим парням.

Моя команда прыгает и ликует вместе со мной. Сильные руки похлопывают по спине, подкладкам формы и голове. Я взмахиваю кулаком в воздухе. Мы, на хрен, это сделали. Черт возьми, мы выиграли. Мы вышли в национальный чемпионат. Моя кожа покалывает от распирающего чувства гордости.

Хаос — вот как можно назвать сейчас состояние на поле. Я едва понимаю, как даю интервью. Знаю лишь, что сказал стандартные заученные фразы о том, как благодарен своей команде, как счастлив выиграть, и о необходимости усердной работы для игры в национальном чемпионате. Все это правда, но мое внимание сейчас рассеяно.

Вокруг меня снуют коллеги по команде, тренеры и другой персонал. Конфетти застряло в волосах, а большие куски разноцветной бумаги щекочат шею, забившись под ворот формы. Я прохожу мимо друзей и доброжелателей. Айви. Где Айви? Мне нужно увидеть ее так же сильно, как сделать следующий вдох.

В море снующих лиц я замечаю Дрю, направляющегося мне навстречу. Я еще раз радостно восклицаю и бросаюсь к нему бегом.

— Черт побери, мужик, — кричу я счастливо, подбегая. — Мы сделали это! Ты можешь в это поверить? — Я разделяю с ним медвежьи объятия, отрывая ноги друга от пола.

Дрю сдавленно смеется, и я отпускаю его, чтобы парень мог вдохнуть. Его улыбка широко расплылась по лицу, но при этом кажется странной и фальшивой.

— Вы задали им жару, Грей-Грей.

Он смолкает. Дерьмо, он расстроен, что не играл с нами на сей раз? Я чувствую себя мудаком. Проводя руками по влажным волосам, я пытаюсь придумать, что же сказать, может, что Дрю скоро сможет снова играть вместе с нами. Его нога быстро заживает. Но друг делает шаг вперед, его выражение лица вдруг становится напряженным.

— Грей... Дерьмо. Айви забрали обратно в гостиницу.

Острые шипы страха вонзаются в мою кожу, а тело напрягается.

— Что? Забрали? Что это значит?

Люди толкают нас. Темная тень камеры маячит сбоку. Но я сфокусирован на Дрю.

Он наклоняется ближе.

— У Айви был выкидыш. Мне очень жаль, мужик.

Эти слова валятся на меня как бетонный блок, разрушая что-то глубоко внутри моей груди. Я не могу пошевелиться. Металлический привкус из неоткуда возникает во рту, земля уходит из-под ног.

— Она в порядке? — Боже, прошу. Вся кровь, кажись, отливает от моей головы к пальцам ног.

— Рейкин с ней.

Рейкин — один из врачей нашей команды. Я напряженно выдыхаю, ощущая себя немного лучше, тогда как Дрю отводит взгляд.

— Когда?

Друг просто качает головой.

— Посреди игры.

Я взрываюсь.

— Почему ты на хуй не сказал мне раньше?

— Ты играл... — Его кулак врезается в мою грудь, когда я бросаюсь на парня. — И я сам узнал об этом пять минут назад. Анна только что написала мне.

— Ах, ага, — восклицает голос позади меня. Через секунду Роландо врезается в нас, отчего мои подплечники ударяются о подбородок. — Вот, о чем я вам говорю! Вуху! — Его усмешка увядает, как только парень замечает наши с Дрю выражения лица. — Что происходит?

Дрю напряженно качает головой.

— Айви.

Это все, что он говорит, но и этого достаточно. Страх вдруг становится еще осязаемее. Меня качает, головокружение и тошнота смешиваются воедино. Прямо сейчас к нам рвутся репортеры. Возможно, они чувствуют запах крови в воде или, быть может, просто хотят услышать отрывки нашего разговора.

Роландо кладет руку мне на плечо.

— Езжай к своей девушке. Мы здесь справимся. — Он разворачивается и отрезает меня от толпы СМИ. — У кого есть вопросы?

Я бросаюсь бегом через толпу, раздвигая людей словно горячее лезвие. К тому времени как достигаю раздевалки, голова пульсирует. Снаряжение падает на пол рядом со мной, когда сбрасываю его. Я уже натягиваю джинсы, когда в помещение входит мой папа. Мне удавалось избегать его весь день, и *именно сейчас* он объявился.

Время и сложная жизнь сделали отца морщинистым и пузатым. Фактически я ничем на него не похож. Он худой и темноволосый, его плечи на четыре дюйма уже моих. Я больше похож на маму и думаю, что иногда это его раздражает. Единственная черта, которую мы с ним разделяем — цвет глаз. Не важно, что он, по сути, дал мне жизнь, каждый раз оказываясь с ним в одной комнате, я тут же хочу сбежать.

— Грей...

— У меня нет на это времени, — выдавливаю я, натягивая кроссовки. Мои пальцы дрожат, когда пытаюсь завязать шнурки.

Папа делает решительный шаг вперед, его лицо покраснело.

— Тебе придется поговорить со мной, черт тебя побери.

— Нет, — восклицаю я. — У меня и правда нет времени.

— Послушай, молодой человек...

— Моя девушка прямо сейчас нуждается во мне.

Я прохожу мимо него. Но папа хватается за меня за руку.

— Ты идешь к тому, чтобы увидеть какой-то кусок...

Я вырываю руку из его захвата.

— Она — женщина, которую я люблю. Так что окажи ей уважение. Она беременна. — Уродливый безудержный звук рвется на свободу. — Или была. Она потеряла малыша. Пока я был на поле...

Матерясь, я разворачиваюсь, направляясь к двери. Через секунду я замечаю, что отец следует за мной.

— Я отвезу тебя, — говорит он мрачно.

— Меня не нужно отвозить.

Но в этот момент я понимаю, что у меня нет машины.

Думаю, отец отлично знает это. Однако он не может сдержаться от ответной колкости.

— Мне пофиг на то, что тебе нужно, сын. Я отвезу тебя. — Он вздыхает, когда

открывает двери на улицу. — Я должен убедиться, что ты доберешься до своей девушки в целости и сохранности. А теперь пошли.



Застрав на пассажирском сидении маленького арендованного отцом авто, я едва ли могу сидеть неподвижно. Мои колени дергаются, корпус раскачивается взад-вперед, словно мои движения могут ускорить эту чертову машину. Мне следует прекратить вести себя так, но я просто не могу. Движение на дорогах вокруг стадиона Супердоум буквально убивает меня. Вернее, меня убивает то, что я вдали от Айви. Как она там?

Торопясь, я забыл телефон в раздевалке. Сейчас же я проклинаю себя за это.

Прижимая пальцы к болезненным векам, я пытаюсь сосредоточиться на собственном дыхании. Мне нужно успокоиться до того, как я потеряю контроль окончательно и в результате пробью ногами днище этой машины.

— Итак, это правда? — скрипучий голос отца прерывает наше молчание. — Ты встречаешься со старшей дочерью Шона Маккензи?

— Айви, — хриплю я. — Ага.

Я не спрашиваю у него, откуда ему об этом известно. Сплетни — болезнь отрасли футбола.

— Милая девочка.

Я бросаю на него недоверчивый взгляд. Но затем качаю головой. Конечно, папа встречался с Айви. Она, кажется, знает всех и каждого в профессиональном спорте. Отец замечает мой взгляд и пожимает плечами.

— Последний раз ее видел, когда она была еще подростком. Но казалось, у нее была голова на плечах. Слишком красивая и остроумная девочка.

Я фыркаю и прижимаю кулак к губам.

— И ты ее любишь?

— Я хочу на ней жениться. — Ему не обязательно было это знать. Но мне хотелось сказать. Потому что ничто не изменит эту истину.

Наконец-то тянучка на дороге рассасывается, и отец выезжает на главную дорогу. Почему-то я невольно тупо смотрю на руки отца. Эти большие руки, которые всегда казались крепче молота, ударяясь о мой затылок, когда папа давал мне подзатыльник за какое-то незначительное нарушение. Сейчас эти же руки кажутся постаревшими, костяшки отекли, а кожа сморщилась от возраста. Тошнота волной проходит через мое тело.

Я откидываюсь назад, глядя в окно.

— Ты не был дома уже очень давно, — говорит папа тихо.

— Я дома, — отвечаю. Когда он не спрашивает ничего в ответ, я бросаю в его сторону взгляд. — Ты и правда думаешь, что я когда-нибудь вернусь?

Его профиль словно из гранита.

— А почему бы и нет?

Мой смех горький и фальшивый.

— Вот в этом-то и загвоздка. Если ты хочешь, чтобы твой ребенок навещал тебя, то не надираешь его чертов зад, когда мальчик еще беззащитное дитя. И не позволяешь его старшим безбашенным братьям избивать его, — сейчас я кричу, мой голос звенит в тишине авто. — И ты не оставляешь его на хрен одного, чтобы заботиться об умирающей матери.

Папа держался стойчески до момента упоминания моей мамы. Но сейчас его взгляд яростно впивается в меня. Красный румянец заливает его обветренные щеки.

— Во-первых, я никогда тебя не бил. Я подталкивал тебя к новым высотам. — В ответ на мои ругательства, он просто смотрит на меня. — И взгляни на себя сейчас. Ты лучший игрок на этой позиции. Черт меня побери, если ты не станешь номером один. Моя дисциплина помогла выковать из тебя чемпиона.

— *Я достиг этих высот* благодаря врожденному таланту и тяжелой работе. А не из-за тебя, Джонатана и Лейфа, которые охотились на меня, когда я делал что-либо неправильно.

Его губы сжимаются вместе. И в течение долгого мгновения папа не говорит ни слова. К счастью для меня.

— Я не знал, насколько жестоки они были с тобой, — произносит он негромко наконец. — Я просто пытался обращаться с тобой правильно. Сделать из тебя выносливого мужчину.

— Ну, что ж, у тебя это превосходно получилось. Вот только теперь не стоит ожидать от меня благодарности. — Я наклоняю голову к окну. Эта поездка когда-нибудь закончится? Моя грудь так напряжена, что сделать вдох становится больно. Прямо сейчас я отказываюсь думать об Айви. Не в этой машине.

И снова папа начинает говорить.

— Мне не следовало позволять тебе иметь дело с Лив.

Скрипя зубами и стараясь не закричать, я выдавливаю следующее относительно спокойным голосом:

— Я не "имел дело" с мамой. Я был там ради нее. Я хотел этого. Просто мне невдомек, почему я был там один и делал все сам. — Что-то встает мне поперек горла, и я пытаюсь прокашляться. — Мне нужна была помощь. А маме была нужна вся ее семья, пап.

Он кивает, сосредоточившись на дороге.

— Я знаю. Я был неправ. — Костяшки его пальцев снова белеют. — Я не мог... Не был достаточно силен. Но ты был. Ты — лучший из нас, Грей.

Его слова оседают камнем в моей душе. Я ничего не отвечаю.

— Я горжусь тобой, сынок.

— Потому что я выиграл игру. — Это не вопрос.

— Нет. Я горжусь тем, что ты мой сын. Тем, что ты стал таким мужчиной. — Он поворачивает за угол, и мы заезжаем на подъездную дорожку отеля. Папа паркует машину на стоянке и только потом смотрит на меня. — И мне жаль слышать о твоей потере.

Мое горло сжимается, и мне едва удастся кивнуть. Айви в этом здании. Вероятно разбитая. И я к слову тоже. Мои ноги налиты свинцом. Глубоко вдыхая, я тянусь к дверной ручке.

— Грей, — обращается папа, когда я уже собираюсь выбраться из авто. Его голубые глаза, такого же цвета как и мои, кажутся покрасневшими. — Я попытаюсь быть лучше.

Я и правда не знаю, что ему на это ответить. Он хочет помочь мне почувствовать себя лучше. Но сейчас я ощущаю лишь онемение. Так что отвечаю, как могу.

— Ладно. Пока.

И потом мои мысли снова обращаются к человеку, которого люблю больше всех на свете.

Мои пальцы холодные как лед, когда захожу в номер Айви. Я просто хочу добраться до нее, но меня так трясет и передергивает. Сердце так гулко стучит, а дыхание столь прерывистое, что, боюсь, могу споткнуться и упасть.

Как только я вхожу, Маккензи и доктор Рейкин поворачиваются ко мне.

— Где она? — выдыхаю я.

— Отдыхает в спальне, — отвечает тихо доктор Рейкин. — Я дал ей немного оцетаминофена от боли.

— Как она?

Боже, пусть с ней просто все будет в порядке.

— Хорошо, насколько это возможно в данной ситуации, Грейсон, — говорит доктор Рейкин. — Спорадические выкидыши — нередкое дело на раннем сроке, но Айви молода и здорова. — Слова, которые я не хочу слышать, но знаю, что есть огромная разница между физическим состоянием и душевным.

— Она разве не должна еще быть в больнице? — давлю я.

Он не встречается со мной взглядом.

— Они и правда ничего больше не могут сделать для нее.

Эта фраза будто кулак ударяет в мое сердце. Но я киваю.

— Просто продолжайте следить, чтобы не было лихорадки или чрезмерного кровотечения. Я сказал тоже самое мисс Маккензи.

— Верно. — Суя трясущиеся руки в карманы джинс и наблюдая за тем, как мужчины покидают комнату, я заставляю себя задать вопрос, который так сильно меня пугает. — А... Это могло случиться из-за... — Мое горло сжимается, а зрение затуманивается. Я несколько раз моргаю. — Мы занимались сексом. Сегодня. И... — Дерьмо. Я собираюсь выпалить это Прямо при отце Айви. Он, должно быть, меня охуенно ненавидит. Я сам себя ненавижу.

Но Рейкин качает головой, его выражение лица почти жалостливое.

— Нет, сынок. Выбрось это из головы. Когда беременность прерывается таким образом, то это чаще всего из-за хромосомной аномалии плода.

Логичная сторона меня понимает это. Но я не могу перестать думать о том, как навалился на Айви. Трахая ее жестко и быстро, словно ебанный ублюдок. Глаза пекут и покалывают. Я прерывисто втягиваю воздух.

— Ладно. Верно. — Не знаю, куда мне смотреть. — Спасибо. Что были с ней.

— Нет проблем, — отвечает доктор Рейкен. — Я слышал о вашем выигрыше. Хорошая работа, Грей.

Я не могу прямо сейчас думать о победе. Айви лежит в соседней комнате. Ожидая. Я на хрен чертов слабак и вот-вот готов заорать. Чувство потери гнетет меня изнутри. Я не знаю, что делась сейчас с этой эмоцией или как с ней хотя бы справиться. Рейкин говорит что-то о том, чтобы Айви сходила к своему гинекологу, когда вернется домой. Я киваю, но мой взгляд нацелен на Маккензи. Все это время он молчит.

Сейчас он смотрит на меня, эти густые темные брови изгибаются над глазами. Я хочу извиниться перед ним. Но он заговаривает первым.

— Мне жаль, сынок. — Он подходит ко мне ближе, и я резко втягиваю воздух через нос. Его большая рука опускается мне на плечо. — Мне правда жаль.

— Ага, — хриплю я. — Мне тоже.

Я обращаю внимание на закрытые двери спальни и направляюсь к ним, но останавливаюсь и оглядываюсь на Маккензи.

— Я знаю, вы отец Айви, но никогда не скрывайте от меня нечто подобное.

Он понимает, о чем я говорю. Я позволяю ему увидеть мою ярость и страх, которые почувствовал, когда узнал о случившемся с Айви и том, что я не был с ней в тот момент.

Маккензи напряженно кивает мне.

— Больше никогда.



Открыть дверь так сложно. Я не хочу, чтобы Айви увидела меня в слезах. Мне нужно быть сильным ради нее. И тем не менее, невидимая рука то сжимает, то отпускает мое горло. Я еще раз глубоко вдыхаю и захожу в спальню.

Айви лежит посередине кровати, свернувшись калачиком и обнимая подушку. Она одета в одну из моих командных футболок. Сейчас она кажется такой хрупкой и сломленной, а ее огромные карие глаза четко выделяются на бледном овале лица. Мое сердце обливается кровью из-за нее, а физическая боль настолько пронзает тело, что я вынужден прислониться к дверному косяку.

Айви встречается со мной взглядом, и ее нижняя губа дрожит. Думаю, моя тоже.

— Привет, — шепчу я.

— Привет, — выдыхает она. И затем раздражается горькими слезами.

Во мгновение ока я подлетаю к ней, сбрасывая обувь на ходу. Мои джинсы слетают следом. И только тогда я замечаю, что рядом с Айви сидит Фи. Она поднимается и оставляет нас, когда я располагаюсь на кровати рядом с Айви. Не останавливаясь ни на миг, я отбрасываю подушку в сторону и проскальзываю рядом с моей девочкой. Сейчас я могу служить ей подушкой. Мои ноги сплетаются с ее. Так осторожно, как только могу, я обнимаю Айви и усаживаю себе на колени, подтягивая одеяло выше и укутывая нас в него.

Я качаю ее, пока она плачет, а мое лицо зарыто в изгибе ее шеи так, что ей самой не видно моих собственных слез. В таком положении я не сразу понимаю, что она говорит: "Мне жаль" раз за разом. Мои руки дрожат, когда поглаживаю ее по спине, пытаюсь успокоить.

Когда она немного расслабляется, я откидываюсь вместе с ней на изголовье кровати.

— Почему ты извиняешься?

Большие глаза Айви встречаются с моими.

— Это моя вина.

Я убираю пряди ее волос со лба.

— В чем твоя вина?

— Грей... — ее кулак сжимает мою футболку. — Я... — Она снова начинает плакать, слезы тихо катятся по ее щекам. — Когда я обнаружила, что беременна, то не хотела этого. Я боялась и злилась. Что если...? Я думала о тех ужасных вещах...

С ее губ срывается всхлип.

Я притягиваю ее ближе.

— Ты, черт возьми, человек. Вот и все. Не по твоей вине это случилось. Просто это было неправильное время, сладкая.

Но она меня не слушает.

— И затем я его потеряла... И ощущаю себя такой виноватой. Мне так... грустно. И больно, Грей.

— Я знаю. — Я прижимаю ее голову к своей груди. — Я знаю.

— Я не хотела, чтобы так случилось. Не важно, что я думала, я не хотела этого. — Она кажется такой сломленной, что это меня убивает.

— Мне жаль, — говорю я. — Мне следовало быть рядом. Я должен был быть здесь.

— Ты играл, — ее голос тише шепота напротив моей кожи. Вина. — Я попросила их не говорить тебе до конца игры.

— Ага, — говорю я, пытаюсь скрыть свое расстройство, потому что если буду думать об этом, то непременно огорчусь еще сильнее. — Думаю, мы можем обсудить это чуть позже.

Айви кивает, прижимаясь ко мне сильнее. Я тянусь мимо нее и хватаю коробку с одноразовыми салфетками, которую кто-то оставил на краю кровати. Айви высмаркивается, а затем снова садится мне на колени.

Долгое время мы ничего не говорим. Мое левое бедро занемело, а футболка влажная от ее слез. Но я не шевелюсь.

— Я тут думал. Обо всем этом. Моя мама умерла медленной и болезненной смертью. — Я выдыхаю, ослабляя напряжение в груди. — Дрю потерял своих родителей на следующую ночь. И правда в том, что жизнь несет тебя то вниз, то вверх, независимо от твоих действий. Все эти годы, я пытался установить над ней контроль, не заботясь ни о чем. И что за жизнь я получил?

Пальцы Айви переплетаются с моими, когда она переносит свой основной вес на мое тело, опираясь на меня для поддержки. Я рад быть сильным для нее, рад, что мое тело может быть использовано не только для секса или футбола. Что оно может утешить и поддержать ее, защитить.

— Плохие вещи происходят, Мак, — шепчу я. — И это? Это разрывает мое сердце на куски. — Айви вздрагивает, тихо шмыгая носом. Я крепче обнимаю ее, стараясь не сдавить ее тело слишком сильно, а затем прижимаю губы к ее макушке. — Мне больно из-за случившегося с тобой. И со мной. С... Дерьмо.

Сдавленный звук срывается с моих уст. И затем Айви сильнее обнимает меня, прижимаясь щекой к моему плечу.

— Грей...

— Я знаю, сладкая. Знаю. Черт, я просто не могу сказать это правильно. — Я осторожно накрываю ладонью ее щеку, наклоняя ее голову назад так, чтобы наши взгляды встретились. Ее темные глаза полны слез, и это пронзает меня, словно копье, еще раз. Мой большой палец скользит по ее влажной коже. — Мы не можем контролировать плохие вещи, Айви. Но можем быть рядом друг с другом, когда они происходят. И это ли не хорошо? Важнее всего то, что я могу разделить с тобой хорошие события.

Слезы катятся по щекам Айви, когда она притягивает меня к себе.

— Кексик. — Ее губы находят мои. И я не хочу говорить больше ни слова. Я не желаю больше думать. Просто хочу целовать и обнимать ее. Всегда.



На следующее утро мы возвращаемся домой. Грей не покидает меня ни на минуту. Порхает рядом в течение следующих трех дней. Он обнимает меня, когда плачу и когда не плачу. Возит к врачу на осмотр, а затем забирает домой. Готовит томатный крем-суп и сендвич с жаренным сыром, потому что как-то я рассказала ему, что очень любила это блюдо в детстве. А когда я хочу посмотреть фильм, он загружает всю коллекцию Джона Хьюза.

Этим утром я убедила его, что буду в порядке, если он оставит меня на какое-то время. Так что у него появилось больше времени на тренировки с командой и начало подготовки к Национальному чемпионату.

Когда он возвращается домой, на улице уже вечер, а я танцую в гостиной под песню "*Почему я не могу быть тобой?*". Перекошенная улыбка украшает его лицо, когда я замираю на месте, прерывисто дыша. Краснея, я провожу рукой по потным волосам.

— Привет. Тебе нравится группа The Cure?

— Я не слышал их музыку до сегодняшнего дня, — отвечает Грей, опуская свою спортивную сумку на пол. — Похоже на ту музыку, что любит слушать Анна. Ей нравятся вещи в стиле Сьюки и Банши.

— О, они тоже клевые. Я как-то отыскала много их винтажных записей в Лондоне. У мамы был проигрыватель... — Я дергаю подол своей футболки. — Я не могла усесться на месте. Захотелось потанцевать. — Не знаю, почему я объясняюсь. Я же не сделала ничего неправильного, хотя и кажется так.

Вот только эта его улыбка все еще на месте.

— Я вижу. Так что не стесняйся и продолжай. — Он прислоняется плечом к стене и игриво приподымает брови, ободряя меня.

Фыркая смехом, я выключаю музыку.

— Почему мне кажется, будто тебе нравится наблюдать за тем, как я танцую? Это ведь не потому, что мои танцы настолько превосходны?

Правда в том, что мне *известно*, я танцую не так уж хорошо. Однако, несмотря на это, мне нравится танцевать, так что плевать, как это выглядит со стороны.

Его улыбка становится шире.

— Нет, это потому что ты милая, как маленький жучок.

Медленно он приближается ко мне. Его тело такое теплое и пахнет мылом. Я мурлычу от удовольствия, когда Грей притягивает меня ближе и оставляет нежные поцелуи у меня на лице.

— Я рад, что тебе захотелось потанцевать, Айви Мак.

Обнимая меня за талию, он ведет нас к дивану, при этом тыкаясь носом в мои волосы.

— Здорово, что ты позволяешь себе снова почувствовать счастье.

Я знаю, он прав. Иногда его слова позволяют мне быть вольной и расслабиться.

Мы садимся, Грей опускает ноги на журнальный столик, а я прижимаюсь к его груди. Его рука ложится мне на бедро, и я замечаю, что все его пальцы обмотаны пластырем. На

обеих руках.

— Что случилось? — Встревоженная, я поднимаю одну его руку. — Ты подрался с кем-то?

— Не-а, — отвечает он легкомысленно. — Ничего подобного. — Грей немного ерзает на месте и начинает снимать пластырь с пальцев левой руки. — Сделал кое-что сегодня рано утром.

Его кожа под пластырем немного покраснела и отекла, но не это бросается мне в глаза. На четырех его пальцах я вижу тату в виде цифр.

— Один-один-восемь-четыре, — читаю я вслух.

— Ага. — Грей снимает оставшийся пластырь. А затем вытягивает руку перед нами, его пальцы растопырены, и выставлены на обозрение еще четыре цифры — один-два-один-ноль. Секундой спустя он опускает ладонь обратно на мою ногу. — Я хотел еще одну татуировку. Как вариант, размышлял о нанесении пары дружественных чисел. Но после событий в Новом Орлеане, я наконец-то знал, что это будет.

— Я даже не в курсе, что такое дружественные числа, — отвечаю я.

— Ну вот как эти. Сумма всех собственных делителей 1184 равна 1210 и наоборот. Это словно одно число близкий друг второго. — Его голубые глаза глядят на меня. — Как ты и я.

Я начинаю улыбаться, а затем сажусь ровнее.

— Постой, хочешь сказать, это тату о нас с тобой?

— Конечно. Ты вероятно не помнишь, но мой номер в отеле в Новом Орлеане был 1184. А твой — 1210.

Потрясение и удивление накрывают меня.

— Твоя тату об этом.

— Ага, — говорит он тихо, потому что четко понимает, что у меня на уме были другие мысли. — Но я не поэтому сделал эти тату. Это просто образ. — Большой палец Грея поглаживает костяшки моих пальцев.

Тепло приливает к груди.

— Грей. Это... — Я наклоняюсь и целую его мягкие губы. — Идеально.

Его пальцы едва касаются моей щеки, когда он целует меня в ответ.

— Дело в том, что для меня, Айви, это абсолютная истина. Сумма моего существования равна тебе.

И вдруг я хочу тоже вытатуировать эти цифры на своей коже. Мое зрение затуманивается, когда крепче обнимаю его и накрываю уста своими, шепча его имя напротив его губ.

Любовь. Я была окружена ею всю свою жизнь. Я знаю, что мне повезло с этим. И тем не менее это была любовь не того рода, ее скорее можно назвать любовью внутри семьи. Но то, что я чувствую к Грею? Это не семейная дружеская любовь. Это настолько интенсивное и огромное чувство, что временами я опасаясь, будто моя душа может не выдержать это.

Я углубляю поцелуй, обвивая руками его шею и притягивая ближе. Каждый раз, когда целую Грея, хочу большего. Хочу прижать его к себе и не отпускать. Держать в безопасности. Защитить. Сделать частью самой себя.

Грей накрывает ладонями мои щеки, его руки скользят по моему подбородку, пальцы поглаживают голову. Рядом с его огромными размерами, я чувствую себя такой маленькой и хрупкой, а от его слов и поведения внутри меня неведомо откуда появляются сила и ощущение непобедимости, даже несмотря на то, что мое сердце все еще разбито надвое от

потери.

Он целует меня в ответ. Не неистово, а медленно, уверенно и трепетно. Словно у нас есть все время мира, чтобы исследовать друг друга. Словно он может жить вот так вечно, обнимая меня и пробуя вкус моих губ.

— Я люблю тебя, — говорю я напротив его рта. Потому что ему следует это слышать. Каждый день.

Грей фыркает, прокладывая дорожку из поцелуев к моей щеке. Он прикасается губами к моим закрытым векам. Легонечко. Осторожно.

— Я люблю тебя больше, Мак.

— Это невозможно. — Я отодвигаюсь, чтобы взглянуть на него. Глаза Грея немного покраснели и отекли. Он давно не спал нормально, а все его внимание сосредоточено на мне. Я думаю о том, когда он плакал из-за меня, пытаюсь скрыть сей факт, прижимаясь лицом к моим волосам. Я замечала это, но была слишком душевно разбита, чтобы хоть что-то с этим поделать.

Нежность заполняет пустоту в моей груди, когда провожу пальцами по его золотистой брови.

— Эй, — шепчу я. — С нами все будет в порядке.

Потому что теперь я знаю это. Правда в том, что я знала это в ту секунду, как он вошел в гостиничный номер после случившегося выкидыша, все его внимание было приковано ко мне. В тот миг я ощутила его присутствие словно недостающий кусочек себя самой — тот, наличие которого я никогда не осознавала до этого. И были неважны ни боль, ни потеря, что я ощущала, Грей сделал все это терпимым.

Его веки прикрываются в ответ на мое прикосновение.

— Конечно, с нами все будет в порядке.

В его голосе нет ни тени сомнения.

Я нежно целую его. Любя его губы и рот. Любя то, какие ощущения это дарит мне.

И Грей вздыхает. Он расслабляется и держит меня в объятиях настолько твердо, что кажется, никогда не отпустит.

Любовь. Эта дикая штука струится по моим венам, вынуждая сердце биться быстрее. В свои двадцать два года с каждым новым ударом сердца я знаю, что люблю этого мужчину. Он — моя скала. Мой любовник. Лучший друг.

— Грей?

— Хम्म?

С закрытыми глазами он медленно водит пальцами вверх и вниз по моей спине.

— Хочу кое-что у тебя спросить. — Несмотря на позитивный тон моего голоса, бабочки порхают в животе.

— Выкладывай, сладкая.

— Ты женишься на мне?

Его глаза резко открываются, а большое тело вытягивается и неподвижно замирает. Под золотыми ресницами его голубые глаза прищуриваются, когда Грей переспрашивает:

— Что? — это слово больше похоже на карканье.

Мое сердце все еще болит от горя. Но я тянусь к счастью изо всех сил. Потому что брак с Греем больше не кажется столь безумным. Теперь это звучит правильно.

Так что я улыбаюсь и спрашиваю снова, используя его же слова.

— Грей Грейсон, я хочу выйти за тебя замуж. Я хочу, чтобы ты стал моей семьей. А я

твоей. — Я поднимаю на него взгляд, полный надежды, страха и тоски, которые он однажды показал мне. — Скажи "да"?

Медленно на его лице расплывается широкая улыбка.

— Святое дерьмо, ты это серьезно.

— Конечно, серьезно!

В следующую секунду Грей валит меня на спину. Нависая надо мной, он улыбается и выглядит таким счастливым, что, боюсь, я вот-вот расплачусь.

— Ты собираешься надеть кольцо мне на палец, Мак?

— Дай подумать, ты хочешь большой, броский перстень для мужчин, покрытый бриллиантами.

Его грудь дрожит от смеха.

— О, я заработаю один из таких перстней в скором времени, сладенькая.

Я даже не сомневаюсь в этом.

— Тебе пойдет носить кольцо Супер Кубка.

— Ммм, — соглашается он, тыкаясь носом в мое ухо. — Не сбивай меня с мысли, Айви Мак. Я хочу кольцо. Платиновое. Широкое и ровное. Как вариант, на нем может быть гравировка.

Я смеюсь.

— Раскомандовался?

— Просто знай, чего хочу. — Он поднимает голову, встречаясь со мной взглядом. Его улыбка такая горько-сладкая и широкая. — А хочу я тебя, если ты не поняла с первого раза.

Я пропускаю пальцы через его густые волосы.

— Меня и кольцо. Все предельно ясно.

— Тогда, да, Айви Джейн Маккензи, — говорит он охрипшим голосом, — я женюсь на тебе.

Усмехаясь, как придурки, мы смотрим друг на друга в течение довольно длительного времени, а затем Грей целует меня. И я немного теряю рассудок.

Развалившись на диване, мы целуемся и разговариваем, ласкаем друг друга и в конце концов просто лениво молчим. Я голодна и уверена, что Грей тоже. Вероятно, нам следует что-то приготовить поесть. Но он продолжает сидеть рядом со мной, и я тоже не хочу шевелиться.

— Ты выиграл, — говорю я, думая о его игре в плей-офф. — А я так тебя и не поздравила.

Обнимая меня со спины, он перемещает руку с моего живота к груди. Это не сексуальный жест, а скорее дружеский.

— Выиграл. И спасибо.

Кажется, он говорит не об игре. Я улыбаюсь и опускаю руку на его предплечье, поглаживая шелковистую кожу.

— Я горжусь тобой, Кексик.

Грей пододвигается ближе, и его губы прижимаются к моей макушке. Когда он начинает говорить, его голос тихий и нежный.

— И эти твои слова делают мою победу реально стоящей.

Два года спустя...



GrayG: Большой папочка приземлился. Сегодня на вечер запланированы какие-то приключения?

Глядя на сообщение, я фыркаю, но не могу удержаться от улыбки. Большой палец висит над экраном телефона, когда слышится женский голос из динамиков, сообщая о прибытии рейса Грея из Нью-Йорка.

IvyMac: Не будет никаких приключений, ты же сам сказал, "Большой папочка" вступает в игру. Это твой личный фол. 15-ти ярдовое пенальти. Не промахнись и заработай свой приз.

GrayG: Ой, но, детка...

IvyMac: НЕ-А.

GrayG: Проясни ситуацию, отбросив все разумные и технически верные термины. Не промахнуться и заработать приз — это ли не наше сегодняшнее приключение?

Смеясь, я откидываюсь на спинку уродливого пластикового кресла аэропорта и отвечаю.

IvyMac: Ночь напролет, Кексик. Не могу дождаться, чтобы попробовать твою глазурь.

Проходит пара секунд и затем:

GrayG: Мак, ты прислала мне пошлую смску. Я аж расплакался от гордости за тебя. А еще у меня эрекция. Думаю, старушка, сидящая рядом, смотрит прямо на нее.

IvyMac: Смешно.

GrayG: Я буду мстить. Уже выхожу.

Убирая телефон в карман, я встаю на ноги. Вокруг меня нескончаемые толпы народа снуют туда-сюда, все они направляются куда-то или едут домой. Большую часть своей жизни я была той, кто уезжает и возвращается, дрейфует, даже не осознавая этого. Сейчас я в Калифорнии, держу оборону нашего гнездышка. Мы с Греем живем здесь с тех пор, как он стал играть в команде Сан-Франциско Фоти Найнтс.

Мне нравится побережье Северной Калифорнии. Дикое и суровое, с холодной погодой и туманами, напоминающими мне об Англии. Грею же не нравится сырость, но он обожает супы и считает это место идеальным для их поедания. Кто я, чтобы спорить, учитывая то,

что он сам их и готовит?

Мне же просто нравится жить вместе с Греем. Несмотря на то, что это место не очень близко к стадиону, мы поселились в таунхаусе в районе Пасифик Хайтс, Сан-Франциско. Я люблю это место. К моему удивлению, именно Грей получил больше всего удовольствия от прочесывания блошиных рынков и антикварных магазинчиков, в поисках винтажной мебели для нашего дома. Фи помогла нам с дизайном, и после долгих споров Грея и моей сестры о том, лучше ли Эмес или Нолл, я перестала вникать в этот вопрос и тем самым сохранила свой рассудок в здравии.

Мое внимание снова обращается к воротам прибытия. Неподалеку одна голова с золотистыми волосами раскачивается поверх всех других. Мои щеки болят от широкой усмешки. Грей медленно появляется в поле моего зрения. Его взгляд встречается с моим. Как всегда, мне резко начинает не хватать воздуха, радость и ожидание пузырятся по моим венам.

Я практически танцую на месте, наблюдая за тем, как он идет ко мне, улыбаясь так же широко, как и я. Он ускоряет шаг, практически мчась ко мне бегом. Эти длинные ноги сокращают расстояние между нами.

А затем его большие руки оборачиваются вокруг моей шеи, притягивая мое онемевшее тело ближе.

— Айви Мак, — шепчет он за секунду до того, как целует меня. И я потеряна. Жар распространяется по моей коже, а сердце стучит, ликуя. Я жадно целую его в ответ, а затем беру инициативу на себя, пробуя его вкус и посасывая нижнюю губу Грея. Его запах, тепло, сила большого тела, весь он, виновник моего состояния. Я чувствую, что живу на полную, находясь рядом с ним.

— Кексик, — говорю я, когда мы отстраняемся. — Я скучала по тебе.

Мы были вдаль в течение одной долгой недели, но я всегда скучаю по Грею, когда он не рядом. Я бы поехала с ним, но прямо сейчас я не в состоянии для перелетов.

В уголках его глаз появляются морщинки, когда он смотрит на меня сверху вниз.

— Я тоже по тебе скучал, миссис Грейсон.

— Как там Анна и Дрю? — спрашиваю я между поцелуями, что он продолжает оставлять на моих губах. Прошлой ночью Грей звонил, чтобы рассказать о том, как Дрю сыграл лучшую игру в его карьере. С тех пор, как я стала его соагентом, я узнаю о подобных вещах посредством конференц-связи от его генерального менеджера еще до конца игры. СМИ сходят с ума от одного его появления, называя парня Восставшим из мертвых. Сейчас его нога полностью зажила, и он снова в хорошей форме.

— Я так горжусь им, — говорит Грей, прижимая губы к изгибу моей шеи. Он глубоко вдыхает. — Ммм, ты пахнешь фантастически, Мак. Ты что-то пекла сегодня?

— Полный поднос теплых донатов для удовлетворенного Грея ожидает тебя дома.

— Люблю, когда ты пошлашь. — Он усмехается мне. — Как все прошло с Митчеллом?

Брайан Митчелл стал самым сексуальным молодым квотербеком Стенфорда, который в этом году вышел в профессиональную лигу. Я встречалась с ним, чтобы обсудить его будущее в NFL. И на данный момент могу сказать, что быть женщиной и спортивным агентом — дело не из простых, но я двигаюсь вперед, узнаю много от папы и завожу знакомства по ходу дела. Мне до чертиков нравится моя работа.

— Он кажется заинтересованным, — говорю я. — Ну, ему нравится то, что я запланировала.

— Так и должно было быть, — говорит Грей с неизменной уверенностью во мне.

— Я убедила его в том, что папа тоже будет в деле. — Когда Грей хмурится, я сердито гляжу на него. — Мы с папой партнеры, в конце концов.

И на удивление, мы — первоклассная команда. Папа занимается в основном заключением контрактов и их согласованием, пока я имею дело с планированием карьеры и обеспечением игроков — и это по факту означает, что я приглаживаю их торчащие перышки и стараюсь держать их лица, глядящими вперед.

— Пока что, — бормочет Грей. — Тебе не следует концентрироваться на этом дерьме. Ты — бомба, миссис Грейсон.

Улыбаясь, я качаю головой.

— Ты не можешь винить его в сверхопеке при данных обстоятельствах. И это было уступкой с моей стороны. Той, которую я сделала с удовольствием.

Сердитый взгляд Грея блекнет, когда он смотрит на меня. Не заботясь о снующих мимо нас людях, он опускается на колени и накрывает ладонями мой живот. Хотя я похожа на раздутый ветром парус, на фоне его больших рук мой живот кажется маленьким. Мягкая улыбка украшает его лицо, когда он наклоняется вперед, чтобы поцеловать мой живот.

— И как там мой малыш Джи? Ты вел себя хорошо с мамочкой?

Мой живот вибрирует, когда малыш Джи пинается ножками. Грей смеется и еще раз целует тоже самое место.

— Ага, папочка дома. Мир снова спасен.

Я успокаивающе провожу рукой по своему боку. На восьмом с половиной месяце беременности я готова к тому, чтобы этот маленький мальчик появился на свет божий. Фи назвала нас сумасшедшими, когда мы решили завести ребенка столь скоро. Но что-то с нами случилось после выкидыша. Семя потребности было посеяно. Так что да, мы оба просто начинаем свои карьеры, но в тоже самое время хотим завести семью. И так как мы решили жить той жизнью, которой хотим, то когда мы захотели ребенка, приняли решение больше не ждать.

Это наверняка будет непросто. Но мы справимся.

— Ты не замечал, что этот маленький чувак, пинается ногой тебе в лицо, каждый раз, как ты оказываешься рядом со мной? — спрашиваю я, улыбаясь Грею, который продолжает разговаривать с малышом в моем животе.

— Ты просто ревнуешь, что он реагирует на мой голос, — отвечает счастливо Грей.

— Он реагирует, потому что твой голос слишком громкий, — возражаю я, дразня его.

— Я здесь не один такой. Ты бы слышала себя, когда ты...

Я заканчиваю эту реплику, прикрывая рукой его рот. Усмехаясь, как идиот, Грей встает на ноги. Люди начинают глядеть на него, узнавая. Уверена, что несколько камер на телефонах щелкнули в тот момент, как он целовал мой живот. Такова цена славы. Но Грея это не волнует. Он просто хватает свою спортивную сумку и берет меня за руку.

— Дядя Дрю подарил нам маленький шлем для малыша Джи. — Грей адресует эти слова моему животу, пока мы идем к выходу из аэропорта. — Я сказал ему, что мы станем использовать его для тренировок по писанию стоя.

— Ты осознаешь, что я практически выросла в Нью-Йорке, и это шлем моей домашней команды?

Он останавливается и кривит лицо от возмущения.

— Закрой рот, Мак. Наш малыш может услышать тебя.

Я закатываю глаза.

— Неважно, слышал ли он это. Потому что наша любимая команда всегда будет та, в которой играешь ты.

Свет вспыхивает в глазах Грея, и он с нежностью улыбается. Его большая сумка с шумом падает на пол. И мелкая дрожь пробегает по моей коже, когда он накрывает мои щеки своими ладонями. Его губы встречаются с моими, поцелуй настолько нежный, что моя грудь сжимается, но внутри разгорается пламя. Обещание скорого будущего. И когда Грей отстраняется, его голос звучит хрипло.

— Отвези меня домой, Мак. И мы сможем осуществить запланированные на сегодня приключения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net